

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

Июль — Август

1989

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ ● ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные процессы сегодня

Дискуссии и обсуждения

- М. В. Крюков (Москва). Читая Ленина (размышления этнографа о проблемах теории нации) 5
- А. И. Кузнецов (Москва). О соотношении понятий «общество» и «этническая общность» 19
- Л. С. Перепелкин, О. И. Шкаратан (Москва). Экономический суверенитет республик и пути развития народов (теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни) 32
- Отклики на статью В. А. Тишкова «О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР» (Ю. В. Бромлей; В. И. Козлов; М. В. Крюков; Н. Е. Руденский — Москва) 49

Статьи

- Ф. Д. Люшкевич (Ленинград). Традиция межсемейных связей узбекско-таджикского населения Средней Азии (к проблеме бытования *калыма* и других патриархальных обычаев) 58
- Я. Н. Нерсесов (Москва). Древнее земледелие Юго-Запада США 69

Из истории науки

- Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин (Казань). К столетию кафедры этнографии в Казанском университете 78

Сообщения

- Т. Г. Иванова (Ленинград). Новые материалы к биографии М. Д. Криволеновой (к 65-летию со дня смерти сказительницы) 84
- Б. В. Горбунов (Рязань). Народные виды спортивной борьбы как элемент традиционной культуры русских (XIX — начало XX в.) 90
- Р. Ф. Воронина (Москва). Женские головные уборы окских финнов V—VII вв. (по материалам Никитинского могильника) 102
- А. Булатов (Махачкала). Исторические корни некоторых этнографических сюжетов в Дагестане 108
- З. К. Тарланов (Петрозаводск). Лексико-топонимические данные к этногенезу восточнолезгинских народов 113

Наши юбиляры

- Список основных работ доктора исторических наук Э. Л. Нитобурга (к 40-летию научной деятельности) 121

Научная жизнь

Р. Ш. Джарылгасинова (Москва). Международная конференция ученых, изучающих Корею.	125
В. К. Малькова (Москва). Всесоюзная научно-практическая конференция социологов «Пути совершенствования социалистического образа жизни в условиях перестройки и революционного обновления советского общества».	128
Б. В. Андрианов, О. Б. Наумова, Г. Л. Хить, Л. Т. Яблонский (Москва). Всесоюзная научная конференция «Проблема этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана».	131
И. Г. Киселева (Ленинград). Симпозиум «Этнографическая наука и этнокультурные процессы: формы и методы взаимодействия».	141
А. Л. Топорков (Ленинград). Симпозиум «Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора».	143
В. П. Гожева, Е. Я. Тимофеева (Ленинград). Выставка «Новые этнографические поступления».	145
К. В. Чистов (Ленинград). К 100-летию со дня рождения М. К. Азадовского.	148
Коротко об экспедициях.	151

Критика и библиография

Общая этнография

М. Л. Бутовская (Москва). <i>The Evolution of Human Behavior: Primate Models</i> .	153
Ю. И. Семенов (Москва). В. А. Шнирельман. Возникновение производящего хозяйства.	156

Народы СССР

Г. Р. Столярова (Казань). А. А. Сусоколов. Межнациональные браки в СССР.	160
М. М. Громыко (Москва). Л. Н. Чижикова. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX—XX в.).	162
Л. Н. Пушкарев (Москва). Н. И. Миронец. Революционная поэзия Октября и гражданской войны как исторический источник.	165
В. М. Шамиладзе, Н. В. Мгеладзе (Тбилиси). М. А. Меретуков. Семья и брак у адыгских народов (XIX — 70-е годы XX в.).	166
М. Ф. Пилипенко (Минск). А. С. Фядосік. Белорусская савецкая фалькларыстыка	168

Народы Зарубежной Европы

М. Ц. Арзаканян (Москва). В. П. Смирнов. Франция: страна, люди, традиции	171
--	-----

Евгения Николаевна Студенецкая	173
--------------------------------	-----

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. (главный редактор),
 В. П. Алексеев — акад., С. А. Арутюнов, С. И. Брук,
 Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева, Т. А. Жданко,
 Р. Н. Исагилова, Р. Ф. Итс, Г. Е. Марков, Р. М. Мунчаев, А. И. Першиц,
 Н. С. Полищук (зам. главн. редактора), П. И. Пучков, Ю. И. Семенов,
 В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
 телефоны: 126-94-91, 123-90-97

CONTENTS

National Processes Today

Discussions

M. V. Kriukov (Moscow). Reading Lenin (An Anthropologist Reflects on the Theory of Nations). *A. I. Kuznetsov* (Moscow). On the Correlation between the Concepts of Society and Ethnic Community. *L. S. Perep'olkin, O. I. Shkaratan* (Moscow). Republican Economic Sovereignty and Ways of National Evolution (Traditions of Centralism: Theoretical Argument about Practical Problems). Discussing *V. A. Tishkov's* Article «On the Concept of Perestroika of Interethnic Relations in the USSR» (*Yu. V. Bromley, V. I. Kozlov, M. V. Kriukov, N. Ye. Rudensky* — Moscow).

Articles

F. D. L'ushkevich (Leningrad). Tradition of Interfamily Links among the Uzbeks and Tadzhiks of Central Asia (About the Occurrence of Kalim (Bride-Money) and Other Patriarchal Customs). *Ya. N. Nersesov* (Moscow). Ancient Agriculture in the South-West of the USA.

From the History of Ethnography

Ye. P. Busygin, N. V. Zorin (Kazan'). The Centenary of the Chair of Ethnography in the University of Kazan'.

Communications

T. G. Ivanova (Leningrad). New Data about the Life of *M. D. Krivopolenova* (To the 65th Anniversary of the Narrator's Death). *B. V. Gorbunov* (Riazan'). Folk Wrestling as an Element of Russian Traditional Culture (XIX — Early XX c.). *R. F. Voronina* (Moscow). Female Headgears of the Oka Finns Dated by V—VII c. from the Nikitinsky Burial Ground. *A. Bulatov* (Makhachkala). Historical Sources of Some Ethnographic Plots in Daghestan. *Z. K. Tarlanov* (Petrozavodsk). Lexico-Toponymic Data on the Ethnogenesis of Eastern Lezghins.

Our Anniversaries

List of Major Works by *E. L. Nitoburg*, Doctor of Historical Sciences (to the 40th Anniversary of His Scholarly Activity).

Academic Life

R. Sh. Dzharylgasimova (Moscow). An International Conference of Students of Korea. *V. K. Mal'kova* (Moscow). An All-Union Sociological Conference «Ways of Improving Socialist Mode of Life under Perestroika». *B. V. Andrianov, O. B. Naumova, G. L. Khil', L. T. Yablonsky* (Moscow). An All-Union Conference «Problems of Ethnogenesis and Ethnic History of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan». *I. G. Kisel'ova* (Leningrad). A Symposium «Ethnographic Culture and Ethno-Cultural Processes: Forms and Methods of Interaction». *A. L. Toporkov* (Leningrad). A Symposium «Ethnolinguistics of Text: Semiotics of Small Folklore Forms». *V. P. Gozheva, Ye. Ya. Timofeyeva* (Leningrad). An Exhibition of New Ethnographic Acquisitions. *K. V. Chistov* (Leningrad). Celebrating *M. K. Azadovsky's* Centenary. Expeditions in Brief

Criticism and Bibliography

General Ethnography. *M. L. Butovskaya* (Moscow). The Evolution of Human Behavior: Primate Models (in English). *Yu. I. Sem'onov* (Moscow). *V. A. Shnirel'man*. The Rise of Food-Producing Economy. Peoples of the USSR. *G. R. Stol'arova* (Kazan'). Interethnic Marriage in the USSR. *M. M. Gromyko* (Moscow). *L. N. Chizhikova*. Russian—Ukrainian Border Area: History and Destination of Traditional Culture (XIX—XX c.). *L. N. Pushkarev* (Moscow). *N. I. Mironets*. Revolutionary Poetry of the October Revolution and the Civil War as a Historical Source. *V. M. Shamiladze, N. V. Mgeladze* (Tbilisi). *M. A. Meretukov*. Family and Marriage among the Adyg Peoples (XIX c.—1970s). *M. F. Pilipenko* (Minsk). *A. S. Fedosik*. Soviet Byelorussian Folklore Studies (in Byelorussian). Peoples of Non-Soviet Europe. *M. Ts. Arzakan'an* (Moscow). *V. P. Smirnov*. France: Land, People, Traditions.

In Memoriam *Yevgenia Nikolayevna Studenetskaya*.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Журнал «Советская этнография» — единственное общесоюзное периодическое издание, рассматривающее широкий круг проблем этнографической науки: от происхождения народов мира и самых разных сторон истории культуры до этнических процессов в современном мире.

Особое внимание уделяется «белым пятнам» в отечественной этнографии (с № 1 1990 г. мы намерены публиковать воспоминания этнографов, волею обстоятельств надолго вычеркнутых из жизни, а также исследования о них) и межнациональным отношениям в нашей стране, которые по существу в недавние времена принадлежали к зонам, закрытым для свободного обсуждения. В журнале открыта рубрика «Национальные процессы сегодня», где публикуются отчеты о круглых столах, посвященных назревшим вопросам языковой и культурной политики в масштабах Союза ССР и отдельных его республик. К публикациям по национальным проблемам привлекаются виднейшие советские специалисты — этнографы, историки, культурологи, философы.

Мы намерены внимательно рассматривать и такую важную сторону жизни нашей страны, как взаимодействие между культурой и природной средой, в частности, традиционной культурой и изменяющимся в условиях современного хозяйственного строительства природным окружением (например, на Крайнем Севере и на Дальнем Востоке). Широко будут представлены также материалы, исследующие культурные традиции народов СССР (хозяйство, жилище, одежда, пища, праздники, этикет, традиционная медицина и т. п.), их сохранение и использование в современных условиях.

Журнал будет по-прежнему предоставлять свои страницы для освещения таких животрепещущих проблем, как развитие семьи и социализация молодого поколения, история и современные судьбы народного искусства у нас в стране и за ее пределами.

Должное место будет уделяться современным этнокультурным процессам в зарубежном мире; истории отечественной и мировой этнографической науки; этносоциологическим исследованиям; этнографическому краеведению. Для освещения всех этих вопросов мы рассчитываем широко привлекать не только советских исследователей, но и авторитетных зарубежных коллег.

Наконец, мы намерены и далее информировать читателей о наиболее заметных новейших публикациях в СССР и во всем мире, в которых рассматриваются самые разнообразные проблемы этнографии, а также о событиях научной жизни в Советском Союзе и в других странах.

Журнал предполагает ввести рубрику «Этнографический архив» для публикации произведений классиков этнографической науки и культурологии, а также работ этнографов прошлого века, посвященных быту и нравам народов мира.

Журнал «Советская этнография» выходит 6 раз в год. Цена подписки на год 11 руб. 40 коп. Индекс журнала 70845.

Подписка на журнал принимается без ограничений во всех отделениях связи страны.

М. В. Крюков

ЧИТАЯ ЛЕНИНА

(размышления этнографа
о проблемах теории нации)

Наша страна переживает сегодня эпоху коренных качественных преобразований. Выработанный партией курс на резкое повышение эффективности хозяйства, направленный на приведение в действие еще не реализованных нами преимуществ социализма. По мере движения вперед по пути обновления становится все более очевидным, что исторически возникший механизм торможения нельзя преодолеть, не уяснив истоки его формирования. И мы начинаем все более отчетливо понимать, каковы были действительные последствия произошедшего в конце 1920-х годов отхода от многих важных положений ленинской программы построения социализма в СССР. Игнорирование основных принципов новой экономической политики, разработанных Лениным «всерьез и надолго» (хозяйственный расчет, личная заинтересованность трудящихся в результатах своего труда, развитие производства прежде всего за счет роста производительности труда и т. д.) означало отказ от экономических методов руководства хозяйственным строительством. В результате острейшей сегодняшней перестройки направлено на то, о чем Ленин говорил в 1921 г., характеризуя положение дел накануне введения НЭПа: «Наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов и не создала того подъема производительных сил, который в программе нашей партии признан основной и неотложной задачей»¹.

Нынешнее понимание стоящих перед нами задач было бы невозможным, если бы мы не прошли через два важных исторических этапа — успешное, как нам тогда казалось, преодоление культа личности Сталина и неудачный опыт экономических реформ 1960-х годов. Только пережив это чувствительное поражение, мы подошли к осознанию того, что сводить лишь к культу личности весь негативный груз, тяготивший общество на протяжении десятилетий, было чрезмерным упрощением. Речь идет о целой совокупности взглядов, методов и ответствующих им социальных институтов, несмотря на свое псевдореволюционное обличье глубоко чуждых духу социализма. В экономике — подмена принципа плановости народного хозяйства практикой управления им путем администрирования. В социально-политической сфере — выхолащивание демократической сущности социалистического строя и злоупотребление запретительными функциями государства. В национальном вопросе — пренебрежение объективными законами исторического развития народов.

Все это вместе взятое — различные стороны одного целого. И преодолеть их невозможно, если они **будут** рассматриваться изолированно. Между тем мы в свое время осудили культ личности и, посчитав борьбу с ним успешно завершённой, попытались затем преодолеть экономическое отставание, не подвергнув сомнению сущность сталинской концепции социализма. Историческое значение происходящей сегодня перестройки как раз и заключается в подходе к нерешенным вопросам развития советского общества в их взаимосвязи и внутренней взаимообусловленности, в признании необходимости устранять не только препятствия, лежащие на поверхности, но и породившие их глубинные причины.

Это в полной мере относится и к национальным проблемам, в столь острой форме напомнившим о своем существовании за последнее время.

К вопросу о сталинском определении нации

«Необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела».

В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 351.

Историкам еще предстоит выяснить, каким образом в середине 1920-х годов Сталин смог не только сохранить, но и приумножить свое влияние в ЦК и партии вопреки ленинскому «Письму к съезду». Во всяком случае, добиться желаемого ему в немалой степени помогло то обстоятельство, что он почти никогда не выступал открыто против Ленина, а, напротив, постоянно ридился в тогу защитника ленинских идей. В этом отношении Сталину порой удавалось почти невозможное. Один из примеров — XII съезд партии. Только что по делегациям зачитано письмо Ленина «К вопросу о национальностях». Сталин пытается приглушить остроту содержащейся в нем критики... апелляцией к авторитету Ленина. «Многие ссылаются на записки и статьи Владимира Ильича, — говорит он. — Я не хотел бы цитировать учителя моего, тов. Ленина, так как здесь его нет, и я боюсь, что, может быть, неправильно и не к месту сошлюсь на него»². Стремясь предать забвению неопровержимые исторические факты, Сталин в дальнейшем немало потрудился над созданием мифа о полном и неизменном совпадении своих взглядов с ленинским наследием. Очень точно определил суть отношения Сталина к ленинским идеям Зиновьев, заметивший ему однажды: «Для вас ленинская цитата — как охранный грамота вашей непогрешимости. А надо видеть ее суть!»³.

Претендуя на роль единственного ортодоксального последователя ленинизма, Сталин вместе с тем уже в самом начале 1930-х годов принимает решительные меры к тому, чтобы воздвигнуть самого себя на пьедестал классика. Известно, что еще в 1933 г. он дает Ем. Ярославскому письменное указание отразить в учебнике по истории партии «значение теоретических работ Сталина» и дополнить его специальным разделом «Сталин и национальный вопрос». После выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» заслуги Сталина как главного теоретика национального вопроса уже ни у кого не должны были вызывать сомнений.

Вторая половина 1950-х годов принесла надежду на преодоление одностороннего и заведомо искаженного толкования всего, что было связано с оценкой роли Сталина в истории партии и государства. Началось переосмысление многих застывших формул, время от времени рождавшихся в его голове вне зримой связи с общественной практикой. Однако дело не было тогда доведено до конца. И если сегодня уже никто не вспоминает сталинского открытия курско-орловского диалекта как основы формирования русского литературного языка, то судьба некоторых других теоретических откровений Сталина сложилась иначе.

Практика показывает, что многие советские обществоведы оказались не в состоянии сделать правильные выводы из самой сути решений XX съезда КПСС и задачи борьбы с культом личности Сталина были поняты ими весьма своеобразно. Излагая в своих сочинениях проблемы теории социалистического

строительства, они пошли по пути простого упоминания имени Сталина и, следуя культивировавшемуся им же самим приему, стали приписывать сталинские идеи Ленину. В результате сложилась парадоксальная ситуация: Сталин исчез со страниц наших исследований, но концепции его остались.

Передо мной монография доктора исторических наук Ф. М. Ваганова «Правый уклон в ВКП(б) и его разгром», опубликованная в 1977 году вторым, дополненным и переработанным изданием. «Не соглашаясь с выводами членов ЦК,— читаем мы в этой книге,— Рыков... выдвинул и старался оправдать свой тезис: „Чем дальше мы строим социализм, тем меньше классовых противоречий“...». И далее автор резюмирует: «Вывод партии об обострении классовой борьбы в период социалистического строительства имел не только важное теоретическое, но и практическое значение. Ленинское объяснение этого вопроса позволяло партии правильно понять характер переживаемых трудностей, определить стратегию и тактику в борьбе за социализм»⁴. Не заглядывайте в список опечаток, здесь нет ошибки наборщика. Перед вами неистребимая приверженность любимому детищу Сталина — отождествлению сталинизма с ленинским наследием, беспардонному оправданию доморощённых сталинских «теорий» произвольными ссылками на авторитет Ленина.

В ещё большей степени характерно сказанное для взглядов Сталина по национальному вопросу. В 1960—1980-х годах были написаны десятки статей и книг, защищены многочисленные диссертации, основной смысл которых сводился к настойчивым поискам в ленинских работах подтверждений его приоритета в формулировании тех или иных положений, известных нам из выступлений Сталина. Делалось это, как правило, путем цитирования вырванных из контекста высказываний, упоминания лишь тех суждений, которые, казалось бы, подтверждают априорно принятую комментатором схему.

О том, как мысли Ленина явочным порядком подменялись сталинизмом, можно судить на примере внедрения в общественное сознание сталинского определения нации. В начале века О. Бауэр и К. Каутский предложили две взаимоисключающие дефиниции этого понятия. Первый из них решительно возражал против того, чтобы включать в число признаков нации общность происхождения и язык как важную отличительную черту нации, полагая вместе с тем, что помимо языка у нее существуют и другие отличительные признаки. Поставив перед собой задачу дать «марксистское» определение нации, Сталин взял у Каутского общность языка, территории и экономической жизни и добавил к этому позаимствованный у Бауэра «психический склад». Подобный эклектизм, впрочем, «свойствен не только определению нации, данному Сталиным в статье «Марксизм и национальный вопрос». В этой работе автор неоднократно вводит в свой собственный текст раскавыченные цитаты из критикуемого им Бауэра (так, он дословно использует высказывание идеолога австромарксизма о том, что «итальянцы происходят от этрусков, римлян, кельтов, германцев и сарацинов, современные французы — от галлов, римлян, бриттов и германцев»⁵; у Сталина «сарацины» заменены на «арабов», остальное приводится буквально по русскому переводу книги Бауэра⁶). Использовал Сталин без ссылки на первоисточник и некоторые идеи Каутского, который по его словам «всегда был и остался дилетантом в национальном вопросе».

Впрочем, нельзя сказать, что Сталин не добавил в своей работе 1913 г. ничего нового к суждениям своих предшественников. Самому Сталину, несомненно, принадлежит утверждение о том, что признаков у нации может быть именно четыре и поэтому «достаточно отсутствия у нее хотя бы одного из признаков, чтобы нация перестала быть нацией». Почему именно четыре и в какого рода общность превращается нация в случае отсутствия у нее хотя бы одного из этих четырех признаков, Сталин не пояснял. Во всяком случае в этой своей статье он в принципе противопоставлял нацию как «историческую категорию» и племя как «категорию этнографическую». Позднее Сталин поставил знак равенства между своим определением нации и «русской марксистской

теории нации» не преминув добавить при этом, что она является единственно правильной теорией.

Широко бытует мнение, что все сказанное Сталиным в статье «Марксизм и национальный вопрос» (изданной также отдельной брошюрой) получило безоговорочное одобрение Ленина. К популяризации такой точки зрения в свое время приложил руку сам Сталин. Не случайно, например, М. Джилас вспомнил, как в 1948 году на одном из приемов в Кремле речь зашла об этом сталинском произведении. Сталин заметил: «Это все идеи Ильича. Он эту книжку сам редактировал»⁷.

Ссылаются в этой связи на три письма Ленина, написанные в феврале-марте 1913 года. В первом из них — Горькому — сообщалось, что «у нас один чудесный грузин засел и пишет для „Просвещения“ большую статью»⁸. Второе адресовано Каменеву: «Трояновский поднимает нечто вроде склоки из-за статьи Кобы для „Просвещения“... Конечно, мы абсолютно против. Статья *очень хороша*. Вопрос боевой и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи»⁹. Третье — снова Каменеву: «Коба успел написать большую (для трех номеров „Просвещения“) статью по национальному вопросу. Хорошо! Надо воевать за истину против сепаратистов и оппортунистов из Бунда и из ликвидаторов»¹⁰.

Из приведенных писем Ленина следует, что он весьма положительно отзывался о статье Сталина, демонстрировавшей несостоятельность претензий Бунда на особое положение в социал-демократическом движении. Своевременными и важными считал Ленин также статьи по национальному вопросу, написанные тогда О. Н. Степанюком, П. И. Стучкой, С. Г. Шаумяном. Ленин выделял в этих публикациях то главное, что было нужно партии в конкретных условиях ее борьбы с идейными врагами. Характерно, как определял Ленин свое отношение к статьям этих авторов. «Летом, — писал он Шаумяну, — читал рефераты по национальному вопросу и немножко штудировал его. Посему намерен „стоять крепко“, хотя, конечно, *ich lasse mich belehren* товарищами, изучавшими вопрос больше и дольше»¹¹. Ленин критиковал, в частности, многие высказывания Шаумяна, как не был он во всем согласен с упоминавшейся статьей Сталина: публикуя в том же журнале «Просвещение» свои соображения по национальному вопросу, Ленин указал на ошибочность сталинской трактовки конкретных форм самоопределения наций (у Сталина речь шла об «областной автономии», тогда как Ленин неизменно настаивал на праве наций на самоопределение вплоть до отделения и создания собственного государства)¹². А что думал Ленин по поводу сталинского определения нации?

После XX съезда КПСС некоторые историки, философы, этнографы потратили немало усилий на то, чтобы отыскать в ленинских работах упоминания о «четырех признаках нации». Однако результаты поисков оказались более чем скромными. В 1903 г., например, Ленин писал, что Каутский, «пытаясь дать научное определение понятию национальности, устанавливает два основных признака этого понятия: язык и территорию»¹³. Но и в 1914 г., т. е. спустя год после публикации статьи Сталина «Марксизм и национальный вопрос», Ленин по-прежнему говорит о существовании двух теорий марксизма по национальному вопросу — «идеалистической теории нации» Бауэра, в которой «национальный характер — главное», и «историко-экономической теории» Каутского (язык и территория)¹⁴. Этот факт свидетельствует о том, что Ленин, придавая большое значение статье Сталина в условиях борьбы РСДРП с позицией Бунда, тем не менее не усмотрел в этой работе какой-то самостоятельной «теории нации». С этой же точки зрения следует, по-видимому, рассматривать и высказанный тогда же призыв Ленина решать национальный вопрос «не играя в юридические дефиниции», не „сочиняя“ абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений»¹⁵. Не следует забывать при этом и о реплике, прозвучавшей на III конгрессе Коминтерна, когда в ответ на заявление Лаццари: «Мы знаем психологию итальянского народа» Ленин заметил: «Я лично не решился бы этого утверждать о русском народе»¹⁶. Ленин, таким

образом, скептически относился к возможности практического определения особенностей «психологического склада нации» — того «нового», что внес Сталин в определение Каутского.

Не разделял Ленин и тезиса, на котором так настаивал Сталин: «Достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией». В принципе соглашаясь с Каутским в отношении территории как одного из признаков нации, Ленин в то же время писал о «нациях с территорией» и «нации без территории»¹⁷.

Весьма показательна в этом смысле эволюция суждений Ленина о том, можно ли считать нацией евреев. Каутский, как известно, давал на этот вопрос отрицательный ответ; в 1903 г. в статье «Положение Бунда в партии» Ленин также называл идею существования особой еврейской нации «совершенно несостоятельной в научном отношении»¹⁸. Но именно в тот период, когда тезис о евреях как о «бумажной нации» стал обосновывать Сталин, первоначальная точка зрения Ленина изменилась. В целом ряде своих выступлений 1913—1914 гг. (как и в более позднее время) Ленин говорил о необходимости отмены «всех национальных ограничений против всех наций: евреев, поляков и т. д.»¹⁹; подчеркивал, что «борьба национальностей у нас на глазах превращается в сделку господствующих классов двух наций на условии особого угнетения третьей (еврейской)»²⁰ и пр. О евреях как о «наиболее угнетенной и затравленной нации»²¹ Ленин писал вскоре после появления в печати статьи Сталина, в которой тот задавал, в частности, риторический вопрос: «Что это, например, за еврейская нация, состоящая из грузинских, дагестанских, русских, американских и прочих евреев, члены которой не понимают друг друга (говорят на разных языках), живут в разных частях земного шара, никогда друг друга не увидят, никогда не выступают совместно, ни в мирное, ни в военное время?!»²². Нужно было обладать незаурядной способностью выдавать белое за черное, чтобы после этого с невозмутимым видом утверждать: «Это все идеи Ильича. Он эту книжку сам редактировал».

Начавшаяся в середине 1960-х годов на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссия о понятии «нация» была вызвана серьезными сомнениями в правильности сталинской дефиниции, давно беспокоившими многих наших ученых. В ходе ее высказывались мнения о недостатках этого определения, выдвигались предложения по его усовершенствованию. Но наступила середина 1980-х годов, и вот выясняется, как писали несколько лет тому назад Ф. Я. Горовский и Ю. И. Римаренко, что в своих теоретических построениях большинство советских исследователей исходит из известных четырех признаков нации, которые в основном «возражений не вызывают»²³. Нужно ли после этого удивляться тому, что возвратясь на круги своя в теоретической ходьбе на месте наши обществоведы оказались не готовыми к истолкованию тех неожиданных для них проявлений национального вопроса, с которыми пришлось столкнуться за последнее время?

Сто и одна маленькая нация

«Н надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить». В. И. Ленин (Полн. собр. соч. Т. 27. С. 386).

Чем же все-таки объяснить, что неоднократно обращаясь в своих трудах к проблемам нации и национального вопроса, Ленин все-таки не счел необходимым дать определение нации? В поисках ответа на этот вопрос следует, на мой взгляд, обратить внимание на постоянное употребление Лениным слов «нация», «национальность», «народность», «народ» в качестве синонимов. Характерно, что в «Тезисах по национальному вопросу» (1913 г.) сказано: «Признание социал-демократией права всех национальностей на самоопределение отнюдь

не означает отказа с.д. от самостоятельной оценки целесообразности государственного отделения той или иной нации в каждом отдельном случае»²⁴. Синонимичное употребление этих терминов встречаем и в заключительном слове по докладу о партийной программе на VIII съезде РКП(б) в 1919 г.: «В вопросе о самоопределении национальностей суть дела в том, что разные нации идут одинаковой исторической дорогой»²⁵. На 2-м конгрессе Коминтерна в 1920 г. Ленин говорил об «угнетенных народностях», «отсталых национальностях», «нациях более отсталых»²⁶. Анализируя положение евреев, Ленин называл их «нацией», «национальностью», «народом», «народностью» и т. д.²⁷.

Будучи несколько сконфужены этим, некоторые советские обществоведы попытались найти приемлемое объяснение этому словоупотреблению Ленина. Так, например, В. И. Козлов утверждал, что «области общественных наук, которые занимались национальной (этнической) проблематикой, в начале XX в. были развиты слабо, поэтому многие важные термины еще не установились и не отдифференцировались; например, слова «народ», «народность», «нация», «национальность» часто употреблялись в литературе довольно неопределенно, как синонимы. Это в какой-то мере отразилось и в работах В. И. Ленина... Несомненно, например, что в основном пункте национальной программы РСДРП — тезисе о праве наций на самоопределение — слово „нация“ имело именно такой расширительный смысл, охватывая и народы, которые еще не успели сложиться в нации»²⁸.

Адресованный Ленину упрек в неточности употребления им термина «нация» сродни бытовавшему некогда в нашей науке утверждению, что Энгельс-де допускал отступление от исторического материализма, ставя в один ряд воспроизводство человека и производство им материальных ценностей. К счастью, Ленин сам ответил на рекомендацию усовершенствовать применяемую им терминологию. В статье «О праве наций на самоопределение» он писал: «Возьмем позицию угнетающей нации. Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения требуют борьбы с таким угнетением». К слову «население» в тексте сделана сноска: «Некому Л. Вл. из Парижа это слово кажется немарксистским. Этот Л. Вл. ... собирает, видимо, написать исследование об изгнании из нашей программы минимум (с точки зрения написания классовой борьбы!) слов: „население“, „народ“ и т. п.» И далее, приводя марксову резолюцию Интернационала о симпатиях к «ирландской нации», «ирландскому народу», Ленин замечает: «Умный Л. Вл., вероятно, разнес бы бедного Маркса за забвение классовой борьбы!»²⁹.

Сказанное Лениным не оставляет сомнений в том, что он употреблял слово «нация» в значении «народ», или «этническая общность» (последний термин, впрочем, тогда еще не был распространен, он вошел в науку лишь в конце 1950-х годов).

Именно поэтому, говоря об этническом составе населения России, Ленин называл нациями все без исключения населяющие ее народы — «сто и одну маленькие нации», противостоящие великорусскому великодержавному капитализму³⁰. Рассматривая проблему национального состава учащихся Петербурга в 1911 году, Ленин упоминает о русских, поляках, чехах, литовцах, латышах, а также о чуди, лопарях, зырянах, самоедах. Вывод Ленина: «Не о том, чтобы разгородить нации так или иначе в школьном деле, должны мы заботиться, а наоборот — о том, чтобы создать основные демократические условия мирного сожительства наций на основе равноправия»³¹. Из этих слов ясно, что нациями Ленин считал и такие немногочисленные этнические общности как чудь, лопари (саамы), коми, ненцы и т. д.

Резким контрастом этому звучит принятый у нас тезис о делении народов СССР на «нации», «народности» и «национальные группы». «Сложилась определенная традиция, — утверждают сторонники такого рода классификации народов, — называть нациями этносы, образующие союзные и автономные республики, и народностями — этносы, имеющие автономные области и автономные

округа, или вообще не имеющие автономий, но расселенные преимущественно в СССР. Что же касается этносов, которые представлены в Советском Союзе лишь своими небольшими частями, то их чаще всего именуют национальными группами... Такая группировка привлекает простотой и выдержанностью, но далеко не всегда может быть обоснована в научном отношении... Думается, что более важное значение для типологизации небольших этносов нашей страны имеет учет их социальной структуры и степени самостоятельности языково-культурных (информационных) связей»³². Затруднительно высказать что-либо определенное о привлекательности этой схемы; что же касается степени ее научной обоснованности, то о таковой, к сожалению, речи здесь вообще идти не может.

В самом деле, может ли считаться научной классификацией соположение трех категорий, две из которых противопоставляются друг другу посредством какого-то одного критерия, а третья выделена на совершенно ином основании? Ближайшим аналогом подобной группировки могло бы быть, например, утверждение, что в Большом театре поют, во-первых, басы и баритоны, во-вторых, теноры и дисканты, а также артисты, вообще лишенные голоса, но состоящие в штате труппы, и, в-третьих, совместители; при этом артистов двух последних категорий можно с большой степенью надежности выделить из общей массы все же по цвету галстука и семейному положению.

Стоит ли после этого удивляться, что как только речь заходит об отнесении какого-то конкретного народа к одному из перечисленных трех типов, начинаются почти непреодолимые трудности. Почему черкесы СССР — это народность, хотя большая часть этого народа проживает не в нашей стране? Почему азербайджанцы, живущие также преимущественно за пределами СССР, — это нация? Если суть дела в наличии у черкесов автономии низшего ранга, то почему в таком случае не являются народностью советские немцы? Или может быть до 28 августа 1941 г. немцы СССР все-таки были нацией, а после ликвидации АССР немцев Поволжья они стали народностью? Соответственно, можно ли утверждать, что калмыцкая нация в конце 1943 г. превратилась в народность, но 29 июля 1958 г. вновь стала нацией?

Хорошо известно, что противопоставление наций, народностей и национальных групп было введено в 1921 г. не кем иным как И. В. Сталиным в его тезисах «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», подготовленных к X съезду РКП(б). Утверждая, что современные нации представляют продукт определенной эпохи — эпохи поднимающегося капитализма, Сталин утверждал, что «если из 65 миллионов невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, незначительную часть Азербайджана, Армению, прошедших в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 25 миллионов по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата... Кроме названных выше наций и народностей, имеющих определенное классовое строение и занимающих определенную территорию, в пределах РСФСР существуют еще отдельные текущие национальные группы, национальные меньшинства, вкрапленные в инонациональные компактные большинство и в большинстве случаев не имеющие ни определенного классового строения, ни определенной территории (латыши, эстонцы, поляки, евреи и др. нацменьшинства)»³³.

Нетрудно видеть, что все упоминавшиеся выше противоречия подобного противопоставления одних народов нашей страны другим заложены уже в этом сталинском высказывании. Однако если в 1921 г. на X съезде партии Г. В. Чичерин еще мог позволить себе выступить с замечаниями «Против тезисов тов. Сталина», то с течением времени охота делать это была у сомневающихся основательно отбита. Поэтому когда в 1939 г. Сталин заявил, что в СССР проживает «около 60 наций, национальных групп и народностей»³⁴, то возражений не последовало.

Поразительно, что в своих тезисах 1921 г. Сталин использовал также и несколько иной вариант своей «типологии» народов СССР, в которую он помимо наций и народностей включил также «племена»³⁵, хотя еще совсем недавно перед тем настаивал на сущностной несопоставимости «нации» как исторической категории и «племени» как категории этнографической. А еще через 30 лет он сформулировал последовательность «род» — «племя» — «народность» — «нация» уже как сугубо исторические категории. Почему эта идея сразу и безоговорочно вошла в общественно-научный обиход, вполне объяснимо. Недоумение вызывает другое. Каким образом этот внутренне противоречивый и никем никогда по-настоящему не обоснованный постулат не только пережил своего курско-орловского теоретического близнеца, но и до сих пор рассматривается многими как одна из составных частей марксистско-ленинской теории общественного развития?

Не говоря уже о теоретической несостоятельности противопоставления наций и «народностей» в нашем социалистическом обществе, в практическом плане оно представляется вредным, стимулирующим возникновение межэтнических противоречий, не имеющих в действительности под собой реальной почвы. Хорошо известно, как остро воспринимают подчас представители народов СССР вопрос о том, что же все-таки они собой представляют — нацию или «народность» — т. е. нечто до уровня нации еще не поднявшееся. Противопоставление одних народов нашей страны другим с точки зрения их мнимой принадлежности к числу наций или «народностей» находится в противоречии с важнейшим завоеванием социалистической революции, обеспечившей фактическое равенство всех народов СССР вне зависимости от их численности, расового состава, предшествующей этнической истории. Поэтому в научной литературе высказывалась мысль о необходимости отказаться от упоминаний о «нациях и народностях СССР» и вернуться к употреблению словосочетания «народы Советского Союза»³⁶. Оно имеет длительную историю: достаточно вспомнить один из первых документов Советской власти — «Декларацию прав народов России», проект которого был написан Лениным.

О нациях и капитализме, их порождающем

«Здесь еще есть, по общему правилу, угнетенные и капиталистически неразвитые нации». В. И. Ленин (Полн. собр. соч. Т. 30. С. 111).

Таким образом, Ленин, по-видимому, не считал нужным специально определять содержание термина «нация» именно потому, что рассматривал его в качестве синонима понятия «народ» и не вкладывал в него какого-то особого (стадиального) смысла. Однако это предположение находится в явном несоответствии с широко распространенным мнением, будто Ленин связывал возникновение наций с эпохой капитализма.

Утверждая это, многие ссылаются на два ленинских высказывания. Первое из них содержится в работе «Карл Маркс». Излагая взгляды Маркса на важнейшие проблемы теории социализма, Ленин писал: «Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»³⁷. Но Ленин, разумеется, не мог не знать, что и Маркс, и Энгельс часто применяли термин «нация» к этническим общностям не только средневековья, но и древности. Первым, кто вполне определенно высказал мысль о появлении наций лишь в эпоху капитализма, был Каутский. Сталин заимствовал у него эту идею, утверждая (без ссылки на первоисточник): «Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма»³⁸.

То, что Ленин не разделял этой точки зрения Каутского — Сталина, с полной очевидностью следует из анализа его произведений, посвященных националь-

ному вопросу. «Капитализм развивается неравномерно и объективная действительность показывает нам, — писал Ленин в 1916 г., — наряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями целый ряд наций очень слабо и совсем неразвитых экономически»³⁹. И далее: «Мы требуем свободы отделения для монголов, персов, египтян и *всех* без исключения угнетенных и неполноправных наций»⁴⁰; «...даже для тех колониальных стран, где нет рабочих, где есть только рабовладельцы и рабы и т. п., не только не нелепо, а *обязательно* для всякого марксиста выставлять „самоопределение“»⁴¹.

Выступая с докладом о партийной программе на VIII съезде РКП(б). Ленин говорил в 1919 г.: «Надо считаться с тем, на какой ступени стоит данная нация по пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии и демократии пролетарской. Это абсолютно правильно. Все нации имеют право на самоопределение — о готтентотах и бушменах специально говорить не стоит»⁴². Справедливо полагая, что национальный вопрос понимался Лениным как вопрос, относящийся ко всем народам мира, некоторые исследователи тем не менее делают из приведенной цитаты вывод, что Ленин все-таки исключал из общего числа народов, имеющих право на самоопределение, «отсталые племенные общности, вроде готтентотов и бушменов»⁴³. Но такая трактовка ленинской мысли не может быть объяснена чем-либо иным, кроме недоразумения. В своем выступлении Ленин говорил: «Бушменов в России не имеется, насчет готтентотов я тоже не слыхал, чтобы они претендовали на автономную республику, но ведь у нас есть башкиры, киргизы, целый ряд других народов, и по отношению к ним мы не можем отказать в признании. Мы не можем отказывать в этом ни одному из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи»⁴⁴. Речь шла таким образом не об исключении отсталых племенных общностей из числа народов, претендующих на самоопределение, а о том, что проживай бушмены и готтентоты на территории России, им также не было бы отказано в этом праве.

Возвращаясь к статье «Карл Маркс», мы видим теперь, что автор вовсе не считал нации, т. е. народы, порождением исключительно буржуазной эпохи и не приписывал эту точку зрения Марксу. Излагая взгляды Маркса на общие законы развития общества, Ленин указывал на национальные различия как форму общественного бытия, неизбежно свойственную той эпохе, имея в виду, что лишь в будущем коммунистическом обществе произойдет в конечном счете слияние наций.

Второе высказывание Ленина, обычно приводимое в качестве доказательства понимания им нации как категории, возникающей лишь в эпоху капитализма, содержится в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» Полемизируя с Михайловским, считавшим национальные связи продолжением связей родовых, Ленин пишет: «Создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»⁴⁵. Первым, кто истолковал это место ленинской работы в указанном выше смысле, был Сталин. Повторяя в 1929 году свой тезис о нациях как порождении эпохи поднимающегося капитализма, он ссылается на эти «замечательные слова Ленина по вопросу о возникновении наций»⁴⁶. Будучи вырвана из контекста, данная цитата действительно могла бы при желании быть истолкована так, как это сделал Сталин. Однако, если проследить весь ход мысли Ленина, становится ясно, что здесь в центре его внимания находится проблема формирования российского общегосударственного рынка, возникновение которого привело к усилению связей между ранее обособленными территориальными единицами. В противоположность излагаемой Михайловским схеме общественного развития «от семьи — к племени и далее к государству», Ленин указывает на историческую последовательность связей родовых, территориальных и общегосударственных. Термин «национальный» употреблен здесь Лениным в том же смысле, который мы имеем в виду, говоря о «национальном доходе» или «национальной футбольной команде». Ясно, что о возникновении наций как этнических общностей в книге «Что такое „друзья народа“...» речи не шло вовсе.

Здесь Сталин, ссылаясь на «замечательные слова Ленина», стремился, как и во многих других аналогичных случаях, обрести еще одну охранную грамоту своей непогрешимости. Можно только сожалеть о том, что с легкой руки Сталина эта цитата до сих пор истолковывается превратно.

Собственная же аргументация Сталина, содержащаяся в его статье 1929 г., неубедительна и противоречива. С одной стороны, автор утверждает, что «не было и не могло быть наций в период докапиталистический», с другой — вводит понятие «современные нации»⁴⁷. Сама по себе такая постановка вопроса вызывает недоумение: рассуждая логически, помимо «современных» в этом случае, следует допустить существование и каких-то иных наций!

Статья Сталина представляет собой «ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим». Насколько можно судить о взглядах этих товарищей, они вслед за Лениным полагали, что нации существовали в истории человечества и до эпохи капитализма (вспомним, что, по мнению Ленина, например, «Монгольское иго есть исторический факт, несомненно связанный с национальным вопросом»⁴⁸). Кроме того, они не связывали судьбу наций, существующих при капитализме, с судьбой капитализма. Показательно, что Сталин опровергает эту точку зрения. «А с чем же, собственно, можно было бы связать судьбу этих наций, если не с судьбой капитализма? — задает он вопрос. — Не думаете ли вы что старые буржуазные нации могут существовать и развиваться при советском строе, при диктатуре пролетариата? Этого еще не хватало...»⁴⁹. Вот, в сущности, и все доказательства.

По каким-то причинам Сталин не ссылается здесь на Ленина. Но позднее в одной из ленинских работ было обнаружено место, где употреблено выражение «социалистические нации». Оно и стало приводиться в доказательство того, что сталинский тезис о разрушении в результате социалистической революции прежних буржуазных наций и возникновении на их развалинах новых, социалистических наций в действительности принадлежит не Сталину, а Ленину.

Между тем, во всех работах Ленина, написанных как до Октябрьской революции, так и после нее (в пятом издании Полного собрания сочинений их насчитывается более трех тысяч) «социалистические нации» упомянуты всего один раз⁵⁰. Гораздо чаще употреблял Ленин словосочетание «империалистические нации»⁵¹. Хорошо известно, что Ленин рассматривал империализм как особую стадию капитализма, однако советские обществоведы почему-то не сделали из этого вывод, что Ленин противопоставлял «капиталистические» и «империалистические» нации. Характеризуя перспективы развития национальных отношений при социализме, Ленин писал: «Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями»⁵². Не предлагая здесь какой-либо типологии наций, Ленин говорит лишь о нациях (народах), живущих в условиях социалистического строя.

После второй мировой войны вопрос о «буржуазных» и «социалистических» нациях приобрел актуальность в связи с появлением двух самостоятельных государств на немецкой земле и нарушением государственного единства Кореи. В решении его до сих пор нет единой теоретической позиции: в первом случае мы склонны усматривать существование в настоящее время двух немецких наций, во втором — соглашаемся с утверждением о единстве корейской нации, несмотря на различие социально-экономического строя в КНДР и Республике Корея. В частности, в недавно увидевшем свет справочнике «Народы мира» о немцах сказано, что «в силу исторических условий в ГДР развивается социалистическая немецкая нация, в ФРГ — буржуазная немецкая нация»⁵³, в статье «Корейцы» этот вопрос вообще обойден, а в текст статьи «Китайцы» была вписана (кстати, без ведома ее автора) фраза: «После образования в 1949 г. Китайской Народной Республики сложилась китайская социалистическая нация»⁵⁴; о том, что же в таком случае представляют сегодня китайцы Тайваня, составители справочника сочли уместным умолчать. Истоки подобной теорети-

ческой неразберихи восходят к сталинской постановке вопроса о двух типах «современных наций», к ленинским взглядам на проблемы национальных взаимоотношений никакого отношения не имеющей.

О двух тенденциях развития наций

«Когда говорят: самоопределение при социализме излишне, это такой же вздор, такая же беспомощная путаница, как если бы кто сказал: демократия при социализме излишня» В. И. Ленин (Полн. собр. соч. Т. 30. С. 128).

Принципиальное значение для понимания современных национальных процессов имеет выдвинутый Лениным тезис о двух тенденциях развития наций. «Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и утаивание всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»⁵⁵. Этот вывод был сделан Лениным применительно к эпохе капитализма еще задолго до Октябрьской революции. В какой мере данная закономерность сохраняется и в условиях социалистического общества? Прослеживаются ли указанные тенденции и после утверждения нового социального строя?

Хорошо известно, что по этому поводу думал Сталин. Утверждая, что социалистическая революция пробуждает к новой жизни «целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных», он вместе с тем задавал вопрос: «Кто бы мог подумать, что старая царская Россия представляет не менее 50 наций и национальных групп?»⁵⁶ (напомним, что Ленин в свое время говорил о «ста и одной маленькой нации»). Хотя первая всесоюзная перепись населения 1926 года зафиксировала около 190 народов, проживавших на территории нашей страны, Сталин в 1939 г. упоминал цифру 60, и это не преминуло сказаться на разработке материалов очередной переписи, в которой оказалось как раз 62 народа. Так общественное сознание незаметно подготавливалось к восприятию концепции, согласно которой в условиях социализма в нашей стране происходят процессы уменьшения мозаичности населения. Досадным диссонансом звучал в этой обстановке голос историка А. Д. Удальцова, считавшего, что «примером упрощенчества является сведение процессов этногенеза исключительно к явлениям объединения, этнической интеграции, к принципиальному отрицанию всяческой возможности этнической дифференциации» и утверждавшего: «Этнический процесс является синтезом этих двух тенденций»⁵⁷. В 1960-х годах некоторые этнографы ставили вопрос о том, действительно ли публикуемые ЦСУ данные переписей адекватно отражают этнический состав населения СССР и реально протекающие в нашей стране национальные процессы, не сказывается ли здесь целенаправленное стремление обогнать объективный ход событий⁵⁸. Но признаки времени, которое мы сейчас называем застойным, уже начали вырисовываться, и ответа на вопрос не последовало.

Вместо этого нашим общественным наукам в качестве руководства к действию был предложен тезис о «советском народе как новой исторической общности людей». Будучи не очень определенным по своему содержанию, он по форме вызывает прямые ассоциации с теоретическими выкладками по национальному вопросу, автором которых был Сталин.

В самом деле, именно Сталину принадлежит формула «историческая общность людей». К такого рода общностям он в последние годы своей жизни относил племя, народность и нацию, не напоминая более о том, что до этого считал племя не «исторической», а «этнографической» (?) категорией. В начале 1950-х годов никто не мог позволить себе роскоши заинтересоваться тем, что же вообще такое «историческая общность людей». Казалось бы любые общности

людей, будучи по своей природе явлением социальным, являются в силу этого историческими, т. е. не присущими человеку имманентно, но имеющими социально-исторические причины своего возникновения, развития и исчезновения на определенном этапе человеческой истории. Историческими общностями людей вне всякого сомнения являются классы, политические партии, совокупности приверженцев той или иной религии и т. п. Но почему же и в 1970-х годах, когда табу на сомнения по части непогрешимости сталинских формул, казалось, уже не существовало, мы безропотно, стараясь не вдумываться в суть дела, приняли на вооружение этот сталинский штамп?

Правда, речь на этот раз шла о «новой» исторической общности. Новой по сравнению с чем? Быть может, новая историческая общность — новое по сравнению с теми общностями, которые (вопреки этнографам, предлагавшим именовать их «этническими») стоят в ряду «племя — народность — нация»? Но почему в таком случае в качестве новой исторической общности рассматривается только советский народ, хотя примеры наднациональных общностей, складывающихся в рамках полиэтнических государств, были известны задолго до социалистической революции в России и в равной мере существуют как в капиталистических, так и в развивающихся странах современного мира?

Отнюдь не более определенным с методологической точки зрения был и тезис о «советском образе жизни» как характерной отличительной особенности новой исторической общности людей. На эту тему также было написано немало монографий и отдельных статей, но научное осмысление самого явления от этого не продвинулось вперед. Об уровне проникновения в суть этого понятия говорит, в частности, такой факт: первоначально в словник «Свода этнографических понятий и терминов» были включены только две статьи, имевшие отношение к «образу жизни»; первая из них называлась «Образ жизни советский», вторая — «Образ жизни кочевой». При этом исследователи, посвятившие себя изучению советского образа жизни, меньше всего были озабочены реальными условиями того, как жили советские люди. Теоретическая модель советского образа жизни представлялась таким труднодостижимым, но манящим розовым идеалом, в котором воплощались вековые чаяния человечества. В этой идиллии, разумеется, не могло быть места ни алкоголизму, ни очередям за колбасой.

Принудительное внедрение в советскую науку теории новой исторической общности не прошло бесследно. Одностороннее подчеркивание того, что «национальный вопрос в том виде, в каком он достался нам от прошлого, решен полностью», отвлекало общество от анализа реальностей межэтнических отношений. Каковы формы национального вопроса на современном этапе истории Советского государства, оставалось неясным. Многие работы по теории национальных отношений и многочисленные диссертации, которые защищались по этой тематике за последние два десятилетия, имели мало общего с наукой в строгом смысле этого слова.

Между тем жизнь не стоит на месте. Происходящие в обществе процессы настоятельно требуют серьезного научного объяснения. Сегодня мы уже не можем удовлетвориться псевдотеоретическим сталинским соображением, что все возникающие в области национальных отношений проблемы обусловлены «стремлением империализма покорить чужие нации и страхом этих наций перед угрозой национального порабощения». Современные национальные процессы возвращают нас к глубоко справедливому выводу Ленина о внутренне закономерной диалектической взаимосвязи двух тенденций в развитии наций.

Семидесятилетний опыт социалистического строительства свидетельствует, что тенденция к сплочению и межэтническому сближению народов СССР действительно составляет магистральный путь национального развития нашей страны. Вместе с тем мы являемся свидетелями и другого объективного процесса — пробуждения к национальной жизни, роста этнического самосознания больших и малых народов, политическое и экономическое равноправие которым принес Октябрь. А чем выше этническое самосознание народа, тем острее

реагирует он на любые проявления национальной несправедливости. Как актуально звучат сегодня слова Ленина, продиктованные в декабре 1922 года: «Я думаю, что в данном случае, по отношению к грузинской нации, мы имеем типичный пример того, где сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость требуются с нашей стороны поистине пролетарским отношением к делу. Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в „социал-национализме“ (тогда как он сам является настоящим и истинным не только „социал-националистом“, но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки „обиженные“ националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства... своими товарищами пролетариями»⁵⁹.

Времена, когда, действуя методами грубого великорусского держиморды, можно было росчерком пера решать судьбу целых народов, прошли, но и сегодня еще очень трудно преодолеть их тягостные последствия. Восстановить справедливость в отношении невинно пострадавших наций — наша первейшая обязанность. Но не менее злободневна задача очищения от плевел теории национального вопроса.

Шаг назад или два шага вперед?

«Переделать тщательнее, осторожнее, систематичнее то, что сделано плохо. Если бы мы допустили взгляд, что признание поражения вызывает, как сдача позиций, уныние и ослабление энергии в борьбе, то надо было бы сказать, что такие революционеры ни черта не стоят». В. И. Ленин (Полн. собр. соч. Т. 44. С. 205).

Против перестройки хозяйственного механизма в наши дни открыто не выступает никто: слишком очевидны сегодня тяжкие последствия нашего экономического застоя. А вот другие сферы жизни — с этим сложнее. Каким способом можно, например, измерить движение вперед или, напротив, установить отсутствие такого движения, скажем, в общественных науках?

Кое-кто из историков высказывает мнение, согласно которому в советской исторической науке никакого застоя не было, ибо историческое знание на месте не стояло. Рекомендация этих ученых: ситуацию «не идеализировать, но и не драматизировать»⁶⁰. Некоторые этнографы склонны признать неблагоприятное положение общественных наук в целом, но полагают, что на этом фоне специалисты по изучению народов мира выглядели не так уж плохо. Кто из них прав?

Самым недвусмысленным свидетельством не только застоя, но и явственно-го движения вспять был сделанный в нашей науке 1970-х годов шаг к оправданию сталинизма. Хотя вернуть Сталина на прежний пьедестал было уже невозможно, стал обосновываться тезис о том, что он — прежде всего талантливый популяризатор революционных идей, а лишь затем уже человек, иногда отступавший от норм коллективного руководства и допустивший некоторые нарушения социалистической законности. При этом подчеркивалось, что указанный общественный и политический деятель «был предан марксизму-ленинизму» и «активно боролся за претворение в жизнь ленинских заветов»⁶¹.

Заветы Ленина — в его последних статьях «О кооперации», «К вопросу о национальностях», в «Письме к съезду». Сталин сделал все, чтобы частью утаить от партии, частью до неузнаваемости исказить и переиначить смысл этих документов. Ему удалось многое — в сфере экономики ликвидировать нэп и направить наше народное хозяйство по пути создания командно-административ-

ной системы, в области национальных отношений — подменить принцип федерализма своей пресловутой идеей автономизации, т. е. последовательно осуществлять то, против чего настойчиво выступал Ленин.

Экономика и национальный вопрос сегодня — два главных участка общего фронта перестройки, на которых прежде всего решается судьба нашего будущего. И прошлый опыт борьбы на одном из них должен быть учтен при выработке стратегических решений на другом. Этот опыт говорит нам, что в своих подходах к давно назревшим национальным противоречиям мы находимся сейчас примерно в том же положении, когда в 1960-х годах предпринимали попытку осуществить вершущечные экономические реформы, не помышляя о необходимости сломать сталинистскую систему руководства народным хозяйством. Точно так же нам сегодня должно быть ясно, что без обновления теоретического арсенала наших представлений в области теории нации любые практические меры по нормализации национальных взаимоотношений будут половинчатыми и неэффективными.

Кажется невероятным, что нынешняя перестройка народного хозяйства могла бы осуществляться под знаменем идей, высказанных Сталиным в его брошюре «Экономические проблемы социализма в СССР». Между тем в области теории нации у нас до сих пор в почти полной неприкосновенности продолжает существовать внушительный анклав сталинистских квазитеоретических положений, многие из которых мы по-прежнему без всяких на то оснований приписываем Ленину. Сошлюсь на самый свежий пример: в своей статье «Национальный вопрос: деформации прошлого» профессор В. Д. Зотов критикует Сталина за то, что «констатируя рождение новых, социалистических наций в СССР на месте старых наций и народностей, Сталин вообще никак не ссылаясь на Ленина, хотя именно Ленину принадлежит приоритет введения в марксизм понятия „социалистическая нация“»⁶². По-видимому, искренне верит автор и в то, что «выделенные Сталиным признаки нации содержатся в гораздо более ранних работах В. И. Ленина»⁶³. Вот так и живем.

За последнее время нередко приходится слышать, что «недопустимо полностью перечеркивать наши достижения в решении национального вопроса, нагнетать и чрезмерно драматизировать ситуацию. Народ уже в значительной мере устал от этой критики»⁶⁴. Но мы слишком долго говорили о торжестве ленинской национальной политики, хотя на деле она по существу была политикой сталинской. Если под предлогом усталости народа мы будем вливать вино перестройки в старые сталинские меха, то это в лучшем случае создаст иллюзию пригодности мехов, но наверняка погубит вино.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 159.

² Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 266.

³ Цит. по: Волкогонов Д. Триумф и трагедия // Октябрь. 1988. № 12. С. 68.

⁴ Ваганов Ф. М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. М., 1977. С. 209—210.

⁵ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. С. 1—2.

⁶ Сталин И. В. Соч. Т. 2. С. 293.

⁷ Цит. по: Цзинь Бинхэо. О некоторых проблемах определения нации // Миньцзу яньцзю. 1985. № 4. С. 15 (на кит. яз.).

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 162.

⁹ Там же. С. 169.

¹⁰ Там же. С. 173.

¹¹ Там же. С. 235—236.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 259.

¹³ Там же. Т. 8. С. 73.

¹⁴ Там же. Т. 24. С. 387—388.

¹⁵ Там же. Т. 25. С. 259.

¹⁶ Там же. Т. 44. С. 17.

¹⁷ Там же. Т. 23. С. 448.

¹⁸ Там же. Т. 8. С. 74.

¹⁹ Там же. Т. 25. С. 16.

- ²⁰ Там же. Т. 25. С. 15.
- ²¹ Там же. Т. 24. С. 122.
- ²² Сталин И. В. Соч. Т. 2. С. 301.
- ²³ Горовский Ф. Я., Римаренко Ю. И. Марксистско-ленинская теория нации и социалистическая практика. М., 1985. С. 65.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 315.
- ²⁵ Там же. Т. 38. С. 184.
- ²⁶ Там же. Т. 41. С. 163, 164, 166.
- ²⁷ Там же. Т. 22. С. 199; Т. 25. С. 16, 86.
- ²⁸ Козлов В. И. О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В. И. Ленина // Сов. этнография. 1969. № 6. С. 18. См. также: Старушенко Г. Б. Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике Советского государства. М., 1960.
- ²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 276, 305.
- ³⁰ Там же. Т. 26. С. 109.
- ³¹ Там же. Т. 24. С. 221.
- ³² Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. С. 48.
- ³³ Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 24—25, 26.
- ³⁴ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М. 1939. С. 513.
- ³⁵ Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 46—47.
- ³⁶ Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Сов. этнография. 1986. № 3. С. 63; Чешко С. В. Время стирать «белые пятна» // Сов. этнография. 1988. № 6. С. 9; Тишков В. А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Сов. этнография. 1989. № 1. С. 76.
- ³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 75.
- ³⁸ Сталин И. В. Соч. Т. 2. С. 303.
- ³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 112.
- ⁴⁰ Там же. С. 120.
- ⁴¹ Там же. С. 117.
- ⁴² Там же. Т. 38. С. 159.
- ⁴³ Козлов В. И. Указ. раб. С. 18.
- ⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 158.
- ⁴⁵ Там же. Т. 1. С. 154.
- ⁴⁶ Сталин И. В. Соч. Т. II. С. 336.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350.
- ⁴⁹ Сталин И. В. Т. II. С. 340.
- ⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 36.
- ⁵¹ См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 423.
- ⁵² Там же. Т. 30. С. 36.
- ⁵³ Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 325, 326.
- ⁵⁴ Там же. С. 220.
- ⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 124.
- ⁵⁶ Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 139.
- ⁵⁷ Удальцов А. Д. Теоретические основы этногенетических исследований // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1944. № 6. С. 264.
- ⁵⁸ Брук С. И., Козлов В. И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. // Сов. этнография. 1967. № 6. С. 6, 8.
- ⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360.
- ⁶⁰ Ваганов Ф. М., Пономарев А. Н. Не идеализировать, но и не драматизировать... // Сов. культура. 4 июля 1987 г.
- ⁶¹ Сталин (Джугашвили) // Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т. 13. С. 783.
- ⁶² Зотов В. Д. Национальный вопрос: деформации прошлого // Коммунист. 1989. № 3. С. 86.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Задарновский Б. Б. (Выступление на расширенном заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР и межведомственного научного совета по изучению национальных процессов) // Сов. этнография. 1989. № 1. С. 22.

А. И. Кузнецов

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОБЩЕСТВО» И «ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ»

В советской исторической науке долгое время господствовало сталинское определение нации, оказывавшее решающее влияние и на разработку теории

этнической общности. Теория должна объяснять все факты изучаемого явления. Высказывания Сталина нельзя назвать научной теорией, так как даже «гипотеза ставится под сомнение уже в том случае, когда вступает в противоречие хотя бы с одним-единственным фактом»¹. Фактов, противоречащих высказываниям Сталина, достаточно много; его «теория нации» не подтверждалась, а опровергалась практикой. Высказывания Сталина считались теорией нации лишь в силу принципа *аутос эфа* — «он сам (Сталин) сказал это», что считалось непререкаемым доказательством.

Однако этническая сторона истории человечества требовала осмысления разработки теории, которую ждали для решения научных и практических задач. В 1964 г. статьей С. А. Токарева² началась дискуссия, в ходе которой было высказано несколько точек зрения и обнаружился различный подход к понятиям «этническая общность» и «нация». Эта дискуссия, к сожалению, не дала ожидаемых результатов: большинство историков и философов вернулись к сталинской теории нации. Интерес к указанной проблеме проявился и в публикациях последующих лет. Среди них нужно отметить работы С. А. Арутюнова, Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилева, В. И. Козлова, Л. П. Лашука, Ю. И. Семёнова и Н. Н. Чебоксарова³. К настоящему времени об этнической общности и ее типах написано уже столько работ, что даже краткий их обзор превысил бы объем журнальной статьи. Полагая, что читатель знаком с состоянием проблемы, я ограничусь лишь критикой положений, имеющих прямое отношение к излагаемой здесь теме.

В статье предпринята попытка исследования этнической общности с помощью анализа соотношения понятий *общество* и *этническая общность*⁴, тесно связанного с отношением *условий* и *признаков* и с разграничением понятий *явление* и *процесс*. Для изучения этнической общности важно также отделить конкретно-исторический аспект этнической истории от логического аспекта, т. е. историю от теории объекта исследования. В наших рассуждениях мы будем исходить из следующих, не требующих, на мой взгляд, доказательств, посылок.

Любое явление возникает в определенных, не всегда одинаковых условиях. Для нормального существования (функционирования) явления также необходимы условия, нарушение которых приводит в конечном итоге к исчезновению самого явления. Условия вызывают возникновение явления и определяют его существование, а признаки характеризуют сущность явления. При исследовании нужно, не абсолютизируя, не отрывая условий от признаков, помня о возможной их взаимосвязи и причинной обусловленности, строго разграничивать условия возникновения, условия функционирования и признаки явления, его сущность. Так, например, условием возникновения антагонистических классов было развитие производства и возникновение частной собственности, условием их функционирования является господство частной собственности на средства производства, но к признакам классов В. И. Ленин относил не перечисленные условия, а место классов в системе общественного производства, их отношение к средствам производства, их роль в общественной организации труда, способы получения и размеры той доли общественного богатства, которой они располагают⁵. Давая определение явлению, мы абстрагируемся от условий его возникновения и функционирования и включаем в определение только признаки, раскрывающие его сущность.

Давать определение мы должны явлению в законченном, завершённом, сложившемся виде, а не процессу образования этого явления. Можно, конечно, выделить произвольное число состояний, стадий и дать им определения, наделить их признаками. Но в этом случае нельзя таксономически уравнивать эти стадии с конечным результатом процесса.

Давать определение явлению нужно не только в завершённом, но и в «чистом» виде. Это означает, что в объём определяемого понятия входят только объекты, обладающие всеми признаками данного понятия. Объекты же, потерявшие один или несколько признаков, не входят в данное понятие, находятся

в переходном состоянии от одного явления к другому. То есть все, что утверждается относительно всех предметов класса, утверждается и относительно каждого предмета⁶.

* * *

Человеческое общество в целом в любой исторический отрезок времени существует как совокупность коллективов, внутри которых осуществляется процесс производства средств существования. Эти коллективы представляют собой сложную систему — социальный организм, который предстает перед нами в виде конкретного исторического общества (КИО). Большинство (в национальных государствах) или все (в племени) члены КИО имеют одинаковую этническую принадлежность: общество этнически окрашено. Таким образом, создается иллюзия тождества понятий *общество* и *этническая общность*, иллюзия того, что человечество существует как совокупность этносов. А отсюда и стремление наделить этническую общность (ЭО) признаками, присущими КИО.

Но в реальной действительности мы видим не этнос, а КИО, как совокупность связей, образующих множество систем, частных. Безусловно, что все существует во взаимосвязи, в движении, в развитии. Но безусловно также и то, что для изучения общей картины явления необходимо вычленять его отдельные элементы, связи между этими элементами, этапы развития изучаемого явления. Известно высказывание Ф. Энгельса об этом: «Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества... то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимосвязей, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает. Этот первоначальный, наивный, но, по сути дела, правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии. Несмотря, однако, на то, что этот взгляд верно охватывает общий характер всей картины явлений, он все же недостаточен для объяснения тех частных, из которых она складывается, а пока мы не знаем их, нам не ясна и общая картина. Чтобы познавать эти частности, мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям и т. д. В этом состоит прежде всего задача естествознания и исторического исследования»⁷. Сложность выделения частных из бесконечного сплетения связей конкретного исторического общества заключается в том, что субъектом всех этих частных — систем КИО — является человек, имеющий этническую принадлежность, которая присуща ему во всех системах КИО.

Человек как член определенного КИО входит одновременно во множество систем, вступает в различные отношения с другими членами общества, выступает в различных социальных ролях и в их единстве представляет собой личность — субъект общественных отношений, «совокупность всех общественных отношений»⁸. Общение личностей структурно организовано в виде различных социальных групп, взаимосвязь которых и обусловленность их в конечном счете производственными отношениями создают организованное общество, социальный организм. Ролей, как и групп, к которым принадлежит отдельный индивид, много, но личность не исчерпывается ни одной из ее многочисленных ролей. Структуру личности образует их целостность, совокупность, что означает зависимость личности от других индивидов и социального целого. Общество соотносится с личностью. Различные же системы отношений, из которых состоит общество в целом, соотносятся со множеством свойств, признаков, социальных ролей личности. Этническая общность — это определенные отношения, в которые вступают между собой личности. Этническая общность — одно из проявлений общества, одна из его характеристик, одна из его сторон. А этническая принадлежность члена общества — одно из свойств, признаков личности. Таким образом, *общество* и *этническая общность* — понятия не тождественные.

Общество и этническая общность, так же как личность и ее этническая принадлежность, соотносятся как целое и часть.

Даже при полном совпадении этнической общности и конкретно-исторического общества, как это наблюдается в племени, представляющем собой социальное и этническое единство, мы не можем отождествлять этническую общность и общество. Племя как общество, как социальный организм представляет собой сложную систему, взаимосвязь многих отношений: социальную, территориальную, экономическую, конфессиональную и, наконец, этническую общности. И только совокупность всех этих общностей в их взаимодействии и целостности и есть племя как общество, как социальный организм.

В классовую эпоху КИО включает в свой состав личности, имеющие разную этническую принадлежность, а одна и та же этническая общность оказывается включенной в несколько разных КИО. Так, например, афинское рабовладельческое общество ко времени наивысшего расцвета органически включало в свой состав 365 тыс. рабов-иноплемеников и 45 тыс. неполноправных жителей — иностранцев и вольноотпущенников, но лишь 90 тыс. свободных афинян составляли собственно афинский этнос⁹. Протиповоставляя население римского государства собственно римскому народу, Энгельс писал: «Между тем население города Рима и римской области, расширившейся благодаря завоеванию, возрастало отчасти за счет новых поселенцев, отчасти — за счет населения покоренных, по преимуществу латинских, округов. Все эти новые подданные... не составляли части... собственно римского народа»¹⁰. Любое современное государство, как социальный организм, включает в свой состав как членов общества людей других национальностей, которые, являясь членами данного КИО, будучи связанными в процессе производства со всеми другими членами данного КИО, в то же время принадлежат к другой этнической общности, представители которой могут составлять большинство другого КИО.

Все это говорит о том, что этническая принадлежность личности как субъекта общественных отношений не является свойством, возникающим в процессе производства. Этнические отношения не возникают в процессе производства, не обуславливаются производственными отношениями. Этническая общность имеет свои внутренние закономерности и относительно самостоятельна в своем развитии. А если это так, правомерен вопрос: должен ли каждой общественно-экономической формации соответствовать свой тип этнической общности (например, племя, народность, нация)?

Конкретно-историческое общество представляет собой не простую сумму индивидов, а иерархическую совокупность систем-общностей, в которые индивиды объединяются по сумме строго определенных признаков, являющихся в то же время и признаками самой системы, т. е. каждая из систем КИО объединяет строго определенные признаки личности. Объем понятия каждой из общностей включает в себя множество индивидов, каждому из которых принадлежат признаки, относящиеся к содержанию понятия данной общности, т. е. признаки, по которым индивиды объединяются в ту или иную общность, являются и признаками самой общности.

Общепризнано, что этническими признаками личности являются этническое самосознание, язык и культура. Именно этими тремя признаками и пользуются на практике этнографы для определения этнической принадлежности человека. Если это так, то признаками этнической общности будут общность этнического самосознания, языка и культуры входящих в данную ЭО людей. Однако большинство исследователей, признавая эти три признака достаточными для определения этнической принадлежности отдельной личности, считают их недостаточными для определения самой этнической общности. Они включают в определение ЭО такие признаки, как общность территории, экономики, религии и т. п. Рассматривая этническую принадлежность, которая является лишь одной из сторон личности, они объединяют не эти свойства, а сами личности — именно как члены КИО люди данной национальности, и не только данной, входят в тер-

риториальную, экономическую, конфессиональную и другие общности-системы КИО. Включая в число признаков этнической общности признаки, отсутствующие у этнической принадлежности личности, мы нарушаем логическое правило: «Все, что утверждается относительно всех предметов класса, утверждается и относительно каждого предмета»¹¹. А наделение этнической общности признаками, присущими КИО, означает отождествление общества и этнической общности как одной из ее сторон, т. е. отождествление целого и части.

Для изучения любого явления и его классификации необходимо знать то, что мы собираемся классифицировать, т. е. надо логически правильно определить делимое понятие. Из сопоставления КИО и ЭО видно, что для выделения этнической общности необходимыми и достаточными существенными признаками являются этническое самосознание, язык и культура. Следовательно, этническую общность можно определить как общность людей, говорящих на одном языке, имеющих общие черты культуры и единое этническое самосознание.

Язык является примером отличия КИО от ЭО и личности от ее этнической принадлежности. Господствующий в данном КИО язык объединяет в процессе производства и в других отношениях людей различных национальностей, но все они объединяются в этнические общности своим родным языком.

Справедливо говорят о различиях в культуре одного народа и о близости культур рядом живущих народов, об интенсивной культурной нивелировке всех народов формирующейся мировой культурой. И все же на каждом историческом отрезке времени у любого народа, несмотря на территориальные, классовые и другие различия в культуре, нивелировку и сближение культур, несмотря на все это, существуют общие для данного народа, для всех его представителей культурные черты, духовное наследие, которые и создают неповторимый национальный облик, характер, поведение — национальную окраску. В то же время нужно отметить, что значение культурной общности существенно различается в разные исторические эпохи. С. А. Токарев писал в цитируемой статье: «Культурная общность важна для этнического единства... в большей мере на ранних стадиях развития, чем на поздних»¹².

Особенно интересным и важным является такой признак этнической общности, как *этническое самосознание*. Самосознание — это осознание человеком самого себя, выделение себя из определенного круга объектов. На первых этапах человеческой истории люди выделяли себя из окружающей природы; не случайно самоназвание многих первобытных народов означало «люди» в противоположность животным и другим явлениям и объектам природы. Самосознание — признак, свойство. Как и любое другое свойство, оно не существует само по себе, но лишь в отношении и, следовательно, проявляется лишь вовне. Оно может находиться в скрытом состоянии, но как только в нем возникает необходимость, оно проявляется. Индейцы Америки до прибытия европейцев, различая друг друга по антропологическому типу, не могли осознать свою расовую общность, так как противопоставить ее было некому.

Вступая в различные отношения в обществе, человек осознает эти отношения как принадлежность к определенной общности. Один и тот же человек имеет классовое, профессиональное, возрастное, половое и т. п. самосознания, которые отражают различные стороны его участия в жизни общества. Сравнивая себя с другими членами общества по языку и культуре, человек или осознает свою общность с ними, или отличает себя от них. *Этническое самосознание* — осознание человеком своей принадлежности к определенной общности людей, говорящих на одном с ним языке и имеющих те же общие с ним черты культуры.

В отличие от этнического самоназвания, этническое самосознание не субъективно, оно, по мнению А. О. Бороноева «является субъективным в гносеологическом отношении»¹³. Формируясь под влиянием объективно существующих связей индивида в обществе, этническое самосознание, как отмечал Ю. И. Семенов, «возникнув, уже не зависит от его воли и сознания»¹⁴, оно не может

произвольно меняться и является субъективным отражением объективно существующего положения человека в обществе.

Этническое самоназвание может в силу ряда экономических, политических и других причин не совпадать с самосознанием. Человек может или бывает вынужден причислять себя к другому этносу, менять самоназвание, но это отнюдь не означает изменения самосознания. Перемена самоназвания происходит у отдельных представителей этноса, но народ в целом никогда из-за политических, экономических и других причин не меняет своего этнонима, совпадающего с этническим самосознанием. Это не относится к постепенной замене этнонима на экзоним, который становится аутонимом и тем самым приводит к изменению самосознания.

Этническое самосознание — признак необходимый и достаточный для отличия этнической принадлежности человека от его принадлежности к расовой, профессиональной, конфессиональной, партийной и другим общностям людей и в то же время для отграничения одной этнической общности от другой. Этот признак появляется первым при возникновении новой этнической общности и исчезает последним при ассимиляции. Как правило, человек, потеряв свой язык и культуру, будучи полностью ассимилирован в языковом и культурном отношении, еще осознает принадлежность к своему этносу, сохраняет этническое самосознание. Перемена этнического самосознания означает завершение процесса ассимиляции.

Нередки высказывания о том, что этническое самосознание не может быть достоверным признаком, так как трудно установить, соответствует ли самоназвание действительной этнической принадлежности опрашиваемого. Безусловно, самосознание проявляется в самоназвании, установить их тождественность — задача исследователя. Однако несовершенство методики или неумение ученого определить этническое самосознание не умаляют его значения как важнейшего признака этнической общности.

Язык, этническое самосознание и культура воспроизводятся самой ЭО. В однопациональной среде этническое самосознание, национальность «наследуются» ребенком от своих номинальных родителей, язык и культура усваиваются. Содержание этнического самосознания различно в разные периоды жизни человека, различается у представителей классов, слоев общества.

Таким образом, признаками, по которым мы можем отличить этническую общность от любой другой общности-системы КИО, будут по степени важности соответственно этническое самосознание, язык и культура. В связи с этим напомним еще раз, что давать определение любому явлению, в том числе и ЭО, мы можем только в его законченном виде, а также явлению в «чистом виде». В данном случае это означает, что мы рассматриваем сложившуюся ЭО, а не процесс формирования ЭО из различных этнических компонентов, а также то, что указанные три признака присутствуют у всех индивидов, входящих в данную ЭО. Человек, утративший, допустим, родной язык, не включается в ЭО, а относится к лицам, находящимся в процессе ассимиляции, в переходном состоянии. Сложившаяся этническая общность характеризуется однозначностью самосознания, языка и общих черт культуры. Эта чисто логическая модель будет недалеко от конкретной действительности, так как подавляющее большинство человечества существует именно в виде таких «чистых» этносов, т. е. совокупности индивидов с одинаково выраженными этническими признаками. Несмотря на кажущуюся большой абсолютную цифру смешанных браков, лиц в той или иной стадии ассимиляции, в процентном отношении она будет невелика.

* * *

Наделение этнической общности другими, чем общность этнического самосознания, языка и культуры, признаками вытекает из отождествления понятий

общество и этническая общность, а также смешения условий и признаков. Это проявилось уже в определении Сталиным капиталистических и социалистических наций, которые, по его мнению, отличаются «как по своему классовому составу и духовному облику, так и по своим социально-политическим интересам и устремлениям»¹⁵. Классификация С. А. Токарева, основанная на том, что в демос не входят рабы, в народность — феодальная верхушка, является по существу классификацией не этнических общностей, а обществ как социальных организмов¹⁶. Отождествление общества и этнической общности и смешение условий и признаков прослеживается в определении нации как «социально-этнической общности»¹⁷, как «единства трех сторон, трех групп качеств: этнических, социально-политических и интернациональных»¹⁸, в понимании этнической общности как «социального организма»¹⁹ или «целостного социально-этнического организма»²⁰, в наделении нации такими признаками, как экономическая, территориальная и даже государственная общности²¹.

Общность территории — неперенное условие возникновения ЭО и одно из условий ее функционирования. Но из этого нельзя делать вывод о «целесообразности включения территории в число признаков этнической общности»²². Еще в 1918 г. известный русский ученый Ф. Ф. Аристов образно говорил: «Не надо смешивать живого принципа нации с мертвым понятием территории. Территория нужна лишь государству»²³. Нарушение общности территории — акт единовременный и не приводит автоматически к исчезновению самой ЭО, как это видно из примеров раздельного существования поляков в периоды разделов Польши, немцев в ФРГ и ГДР, корейцев Северной и Южной Кореи, азербайджанцев в СССР и Иране, таджиков СССР и Афганистана. Однако достаточно долгое раздельное существование народа может привести к потенциальной возможности распада единой этнической общности на несколько новых или же к ассимиляции части народа другой этнической общностью.

Условиями, ускоряющими процесс образования этнической общности на единой территории, являются *государственная общность* и связанная с ней *экономическая общность*. В свою очередь экономическая общность зависит от уровня развития производительных сил и производственных отношений. Значит, скорость протекания этногенеза неодинакова в различных общественно-экономических формациях. Если в сложившейся этнической общности этническая принадлежность личности как члена КИО не является свойством, возникающим в процессе производства, не обуславливается производственными отношениями, то на процесс формирования ЭО общественные отношения накладывают определенный отпечаток: социально-экономическое развитие предстает как условие, ускоряющее или замедляющее формирование новой ЭО.

Экономическая общность не может быть признаком этнической общности, экономика, по словам В. И. Козлова, «не характеризует специфику этнической общности... Этническая и экономическая общность довольно часто совпадают, но связь между ними, как правило, имеет опосредованный характер»²⁴.

Отождествление общества и этнической общности и смешение условий и признаков мы видим и в выборе в качестве *критерия различия типов этнической общности* кровнородственных, территориальных и экономических связей. *Кровнородственные связи* можно рассматривать и как этнические, так как племя представляло собой этническое и социальное единство; оно было основной этнической единицей и в то же время наряду с родом и фратрией — формой социальной организации. Единство племени как социальной и этнической системы формировалось связями, которые были в одно и то же время этническими и социальными. Главнейшей из этих связей была кровнородственная. Она определяла общность происхождения членов племени, языковую и территориальную общность и общее имя. «Если нет налицо кровного родства, — писал С. А. Токарев, — то ни территориальная, ни языковая, никакая иная связь не делает данную группу людей собственно племенем»²⁵.

Территориальные связи присущи не этносу, а обществу, государству. Срав-

нивая родовое и классовое общества, Морган писал, что в родовом обществе, представлявшем «собой организацию социальную... власть имела дело с отдельными лицами в их отношении к роду и племени. Эти отношения были личными»; а в политическом обществе, «основанном на территории и собственности... власть имела дело с отдельными лицами в их отношении к территории, например к городскому округу, кантону и государству. Эти отношения были чисто территориальными»²⁶.

Экономические связи объединяют в процессе производства не членов этноса, а членов КИО. В любом государстве экономические связи объединяют в процессе производства все входящие в него этнические общности, и не существует отдельных экономических связей внутри этих ЭО, отличающихся от общегосударственных экономических связей.

Не случайно ставился вопрос и о включении в число признаков нации наличие рабочего класса²⁷ и буржуазии²⁸. Если рассматривать этническую общность как общество в целом, это вполне закономерно. Более того, мы должны были бы довести до логического завершения эту мысль, наделив каждый тип этнической общности (племя, народность, нация) всеми признаками той общественно-экономической формации, для которой он, по мнению выделяющих эти типы, характерен.

Выделяются следующие типы: племя, рабовладельческая и феодальная народности, капиталистическая и социалистическая нации. Были высказаны и другие точки зрения. Так, например, С. А. Токарев предложил следующую типологию этнических общностей: первобытная эпоха — племя, рабовладельческая эпоха — демос, феодальная эпоха — народность, поздний феодализм и капитализм — нация капиталистическая, социализм — нация социалистическая²⁹. Особый тип этнической общности между племенем и народностью выделяет также Л. П. Лашук. Он называет социально-этническими общностями более высокого типа, чем племена: *демос*, *популюс*, египетский *ном*, племенные германские *герцогства*, а также территориально-племенные *улубные* общности тюрков и монголов³⁰. Ю. И. Семенов считает, что этническая общность имеет два типа — племя и народность. Последняя в свою очередь подразделяется на протонародность, формирующуюся, или раннюю, народность, позднюю и позднейшую³¹. По мнению Н. Н. Чебоксарова и С. А. Арутюнова, для первобытнообщинной эпохи основным типом этнической общности были племенные группы (соплеменности), а такой тип, как народность, характерен и для нового времени, но народности нового времени существуют, как правило, только во взаимосвязи с более крупной нацией³². В. И. Козлов высказал также мнение, что «этнические общности, при всей связи их с общественно-экономическими формациями, развиваются по своим специфическим законам»³³.

Особенно уязвимым звеном в перечисленных выше классификациях является, несомненно, *народность*. Других определений этому типу, кроме этнической общности рабовладельческого и феодального периода, основанного на территориальных связях, в общем-то дано не было. Обычно под народностью понимается общность людей, которая еще не успела сложиться в нацию. Выделение народности как типа ЭО, таксономически равного племени и нации, объясняется, на мой взгляд, своеобразным переплетением нескольких причин. Во-первых, необходимость, придерживаясь существовавшего определения нации как ЭО периода капитализма и социализма, как-то обозначить этническую общность в периоды рабовладения и феодализма. Во-вторых, отождествляя, по сути, ЭО и КИО и считая, что каждой общественно-экономической формации должен соответствовать свой тип ЭО, наделить рабовладельческую и феодальную формацию своим типом ЭО. В-третьих, как-то отделить нации — большие по численности, высокоразвитые в социально-экономическом отношении и государственно оформленные народы — от малочисленных, не имеющих своей государственности и экономической целостности народов. Последнее также вытекает из отождествления ЭО и КИО, так как независимо от численности, экономи-

ческой самостоятельности, наличия государственности и других условий, характеризующих КИО, этнос остается этносом. Народности — рабовладельческие, феодальные, капиталистические и социалистические — как тип выделяются из родового понятия «этническая общность» и отграничены друг от друга не этническими признаками, а признаками, присущими обществу в целом, социально-экономическим формациям, а потому этот тип и не имеет права на существование.

Выделение народности как типа этнической общности объясняется также смешением или отождествлением таких понятий, как *явление* и *процесс*. То, что в философии называется перерывом постепенности и означает появление нового качества, в истории человеческого общества занимает длительный переходный период. Этот период — закономерность. А. И. Неусыхин описал его применительно к переходу от родового к феодальному обществу, а Морган на примере греков и римлян — к переходу от родового к рабовладельческому обществу. «В процессе исторического развития смена общественно-экономических формаций совершается через революционный скачок... Однако подобным скачкам предшествуют более или менее длительные переходные периоды; в течение этих периодов накапливаются те изменения и появляются те противоречия данной общественной формации, которые и приводят к тому или иному революционному скачку. Во время таких переходных периодов многие существенные черты общественного строя предшествующей формации уже перерождаются, начинают изживаться или вовсе отмирают и вместе с тем нарождаются элементы последующей формации. Однако так как первые еще достаточно живучи, а вторые еще не успели восторжествовать и существуют пока лишь в виде — зачастую противоречивых — тенденций развития, которое к тому же неравномерно и с различной быстротой в разных сферах жизни общества, то в каждый из переходных периодов возникает весьма своеобразное и сложное переплетение структурных элементов предшествующей и последующей социально-экономической формаций... Это и означает, что перед нами переход от одной формации к другой. Наличие таких переходов неизбежно, ибо они являются как бы той промежуточной стадией, на которой происходит генезис новой общественной формации... Один из таких переходных периодов предшествовал генезису феодальной общественной формации у германоязычных племен Западной Европы и в этом смысле может быть обозначен... как переходный период от бесклассового общества к классовому»³⁴.

Процесс разложения первобытнообщинного строя и возникновения классового общества и процесс превращения типа этнической общности родового строя — племени в этническую общность классовой эпохи — этнос проходят параллельно. Л. Морган прослеживает его на примере афинян: «В течение некоторого времени существовали бок о бок... две общественные организации: одна отмирающая, другая возникающая. Первая представляла собой общество, основанное на родах, вторая — государство, основанное на территории и собственности, постепенно вытеснившее родовое общество»³⁵. «Четыре афинских племени слились в один народ вследствие смешения племен на одной территории и постепенного исчезновения географических границ между ними. Племенные имена и организации продолжали существовать в полной силе, как и прежде, но лишились основы в виде территориальной независимости. Когда было учреждено политическое общество на основе дема или городской общины и все обитатели дема, независимо от рода и племени, стали одним политическим целым, слияние завершилось»³⁶.

Все народы начинают складываться при переходе от родового общества к классовому. Этот переходный период, зависевший в очень сильной степени от социально-экономического развития, занимает иногда очень длительный период. Как известно, Сталин не дал определения народности и не упоминал о ней вплоть до 1949 г. Под нацией он понимал историческую категорию «эпохи подымающегося капитализма»³⁷, а племя считал этнографической категорией³⁸. В статье 1913 г. Сталин не упоминает народность, но говорит о нациях,

«сложившихся... из людей различных рас и племен» и о «нациях, прошедших стадию феодализма и развивших у себя капитализм»³⁹. Эти высказывания можно толковать и как то, что формирование наций (т. е. народов) началось с разложения родового строя («из ... племен»), продолжалось в эпоху феодализма и закончилось при капитализме. Так, очевидно, понимали и интерпретаторы и популяризаторы сталинских высказываний: «Народность — это общность людей, которая в силу особенностей своего исторического развития еще не успела сложиться в нацию: всех признаков, необходимых для нации, у народности нет»⁴⁰. Стадий в процессе образования наций (этнической общности) можно выделить не одну: Ю. И. Семенов, как отмечалось, говорит о четырех стадиях. Рассмотрение этапов, стадий в процессе формирования какого-либо явления в качестве самостоятельного типа, таксономически равноценного этому явлению, логически неверно и является типичным примером ошибки удвоения, когда стадия в процессе возникновения явления рассматривается как самостоятельное явление. С. А. Токарев в цитируемой статье указывал: «Вполне законно говорить, что немецкая нация сложилась из народностей баварской, вестфальской, баденской, саксонской и других, но нельзя говорить, что „немецкая народность“ сформировалась в „немецкую нацию“»⁴¹.

В связи с этим необходимо обратить внимание на *конкретно-исторический* и *логический* аспекты этнической истории. С точки зрения конкретно-исторической этногенез греков представляет собой объединение греческих племен в афинский, спартанский и другие этносы, которые в свою очередь объединились в новую этническую общность — эллины. То же можно сказать и об этногенезе других народов. С точки зрения теории этнической общности афинский и эллинский этносы таксономически равноценны.

Когда относят какие-либо народы к народности или к нации, то в большинстве случаев правильным является лишь отнесение к нации, потому что, какими бы признаками нация ни наделялась, это понятие всегда подразумевает, что этническая общность уже сложилась. Но анализ литературы показывает, что не все сформировавшиеся народы относят к нациям, а, как правило, только те, общество которых является капиталистическим или социалистическим. С другой стороны, отождествление общества и этнической общности приводит к тому, что к нации относят еще не сформировавшуюся этническую общность, например туркмен, на том основании, что их общество социалистическое. Сложившаяся этническая общность характеризуется однозначностью этнических признаков. Процесс же возникновения этнической общности — многоступенчатый этническим самосознанием, наличием наряду с формирующимся единым языком и общими чертами культуры нескольких диалектов или языков и культур, присущих различным этническим компонентам, участвующим в образовании новой этнической общности. Как известно, у туркмен до сих пор сохраняются племена и осознается принадлежность как к ним, так и к туркменам в целом, т. е. этническое самосознание у туркмен по крайней мере двойное, что свидетельствует о том, что с логической точки зрения туркменская этническая общность находится в процессе становления.

Исключая понятие «народность», мы тем самым избежим смешения собственно этнических и социально-экономических признаков, а также невольной субъективности и недоказательности при отнесении той или иной этнической общности к «нации» или «народности».

* * *

В предыдущем изложении было показано, что большинство авторов основное внимание уделяли критике существующих понятий (племя, народность, нация), хотя полезнее было бы обратиться к самому явлению — этнической общности. Если мы абстрагируемся от существующих классификаций этнической общности и нам не нужно будет объяснять, что такое нация или на-

родность (полагая, что существуют не только термины, но и обозначаемые ими явления), то, перед нами встанет задача, во-первых, определить этническую общность и, во-вторых, выяснить, имеются ли видовые отличия этнической общности.

Этнические общности существовали на всем протяжении человеческой истории. В развитом родовом обществе родовая и племенная социальные организации типологически были одинаковыми для всех человеческих коллективов, которые различались не социальными характеристиками, а языком (диалектом), культурой и самосознанием. Эти признаки характеризовали племя, как этническую общность, и отграничивали его от других, однотипных в социальном отношении, племен. Племя представляло собой единство этнического и социального, единство всех отношений в КИО. Прогресс производительных сил вызвал появление частной собственности, что привело к разложению родового строя и появлению классового общества. Разложение родового строя означало разрушение единства племени, дифференциацию различных его отношений. Процесс формирования классового общества, т. е. длительного совместного существования родовых институтов и вновь нарождавшихся классовых учреждений, был в то же время и процессом постепенного отмирания племени как типа этнической общности родовой эпохи и появления нового типа этнической общности, вызванного к жизни новыми общественными отношениями и имманентного новому, классовому обществу. Этот второй тип этнической общности — *народ, этнос*.

Новый тип этнической общности возникал в рамках новой социальной организации, в рамках классового общества. Большую роль при этом играло государственное объединение племен в одно общество, в котором постепенно родовые отношения уступали место имущественным, стирались различия между представителями отдельных племен, вырабатывалось общее самосознание принадлежности к единому этническому целому. Новое самосознание часто совпадало в начальный период классового общества с государственным самосознанием. В начальный период классового общества новый тип этнической общности — это обязательно и новая реальная этническая общность, например афиняне, спартанцы.

Таким образом, социально-экономические отношения, являясь необходимым условием существования этнической общности, обуславливают выделение двух ее типов, имманентных родовому и классовому обществу. Каков же этнический критерий выделения двух типов ЭО? Мне кажется, что племя и народ, обладая признаками общности языка и культуры, различаются в содержании такого признака, как этническое самосознание.

В племени этнические связи были социально опосредованы. Свою принадлежность к этнической общности — племени его член осознавал не прямо, а через свою принадлежность к первичной социальной организации — роду, и во всех отношениях, в том числе и этнических, он выступал по отношению ко всем другим членам племени как член социальной организации, рода. Поэтому этническое самосознание в племени можно обозначить как *индивидуально-групповое* или *личностно-групповое*.

Возникновение классового общества приводит к распаду социально-этнического единства племени, дифференциации социальных и этнических отношений, которые становятся относительно независимыми друг от друга. В классовом обществе этническая принадлежность личности социально не опосредована. Принадлежность к классу не вызывает принадлежности к этносу. Классы могут быть представлены различными этносами. Так, афинское общество состояло из двух классов — рабовладельцев-афинян и рабов других национальностей. Классовая принадлежность личности непостоянна, подвижна, особенно в современном обществе. Таким образом, в классовом обществе не существует взаимосвязи и взаимообусловленности между социальным и этническим и каждый отдельный член этноса соотносит себя с этносом и со всеми другими членами этноса прямо, а не опосредованно через класс или какой-либо другой социаль-

ный институт. Поэтому этническое самосознание в классовом обществе можно назвать *индивидуальным* или *личностным*.

Этническое самосознание, выступающее в виде индивидуально-группового и личностного, и есть единственный критерий, по которому из родового понятия «этническая общность» можно выделить два типа этнической общности, характерных для родового и классового общества, — племя и народ (этнос).

Логическая схема классификации этнической общности в конкретной исторической действительности проявляется в процессах возникновения и существования конкретных этнических общностей, в процессах консолидации или интеграции их при образовании новых этнических общностей, т. е., по существу, — в этногенезе и этнической истории. Началом этногенеза можно считать появление общего самоназвания для участвующих в этом процессе этнических компонентов, а концом — однозначность этнических признаков, когда каждый представитель всех этнических компонентов будет осознавать себя принадлежащим только к новой этнической общности и ни к какой другой этнической группе. Процесс возникновения этнической общности, т. е. собственно этногенез, характеризуется, по крайней мере, двойным этническим самосознанием, наличием наряду с формирующимися единым языком и общими чертами культуры нескольких языков (диалектов) и культур, присущих этническим компонентам, участвующим в образовании новой этнической общности. В свою очередь, сложившаяся этническая общность может в дальнейшем участвовать в образовании новой, более широкой этнической общности в качестве одного из этнических компонентов. В этом случае ее этническая история будет являться частью этногенеза новой этнической общности.

Этнические общности формируются на общей территории в определенных исторических обществах. Скорость протекания этнических процессов различна в разные исторические эпохи и зависит от уровня социально-экономического развития общества, в котором эти процессы идут. Однако низкий уровень социально-экономического развития может компенсироваться большей длительностью этого процесса. Неравномерность социально-экономического развития человечества обусловила и неравномерность этнического развития. Одни этносы возникают в античную эпоху, другие — при феодализме, третьи завершают свое формирование при капитализме или даже в современную эпоху.

Возникнув, этнические общности (племена и народы) продолжают существовать как таковые или в процессе объединения (племен в народы или нескольких народов в новый этнос), или же в процессе разделения одного народа на несколько будущих самостоятельных народов. Поэтому в каждый конкретный исторический период можно выделить собственно этнические общности, этнические общности, находящиеся в процессе объединения или разъединения, а также части народов, находящиеся в процессе ассимиляции.

В заключение необходимо отметить, что предполагаемое понимание этнической общности, как одной из систем конкретного общества, и выделение двух ее типов: племени и народа (этноса) позволит нам, не впадая в противоречия, отделять народ от общества и говорить, в частности, о существовании одного корейского народа и двух корейских обществ, одного немецкого народа и двух немецких государств. Мы можем сказать о существовании азербайджанской, туркменской, таджикской этнических общностях, живущих в пределах нескольких государств, различающихся системой производственных отношений. Мы можем также отличить по однозначности признаков этническую общность как целое от этнографических групп, которые имеют двойное самосознание.

- ¹ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
- ² Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии // *Вопр. философии*. 1964. № 11.
- ³ См., например, Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // *Расы и народы*. 2. М., 1972; Бромлей Ю. В. Этнос и этносоциальный организм // *Вестник АН СССР*. 1970. № 8; Гумилев Л. Н. О термине «этнос». Этнос как явление // *Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР*. Вып. 3. Л., 1967; Козлов В. И. О понятии этнической общности // *Советская этнография* (далее — СЭ). 1967. № 2; Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов // *СЭ*. 1968. № 1; Семенов Ю. И. К определению понятия «нация» // *Народы Азии и Африки*. 1967. № 4; Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // *СЭ*. 1967. № 4.
- ⁴ Основные положения данной статьи опубликованы в работе: Кузнецов А. И. Понятие «этническая общность» в советской науке последнего десятилетия // *Доклады IX МКАЭН*. М., 1973.
- ⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 436.
- ⁶ Кондаков Н. И. Указ. раб. С. 168.
- ⁷ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.* Т. 20. С. 20.
- ⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.
- ⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953. С. 123.
- ¹⁰ Там же. С. 132.
- ¹¹ Кондаков Н. И. Указ. раб. С. 168.
- ¹² Токарев С. А. Указ. раб. С. 45.
- ¹³ Бороноев А. О. К определению понятия «нация» // *Тр. Бурятского ин-та обществ. наук*. Вып. II. Улан-Удэ, 1968. С. 109.
- ¹⁴ Семенов Ю. И. Указ. раб. С. 89.
- ¹⁵ Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм // *Соч.* Т. 11. М., 1949. С. 340.
- ¹⁶ Токарев С. А. Указ. раб. С. 50—52.
- ¹⁷ Бурмистрова Т. Ф. Некоторые вопросы теории нации // *Вопр. истории* (далее — ВИ). 1966. № 12. С. 168.
- ¹⁸ Анащенко Н. П. От нации к интернациональной общности // *ВИ*. 1967. № 3. С. 95.
- ¹⁹ Семенов Ю. И. Указ. раб. С. 92—96; Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969. С. 365.
- ²⁰ Джунусов М. С. Нация как социально-этническая общность людей // *ВИ*. 1968. № 4. С. 20—24.
- ²¹ Мнацаканян М. О. Нация и национальная государственность // *ВИ*. 1966. № 9. С. 35.
- ²² Козлов В. И. Динамика численности народов. С. 30.
- ²³ Аристов Ф. Ф. Русский национальный вопрос в Закавказье. Тифлис, 1918. С. 7.
- ²⁴ Козлов В. И. О понятии этнической общности. С. 107.
- ²⁵ Токарев С. А. Указ. раб. С. 47.
- ²⁶ Морган Л. Древнее общество. М., 1934. С. 38, 173.
- ²⁷ Рогачев П. М., Свердлов М. А. О понятии «нация» // *ВИ*. 1966. № 1. С. 45.
- ²⁸ Брук С. И., Чебоксаров Н. Н., Чеснов Я. В. Проблемы этнического развития стран Зарубежной Азии // *ВИ*. 1967. № 1. С. 106.
- ²⁹ Токарев С. А. Указ. раб. С. 50—52.
- ³⁰ Лашук Л. П. Указ. раб. С. 106; *его же*. О формах донациональных этнических связей // *ВИ*. 1967. № 4. С. 13—14, 90—92.
- ³¹ Семенов Ю. И. Указ. раб. С. 92—93.
- ³² Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб. С. 17—18.
- ³³ Козлов В. И. Современные этнические процессы в СССР (К методологии исследования) // *СЭ*. 1969. № 2. С. 58.
- ³⁴ Неусыхин А. И. Дофеодалный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодалному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // *ВИ*. 1969. № 1. С. 75—76.
- ³⁵ Морган Л. Древнее общество. С. 173.
- ³⁶ Там же. С. 179.
- ³⁷ Сталин И. В. Указ. раб. С. 338; *его же*. Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2. М., 1946. С. 303.
- ³⁸ Там же. С. 301.
- ³⁹ Там же. С. 293, 295.
- ⁴⁰ Нация и народность // *Большевик*. 1940. № 13. С. 57.
- ⁴¹ Токарев С. А. Указ. раб. С. 52.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ РЕСПУБЛИК И ПУТИ РАЗВИТИЯ НАРОДОВ (теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни)

Летом прошлого года, под впечатлением от серьезнейших событий в области национальных отношений, таких, как армяно-азербайджанский конфликт из-за государственной (республиканской) принадлежности Нагорного Карабаха, организация и формулирование программ Народных Фронтов в республиках Прибалтики, судьбы монокультурной ориентации экономик в республиках Средней Азии и некоторых других, связанных с экономическими отношениями в рамках нашего Союза, авторы этих строк совместно с В. В. Коротеевой написали статью под названием «От бюрократического централизма к экономической интеграции суверенных республик», опубликованную в том же году в № 15 журнала «Коммунист». Вслед за нашей статьей, благодаря оперативности журнала «Коммунист», одна за другой вышли в свет статьи наших коллег В. А. Тишкова и С. В. Чешко. Одновременно журнал «Вопросы истории» опубликовал статью академика Ю. В. Бромлея, также содержащую критический отзыв на нашу работу¹. Нам известно о различной и разнонаправленной реакции на статью в республиках Прибалтики, Средней Азии и других регионах. И если бы не то обстоятельство, что речь идет о жизненно важном вопросе, задевающим судьбы народов страны, мы бы считали себя вправе ограничиться короткой репликой с благодарностью за критику и замечания. В данном же случае вновь приходится, принеся извинения читателю за определенную торопливость и тезисный характер некоторых суждений, ответить нашим оппонентам.

Напомним, к чему сводились основные положения статьи в журнале «Коммунист», как, впрочем и других близких по времени наших публикаций².

Тезис 1. В стране не получил должного развития ленинский принцип союза национальных государств, реализовалась сталинская модель автономизации. Реорганизация многих министерств из союзно-республиканских в союзные уже в 1985—1987 гг. завершила этот процесс.

Тезис 2. Помощь передовых районов отставшим приобрела патерналистский характер, при котором был нарушен принцип их естественного, органичного развития, а за кажущейся безвозмездностью скрывалось навязывание отставшим народам темпов, форм и направлений экономического роста. В результате в СССР не только сохранились, но и возросли сильные различия в уровнях социально-экономического развития республик.

Тезис 3. Финансовая или иная помощь отсталым республикам — частный случай перераспределения всех произведенных в республиках ценностей через центральный и республиканские бюрократические аппараты. Это перераспределение игнорировало результативность труда населения той или иной республики и служило одной из причин повышенной межнациональной конфликтности. Перераспределительные отношения, вместе с тем, составляли основу могущества центрального и местного бюрократического аппаратов. Сложилась ситуация, в которой союз бюрократов центра и мест явно подменил собой союз народов.

Тезис 4. Решая перспективные задачи интеграции экономик всех республик Союза в интересах каждого народа, необходимо именно в силу многолетнего господства бюрократического, насильственного централизма (будем называть его унитаризмом) всячески стимулировать экономический суверенитет, самоорганизацию республиканских экономик (их «самохозяйствование»), что в других, менее точных терминах получило название «республиканского хозрасчета». Экономический суверенитет республик означает их самостоятельность в использовании своих ресурсов, проведении социально-экономических программ и выработке стратегии социально-экономического развития. В связи с этим мы с обо-

стремным интересом изучили опубликованный в марте 1989 г., когда эта статья уже была написана, Проект «Общих принципов перестройки руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе расширения их суверенных прав, самоуправления и самофинансирования»³. Этим документом намечена передача значительной части предприятий из союзной в республиканскую подчиненность, что означает перераспределение властно-собственнических полномочий между центральной и местной бюрократиями в пользу последней. Задача же состоит в республиканском самохозяйствовании на основе хозрасчетности, экономической самостоятельности основного звена народного хозяйства — предприятия, имеющего право свободной кооперации в любой форме и с любым контрагентом, право свободного выхода на республиканский, союзный и мировой рынки. При союзнических отношениях не центр должен предоставлять права суверенным республикам, а напротив — последние добровольно должны делегировать определенную часть своих суверенных прав центру на основе союзного договора и консенсуса всех республик.

Тезис 5. Необходимо четко различать функции первичной территориальной общности в социальном воспроизводстве индивида и функции этнической территории в воспроизводстве этничности. Здесь дело не в географических масштабах, не в квадратных километрах. И малые, и большие народы в качестве базы своего воспроизводства имеют этническую территорию, которую можно рассматривать как самостоятельную экономическую единицу, создающую возможность для всестороннего развития человека — этнофора. Поэтому принципиальное стратегическое значение имеет борьба за сбережение этой территории как основного ресурса национального воспроизводства, сохранения и развития национального языка и культуры. Очевидно, что этническое воспроизводство имеет более многосторонний характер, чем социальное воспроизводство индивида. Народ в целом для своего успешного развития нуждается в широком разнообразии сфер приложения труда и видов занятий⁴, форм образования и учреждений культуры, возможностей для отдыха и т. д. Однако на уровне территориальных общностей (поселенческих и административных единиц) подобного разнообразия достичь труднее, да и не всегда возможно. Поэтому, на наш взгляд, недостаток разнообразия компенсируется при помощи средств коммуникации и миграции населения, в том числе и маятниковой.

Именно последний тезис вызвал наибольшие возражения оппонентов, которые указали на тот факт, что в СССР нередко территория, численность населения и экономический потенциал союзных республик меньше, чем аналогичные характеристики внутринациональных российских регионов. И в этом отношении наш пример — сопоставление Горьковской области и Эстонии — был воспринят так, словно бы мы унизили права и потребности жителей Горьковской области. По логике критиков, как и некоторых других авторов⁵, территориальные единицы должны пользоваться одинаковыми правами и выполнять одинаковые обязанности перед центральными органами (например, отчислять по установленным нормативам средства в госбюджет).

Мы совсем не отрицаем очевидного факта, что «на территории Горьковской области живут не просто „люди“, а преимущественно русское население, которому также необходимо воспроизводить свою национальную культуру»⁶. Различие в том, что Горьковская область — часть России, а Эстония — не часть, а этническая целостность. Сопоставлять следовало бы «на равных» (конечно, не в арифметическом, а в функциональном смысле), скажем, Горьковскую область и Ракверский район Эстонии. Тогда все становится на место. Речь идет не об объеме ресурсов — ясно, что маленький Раквере и гигантский Горький в этом отношении несоизмеримы, — а о функциональном их назначении. В обоих случаях нет системной компоненты — «ответственности» за национальное воспроизводство в целом. Ведь комплексное целостное воспроизводство народа и его культуры осуществляется на всей этнической территории⁷. И в этом смысле Россия в целом и русские как единый народ являются единицей в этнической структуре человечества, равнозначной Латвии и латышам, Украине и

украинцам, Грузии и грузинам и т. д. вне зависимости от численности народа, размера его территории и мощи национальной (т. е. государственной, республиканской) экономики.

Однако внимательное знакомство с доводами критиков убедило нас в том, что речь идет не только о недоразумении, которое легко рассеять, прояснив свою позицию. Налицо глубинное расхождение точек зрения на сущность этнического и особенно природу и пути развития этносов в современном мире. Так, В. А. Тишков видит за концепцией экономического суверенитета республик (народов) тенденцию к хозяйственной автаркии национальных государств, с которой «трудно совместить организацию современного высокоэффективного производства»⁸. Другими словами, экономическая жизнь современного общества осуществляется в каких-то иных структурах, нежели наций и национальные государства. Наиболее однозначно эту мысль выразил С. В. Чешко: «Сами этносы превратились (к настоящему времени. — Л. П., О. Ш.) из функционально первичных коллективов в общности, переставшие играть важную или даже всякую роль в материальном воспроизводстве. Их главное предназначение — духовное воспроизводство...»⁹.

В недавно вышедшей статье В. А. Тишков с вызывающей уважение тревогой за судьбы Родины пишет: «Нужно ответить определенно: если мы ставим цель создания подлинно современного сообщества, способного обеспечить наилучшие условия существования его членов на основе самых передовых форм труда и демократического устройства, то такое сообщество и его государственная форма не совместимы с абсолютизацией статуса части составляющих его единиц»¹⁰. К сожалению, идеальные модели много раз уже подводили их авторов, хотя строились и из лучших побуждений, и на самом передовом опыте. Но беда в том, что реальные интересы реальных людей (и народов) не лежат на оси оптимальных одновекторных направлений прогресса. Всячески поддерживая стремление поскорее увидеть все народы Союза процветающими, мы задаемся вопросом, как этого достичь, не навязывая им наших представлений об их же благе.

В. А. Тишков в качестве возможной модели для развития СССР предлагает присмотреться к позитивному опыту таких федераций, где административно-территориальное деление опирается прежде всего на пространственно-хозяйственные связи, а не обязательно совпадает с границами национального размежевания.

Действительно, этот вариант дает определенный выигрыш, но лишь в том случае, если эти связи естественны, оптимальны и высокорентабельны. В нашей же стране они складывались преимущественно в интересах и для удобства центрального управленческого аппарата. Но и это не главное. Гораздо важнее — может ли сам по себе критерий экономической эффективности планируемого из центра территориального разделения труда, создаваемых по инициативе центральных органов экономических комплексов, быть необходимым, достаточным и приоритетным по отношению к национальным интересам, национальному развитию. И если это так, то почему вся история XX в. демонстрирует нарастающее стремление народов к созданию по преимуществу мононациональных государств, федерализации унитарных государств (Канада, Бельгия и т. д.), разделения политических сообществ по этническим границам? И почему на этой конкретной национальной основе возникают условия создания транснациональной интеграции?

Как видим, речь идет о принципиальных расхождениях в оценке оптимальной организации многонациональных государств: должны ли являться их основными компонентами (субъектами Союза) национальные республики (суверенные государства), или же — административно-территориальные единицы (штаты, кантоны, края), где в основе лежат территориально-производственные комплексы.

Ниже мы попытаемся обосновать концепцию экономического суверенитета республик.

Воспроизводство этносов и развитие человечества. В советской науке давно уже укоренилась точка зрения на этнос как на специфическую социальную группу, единство которой, во-первых, базируется на общности культуры (понимаемой как «способ жизнедеятельности»¹¹) и, во-вторых, осознается, а тем самым цементируется этническим самосознанием. Некоторые авторы при этом отмечают, что плотность информационных связей внутри этноса выше, чем между этническими группами. Диахронные информационные связи обеспечивают этническую преемственность, т. е. существование этноса во времени, а синхронные стабилизируют этнос в пространстве¹².

Вероятно, подобный ход рассуждений привел Ю. В. Бромлея к необходимости рассмотреть этнос в двух формах — как этникос и этносоциальный организм (ЭСО). Если этникос охватывает, например, все русское население мира, осознающее себя таковым, связанное тысячами нитей с наследием русской национальной культуры, то ЭСО включает лишь русское население соответствующего территориально-политического образования — РСФСР. Кроме общего культурного наследия (этнической традиции или диахронного потока информации), русские РСФСР обладают очевидным социально-экономическим единством, т. е. наиболее сильными и значимыми синхронными связями.

Для нас актуальны следующие суждения Ю. В. Бромлея относительно ЭСО: «Среди компактных этнических образований особое место занимают те, что сопряжены с так называемыми социальными организмами, под которыми нами понимаются отдельные территориально-политические (потестарные) общности (общества), представляющие собой самостоятельные макроединицы общественного развития (племена — в первобытном обществе, государства — в классовом). Возникающие при этом особые образования во многих случаях обладают относительной самостоятельностью, обеспечивающей наиболее благоприятные условия для устойчивости этноса и его воспроизводства»¹³.

Эти положения и легли в основу наших выводов и предложений об экономическом суверенитете республик. И к сожалению, первым открыл огонь критики по своим же в сущности идеям, переведенным нами с языка теории на язык политических мероприятий, именно Ю. В. Бромлей. При этом он переместил акцент с воспроизводства этноса как целостной системы на воспроизводство этноса как суммы региональных внутриэтнических групп: «...без участия жителей этой (т. е. Горьковской. — Л. П. и О. Ш.) области не может быть обеспечена задача воспроизводства национальной культуры как отдельных частей этноса, так и его в целом»¹⁴. Зачем автору понадобилась подобная аргументация? А чтобы доказать необходимость равных масштабов отчислений из госбюджета на социально-культурную инфраструктуру этносов и внутриэтнических групп в зависимости от численности их населения и экономического потенциала¹⁵. Мы же придерживаемся иной точки зрения — средства на развитие социально-культурной инфраструктуры должны зарабатывать населением данной территориальной общности (от поселения до республики включительно), а не перераспределяться аппаратом через центральный бюджет. Получается, что в одном месте своей работы критикуя «командно-административные методы управления» воспроизводственными процессами¹⁶, Ю. В. Бромлей через несколько страниц в той же работе их поддерживает.

Наконец, последний тезис Ю. В. Бромлея против концепции экономического суверенитета республик: «функцией территорий республик, большинство из которых ныне многонациональны, является воспроизводство культуры не одной нации (так называемой коренной), а культур всех населяющих ее народов»¹⁷. Допустим, что русская национальная культура без ущерба, как целостность воспроизводится, например, в США, где есть большая русская община, украинская — в Канаде, где украинцы составляют треть по численности национальную группу. Но означает ли это, что США и Канада являются центрами развития русского и украинского народов и их культур? Тот же вопрос можно задать относительно многих народов СССР, которые имеют большую диаспору вне своих национальных республик (таджики, армяне и т. д.). И ответ на него

очевиден: народы и их национальные культуры, понимаемые как целостность, единство, развиваются на своей этнической территории, в месте проживания «ядра этноса». Подмена проблемы развития национальных культур их воспроизводством¹⁸ имеет однозначную тенденцию — снять с повестки дня вопрос о республиканском суверенитете.

Но продолжим ход наших рассуждений по проблемам этнического развития. Вслед за Ю. В. Бромлеем мы рассматриваем ЭСО (или ядро этноса) как основную структурную единицу развития человечества¹⁹, обладающую не только культурным (что характерно для этноса в целом), но и территориальным, экономическим и политическим единством, иными словами, большей актуальностью синхронных связей по сравнению с диахронными. Не вызывает сомнений первичность этих связей и вторичность диахронных (т. е. культурных, если понимать культуру в узком значении, согласно Ю. В. Бромлею). Первичные, преимущественно производственные связи, осуществляя «обмен веществ» между ЭСО и освоенным им природно-экологическим локусом (нишей), постоянно поддерживают физическое существование, воспроизводство и развитие этнического ядра и, следовательно, всего этноса. Именно недооценка данных первичных связей в жизни современных народов характерна для наших оппонентов.

Представление об этносе как о социальном организме предполагает, что можно выделить этапы его существования, соответствующие зарождению и становлению, достижению определенной «зрелости» и, наконец, «старению», а при некоторых условиях и исчезновению²⁰. Эти понятия могут вызвать определенный протест наших читателей, которые в эпоху гуманизации жизни и мышления рассматривают многоцветье этнического состава человечества как важнейший «срез» возрастающего разнообразия общества. Мы также стоим на этой позиции. Но история учит, что, увы, нет таких объектов, явлений, ситуаций в жизни общества, которые были бы вечны; лишь индивид и общество как система этих индивидов образуют устойчивую «решетку» переменчивой социальной ткани. Этноты живут и, следовательно, проходят все нормальные фазы существования живого объекта (организма) — от возникновения до реального исчезновения (например, слияния, разделения, трансформации, поглощения одного этноса другим и т. д.).

Материальными предпосылками зарождения этносов во всех случаях являются интенсивные социально-экономические и политические связи внутри определенной территориальной общности людей²¹. Важнейшим фактором становления этнического единства, как мы полагаем, является уникальность освоенной общностью в ходе ее хозяйственной деятельности природно-экологической ниши.

Общественные связи по поводу экологического освоения уникальной в природно-экологическом плане территории лежат в основе формирования единой этнической культуры («способа жизнедеятельности», включая хозяйственные традиции). Психологический механизм этого процесса исследован А. Н. Леонтьевым, который писал, что усвоение человеком культуры общества осуществляется двояким способом: при помощи вербальной передачи опыта (общения) и через манипуляцию созданными данным обществом артефактами (в первую очередь за счет орудийной деятельности)²². Синтез этих процессов достигается в общей хозяйственной деятельности данной группы. Передача накопленного опыта последующим поколениям неизбежно ведет к становлению общего самосознания данной группы, осознанию своего отличия. Так возникают новые этнические группы, а важнейшим маркером их появления является этноним. (Конечно, потребность в собственном этническом имени усиливается при наличии межэтнических контактов²³).

Итак, с появлением этнического самосознания и этнонима заканчивается процесс становления этноса. Но этнические образования на ранних стадиях весьма непрочны, исчезают так же быстро, как и появляются. Тысячи народов (известных нам из исторических источников лишь по именам), в конечном счете

растворившихся среди своих соседей, представляли собой именно такие молодые этносы. Лишь немногие народы достигают ступени «зрелости». Важнейшее условие этого, как мы полагаем, — возникновение сопряженной с данным этносом социально-политической структуры (в первую очередь, национального государства).

Именно на этом этапе «зрелости» стабилизируется ЭСО (ядро этноса) и возникает его периферия, включающая не входящие в ядро части этникоса. Показательно, что основные новационные процессы протекают в этническом ядре, а этническая периферия обычно более инертна и даже архаична²⁴. Это отражает гигантскую роль социально-политических (и в первую очередь — государственных) структур для социально-экономического и культурного развития этносов. Многие авторитетные мыслители указывали на важную роль национального государства. Сошлемся, например, на мнение Ф. Энгельса, высказанное в 1893 г.: «Интернациональный союз возможен только между нациями, чье существование, автономия и независимость во внутренних делах включаются, следовательно, в само понятие интернационализма»²⁵. Это отношение к национальной государственности как нормальной и необходимой форме национальной жизни разделяли и многие гуманистически ориентированные мыслители — немарксисты, например Н. А. Бердяев, который писал: «Через государство раскрывается нация все свои потенции. С другой стороны, государство должно иметь национальную основу, хотя племенной состав государства может быть очень сложным и многообразным... Государство, не имеющее национальной основы и национальной идеи, не может иметь творческой жизни»²⁶.

Фактически все быстроразвивающиеся современные государства или мононациональны (например, Япония), или имеют в своей основе этническое ядро крупного народа (таким этническим ядром можно считать, например, WASP в США). И наоборот, все существовавшие в начале XX в. империи, включавшие несколько ЭСО, в конечном счете развалились (Австро-Венгерская, Британская империи). Современные многонациональные страны или самим своим государственным устройством предполагают суверенитет входящих в них народов (СССР, ЧССР, Югославия, Бельгия и т. д.), или включают народы, не достигшие фазы «зрелости» (а также по выражению Ф. Энгельса, «обломки» прежних народов²⁷ — это большинство африканских стран), или имеют многочисленные инонациональные мигрантские группы, живущие вне основной территории своего этноса (США, ФРГ и т. д.). Иными словами, все это варианты «чистой модели» национального государства. И как раз отход от нее сопряжен с повышенной межнациональной конфликтностью (Ольстер в Великобритании, палестинская проблема в Израиле, движение сикхов в Индии, столкновение между тамилами и сингалами в Шри-Ланке и т. д.).

Появление национального государства существенно повышает жизнестойкость этноса. Есть множество исторических примеров, когда народы утрачивали свои национальные государства и восстанавливали их снова. Такова, например, судьба поляков, норвежцев, и др. Однако в определенных исторических ситуациях восстановить национальную государственность невозможно или затруднительно. В этих случаях, согласно нашей концепции, наступает период «старения» этноса. Он еще существует в виде этникоса, но уже утеряти свое «этническое ядро». Реальные синхронные социально-экономические и политические связи, а иногда и территориальное единство отступают на второй план перед связями диахронными (т. е. культурными в узком значении). Постепенно не подкрепленное реальным социально-экономическим и политическим единством размывается и самосознание. Этнос подходит к грани исчезновения, т. е. ассимиляции другими этносами, трансформации и т. д.

Этническое (культурное) многообразие — достояние всего человечества, важнейший механизм его развития²⁸. Человечество, состоящее из множества народов, как бы использует для движения вперед одновременно тысячи путей, одни из которых — тупиковые, но другие открывают дорогу всем. Именно поэтому еще недавно столь популярные идеи о слиянии народов мира, об уменьшении

этнокультурного разнообразия и упрощении этнической структуры человечества²⁹ неверны, а исходившая из них практика — преступна.

Понятно, что сохранение этнического многообразия может быть обеспечено лишь правильной воспроизводственной политикой. На первый план мы выдвигаем два аспекта этой политики: а) органичность, т. е. отсутствие патологических ломов, опора на этническую традицию, и б) возрастающее разнообразие деятельности и социальных структур³⁰. Рассмотрим эти вопросы подробнее. Как мы писали выше, система этнической культуры формируется при освоении этносом определенной природно-экологической ниши. Непосредственным выражением этого единства «этнос — территория» является тип хозяйственной деятельности и шире — вся культура жизнеобеспечения. Более того, «...технологичными в глубинном функциональном значении оказываются не только орудия производства, мосты, средства транспорта и другие элементы культуры, обычно относимые нами к средствам человеческой деятельности, но и вся без исключения ценностно-целевая система общества»³¹.

В каждый отрезок времени в этнической культуре присутствуют новации, которые еще только получают распространение, и «архаизмы», которые постепенно вытесняются. Однако, при нормальном, органичном развитии этого процесса доля и «вес» новаций (будь то новые орудия, отрасли производства, ценности и т. д.) не угрожает системной целостности культуры: возникают новые связи между ее элементами. Примеры: распространение после контактов с европейцами коневодства у ряда индейских племен Северной Америки; распространение промышленной цивилизации в Японии.

Иное дело — патологический инновационный процесс. В этом случае рушатся (из-за неестественно быстрых темпов введения новаций) связи между элементами культуры, и вместо прогресса грозит деградация, которую непросто преодолеть. Примеры: распространение алкоголя у некоторых северных народов; коллективизация в СССР и индустриализация в ряде регионов нашей страны³²; распространение в некоторых развивающихся странах западных стандартов потребления без заимствования стандартов труда. В настоящее время проблема внедрения инноваций привлекает пристальное внимание государственных органов многих стран мира. Задачей обоснования органичности инновационного процесса занимаются большие группы специалистов.

Закон социального воспроизводства (эволюционного развития) как возрастающего разнообразия деятельности людей и структур социальных организмов применим, как мы полагаем, и к воспроизводству этносов с той разницей, что воспроизводство индивида осуществляется в первичной территориальной общности, а воспроизводство этноса — на всей этнической территории. Мы уже писали об этом выше, поэтому здесь лишь добавим, что принцип возрастающего разнообразия не должен противоречить органичности инновационного процесса. Так, по словам Л. И. Абалкина, «...если построить современный машиностроительный завод на голом месте, где раньше не было такого производства, допустим, в Средней Азии, то для формирования кадрового состава, обеспечивающего современный уровень технологии, потребуется двадцать пять лет»³³.

Важнейшую и в некоторых аспектах определяющую роль в реализации принципов органичности нововведений и возрастающего разнообразия играет политический организм; при этом оптимален такой, пространственные границы которого совпадают с этнической территорией. Ибо в этих случаях воспроизводственная политика осуществляется с наименьшими издержками и гарантируется воспроизводство именно данного этноса, без его трансформаций, слияний и т. д. Но это означает, что политические государственные образования только в том случае исторически устойчивы, когда они обеспечивают тот «прожиточный минимум» суверенных прав этносов, который необходим и достаточен для воспроизводства этноса как целостной системы, этноса в фазе «зрелости» — т. е. когда одновременно существуют единство территории (по крайней мере для этнического ядра) и целостность экономики.

И критические замечания, и некоторые конкретные предложения наших оппонентов странным образом исходят из того недоказанного предположения, что современные народы прошли этап «зрелости» и вступили в фазу «старения» или готовы добровольно пожертвовать своей национальной государственностью ради, скажем, прироста благосостояния или помощи другим народам на основе так понимаемого интернационализма.

Позицию наших критиков не укрепляют такие аргументы, как, скажем, перемещение этнической специфики из материально-хозяйственной сферы в духовную. Действительно, по форме, по проявлению в артефактах этническая специфика как бы исчезает из материальных основ образа жизни современных народов. Но если говорить не о форме, а о содержании процессов, протекающих в экономической жизни современного общества, то вектор имеет скорее обратную направленность: укрепляется именно международное, межкультурное разделение труда, что характерно и для человечества в целом, и для конкретных многонациональных обществ³⁴. Этот процесс позволяет каждому, даже немногочисленному народу равноправно войти в семью народов мира. Специалисты, изучающие тенденции развития общества, отмечают все возрастающую культурную дробность человечества и производственную специализацию каждого народа³⁵. Таким образом, как мы полагаем, существование этнических ядер и национальных государств в обозримой перспективе будет играть важную и прогрессивную роль.

Ресурсная база развития этносов. Успешное развитие народов, а следовательно и человечества в целом, может осуществляться лишь с опорой на прочную ресурсную базу³⁶. Во многом именно наличные ресурсы определяют направление и форму развития, пределы роста данной этносоциальной общности, а контроль над ресурсами является основой ее экономического суверенитета³⁷.

Каковы основные типы ресурсов?

Во-первых, земля, ее плодородие, а также флора и фауна данного региона. Быстрому истощению земли препятствует внедрение в практику земельной ренты, пока в нашей стране отсутствующей.

Во-вторых, полезные ископаемые. Понятно, что этот тип ресурсов не возобновляется. Наиболее интенсивное использование ресурсов земных недр началось в связи с развитием капитализма. К сожалению, экономическая политика в нашей стране по преимуществу не направлена на сбережение ресурсов этого типа.

В-третьих, солнечная энергия, атмосфера и атмосферные явления, Мировой океан и другие принципиально неотчуждаемые ресурсы. Именно их рациональное использование лежит в основе экологических движений и характерного для последних десятилетий осознания единства всего человечества (глобальное моделирование, «новое мышление») ³⁸. Эти ресурсы также подлежат оценке, формой которой являются, например, отчисления предприятий на охрану окружающей среды (т. е. в пользу территорий).

В-четвертых, информация³⁹. В современном обществе этот и следующий в нашем перечислении типы ресурсов являются важнейшими. Доля информационных технологий в развитых странах все возрастает, а традиционные технологии производства индустриального типа постепенно выносятся на периферию капиталистического мира. Отчуждение информации сейчас является одним из основных источников власти, поэтому в демократических обществах существуют специальные законодательные акты, гарантирующие получение информации (существует и необходимая для этого инфраструктура) и регулирующие действия средств массовой информации. Получение, хранение и продажа информации является, пожалуй, самым доходным бизнесом.

До недавнего времени в СССР информация не подлежала экономической оценке. В результате производители и владельцы информации (а это наиболее развитые в социально-экономическом отношении регионы и народы нашей

страны) несли большие потери за счет ее безвозмездной передачи в другие регионы. Ситуация стала меняться к лучшему лишь в 1987 г., когда в связи с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование»⁴⁰ научно-техническая продукция (разработка и услуги) фактически была признана товаром.

Наконец, пятый тип ресурсов — это сам человек, его трудовой потенциал как сила мышц, так и сила интеллекта. В современном обществе именно человек — его интеллект, знания, способности, опыт, ценности и т. д. — является одним из ведущих факторов производства (см. концепцию человеческого фактора и теорию технотруктуры Дж. Гэлбрейта⁴¹). Этот тип ресурсов развития также подлежит экономической оценке, связанной с необходимостью воспроизводства рабочей силы данной квалификации.

Именно переход к постиндустриальной (информационной) технологии, т. е. к компьютерам, роботам, биотехнологии и т. д., привел к открытиям известного американского экономиста лауреата Нобелевской премии Т. Шульца, который создал учение о «человеческом капитале». Он доказал, что рост национального дохода в экономике современных стран в решающей степени зависит от объема капитальных вложений в умножение человеческого знания и профессионального мастерства. Сюда относятся затраты на общее и высшее образование, обучение без отрыва от работы, на здравоохранение, хозяйственную информацию и миграцию людей. Шульц предложил относиться к человеку как богатству, которое можно увеличивать посредством капиталовложений, и доказал, что продуктивность, эффективность, окупаемость таких капиталовложений существенно выше, чем обычных «внечеловеческих»⁴². Иден Т. У. Шульца, по существу, — экономический вариант гуманистического предвидения К. Маркса о таком производстве, целью развития которого будет человек⁴³.

Очевидно, что первый — третий типы ресурсов доступны и этносам, отставшим в технологическом развитии. На первый взгляд, их использование не имеет этнического аспекта, но это не так. Традиционные системы жизнеобеспечения «требуют» разных объемов конкретных видов ресурсов для получения одного и того же (по количеству и качеству) полезного эффекта. Отсюда следует, что структура этновоспроизводящих ресурсов для достижения оптимума в этническом развитии всегда индивидуальна и специфична. Поэтому в многонациональных обществах возникают два типа проблем:

а) борьба за ресурсы, особо важные для конкретных этносов, но становящиеся дефицитными для данного уровня экономического развития;

б) противоречия между этносами, которые вызваны коренными различиями в иерархии потребностей в процессе освоения гаммы ресурсов, расположенных на конкретной территории.

Что же касается четвертого, а особенно пятого типа ресурсов, то они обладают замечательными общими свойствами. Во-первых, их потребление не приводит к конфликтам, ибо они имманентны этносу и не задевают интересов других этносов. Во-вторых, они обладают способностью наращивания в процессе использования. Поэтому рост творческого потенциала этносов и переход их на информационную экономику при соответствующей социальной политике и постепенной победе провозглашенного М. С. Горбачевым нового мышления означает гармонизацию межнациональных отношений, снятие многих напряженностей и конфликтов прежних времен.

Предложенная нами логика анализа межнациональных конфликтов предполагает, что их возникновение и развитие во многом связано с централизованной ресурсной политикой, проводимой тем или иным многонациональным государством, и отражает ее. Так, например, ресурсная политика СССР служит питательной почвой для возникновения межнациональных конфликтов. Действительно, до последнего времени для нашей страны характерна ориентация на экстенсивное использование (и быстрое истощение) ресурсов первого

и второго типов. Так, с 1960 по 1987 гг. добыча нефти возросла в СССР с 14 до 22% мировой добычи (за эти же годы в развитых капиталистических странах она упала с 37 до 25%), добыча природного газа — с 9 до 38% (соответственно в развитых странах капитализма понизилась с 83 до 44%), производство чугуна возросло с 18 до 22% (при падении в развитых капстранах с 62 до 45%)⁴⁴ и т. д. Соответственно в условиях экстенсивной ресурсной политики в СССР воспроизводится устаревшая структура занятости (табл. 1) и тормозится переход на преимущественное использование ресурсов четвертого и пятого типов (табл. 2).

Таблица 1

Распределение населения, занятого в хозяйстве страны, по отраслям производства (без учащихся, %)*

Страны	Годы	Всего занятых в материальном производстве	В том числе:			Занятые в нематериальном производстве:	
			В промышленности и строительстве	В сельском и лесном хозяйстве (включая личное подсобное хозяйство)	На транспорте и связи	В торговле и общественном питании, в материально-техническом снабжении, сбыте и заготовках	В других отраслях хозяйства (наука, культура, здравоохранение, управление)
СССР	1970	71	38	25	8	7	22
	1987	66	38	19	9	8	26
США	1970	45	34	5	6	20	35
	1987	36	27	3	6	21	43
Япония	1970	59	36	17	6	20	21
	1987	48	34	8	6	23	29

* Составлено по: СССР и зарубежные страны. С. 53—54. Распределение населения СССР по отраслям производства соответствует формам учета, принятым в зарубежной статистике.

Таблица 2

Производство электронно-вычислительной техники и ее доля в валовом национальном производстве, 1987 г.*

Страны	Объем ВВП	Стоимость произведенной электронно-вычислительной техники	Доля (%) стоимости произведенной электронно-вычислительной техники в ВВП
СССР	825 млрд. руб.	5,538 млрд. руб.	0,67
США	4527 млрд. долл.	205,3 млрд. долл.	4,54
Велико-британия	786 млрд. долл.	17,8 млрд. долл.	2,26
Япония	1806 млрд. долл.	104,2 млрд. долл.	5,77

* Рассчитано по: СССР и зарубежные страны. С. 48; Промышленность СССР: Стат. сб. М., 1988. С. 184; Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1987 г. и начало 1988 г. М., 1988. С. 75. Стоимостные показатели по СССР дают лишь приблизительную картину за счет высоких цен и низкого качества наших ЭВМ. Кроме того, по СССР учитывались не только готовые ЭВМ, но и запасные части к ним.

Централизация (унитаризация) ресурсной политики имеет еще один недостаток, о чем нам приходилось писать и раньше. Так как приоритеты экономического развития различных народов связаны с уникальностью их ресурсной базы и объективной возможностью включать в экономический оборот новые типы ресурсов, то очевидно, что универсальным законом развития человечества является его неравномерность, наличие, с одной стороны, «точек роста», передовых центров, а с другой — относительно (а иногда и абсолютно) отсталой периферии, которая, усваивая достижения передовых центров и опираясь на

собственную ресурсную базу, стремится вырваться вперед. Лидеры в этом процессе могут меняться, но необходимость и важность подобного лидерства не подлежит сомнению. Отсутствие экономической самостоятельности республик (народов) СССР имело следствием, во-первых, унификацию экономического роста, стремление «подравнять» все республики под некий «эталон» (которым могла выступать, например, структура народного хозяйства и занятости отдельных республик, таких как Латвия, Эстония, РСФСР). Во-вторых, долгие годы доминировало стремление к сближению республик по уровню социально-экономического развития, которое на практике выражалось в перераспределительных отношениях между республиками через госбюджет. Неэффективность расточительности этой политики мы и пытались доказать статьей в журнале «Коммунист». Мы предполагаем, что отрицание всеобщности закона неравномерного развития препятствует достижению динамического соревновательного роста республиканских народно-хозяйственных комплексов.

Интернационализация экономики и формы экономических связей между народами (интеграция против унитаризма). Если этносы — саморазвивающиеся единицы человечества, опирающиеся в своем развитии на специфическую ресурсную базу, то общий прогресс человечества зависит от того, как организовано взаимодействие между ними. Взаимоотношения между национальными экономическими комплексами подчиняются одной мировой тенденции — их все возрастающей специализации и углублению международного (всемирного) разделения труда⁴⁵. По существу этот процесс ведет к созданию единой мировой экономической системы, при которой всемирное разделение труда становится исходной и обязательной предпосылкой производства и ни одной стране не выгодно производить всю номенклатуру продукции, «иметь все свое». «Эффективное развитие национальных промышленных комплексов становится возможным только на пути активного использования преимуществ всемирного разделения труда»⁴⁶.

Отсюда следует, что конституирование национальных экономических комплексов, их суверенитет и опора на собственные уникальные ресурсы, их специализация — непереносимое условие экономического прогресса как в мировом масштабе, так и в рамках многонациональных государств. И наоборот — элиминирование национальной экономической специфики может иметь резко негативные последствия.

Опыт истории показывает, что существуют две основные формы организации экономических взаимоотношений между народами в условиях интернационализации экономики: унитаризм и интеграция. Рассмотрим их подробнее.

Унитаризм экономической жизни предполагает существование единого центра государственной власти, который «стягивает» основные, а иногда и большинство функций управления хозяйственной жизнью многонационального государства. Следствием централизма становится унификация форм собственности (всеподвластный приоритет государственной формы), социальных структур и социальной политики, характера и уровней социально-экономического развития и т. д. вплоть до языка и культуры. Унитаризм базируется на неразвитости товарного производства и рынка.

В определенных исторических ситуациях унитаризм имеет свои преимущества, так как может способствовать концентрации ресурсов и усилий всего общества на решении ограниченного круга задач. Но при унитаристской форме организации экономической жизни невозможно организовать нормальное (т. е. адекватное притязаниям) функционирование общественного организма, так как «центр» не в состоянии предусмотреть все особенности, нюансы, полутона человеческого бытия. Не имеет «центр» и адекватных механизмов соотношения затрат и планируемого результата, признанных им приоритетов и издержек для их достижения. В результате истощается ресурсная база общества, и оно начинает «проедать» ресурсы будущих поколений.

Главный же бич бюрократической централизации (унитаризма), как мы полагаем, — это высокий уровень «нереализованных возможностей», значительно превосходящий эффект интеграции. Причина этого печального «накопления» — недемократическая, авторитарная форма принятия решений по основным вопросам экономического развития. Применительно к теме данной статьи следует говорить о «нереализованных возможностях» саморазвития народов, которые в некоторых случаях, опираясь на сравнения, можно и оценить. Так, Финляндия и Эстония к 1917 г. имели сходные стартовые позиции (даже с преимуществом в пользу Эстонии). Народы этих стран — близкие родственники, родственны и их культуры. Однако разные исторические пути обоих народов после 1917 г. обусловили серьезное опережение Финляндии (табл. 3). Поэтому в сознании жителей Эстонии закономерно возникло и существует представление о том, что не все потенциальные возможности этой маленькой республики реализовались, что сложилась судьба этой земли в до- и послевоенное время иначе, итог был бы другим.

Таблица 3

Некоторые показатели уровней развития СССР в целом, Эстонской ССР и Финляндии *

Показатели	СССР	Эстония	Финляндия
Годовой рост произведенного национального дохода на душу населения, 1986—1987 гг., %	2,2	3,3	7,8
Продолжительность рабочей недели, 1986 г., часов	40,4	40,4	31,9
Число учащихся в вузах на 10 000 жителей, 1985—1986 уч. год	185	153	183
Урожайность зерновых и зернобобовых, 1987 г., центнеров с гектара	18,3	32,3	23,2
Удой молока от одной коровы, 1987 г., кг	2508	4103	5000
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (мужчины и женщины), 1986 г., лет	69,02	70,4	75
Детская смертность (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся) 1986 г.	25,4	16,0	6,0

* Источники: Народное хозяйство СССР в 1987 г.: Статистический ежегодник М., 1988. С. 16, 188, 350; СССР и зарубежные страны. С. 45, 57, 89—90, 198, 234, 352; Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 550; Сельское хозяйство СССР: Статистический сб. М., 1988. С. 317; Население СССР. 1987: Статистический сб. М., 1987. С. 346, 353, 360.

В условиях опосредованности «центром» взаимоотношений между субъектами экономической деятельности (от трудовых коллективов до республиканских экономических комплексов) и их зависимости от источников власти все спорные, сложные вопросы, проблемные ситуации во взаимоотношениях между субъектами хозяйствования не решаются своевременно, откладываются «на потом», накапливаются. Так унитаристская экономическая система своим функционированием готовит «горючий материал», почву для конфликтов (которые зачастую принимают национальную форму), т. е. «работает на износ».

Отсюда — стремление к экономической автаркии, проявляющееся и в сверхнормативных запасах на предприятиях, и в изоляционистских тенденциях национальных экономических комплексов. Пример последних привел эстонский экономист М. Бронштейн. По его словам, в Эстонии «появились прообразы внутренней таможи: запреты на поставки и прием в багаж дефицитных товаров». В Тарту «ввели продажу мясопродуктов лишь по предъявлении справки, удостоверяющей проживание в городе. Фактически в таможенную превратился магазинный прилавок. Чисто по-житейски такие попытки понять можно. Когда человек видит, что магазинный прилавок все беднеет, а мясопродукты из республики вывозятся..., у него появляется желание „съесть все самому“. Но специалисту ясно, что это невозможно, да и невыгодно»⁴⁷. Специалисту ясно также, что это стремление к автаркии субъектов хозяйствования — неизбежное следствие

унитаризма, расплата за отсутствие самостоятельности. Унитаристски организованная интернационализация экономической жизни, таким образом, идет вразрез с тенденциями всемирного разделения труда.

Политическим коррелятом экономического централизма является «единое — неделимое» (унитарное) многонациональное государство, каким стал к настоящему времени СССР.

Экономическая интеграция — «...объективный процесс развития устойчивых взаимосвязей и разделения труда между национальными хозяйствами, их приспособление друг к другу в целях наиболее эффективного использования своих ресурсов»⁴⁸. Уже это определение показывает, что она строится на иных принципах, нежели экономический унитаризм. Рассмотрим эти принципы⁴⁹.

Во-первых, это сохранение самостоятельности, экономического суверенитета народов, т. е. в первую очередь — контроля над своими ресурсами.

Во-вторых, это добровольность и взаимная выгода интеграции. В прессе последних лет часто встречается такой аргумент, что если процесс интеграции отражает мировые тенденции развития хозяйства, то негоже нам существенно отступать от достигнутого уровня централистски ориентированной интеграции⁵⁰. При этом не учитывается, что добровольность и выгода советской интеграции пока не очевидны для жителей большинства республик СССР.

В-третьих, — разделение функций (компетенции) на всех уровнях (от местных властей до общих органов интеграции) и добровольная передача части хозяйственных функций снизу вверх. Задачи общих органов интеграции — согласование интересов, проведение общей социальной и структурной политики и некоторые другие, для выполнения которых нужен широкий «горизонт». Эти задачи гораздо уже функций унитаристского «центра», но тем успешнее и квалифицированнее они могут быть выполнены.

В-четвертых, — сравнимость потенциала и сходность уровней социально-экономического развития участников интеграции, что лежит в основе равноправности партнеров, но, конечно, не может быть выполнено полностью. Так, в Западной Европе уже в течение длительного времени основную тяжесть общих расходов ЕЭС несут Великобритания, ФРГ, Франция⁵¹. В результате уровень жизни стран-участников интеграции постепенно выравнивается, но это не угрожает существованию и появлению «новационных центров».

В-пятых, интеграция базируется на рыночном хозяйстве современного типа (с регулируемым рынком), которое позволяет соотнести интересы и реальные возможности партнеров. Естественно, что развитый рынок пересекает таможенные барьеры и государственные границы.

Государственными формами экономической интеграции являются: союз государств или созное государство (конфедерация и федерация). Эти формы как мы полагаем, отражают территориальные масштабы интеграции. Так, если Западная Европа в целом эволюционирует в направлении союза государств, то внутри нее Бельгия — к созданию федерации. Интересен пример Бельгии, где основные функции управления постепенно с 1971 г. передаются национальным регионам, а за центральной властью сохранены полномочия в области внешних государственных сношений, обороны, безопасности, финансово-валютной политики и в общих вопросах поддержания правопорядка в стране. Остаются за центром также некоторые вопросы управления экономикой и социальной политикой с ведома и под контролем парламента⁵².

Каковы преимущества и позитивные последствия перехода к интеграции по сравнению с унитаристской формой организации экономических связей между народами? На наш взгляд, это активизация самоуправления и саморазвития народов; оптимизация республиканской структуры отраслей народного хозяйства и использования ресурсной базы (включая национально-культурные особенности работников); ускоренное развитие всего Союза за счет выделения передовых (новационных) центров, тиражирования и усвоения (адаптации) передового опыта; активизация инновационной, структурной и социальной

политики центральных (общесоюзных) органов; сбалансирование интересов и возможностей участников интеграции и на этой основе углубление разделения труда; уменьшение межнациональной конфликтности и улучшение отношений между народами СССР на базе эквивалентного (по ценам мирового рынка) и прямого (без опосредования центром) обмена ресурсами; активизация в республиках социальной и природоохранительной политики — при опоре на собственные возможности и с учетом кредитов из общих средств интеграции.

Заключительные заметки. Спор по вопросам национального развития и национальных отношений органично вписывается в многостороннюю дискуссию относительно прошлого, настоящего и будущего страны по основным направлениям ее развития. Ключевой является проблема оценки того общества, которое возникло к началу 30-х гг. и сохраняется и поныне. Мало кто рискует продолжать линию на его всемерное восхваление, но совсем не мало тех, кто, признавая ошибки и деформации, оценивает наш прошлый путь как подлинно социалистический в своем ядре, основе, сути. Мы принадлежим к сторонникам иной позиции.

Пора, наконец, до конца и безжалостно разделаться с миражами и иллюзиями. За так называемой командно-административной системой или, в иной терминологии, — казарменным социализмом, командно-нажимной системой, скрывался строй лишь с некоторыми социалистическими компонентами. Если идти по виткам исторической спирали назад, аналогом будет государственный способ производства на Востоке⁵³. Можно именовать современный государственный способ производства государственным социализмом, государственно-монополистическим социализмом или, что точнее, этакратическим способом производства. Но факт остается фактом — между капитализмом и социализмом реально «вклинились» особые, далеко не эгалитарные, общественные отношения, где собственность — есть функция власти, лишь идеологически провозглашенная общенародной собственностью. Отсюда и особый феномен — советская бюрократия, которая концентрирует в руках и политическую власть, и распорядительные функции в экономике. Отсюда и всевластие ведомств. Идеологией этих общественных отношений является сталинизм во всех его ипостасях, вплоть до своей пародии — брежневизма. Сталинизм — антимарксистское, антиленинское и, наконец, антисоциалистическое учение, целостное в своей защите этакратии, ее интересов.

Именно в этом контексте следует рассматривать национальный вопрос у нас в стране. Соответственно принципам этакратизма, начиная с середины 20-х гг. в СССР шел процесс формирования унитарного государства с бюрократически-централистской системой управления экономикой. Ленинские федералистские принципы хозяйственного строения Союза были в основе своей к 1930 гг. разрушены. Противники такой политики обвинялись в национализме и физически (или политически) уничтожались.

Как быть, как действовать в этих обстоятельствах, когда появился великий шанс выйти из тупика?

Прежде всего речь должна идти о восстановлении демократических принципов построения СССР именно как союза суверенных республик, взаимодействующих на основе союзного договора. Хозяйственная сторона этих отношений должна опираться на республиканский экономический суверенитет. Последний достижим лишь при следующих условиях: совершенствовании хозяйственного механизма (в первую очередь в достижении оптимального соотношения плановой и рыночной форм экономических связей); развитии хозрасчета на уровне предприятия, объединения, отрасли; реформе ценообразования (включая введение экономической оценки земли, других природных богатств, а также трудовых ресурсов; установление цен на продукцию информационной сферы) и введении цен эквивалентного обмена; поощрении разнообразия форм общественной собственности и видов трудовой деятельности.

Введение экономического республиканского суверенитета, возможно, приведет к дальнейшему углублению неравномерности социально-экономического развития регионов и республик СССР.

Однако этого не стоит пугаться. Новые экономические отношения будут стимулом роста производства, обеспечат увеличение экономического потенциала не только республик, но и Союза.

Совершенствование экономических основ национальных отношений тесно увязано с вопросом сокращения военных расходов. Если мы будем сохранять военные расходы на уровне, превышающем в несколько раз таковые затраты других государств, то достаточно ресурсов для решения внутренних проблем, в том числе национальных, мы не получим.

За опасениями по поводу уничтожения унитаризма как воплощения этатристической системы в сфере межреспубликанских отношений стоит по существу стремление к эволюционному, выгодному бюрократий переустройству национальных отношений. Говоря о воссоздании союзнических принципов построения нашего государства, мы должны понимать, что речь идет о демократически-революционном, антибюрократическом варианте перестройки национальных отношений. Третьего не дано. Или или. Или с бюрократами во всем «медленным шагом, робким зигзагом», или с передовыми силами общества динамично и решительно к новым отношениям действительно социалистического и гуманного типа.

Примечания

¹ См.: Бромлей Ю. В. Национальные проблемы в условиях перестройки // Вопросы истории. 1989. № 1; Тишков В. А. Народы и государство // Коммунист. 1989. № 1; Чешко С. В. Экономический суверенитет и национальный вопрос // Коммунист. 1989. № 2.

² См.: НТР и национальные процессы / Отв. ред. О. И. Шкаратан. М., 1987. С. 5—36; Шкаратан О. И., Коротева В. В. Формы хозяйствования и национальное развитие: преодоление стереотипов // История СССР. 1988. № 4; Шкаратан О. И., Перепелкин Л. С. Экономический рост и национальное развитие // Экономика и организация промышленного производства. 1988. № 10.

³ Правда. 1989. 14 мар.

⁴ При этом не исключается экономическая специализация небольших по численности народов при условии высокой содержательности труда.

⁵ Например, см.: Литвинова Г. И юридическое и фактическое равенство // Родина. 1989. № 2. С. 73.

⁶ Тишков В. А. Указ. раб. С. 59; также см.: Чешко С. В. Указ. раб. С. 102—103; Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 30.

⁷ Можно приравнять, хотя с огромной долей условности, этническую территорию к государственной (республиканской) территории. Иными словами, этнической территорией мы называем ту, на которую распространяется суверенитет данного народа и его государства, его право на самоопределение. Попутно отметим, что мы не рассматриваем проблем дисперсных и мигрантских этнических групп, малых народов, не имеющих своего государства.

⁸ Тишков В. А. Указ. раб. С. 58.

⁹ Чешко С. В. Указ. раб. С. 103.

¹⁰ Тишков В. А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Сов. этнография. 1989. № 1. С. 85—86.

¹¹ См.: Макарян Э. С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. М., 1983.

¹² См.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М., 1972. Вып. 2. Также см.: Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.

¹³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 62—63.

¹⁴ Бромлей Ю. В. Национальные проблемы в условиях перестройки. С. 30.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 26

¹⁷ Там же. С. 30. См. также: Чешко С. В. Указ. раб. С. 103; Тишков В. А. Народы и государство. С. 55.

¹⁸ Развитие системы включает ее воспроизводство, но последнее не обязательно есть развитие, понимаемое как «необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов». См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 561.

¹⁹ См., например: Андрианов Б. В. Исторический прогресс: хозяйственно-культурные аспекты // Природа. 1986. № 3. С. 75. Приведем также мнение Н. Бердяева: «Национальность есть индиви-

дуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества... Всякая национальность есть богатство единого и братски объединенного человечества, а не препятствие на его пути». См.: *Бердяев Н.* Судьба России // *Родина*. 1989. № 2. С. 64—65.

²⁰ Этот подход к проблеме развития человечества далеко не нов. Например, см.: *Соловьев В. С.* Сочинения в двух томах. М., 1988. Т. 2. С. 140—178.

²¹ Под территориальной общностью мы понимаем исторически сложившуюся находящуюся в непрерывном развитии устойчивую социально организованную совокупность людей, объединенных единством проживания на одной хозяйственно освоенной территории. См.: *Этносоциальные проблемы города*. М., 1986. С. 20, 276—279; *Шкаратан О. И.* О принципах изучения функций, содержания и структуры внепроизводственной деятельности // *Сов. этнография*. 1984. № 6, Краткий словарь по социологии. М., 1989. С. 210.

²² *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. 3-е изд. М., 1972. С. 184—209, 401—426. М. Полани выделяет третий способ усвоения опыта — невербальное научение в отношениях «учитель — ученик». По мнению М. Полани, разрушение традиции самым болезненным образом сказывается на прекращении этого потока культурной информации. См.: *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985. С. 82—102.

²³ См.: *Чеснов Я. В.* Ранние формы этнонимов и этническое самосознание // *Этнография имен*. М., 1971.

²⁴ См.: *Гончаренко Н. В.* Дialeктика прогресса культуры. Киев, 1987. С. 147; *Арутюнов С. А.* Этнографическая наука и изучение культурной динамики // *Исследования по общей этнографии*. М., 1979 (в данном случае центром и периферией выступают социальные группы).

²⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 74.

²⁶ *Бердяев Н.* Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. 2-е изд. Paris, 1970. С. 83.

²⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 6. С. 183.

²⁸ Об этом см.: *Гончаренко Н. В.* Указ. раб. С. 271—322.

²⁹ Такова, например, идея Сталина о «зональных» языках и народов и их дальнейшем слиянии «после победы социализма во всемирном масштабе». См.: *Сталин И.* Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 53—54.

³⁰ См.: *Шкаратан О. И., Перепелкин Л. С.* Экономический рост и национальное развитие; *Шкаратан О. И.* О принципах изучения функций, содержания и структуры внепроизводственной деятельности // *Сов. этнография*. 1984. № 6; *Этносоциальные проблемы города*. Ч. I. Гл. I.

³¹ *Маркрян Э. С., Арутюнов С. А., Барсегян И. А. и др.* Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983. С. 22—23.

³² В этом отношении более органичным путем был предложенный В. И. Лениным нэп.

³³ *Абалкин Л. И.* Стратегия обновления // *Огонек*. 1989. № 13. С. 18

³⁴ Для характеристики этих процессов в американской науке введен специальный термин — «культурное разделение труда». См.: *Таболкина Т. В.* Этническая проблематика в современной американской науке. Критический обзор основных этносоциологических концепций. М., 1985. С. 105—110. НТР и национальные процессы. Гл. 3, 7, 18.

³⁵ См.: *Тоффлер О.* Раса, власть и культура // *Новая технократическая волна на Западе*. М., 1986. С. 276—288; *Моритани М.* Современная технология и экономическое развитие Японии. М., 1986.

³⁶ Под ресурсами мы, вслед за Э. Б. Алаевым, понимаем «...энергию, вещество, информацию, вырабатываемые вне данной (т. е. общественной. — Л. П. и О. Ш.) системы и служащие для нее исходным материалом функционирования, развития, существования». См.: *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С. 59—60. Согласно другой, более общей точке зрения, все виды ресурсов являются преобразованными формами энергии. См.: *Одум Г., Одум Э.* Энергетический базис человека и природы. М., 1978.

³⁷ В этом мы согласны с В. А. Тишковым, который писал о «праве народов на контроль за использованием природных богатств и ресурсов территорий их проживания». См.: *Тишков В. А.* Народы и государства. С. 56. Ресурсная политика занимает важное место в программах сформированных в СССР народных фронтов. См.: Народный конгресс. Сборник материалов конгресса Народного фронта Эстонии. 1—2 октября 1988 г. Таллин, 1989. С. 178—181.

³⁸ См.: *Печеч А.* Человеческие качества. М., 1985; *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988.

³⁹ «Информацию правомерно рассматривать в качестве ресурса нового вида со специфическими параметрами эффективности, который может быть использован для замещения живого труда, сырья и энергии... Информация не расходуется в результате ее использования, а ее расширение фактически не имеет ограничений». См.: *Микроэлектроника — ключевая технология*. М., 1987. С. 115—116.

⁴⁰ См.: *Правда*. 1987. 17 сентября.

⁴¹ *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 100—114.

⁴² См.: *Фекете Д.* Ограбление будущего. Размышления о новой форме эксплуатации // *Иностранная литература*. 1988. № 5. С. 188—203; № 6. С. 195—213.

⁴³ Добавим, что исследования наших зарубежных коллег, да и некоторые наши собственные изыскания позволяют вполне определенно утверждать, что «человеческий фактор» или «человеческий капитал» имеет весомую этнокультурную составляющую, влияние которой тем более существенно, чем далее по пути внедрения «высоких» технологий продвинулось общество. Как известно, в нашей стране процесс перехода к постиндустриальным технологиям еще только начался,

- поэтому преимущества «культурного» разделения труда пока не очевидны и игнорируются в экономической политике. По этому вопросу см.: НТР и национальные процессы.
- ⁴⁴ См.: СССР и зарубежные страны. 1987: Статистический сб. М., 1988. С. 11—17.
- ⁴⁵ См.: *Рюгемер В.* Новая техника — старое общество. Кремниевая долина. М., 1988. С. 188—193; Политическая экономия: учебник для вузов / *Медведев В. А., Абалкин Л. И., Ожерельев О. И.* и др. М., 1988. С. 634—637.
- ⁴⁶ Политическая экономия. С. 634—635.
- ⁴⁷ *Бронштейн М.* Региональный хозрасчет: нужны трезвость и доказательность // Коммунист. 1989. № 5. С. 63—64.
- ⁴⁸ См.: *Дзарасов С. С.* Политическая экономия. М., 1988. С. 396.
- ⁴⁹ Частично они были рассмотрены в работе: *Бутенко А. П.* Социализм как мировая система. М., 1984. С. 255—260. Мы привлекали также опыт западноевропейской интеграции. См.: Проблемы западноевропейской интеграции. Сб. науч.—аналит. обзоров. М., 1987. Западная Европа — эволюция экономической структуры / *О. С. Борисова, А. М. Волков, Е. И. Горохова* и др. М., 1988.
- ⁵⁰ См.: *Примаков Е.* Региональный хозрасчет: опыт и проблемы // Правда. 1988. 4 дек.; *Колесниченко Т.* Когда наступит «день Икс» // Правда. 1988. 13 фев.
- ⁵¹ См.: Проблемы западноевропейской интеграции. С. 95—130.
- ⁵² *Харланов Ю.* Долгий путь к федерации. Что случилось в Бельгии // Правда. 1989. 9 мар.
- ⁵³ См.: *Васильев Л. С.* Государство и государственный способ производства в древнем Китае // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1981. Ч. 1. С. 35—46.

ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ В. А. ТИШКОВА «О КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР*»

В статье В. А. Тишкова внимание прежде всего привлекает попытка подойти к рассмотрению выдвинувшихся в последнее время в нашей стране на передний план национальных проблем в глобальном контексте. Такой подход оказался особенно плодотворным при характеристике прав народов (с. 79—84). Вообще сама постановка вопроса о правах народов представляется чрезвычайно важной. Ведь носителями национальных прав являются в первую очередь сами народы. Между тем этот факт нередко прямо или косвенно игнорируется, что проявляется, в частности, в подчеркивании только соответствующих прав национально-территориальных образований. Отсюда и игнорирование в течение длительного времени специфических потребностей национальностей, не имеющих своих территориально-административных образований, как и национальных групп, проживающих за пределами таких образований. А они в совокупности составляют, как известно, примерно 60 млн. человек. Вместе с тем представляется важным подчеркнуть, что национальные права народов не должны противоречить правам отдельной личности (например, праву свободного выбора каждым человеком языка обучения).

Нельзя не присоединиться к критике автором практики фиксирования у нас в стране национальности в паспортах по национальной принадлежности одного из родителей. На недемократичность такой практики уже не раз указывали наши специалисты, однако изменений в этом отношении до сих пор не произошло. Как справедливо отмечено в статье, тем самым, в частности, накладывается определенное ограничение на выражение гражданами своего собственного национального самосознания. Хочется поддержать также предложение о предоставлении человеку в случае утраты четкой национальной принадлежности возможности отнести себя к более широкой категории «советский» (с. 81).

В статье справедливо подчеркивается, что до сих пор не уделялось должного внимания такому важнейшему аспекту жизни современных народов, как их право на доступ к достижениям мировой цивилизации. Трудно не согласиться с риторическим вопросом автора: «Гордые духом и нищие телом», сможем ли мы как союз народов чувствовать себя достаточно уверенно в сообществе людей XXI века? (с. 84). Именно поэтому столь губительны для развития народов любые проявления изоляционизма, в том числе языкового.

Оригинально освещен в статье вопрос о соответствии государственного устройства СССР, политических установок и идеологических воззрений современным реалиям советского общества и потребностям нашего дальнейшего развития. Не лишено основания мнение автора, что главными факторами, влияющими на административно-территориальное деление государств, должны быть пространственно-хозяйственные связи. Как отмечается в статье, современный мир не знает случая, чтобы какое-то из крупных многонациональных государств добилось разительных успехов в своем развитии при том, что его народы разбежались по своим «этническим квартирам» (с. 86). Против всего этого с абстрактно теоретических позиций возражать трудно. Более того, к сказанному можно было бы добавить, что в силу тех или иных причин одни народы получили статус национально-административных образований (притом различного «уровня»), другие — такового не имеют. И все же нельзя не считать с исторически сложившейся реальной национально-территориальной структурой страны. Любые попытки существенно ее изменить ныне чреваты далеко не предсказуемыми последствиями, о чем, в частности, весьма наглядно свидетельствуют последние события в Закавказье.

*Продолжение. См.: Сов. этнография. 1989. №№ 1, 3.

Одной из самых неотложных реформ, имеющих характер программы-минимум, по мнению автора, могло бы стать конституционное оформление некоторых общих принципов межнациональных отношений и принятие Декларации о правах народов СССР. Создание специального свода таких прав, видимо, в самом деле целесообразно. И все же одного этого явно не достаточно даже в качестве программы-минимум. Гораздо важнее выработать комплекс мер, направленных на обеспечение того, чтобы реальные права всех национальностей, независимо от их административно-территориального статуса, действительно были полностью равными. А это прежде всего предполагает, что так называемые коренные нации республик не будут иметь никаких привилегий по сравнению с другими, населяющими эти республики национальностями.

Можно также согласиться с автором, что обобщенные термины «народы» и «национальности» при характеристике всех этнических общностей страны более удобны в повседневной практике, чем обычно употребляемая в таких случаях формула «нации и народности» (с. 76). К сказанному в этой связи представляется существенным добавить, что за пределами данной формулы остаются все национальные группы, составляющие, в своей совокупности, как уже говорилось, значительную долю населения СССР. Вместе с тем в статье косвенно подтверждается правомерность разграничения коренных народов страны на два основных этносоциальных подтипа, когда вполне обоснованно подчеркивается специфическое социально-экономическое и культурное положение малых народов Севера, необходимость создания для них особых условий, учитывающих их существенно иные, чем у урбанизированных народов хозяйственно-культурные традиции (с. 81, 83). Впрочем, в перспективе, на наш взгляд, нации во все большей мере будут терять характер этносоциальных общностей в строгом значении этого понятия (т. е. превращаться в национальности)¹. Этому в немалой степени уже давно содействует снижение их территориальной компактности (непрерывности) в результате увеличения масштабов иноэтнических «вкраплений». Соответственно такие важнейшие признаки наций как общность территории и экономики все менее выступают в «чистом» виде.

Автор справедливо ратует за развитие гласности в области изучения и освещения межнациональных отношений (с. 75). Несомненно нужна широкая информация общественности о тех или иных конкретных проявлениях национальных процессов, особенно конфликтных. Не столь однозначно обстоит, на мой взгляд, дело с популяризацией взглядов отдельных лиц на какие-либо аспекты национальных отношений и их практических предложений. То, что эта сфера долгое время оставалась наиболее закрытой для советского обществоведения, несомненно, негативно сказалось не только на изучении, но и на самих национальных процессах в нашей стране. Однако вряд ли следует вдаваться в противоположную крайность, забывая о том, сколь тесно национальное самосознание сопряжено с эмоциональной сферой психики. Не случайно XIX партконференция специально подчеркнула необходимость взвешенного подхода к рассмотрению национальных сюжетов. В самом деле, вряд ли, например, нейтральным для развития национальных отношений в стране оказалось распространение изданиями, имеющими массовый характер, таких с позволения сказать теорий как деление народов на полноценные (пассионарные) и неполноценные (субпассионарные), утверждения о негативных последствиях национально-смешанных браков, тезиса о вреде билингвизма и т. п. При этом плюрализм мнений подобными изданиями трактуется весьма своеобразно: почему-то просто замалчиваются или всячески затушевываются возражения против подобных мягко говоря, далеко не взвешенных утверждений². Между тем достаточно очевидно, что важнейшим условием подлинной гласности при обсуждении национальной проблематики (как и любой другой) является предоставление возможности высказать на страницах тех же изданий в полный голос другие точки зрения. Только такое «право на ответ» может обеспечить подлинный плюрализм мнений. И в этой связи, нельзя не заметить, что у журнала «Совет-

ская этнография» имеется неплохая многолетняя традиция проведения дискуссий, включающая практическое обсуждение всех точек зрения, независимо от званий и должностного положения их авторов. Представляется, что важно не только продолжить эту традицию, но и несколько усовершенствовать сложившуюся практику, не ограничиваться публикациями подборки откликов различных авторов на «заглавную» статью, а проводя предварительно специальные «круглые столы», позволяющие участникам дискуссий непосредственно полемизировать друг с другом по отдельным вопросам обсуждаемой проблемы. Иначе говоря, перейти от дискуссий-монологов к дискуссиям-диалогам.

Ю. В. Бромлей

Примечания

1. См. Бромлей Ю. В. Октябрь и развитие национальных отношений в СССР. М., 1987. С. 62—63.

2. Показательно, например, что статья М. Н. Губогло с основательной критикой «концепции» о вреде билингвизма, направленная в журнал «Дружба народов», так и не была опубликована в этом журнале, хотя дискуссия по национальной проблематике продолжалась в нескольких номерах журнала. Объявив в № 1 за этот год дискуссию по национальной проблематике, журнал «Коммунист», так ее и не продолжил, хотя и опубликовал за пределами соответствующей рубрики ряд статей по данной проблематике.

* * *

Мне уже приходилось выступать, в том числе и на советско-американском симпозиуме, по близкой статье В. А. Тишкова теме о взаимоотношениях этничности и государственности, но связанный с этим круг проблем настолько разнообразен, имеет так много различных аспектов, что вряд ли мы исчерпаем ее и сейчас при коллективном обсуждении.

Значимость темы, развернутой в статье В. А. Тишкова, состоит в том, что обострение в последние годы во многих регионах нашей страны национальных проблем проистекает не столько из отношений между национальностями, сколько из национальной государственности: драматическое развитие событий в Закавказье связано со спорами из-за национально-государственного статуса и республиканской принадлежности Нагорного Карабаха; подъем национальных движений в Прибалтике — стремление к большему национально-государственному суверенитету республик и т. д. В дальнейшем я остановлюсь несколько подробнее на некотором несовершенстве нашей национальной государственности, но предварительно должен затронуть еще один вопрос — о терминологии.

В своей статье В. А. Тишков отметил неточность употребления некоторых терминов, связанных с этно-национальной проблематикой, в частности термина «нация». Сравнительно большое внимание этому уделяет и М. В. Крюков, который не раз показывал недостатки сталинского определения нации на основе четырех обязательных признаков, которое до сих пор еще не исчезло из публикаций, хотя на практике им никто не пользуется. Полагаю, что наше увлечение терминологией, при всей ее значимости должно иметь разумные пределы. В своей статье по национальному вопросу («Советская этнография», 1988, № 1) мне пришлось подчеркнуть различие между теорией нации (и шире — этноса), в рамках которой можно совершенствовать терминологию, и теорией национального вопроса, в которой, как это отражено в работах В. И. Ленина, можно обычно обходиться без особых терминологических понятийных упражнений. Даже наличие самого четкого определения нации не гарантирует от ошибок в решении национального вопроса, от распространения национализма, в духе которого своя, четко определенная, нация превозносится выше всего на свете. И если бы мы,

например, затеяли спор о том, кем нам следует считать в терминологическом отношении армян Нагорного Карабаха — национальностью или частью армянской нации, частью армянского этникоса или частью армянского ЭСО, а может быть и самостоятельным ЭСО, то мы потратили бы на это многие часы и не очень-то помогли бы этим решить возникшие национальные проблемы.

Что же касается рассматриваемой нами темы «Народы и государство», то в СССР она нашла свою реализацию в системе национальной государственности, которая оформлена в Конституции СССР. Приходится признать, однако, что сделано это довольно небрежно и не вполне продуманно. И если говорить вполне откровенно, то наша Конституция — это закон о неравноправной национальной государственности: союзные республики по своим правам намного превосходят автономные, те — автономные области и округа; обычные же области не имеют особых прав как в отношении сохранности национальной самобытности своих граждан, так и в экономической сфере. Принцип равноправия союзных республик приводит как бы к неравномерному распределению связанных с ними преимуществ на каждого человека; тот факт, что эстонцы, например, по благосостоянию и некоторым другим показателям намного превосходят примерно равное им по численности русское население соседней Псковской области, в значительной мере объясняется тем, что эстонцы более автономны в хозяйственной жизни, имеют свой Совет Министров и другие учреждения с хорошо оплачиваемыми должностями, чего не положено иметь псковичам. Вопрос заключается в том, почему, скажем, та же эстонская республика имеет статус союзной, а татарская — статус автономной республики, хотя по числу жителей и экономической мощи она намного превосходит Эстонскую ССР. Традиционная ссылка на то, что союзная республика для осуществления права выхода из СССР должна иметь внешнюю границу, меня не удовлетворяет; сейчас же вспоминается самостоятельная республика Сан-Марино, окруженная территорией Италии, или королевство Лесото, внутри территории ЮАР.

Другой большой недостаток нашего национального законодательства — отсутствие разработанного механизма осуществления тех или иных гарантированных прав, прежде всего права народов (национальностей) на самоопределение вплоть до полного политического отделения. Ничего не сказано о порядке разрешения споров между автономной республикой или областью, с одной стороны, и республикой, в которую они входят, — с другой. Более многочисленная «союзная» национальность, представленная большим числом депутатов в Верховном Совете, может легко утвердить свое решение, и настоящий демократизм здесь состоит именно в обеспечении и защите прав национальных меньшинств. Можно надеяться, что при нашем дальнейшем движении по пути создания подлинно правового государства будут приведены в порядок и законы о правах национальностей.

В заключение отмечу позитивное значение обращения В. А. Тишкова к зарубежной национально-государственной ситуации. В свое время В. И. Ленин указывал, что национальные движения свойственны отнюдь не только России, и нам уже давно пора отказаться от представления о какой-то нашей исключительной оригинальности и связанного с этим стремления учиться только на собственных ошибках. Особый интерес в этом отношении представляет для нас опыт развития многонациональной Югославии, в которой уже довольно давно проведена чем-то сходная с нашей перестройка и проверена возможность республиканского хозрасчета. В результате этого разрыв в уровне благосостояния между жителями экономически развитых и экономически отстающих республик там увеличился, а это вызвало новые национальные трения. Боюсь, что нам без учета этого опыта придется пережить то же самое.

В. И. Козлов

За последние годы мы являемся свидетелями эскалации национальных конфликтов в нашей стране. Один за другим предъявляются старые векселя, по которым надо платить: как за ошибки политиков, пренебрегавших правами народов, так и за благодушие ученых, десятилетиями не изучавших реальность межэтнических отношений. Сейчас становится все более очевидным, что накопившиеся проблемы имеют глубокие корни и решить их с помощью экстренных административных мер нельзя. Бесплезно уповать на открытие какого-то универсального и быстродействующего средства от застарелой болезни. Необходим основательный научный анализ сущности самого явления и всех воздействующих на него факторов. Представляется вместе с тем, что среди всех многообразных аспектов национального вопроса наиболее актуально первоочередное теоретическое осмысление ситуации, связанной с понятием «права народов».

В связи с этим необходимо прежде всего ответить, кто является субъектом национальных прав в нашей стране. Существует устоявшаяся иллюзия, будто бы этнический состав населения СССР давно и исчерпывающе изучен. Попытки вернуться к обсуждению связанных с этим проблем иной раз квалифицировались даже как злокозненное стремление поставить под сомнение все сделанное нашими этнографами за годы советской власти. Между тем положение дел отнюдь не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Достаточно напомнить, что согласно переписи населения 1926 г. в стране проживало почти 180 народов; в 1939 г. Сталин утверждал, что в СССР существует «около 60 наций, национальных групп и народностей»; в 1970-е годы повсеместное распространение получила формула «100 наций и народностей»; по мнению некоторых специалистов-этнодемографов, в настоящее время в Советском Союзе живет примерно 140 народов. Мы помним, как много резких критических замечаний вызвал подготовленный к переписи населения 1989 г. список народов СССР.

Суть проблемы заключается в том, что всякий раз, когда общепризнанные постулаты этнографической науки оказываются в противоречии с официальной точкой зрения, мы отдаем предпочтение последней, жертвуя сформулированными нами научными принципами. Так, одним из важных достижений советской теории этноса считается представление об этническом самосознании, проявляющемся в самоназвании, как наиболее существенном признаке этноса. На практике же некоторые народы, существование которых было декредитировано у нас в конце 1920-х — начале 1930-х годов, не имеют единого самоназвания на своем родном языке (таковы, например, алтайцы). С другой стороны, группы, имеющие общее самоназвание, по традиции рассматриваются как части различных народов (шорцы существуют как самостоятельная этническая общность, но кроме того входят в состав алтайцев и хакасов). Еще вчера эти сожеты, казалось, были весьма далеки от злобы дня. Но на наших глазах положение меняется. Полешуки, которых мы привыкли считать субэтническими группами в составе двух соседних народов — украинцев и белорусов, все более настойчиво выдвигают требование признать их самостоятельной этнической общностью. Кто на очереди?

Уже сейчас в ряде республик остро стоит вопрос об этническом статусе некоторых общностей, которые рассматриваются одними как этнографические группы в составе численно преобладающего этноса, другими — как отдельные народы. Являются ли памирцы частью таджиков, входят ли талыши в состав азербайджанцев? Судя по всему, ни историки партии, ни философы не обладают необходимым уровнем профессиональной подготовки для того, чтобы дать квалифицированный ответ на эти вопросы. Однако и этнографам необходима для его решения специальная исследовательская программа, и можно надеяться, что уже высказанные на сей счет предложения будут учтены при разработке плана Института этнографии АН СССР на ближайшие годы.

Вторым важным аспектом обсуждаемого круга вопросов является наше

отношение к основополагающему тезису о равноправии народов. Хотя принципы, провозглашенные в «Декларации прав народов России» формально никогда не подвергались сомнению, в явном противоречии с ними находится широко практикуемое ныне противопоставление трех категорий проживающих в СССР этнических общностей — наций, народностей и национальных групп. О теоретической необоснованности и практической вредности подобной «классификации» неоднократно говорилось. Тем не менее, сила привычки по-прежнему берет верх над здравым смыслом, и указанные термины продолжают фигурировать в работах специалистов и высказываниях общественных деятелей. Не повторяя уже приводившихся аргументов, хочу подчеркнуть, что в этой сфере у нас действительно царит полнейшая понятийная неразбериха. Не говоря уже о том, что никто до сих пор не смог четко и убедительно сформулировать критерии противопоставления «наций» и «народностей», даже в понимании сущности «национальных групп» обнаруживаются не совпадающие между собой индивидуальные точки зрения отдельных теоретиков. Согласно одной из них, под «национальными группами» следует понимать народы, проживающие за пределами нашей страны и представленные на ее территории лишь своими небольшими частями. Наряду с этим в последнее время появилось иное толкование этого понятия: «Национальные группы — это те 55 млн чел., которые проживают за пределами своих национально-государственных образований. В 14 союзных республиках (не считая РСФСР) расселено 24 млн. русских. Еще 15 млн. чел. представителей коренных национальностей (кроме русских), имеющих собственные союзные республики, живут за их пределами. Наконец, 7 млн. чел. вообще не имеют своих национально-государственных образований» (Сов. этнография. 1989. № 1. С. 27). Предложенный здесь подсчет численности «национальных групп» СССР, с чисто арифметической точки зрения, требует, судя по всему, некоторых комментариев. Но важнее другое — в одной категории оказались объединенными, с одной стороны, части этносов, проживающие вне своих республик, с другой — этносы вообще не имеющие своих республик. Если, следуя за Ю. В. Бромлеем, считать субъектом национальных прав «все этникосы как в целом, так и их отдельные части — национальные группы» (Там же. С. 6), то становится совершенно неясным, каким образом можно перечислять через запятую целое и часть целого, определяя их как особые «формы общности» (С. 40). Что же касается включения в число «национальных групп» тех этносов, которые сегодня не имеют своих государственных и территориальных образований, то подобное противопоставление их другим народам СССР объективно служит не реализации их прав, а, напротив, увековечиванию неравноправного положения этих общностей. Между тем среди них некоторые насчитывают более миллиона человек. Нельзя забывать, что вообще любая классификация не является единственно возможным способом упорядочения данной совокупности исследуемых объектов; в зависимости от целей исследования могут быть предложены различные группировки. Возникает вопрос: какие специфические цели ставят перед собой ученые, если предлагаемая ими классификация народов СССР по своей сущности противоречит декларируемому нами принципу равноправия этих народов? Указанная классификация является, помимо этого, источником многочисленных двусмысленностей и неясностей, представление о которых дает, в частности, тот же номер журнала «Советская этнография». Если под «народами нашей страны» Ю. В. Бромлей понимает этносы, включая нации и народности, то какой смысл в данном контексте вкладывается им в понятие «этносоциальная общность» (С. 17)? И как с этой точки зрения следует понимать тезис Г. Б. Старушенко о том, что «все народы и нации имеют право на самоопределение» (С. 20)? Вряд ли можно сомневаться в необходимости решительного упорядочения существующего понятийного аппарата нашей теории нации.

Наконец, третьим существенным аспектом проблемы прав народов СССР является выявление здесь наиболее фундаментального, ведущего звена. Тако-

вым, на мой взгляд, является право народа на суверенное развитие. А это в свою очередь требует от советских обществоведов объективного и исчерпывающего анализа состояния реализации этого права в существующей системе административно-государственного деления СССР. Какими параметрами должен обладать народ, претендующий на создание собственной союзной республики? Каковы критерии, на основании которых конституируются автономные образования различных рангов? Отвечают ли «совмещенные» автономии вроде Дагестанской АССР принципу предоставления каждому народу СССР права на самоопределение? Почему ряд народов СССР не имеет автономных образований, тогда как среди последних существуют единицы, население которых не представляет собой самостоятельных народов? Какова юридическая процедура создания новых национально-территориальных образований в соответствии с духом правового государства, на формирование которого направлены в настоящее время усилия нашего общества? Формулирование удовлетворительных ответов на эти вопросы — задача прежде всего правоведов, но необходимость их кооперации с этнографами также вполне очевидна.

М. В. Крюков

* * *

Статья В. А. Тишкова затрагивает многие важные вопросы межнациональных отношений в нашей стране, и у меня нет возможности комментировать все ее положения. Многие выводы автора, на мой взгляд, заслуживают безусловной поддержки. Справедливо констатируется кризисная ситуация в межнациональных отношениях и явная неудовлетворительность как существующей в этой сфере государственно-правовой практики, так и теоретического осмысления национального вопроса в рамках старых концептуальных схем. В частности, В. А. Тишков (вслед за другими исследователями, в том числе М. В. Крюковым¹⁾) убедительно критикует бытующее разделение народов нашей страны на нации и народности, слабо обоснованное теоретически и порождающее «неужные противоречия и недоумения на уровне массового сознания и общественной практики» (с. 76). Впервые в советской литературе автор ставит вопрос о правах народов, считая теоретическую разработку и практическое осуществление этих прав «одним из важнейших моментов в области национальной политики» (с. 80). При этом проблема прав народов, да и многие другие вопросы национальных отношений, рассматриваются В. А. Тишковым с точки зрения общей демократизации социально-политических структур, укрепления индивидуальных прав и свобод граждан (с. 87). Конечно же, такой гуманистический пафос статьи не может не вызвать сочувствия. Однако пора перейти к тем элементам концепции В. А. Тишкова, которые я оцениваю не столь однозначно.

Для автора характерно постоянное стремление вписать национальные проблемы Советского Союза в контекст мирового опыта, связывая их, в частности, с глобальной тенденцией «этнического возрождения». Разделяя в целом такой (кстати, уже давно назревший) подход, рассмотрим подробнее одно из положений В. А. Тишкова. По его мысли, «этническое возрождение», расширение прав народов, включая право на самоопределение, в принципе не противоречит тому, что в современном мире социально-экономическое развитие осуществляется в рамках крупных многонациональных государств. «Становится все более очевидным, что... сама по себе возведенная в абсолют национальная государственность не гарантирует народу главного — процветающего и мирного существования. Гораздо в большей степени интересам народов... отвечают различные формы автономии и самоуправления в составе более крупных образований» (с. 82). И далее «...современный мир не знает случая, чтобы какое-то из крупных многонациональных государств добилось разительных успехов в своем развитии при том, что его народы „разбегались по своим этническим квартирам“» (с. 86).

С этой точки зрения В. А. Тишков подходит и к этнополитической ситуации в нашей стране. Он отрицательно относится к тому, что субъектами советской федерации являются не территориальные единицы, а союзные республики, рассматриваемые как национальные государства. По мнению автора, это «ослабляет... суверенитет общесоюзного государства», который в результате на конституционном уровне «выражен в СССР гораздо слабее, чем в других странах» (с. 86).

Конечно, для СССР крайне важно учитывать опыт развития других крупных многонациональных государств, однако наша страна сейчас представляет в своем роде уникальное этнополитическое образование. Необходимо помнить о том, что Советский Союз исторически является преемником многонациональной империи, сложившейся в основном путем территориальной экспансии. Многие народы, ныне входящие в состав нашего государства, были в свое время насильственно присоединены к царской России. Да и, как уже отмечается в нашей печати, «возникновение разных социалистических республик и принципы их вхождения в федерацию далеко не одинаковы. Подлинная историческая картина должна быть восстановлена, какой бы сложной она ни оказалась»². Следует также иметь в виду, что в исторической памяти многих народов нашей страны всегда были живы, а сейчас еще и обострены воспоминания о своей национальной независимости и государственности и о событиях, сопровождавших их утрату.

Мне представляется, что эти обстоятельства необходимо учитывать при анализе национально-политической реальности в Советском Союзе, особенно проблем соотношения между центром и субъектами федерации, между общесоюзным и республиканским суверенитетом. В нынешних условиях любое расширение полномочий центра, какими социально-экономическими соображениями оно бы ни оправдывалось, — будет негативно восприниматься в республиках как нечто навязанное сверху. Реальное повышение авторитета центральной власти возможно лишь в том случае, если возродится понимание СССР как союза суверенных государств, каждое из которых добровольно делегирует центру некоторые из своих полномочий. На одной недавней дискуссии по национальным проблемам эта идея была сформулирована так: «Суверенные социалистические республики, объединяясь на добровольных началах, отдают федеративному государству как целому часть своих функций — оборонную, общей координации внешней политики... и т. д. Но во всем другом они остаются самостоятельными, осуществляя верховную власть на своей территории»³.

Такой в основе своей «историко-юридический» подход к национальным проблемам на деле не всегда противоречит «социально-экономическому» подходу, которому следует В. А. Тишков. Он считает, что наблюдаемое в ряде республик стремление к экономическому суверенитету может привести к хозяйственной автаркии, несовместимой с современным высокоэффективным производством (с. 86). Мне кажется более обоснованной другая точка зрения. По мнению многих специалистов⁴, идея экономического суверенитета как раз предполагает активизацию межреспубликанского (и международного) обмена, специализации и кооперирования, но не на основе централизованного планирования и распределения, а на базе рыночных отношений. Естественно, переход к подлинному региональному хозрасчету возможен лишь в ходе радикальной экономической реформы на уровне предприятий и отраслей. Как отмечает видный эстонский экономист М. Бронштейн: «Республиканский хозрасчет, экономический суверенитет республик предполагает не замкнутую экономику, а использование экономических и правовых регуляторов и в масштабах Союза, и в каждом регионе. Он не отрицает, а утверждает участие республик в союзных программах, но им должно быть предоставлено право обсуждать и контролировать эти программы... Нужно всем создать равные возможности. Пусть на рынке доказывают, кто прав. Все это не имеет ничего общего ни с региональной замкнутостью, ни с формированием республиканской бюрократической системы»⁵.

По мнению В. А. Тишкова, в рамках упрочения общесоюзного суверенитета необходимо и конституционное закрепление русского языка в качестве официального, общегосударственного (с. 88). Конечно, широкое распространение языка межнационального общения — объективная необходимость для любого многонационального государства. Но следует иметь в виду, что русский язык в нашей стране не есть просто язык межнационального общения. Прежде всего, это язык наиболее многочисленного народа, язык, с которым в большинстве республик ассоциируется понятие центра, центральной власти. Законодательное придание русскому языку привилегированного статуса на всей территории страны, вероятно, породило бы отрицательную реакцию во многих республиках и не способствовало бы реальному росту двуязычия. С юридической точки зрения, более правомерным было бы объявить государственными языками СССР все пятнадцать языков союзных республик, но это было бы явно нерационально. Мне представляется, что в каждой республике может быть свой государственный язык (включая, конечно, и русский в РСФСР). При этом объективные функции русского языка как языка межнационального общения могут осуществляться естественно, без правовых гарантий на общесоюзном уровне.

Н. Е. Руденский

Примечания

¹ Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Сов. этнография. 1986. № 3. С. 58—69.

² Слышать друг друга. «Круглый стол» журналов «Коммунист», «Коммунист Советской Латвии», «Коммунист Эстонии», «Коммунист» (Литва) // Коммунист. 1989. № 6. С. 79.

³ Там же. С. 74.

⁴ См., например: Коротеева В. В., Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И. От бюрократического централизма к экономической интеграции суверенных республик // Коммунист. 1988. № 15. С. 22—33.

⁵ Слышать друг друга... С. 62.

Ф. Д. Люшкевич

ТРАДИЦИИ МЕЖСЕМЕЙНЫХ СВЯЗЕЙ УЗБЕКСКО-ТАДЖИКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ (к проблеме бытования *калыма* и других патриархальных обычаев)

Одной из насущных задач настоящего этапа исследования современной семейной обрядности народов Средней Азии является не только объяснение причин сохранения отдельных патриархальных традиций, но и главным образом выявление механизма их функционирования, трансмиссии и трансформации в современных условиях. Механизм этот может быть понят только при рассмотрении семьи в системе тех исторически сложившихся социальных связей, которые определяли и продолжают влиять на своеобразие ее развития.

Еще недавно методология исследования семьи как целостной системы разрабатывалась главным образом в трудах философов, социологов, демографов. Лишь в последние годы системный подход стал все активнее применяться в этнографических исследованиях семьи¹. Ю. В. Бромлеев в общую теорию структуры семьи как социальной общности введены понятия «системообразующих» и «средовых» связей: к первым отнесены брачно-семейные отношения, ко вторым — поселенческие, языковые, идеологические и др.²

Естественно, что в этой общей формулировке конкретная характеристика таких исторически обусловленных категорий взаимосвязи семьи и общества как системообразующие и средовые, их позиции, соотношение и взаимодействие могут быть определены только исходя из стадийно-формационных особенностей развития данного общества.

Наши многолетние исследования современной семьи узбеков и таджиков разных районов Средней Азии³ выявили в качестве основной особенности ее структуры сохраняющуюся органическую связь ее внутрисемейных, семейно-родственных и межсемейных отношений в рамках определенной социальной общности. Во взаимообусловленности этих связей, как мы покажем ниже, и заложен механизм действия той традиционной социально-нормативной культуры, которая составляет характерные особенности современной семьи.

В последние годы наиболее полно описаны и изучены комплексы традиционной обрядности⁴, меньше — характер внутрисемейных отношений, еще меньше — место семьи в системе социальных связей общества в целом.

Вместе с тем анализ этого взаимодействия через сложившиеся в прошлом социально-психологические нормы и формирующиеся новые является ключевым для понимания соотношения традиционного и нового в развитии современной семьи.

В одном из последних исследований обрядовой культуры Узбекистана⁵ отмечается, что при неуклонно идущем процессе трансформации и модификации старых норм наблюдается сохранение патриархальных пережитков, коренящихся в обыденном сознании людей. Главную причину замедленного изменения традиционного быта автор справедливо усматривает в своеобразии исторического развития этого региона — переходе к строительству социализма от многовекового господства патриархально-феодалных отношений. Именно это обуславливает сохранение комплекса социально-психологических установок, которые, как правило, в области бытовой культуры перестраиваются значительно медленнее общественных отношений в целом⁶.

Известная автономия по отношению к непосредственным общественным изменениям особенно характерна для такой микроячейки общества, как семья, где в значительной мере сохранились те этнопсихологические черты обыденного сознания, которые дошли до нас от прежних, общинно-семейных связей.

Роли семьи и сельской общины в жизнедеятельности традиции была посвящена специальная дискуссия в журнале «Советская этнография»⁷, но при этом в основе обсуждения находилась община как живой организм.

В настоящей статье мы постараемся проследить, как сложившиеся в прошлые эпохи социально-психологические черты общественного сознания продолжают и при коренном изменении базисной основы быть в течение относительно длительного периода почвой для сохранения и даже формирования заново традиционной системы социальных связей, обеспечивающей сохранение специфически этнического образа жизни. Другая наша задача — выяснить, как под влиянием новых общественных отношений идет процесс его преобразования и какую роль в этом играют традиционные по форме социальные объединения.

В решении этой задачи особое внимание следует обратить на тот глубинный пласт коллективного сознания, который в последних исследованиях истории социальной психологии, в частности в трудах А. Я. Гуревича, определен понятием ментальности как манеры чувствовать и думать, присущей людям данной социальной системы, категории, отличающейся более «плотным» и длительным временем существования⁸. Познание этой «субъективной стороны социального», как справедливо замечает А. Я. Гуревич, наиболее доступно этнографическому методу непосредственного наблюдения.

Основные сведения о чертах общественного, в том числе и семейного, бытия народов Средней Азии дооктябрьского времени содержатся в общих исследованиях социальных отношений прошлых эпох⁹.

Исследования, проведенные Н. А. Кисляковым среди узбекско-таджикского населения на территории бывшего Бухарского ханства, показали, что слабое развитие товарно-денежных отношений, преобладание в ряде районов натурального хозяйства предопределили застойный характер сельской общины во всех ее проявлениях. Низкий уровень развития производительных сил обусловил стойкое сохранение общинного земле- и водопользования, коллективного характера проведения всего цикла сельскохозяйственных работ. На членах сельской общины лежали многочисленные коллективные трудовые повинности (строительство и ремонт дорог, очистка оросительной системы и т. д.). Одним из проявлений тесной взаимосвязанности членов общины была круговая порука в уплате налогов. Многие из сохранившихся еще в начале XX в. налогов, как показали специальные исследования, уплачивались натурой и представляли переходную форму от добровольного даяния к налогу. Семантический анализ терминов этого ряда подтвердил их связь с архаическими патриархально-родовыми установлениями, которые консервировались общиной и со временем приобрели характер феодальных повинностей¹⁰.

Производственные основы общинной жизни, ее соционормативные требования, естественно, влияли и на организацию социально-бытовой культуры. При всей противоречивости коллективного начала в условиях развивавшегося имущественного неравенства именно этот стереотип стал одной из характерных особенностей этнической психологии. В быту это нашло отражение в различных видах взаимопомощи (при постройке или ремонте дома, валянии кошм, изготовлении шерстяных тканей и т. п.). Древним общинным установлением было обязательное участие всей общины в подготовке и проведении семейных обрядов. Н. А. Кисляков пишет, что в бухарском обществе конца XIX — начала XX в. существовали не только реминисценции архаических отношений, но и сами эти отношения в двух реальных формах: патриархальная семейная община и сельская община¹¹.

Устойчивость общинных связей идеологически поддерживалась и закреплялась системой «надстроечных» институтов, среди которых особое место занима-

ли мужские и женские объединения. Этим архаическим формам социальной жизни народов Средней Азии, генетически восходящим к первобытно-общинному строю, в литературе уделено значительное внимание¹². Объединения эти охватывали практически все слои общества и, переплетаясь с родственными, соседскими и производственными связями, играли значительную роль в процессе социализации членов данного коллектива. Внешне сами собрания, проводившиеся при строгом соблюдении возрастной стратификации, соблюдении этикетных норм, могли выглядеть как способ проведения досуга с традиционным угощением и развлечениями разного рода. Внутреннее содержание проявлялось в теснейшей взаимосвязи ее членов, что позволяло этим объединениям занимать совершенно определенное место в общей системе общинных отношений.

По поводу каждого семейного события существовал разработанный ритуал с участием множества людей. О. А. Сухарева в упомянутой монографии замечает, что участие это было священным правом и обязанностью каждого жителя квартала. При этом обязательно было участие не только в подготовке праздника, но и в расходах, в результате чего все жившие в квартале семьи оказались связанными взаимными, в том числе материальными, обязательствами¹³. Для нашей задачи важно в этом высказывании прокомментировать два момента, которые часто упоминаются в литературе, но, как правило, до сих пор не учитывались в должной мере для выявления характера семейно-общинных связей. Во-первых, важно отметить, что многолюдность была не просто множеством людей, а представляла собой определенную организацию со сложной сетью родственных и социальных связей; во-вторых, это непременно материальное участие всех членов этого коллектива по системе, в основе которой лежали пережиточные формы принципа перераспределения общественных благ.

Пристальное внимание к такому материалу особенно существенно для объяснения природы целой группы традиций, в том числе и тех, которые проявляют особую живучесть в современном обществе. В отношении последних это связано с давно стоящей перед этнографами задачей теоретического и практического участия в преодолении негативных явлений¹⁴.

В рамках настоящей статьи мы остановимся на одной из наиболее острых проблем семьи народов Средней Азии — связанной с заключением брака. Проблема эта не раз была предметом дискуссий, но решалась главным образом в плане объяснения генезиса отдельных явлений, в частности *калыма* и *приданого*. Одни исследователи отстаивали точку зрения об их эквивалентности, другие подчеркивали сущность *калыма* как покупки невесты¹⁵. Но в обоих случаях ошибкой являлось рассмотрение среднеазиатской семьи в соответствии с психологически близкой исследователям европейской моделью, т. е. как своего рода самодостаточной единицы, вне ее органической включенности в широкую сеть общинных связей.

Здесь, отвлекаясь несколько от исторической последовательности изложения нашей темы, нужно отдать должное современной публицистике. Я имею в виду яркую публикацию в журнале «Огонек» (1988, № 31) под названием «Калым». Автор статьи Юрий Черниченко, хорошо известный высокой гражданской позицией, можно сказать, впервые в литературе рассматривает это явление расширительно, т. е. как систему отношений, глубинная суть которых сформулирована им как «родовая порука и тайны бюрократии».

Историческая преемственность таких социальных механизмов отчетливо прослеживается по этнографическим материалам. В литературе конца XIX — начала XX в. приводятся свидетельства той взаимосвязи семьи и общества, когда семья «еще не стала клеточкой собственнических и родственных отношений, а продолжала оставаться органической ячейкой хозяйственной и социальной жизни общины»¹⁶. Показательна в этом отношении монография Н. А. Кислякова, включающая, естественно, и полевые материалы самого автора¹⁷. Общей чертой любого этапа свадебного обряда, отмечаемой всеми без исключения авторами, является широкое участие в нем жителей всего кишлака, которые приносят дары и получают ответные.

Мы остановимся на нескольких примерах, относящихся к узбекам и таджикам разных районов Средней Азии, которые наиболее ярко раскрывают характер перераспределения свадебных расходов брачующихся сторон. Так, автор начала нашего века А. А. Бобринской после описания официальной помолвки таджиков Памира, во время которой отцы жениха и невесты обмениваются юдарками, отмечают, что, например, отец жениха, получив один халат (*чакман*), два отреза кустарной хлопчатобумажной ткани (*карбос*) на две рубахи, один кусок ситца, раздает их пришедшим к ним в качестве сватов трем родственникам¹⁸. А на следующем этапе свадебной обрядности — при передаче отцу невесты калыма, который здесь произносится как *калынг* или *нау-нау* (девять-девять, т. е. по девять рубах из разных видов кустарных тканей), происходит дальнейшее перераспределение даров. Как подчеркивает автор описания, большую часть *калынг* отец невесты раздает родственникам, невесте же остается очень незначительная его часть. Все необходимое дочери, подчеркивает автор, снаряжает сам отец¹⁹. Накануне главного свадебного торжества, которое происходит в доме невесты, у жениха собирается много гостей, каждый из них приносит подарок в виде куска карбоса; родственники же дарят по несколько кусков карбоса или ситца. Подарки передаются отцу жениха, и ими пополняется калынг.

Эти сведения очень существенно дополняются полевыми записями М. С. Андреева по этнографии таджиков долины Хуф²⁰. А. К. Писарчик, подготовившая эти материалы к публикации, распределила их по содержанию на рубрики, раскрывающие общественный характер свадебных приготовлений. Так, выделен раздел, посвященный предсвадебным угощениям, устраиваемым отцом жениха и отцом невесты. Для нас важно, что приглашаются не только жители данного, но и близлежащих кишлаков. Следующий раздел А. К. Писарчик так и называет: приношения родственников на свадьбу. Каждый из них обязательно что-нибудь дарит, чтобы помочь своему родственнику справиться с расходами по свадьбе. Это «дарение, — пишет автор, — так и называется — *даванием в долг*», так как получивший его должен будет в свою очередь нести подарок, когда у дарящих будут справляться их собственные свадьбы²¹. Важно, что термин «калым» в долине Хуф вообще не употребляется: само *вено* называется *амаль*, а та часть, которая предназначается на возмещение свадебных расходов в доме невесты (две бараньи туши, масло и зерно), называется *кухм*.

Сообщается, что размеры *вено* среди таджиков Хуфа изучаемого периода были строго зафиксированы, более или менее одинаковы и для бедных, и для богатых семей. Затем подчеркнуто, что в результате распределения его среди родственников на долю отца невесты оставалось очень мало. Это ярко иллюстрирует таблица размеров и распределения *вена*, из которой видно, что значительная доля отдавалась дяде и тетке по матери; отец невесты получал в сущности около 1 аршин сукна, которых могло хватить только на один халат. Коза с козленком, добавляет автор, давались отцу в том случае, если он добавлял к приданому невесты одеяло и войлок, а полагавшиеся две овцы, как и масло и пшеница, предназначались для свадебного угощения. Если принять во внимание, что отец невесты давал еще от себя в подарок дочери две овцы или иногда корову, готовил часть ее приданого, то видно, что он должен был добавить собственные средства на покрытие расходов²². Расходы со стороны тетки по матери также, по подсчетам автора, не равнялись подаркам (она делала два покрывала, давала головной платок, чулки, украшения). На данном этапе обмен дарами был выгоден лишь дяде по матери (одна корова, например, получаемая им в Хуфе того времени стоила столько же, сколько и десять овец). Однако спустя неделю или две после свадьбы, во время первого визита молодых (*джаиз-талап* — испрашивание приданого) сначала к отцу молодой, а потом к дяде, эта «выгода» компенсировалась ответным дарением (от трех до десяти овец).

Сведения об участии родственников в сборе калыма приводятся и в исследованиях по таджикам Дарваза и Каратегина²³. В Гарме и Джиргатале жених обходит представителей своего рода и собирает с них различные предметы (халат, кусок материи, пшеницу и пр.), которые будут отданы в счет калыма. Сходная

процедура происходит и в доме невесты. Когда через несколько дней после свадьбы невесту приводят в дом отца, то с ней из дома жениха посылаются туша барана и хлеб. Отец молодой обходит всех сородичей, давая каждому по кусочку присланных продуктов и одновременно собирая у них приданое *моли мирос* (скот и другие предметы), иногда очень большое.

Соотношение расходов обеих сторон, в которых участвовал широкий круг родственников, раскрывается также через состав *калыма*, который, по материалам горных районов Таджикистана, состоял из трех частей: *кола*, *туккуз* и *бор*. В *кола* входил главным образом скот. Отсюда и институт *калыма* здесь часто обозначался отымненным глаголом *кола дохтан* (букв. «бросать *кола*»). Н. Х. Нуржанов отмечает, что один из передаваемых в составе *кола* быков предназначался на убой, одну из коров называли *чармисари* (тадж. букв. «сало для головы»), ее оставляли для невесты в доме жениха. Другую корову называли *хаки шир* (тадж. букв. «плата за молоко») и дарили ее матери невесты. Лошадь доставалась отцу девушки. Однако иногда эта лошадь продавалась и деньги расходовались на свадьбу. Н. Х. Нуржанов приводит по этому поводу замечание жителя одного из удаленных кишлаков Дарваза о том, что «родители невесты терпят убыток, родители жениха получают выгоду»²⁴.

Рассмотрим распределение *туккуза*. Входившая в его состав материя шла на одежду для невесты, домашнюю утварь, которая отсылалась с ней в ее новый дом. Часть материи использовалась на одежду для самого жениха, на рубаху и шаровары его матери, халат для отца жениха, на одежду для двух его друзей. Третья часть *калыма* — *бор* — состояла из продуктов для свадебного угощения, которые заблаговременно отсылались в дом невесты. Угощение на каждом этапе сложного цикла обрядности предназначалось для определенной категории участников свадебных торжеств. Особое место занимал обряд, посвященный «духам предков». Весь ритуал должен был объединить в совместной трапезе как бы «общество» — родственников жениха и невесты — в целом. В результате *бор* составлял значительную часть всех затрат.

Приведенные выше материалы по районам горного Таджикистана убедительно показывают характер распределения и перераспределения свадебных расходов обеих сторон и каждой из них в пределах семейно-родственной группы.

Что касается узбекско-таджикского населения равнинных районов Средней Азии, для конца XIX — начала XX в. у нас нет столь подробных сведений о характере взаимных дарений родственников брачующихся. Но все же есть очень авторитетные свидетельства таких знатоков быта народов Средней Азии 70-х годов XIX в., как А. Д. Гребенкин, супруги В. и М. Наливкины и др., которые, определяя расходы жениха, подчеркивали, что «на *калым* приходится смотреть лишь как на уплату женихом всех вообще расходов, связанных с совершением брачного союза; здесь он отнюдь не имеет характера выкупа невесты. Получив *калым*, родители невесты обязуются соразмерно количеству последнего снабдить дочь при отправке ее к мужу одеялами и подушками, сделать для обоих молодых обмундировку и, кроме того, устроить свадебное угощение»²⁵. Приготовленное таким образом приданое, как пишут два других автора, остается в доме молодоженов и к тому, что дает отец жениха, «отец невесты еще прибавляет со своей стороны»²⁶.

Эти свидетельства, как и некоторые более поздние, обращают наше внимание главным образом на эквивалентность свадебных расходов, имея в виду отрицание уже складывавшегося у европейцев расхожего представления о *калыме* только как о покупке. К сожалению, в дальнейшем в специальных этнографических работах по равнинным районам Средней Азии эти наблюдения не были углублены и осмыслены в системе всех общинно-семейных связей. Такое методологическое упущение привело к тому, что в науке возобладал европоцентристский взгляд, сосредоточенный на количественном факторе свадебных расходов без учета их распределения и перераспределения среди широкого круга причастных к событию членов семьи и общества, растянутый к тому же на весь жизненный цикл. Одноразовая же фиксация привела к возникновению теории покупки

женщины²⁷. Соответственно и термин калым в европейской литературе закрепился как общий для всех расходов со стороны жениха. Как правило, его применяют к понятию, часто не адекватному местному названию и толкуемому однозначно: плата за невесту, выкуп²⁸. Здесь нет возможности остановиться на подробном критическом разборе традиционной теории. Это потребовало бы привлечения материала не только по народам Средней Азии и Казахстана, но и по стадially близким им народам Кавказа и Сибири. Отметим только, что теория так называемой покупки совершенно выпадает из исторически сложившихся и сохранившихся в условиях общины социальных связей, основной формой установления и поддержания которых был архаический институт так называемого дарообмена, который в этом случае, мне кажется, точнее было бы назвать обменом долговыми обязательствами²⁹.

Универсальность этой формы общинных отношений в доклассовых и раннеклассовых обществах широко отмечена в литературе. На материале североамериканских индейцев эта система перераспределения жизненных благ вошла в науку под названием *потлач*. В истории семейно-брачных отношений населения Южно-Африканского союза Д. А. Ольдерогге выявил сложную систему взаимных обязательств, называемую здесь *лобола*: эти отношения основаны не только на личных обязательствах данного лица — за его обязательства ответственные и его братья, и все его родственники. Они не могут быть сведены к имущественной сделке, т. е. не вытекают из обязательств по выкупу³⁰.

Постановка проблемы происхождения брака и семьи на большом этнографическом материале у народов Азии, Австралии и Океании показала, что одним из древних установлений поддержания всех видов социальных связей был обмен дарами³¹. Теоретическое осмысление института дарообмена и взаимного угощения как своего рода «пружины» социокультурного поведения человека и группы в раннеклассовых западноевропейских обществах предложено в специальных исследованиях А. Я. Гуревича³². Хронологические ступени развития древних форм общественного обмена, распределения и получения даров прослежены в календарной обрядности западноевропейских народов³³. Конкретные формы функционирования этой традиции у народов Средней Азии, как было показано выше, детально были описаны для начала нашего века в горном Таджикистане и в более общем виде отмечены у таджиков и узбеков равнинных районов Средней Азии. Этот пробел может быть отчасти восполнен современными этнографическими материалами, которые позволяют диахронно выявить их исторически складывавшиеся формы и понять механизм действия традиций в наши дни, т. е. речь пойдет о реликтовых формах прежних семейно-общинных отношений в современных межсемейных связях, их трансформации и модификации в новых условиях.

Здесь мы остановимся подробнее на одной из самых характерных особенностей современной семьи народов Средней Азии (в отличие от семьи европейской части нашей страны) — ее органической включенности вследствие продолжающих действовать прежних социально-психологических установок в контактную группу, основу формирования которой составляет «психологическое, а не правовое взаимодействие людей»³⁴. Корни этого взаимодействия, идущие из глубины веков и вошедшие в этнопсихологический пласт культуры, особенно проявляются при проведении каждого из циклов семейной обрядности. Следует подчеркнуть, что до сих пор ни один из семейных обрядов, независимо от его значимости, не может быть выполнен в узком семейном кругу, пусть даже неразделенной, а тем более малой семьей. Проведение любого обряда немыслимо без возможно более широкого участия в нем представителей той контактной группы общества, за которой сохраняется название *джамоат*³⁵. Характерна, например, реакция на наш рассказ о том, что в городах европейской части страны появилось обыкновение не устраивать свадебного пиршества, а молодые сразу после регистрации брака в ЗАГСе уезжают в свадебное путешествие. Это вызывает обычно крайнее недоумение, неодобрение как полное неуважение к тому обществу, которое воспринимается как *джамоат*.

Очень интересную форму вновь складывающихся на традиционной основе социальных отношений можно наблюдать, например, в районах новых городских застроек. Так, в Ташкенте жители соседних многоэтажных домов (в среднем около 30 семей, главным образом из числа узбекского и таджикского населения) объединяются в *махалла* (букв. «квартал»). Такое объединение выполняет в традиционной семейной обрядности функции общинного квартала. Возглавляет махалла выборный комитет, состоящий примерно из трех человек. На должность председателя (*раиса*) комитета избирается кто-либо из пожилых людей, обычно пенсионер. Это выборное лицо утверждается в райисполкоме как ответственное за соблюдение общественного порядка при проведении свадеб, похорон и других семейных событий. Каждый махалла владеет необходимым для общественной трапезы имуществом. При домах строят специальные пристройки с оборудованными внутри полками для посуды; где-нибудь в ближайшем подвальном помещении хранятся столы, стулья, большие котлы, брезент и пр. Во дворах строят специальные крытые навесы — айваны на случай непогоды. При переизбрании председателя он отчитывается перед членами махаллы; производится также ревизия имущества, и составляется акт передачи. Имущество это приобретает на общественные деньги; после каждого общественного кормления хозяин события вносит на новое обзаведение до 25 руб.

Мне пришлось слышать от недавно поселившегося в одном из таких домов узбека, что вскоре после переезда сюда его семьи в доме справлялись поминки. Он еще никого не знал, но пожилая мать настояла, чтобы он пошел туда, так как «случись что со мной — кто придет?». Этот аргумент является самым действенным и в устах председателя махаллинского комитета, когда он упрекает кого-либо из пропустивших или даже опоздавших на какой-либо обряд членов данного джамоата. Таким образом, в данном случае объединяющим признаком является психологическое сознание своего единства даже не столько в силу территориальной общности, сколько подчиненности общим соционормативным установкам. Следует отметить, что участие в свадебных торжествах или поминках, происходящих на открытом воздухе и внешне доступных всем желающим, для остальных жильцов этого большого дома определяется степенью личных контактов. Как правило, на свадьбу, например, соседей приглашают, а на поминки они приходят сами. Но участие всех соседей не считается столь обязательным как участие членов махаллы. Если термин «махалла» все же связан с объединением по территориальному признаку, то термин «джамоат» шире, так как включает весь круг связей по родственной, служебной и дружеской линиям.

В традиции отмечать каждое семейное событие ритуалом угощения членов джамоата стойко сохраняется и характер участия представителей этого общества с четким распределением ролей и места каждого из них. Рассмотрим это на примере свадебной обрядности.

Так, в ритуале сватовства, внешняя форма которого продолжает сохранять, по-прежнему участвуют наиболее уважаемые, почтенные по возрасту и положению люди. Теперь в этой роли, как правило, выступают пользующиеся большим авторитетом старшие товарищи по работе, руководители предприятий. Как и прежде, помолвка отмечается дважды: отдельно для мужчин и для женщин. На мужской помолвке собирается более широкий круг родственников, соседей и друзей, в числе которых естественно оказываются и представители советских и партийных органов власти, являющиеся членами данного джамоата. На женской помолвке помимо благополучных в семейном отношении многодетных старших женщин квартала или селения присутствуют и школьные учительницы, наставницы по работе и т. д. Перед самой свадьбой происходит традиционное детальное обсуждение сроков и порядка проведения всех этапов торжества. При этом каждый раз устраивается угощение — *маслахатоши* (тадж. букв. «угощение участников совета»). На первом таком совещании обязательно присутствует кто-либо из руководителей кишлачного совета, в городе — представитель квартального домоуправления и председатель махаллы. Они устанавливают время

и очередность проведения торжества, например если свадеб в кишлаке или квартале ожидается несколько. Затем намечают сроки проведения отдельных этапов свадебной обрядности, состав и число приглашенных. На следующий масланташи собираются те родственники, соседи и друзья, которые будут принимать непосредственное участие в организации праздника. Здесь распределяются хозяйственные обязанности. Назначается ответственный за благоустройство территории и помещений. В помощь ему выделяется несколько человек, которые должны позаботиться о брезентовых тентах для той части усадьбы, где будут расставлены столы или разостланы на земле поверх циновок *дастарханы* (скатерти) и *курпача* (узкие тюфяки для сидения), о коврах для украшения центрального места и т. п. Приносятся или сооружаются на месте столы, скамьи и т. п. Особую заботу составляет необходимое количество посуды (прежде всего фарфоровых чайников, пиал для чая, блюд для плова и т. п.). Отдельно обсуждаются предстоящие расходы. Сначала выясняют, какими средствами располагает хозяин торжества. Надо сказать, что к расходам на подобные празднества в каждой семье готовятся в течение многих лет. В прошлом этому была в определенном смысле подчинена вся жизнь. Значительную часть доходов берут на себя присутствующие на этом обсуждении. Степень участия каждого члена такой группы, с одной стороны, престижна для него, а с другой — как правило, строго учитывается и возмещается в соответствующие моменты жизненного цикла его собственной семьи.

В домах хранятся записи, кто и по какому случаю что внес. И, надо сказать, сами люди это хорошо понимают, так как каждый взнос является для них резервом предстоящих трат. Одной из форм перераспределения расходов служит, например, одаривание стороной жениха родственников и близких невесты и ответное одаривание. Перераспределение даров происходит и внутри каждой из сторон в соответствии с мерой участия, которая в свою очередь определяется родственной близостью, а в наши дни и дружескими и служебными отношениями. Естественно, вся эта сложная система скрыта от непосредственного наблюдения. Характер расходов брачующихся сторон может быть учтен только в совокупности предсвадебных, свадебных и послесвадебных расходов и учета всех участников торжества. Отдельные моменты этой традиции дарообмена более наглядно выступают на самом празднестве. В Бухаре, например, и сейчас можно наблюдать, как стекающиеся со всех сторон гости (как правило, женщины, а на мужских празднествах — дети) несут на голове или перед собой круглой формы подносы с дарами, завернутые в большие шелковые платки. Выделенный для приема даров человек тщательно записывает принесенное и кладет на тот же поднос ответный дар. Он может быть не вполне адекватен принесенному, но в свое время разница будет возмещена. На каждый поднос кладется для распорядительницы *туя* — записка с именем владельца. В народе до сих пор живет поговорка: «бор товогим — кле товогим, келмасанг уртада син товогим» — «получил блюдо — неси блюдо, если не принесешь — то середина будет разбита (т. е. связь будет нарушена)»³⁶.

Традиция постоянного обмена дарами является настолько органичной для данного общества, что она механически переносится и на новые семейные обряды, в частности на обычный отмечать день рождения. Мне пришлось наблюдать, как пожилая женщина в ответ на подарки в свой день рождения тут же стремилась приготовить ответные дары.

Многолетние полевые наблюдения за характером внутрисемейных и межсемейных связей как единого социально-психологического механизма обнаруживают сложность формировавших его компонентов в разные исторические периоды. Исследование их соотношения очень важно для теории и практики этнографических исследований. Следует, по возможности разграничить стадийно обусловленные явления и сформировавшийся в этой конкретной культуре этнопсихологический фонд, который в свою очередь не был свободен от социально-сословных различий. Нельзя не учитывать и огромное влияние ислама (шариата), насаждавшего общемусульманские нормы поведения и обычаи.

Сложность взаимодействий этих компонентов проявляется и в современной связи семьи и общества через традиционные по форме малые социальные группы. Диалектика развития этих отношений в современном обществе выражается прежде всего в несоответствии прежних форм коллективизма развивающимся новым социалистическим отношениям. В области семейных отношений несоответствие это начинается с отсутствия прежней подчиненности единой экономической основе. Характерная для современной семьи социальная неоднородность способствует активному вовлечению в сферу обычных родственных и соседских связей широкого круга лиц независимо от их этнической и социальной принадлежности. Это расширение межличностных контактов способствует процессу межнациональной интеграции и определяет развивающуюся в конечном счете гомогенность нашего общества, открытого для этнических и социальных связей³⁷. Однако развитие положительного действия традиций на данном этапе еще ограничено рамками тех традиционных по форме малых социальных групп, основу которых составляют тесные межсемейные связи, а уровень общения определяется главным образом обыденным сознанием. Именно на этом уровне сохраняется, в частности, традиция межсемейного дарообмена: она образует своего рода круговорот, который под видом взаимопомощи связывает людей обязательствами, в том числе и довольно обременительными материально. Это в свою очередь сдерживает полнокровное развитие личности и не соответствует интересам советского общества в целом.

Не соответствует интересам нашего общества и внешняя форма коллективизма, которая распространяется на определенный круг людей, включенных в систему контактных связей. Относительно замкнутый характер этих объединений способствует консервации таких явлений, как круговая порука, и ряда других пережиточных общинно-патриархальных традиций.

Эти явления и послужили своего рода благодатной почвой для расцвета той антиобщественной бюрократической системы, которая сформировалась в этом регионе в годы «застоя». Характерные для этой поры искажения в социально-экономическом и культурном развитии республик Средней Азии не могли, естественно, не отразиться в бытовой сфере. В семейном быту это проявилось в росте ложнопrestiжных мещанских понятий, в частности в гипертрофированном увеличении свадебных расходов. Однако для действительного преодоления изживших себя традиций важную проблему составляет регулирование механизма их воспроизводства и изменения в наши дни. И здесь мы возвращаемся к роли межсемейных объединений, общественное мнение которых, всегда стоящее на страже воспроизводства традиционной культуры во всех ее проявлениях, подвергается отныне взаимодействию разных сил. В результате объективно идущего процесса изменения внутренней структуры этих объединений происходит интеграция социально-психологических норм культуры новой социалистической общностью. Формирующееся на этом уровне новое общественное мнение может оказывать регулирующее влияние в отборе функционирующих этнопсихологических традиций и включения новых. Рычагом во взаимодействии этих двухуровневых сил должны стать целенаправленные действия советских культурных организаций через традиционные формы управления — махалла и джамоат.

Например, одна из остро стоящих проблем — сокращение расходов на различные семейные торжества — решается, в частности, так: на первом этапе обсуждения сроков проведения того или иного семейного праздника в определенном селении или квартале на один и тот же день назначают теперь проведение нескольких торжеств, а не по очереди, как было раньше. Это сокращает число приглашенных на каждый дом. Особо договариваются о расходах со стороны жениха и со стороны невесты, о размерах подарков и т. д.; с той же целью сокращения расходов — договариваются о совмещении отдельных этапов обрядности и через руководителей махалла и джамоат проводят их в жизнь.

Важно отметить, что сама структура этих контактных групп и их внутренняя организация управления в данном случае могут облегчить и обеспечить право-

вое регулирование не только семейными и межсемейными отношениями, но и процессами аккумуляции и трансформации соционормативной культуры вообще. Общественное мнение джамоат стало не таким самодовлеющим. Оно коррелируется вновь формирующимся общественным мнением.

Исторически сложившаяся гибкость системы традиционного правления, всегда исполнявшей посредническую роль между государством и общиной, и сейчас сохраняет эту функцию — его следует направить на скорейшее изживание пережиточных явлений. При тактичном регулировании эта же функция способствует сохранению и дальнейшему развитию высокогуманистических черт этнической культуры, таких как этикет взаимоотношений, почтительное отношение к старшим, взаимопомощь, гостеприимство и др.

По-прежнему недостойное, с точки зрения коллектива, поведение одного из его членов может сказаться на судьбе детей, возможности заключения желанного брака, исключении из общения со сверстниками и т. д. Внутренними нравственными нормами сложившейся традиции поддерживается стабильность семей.

В решении практических задач развития современной семьи и общества необходимо точный учет всех аспектов этнопсихологических особенностей культурных традиций. Особого внимания требует преобразование традиционных коллективистских черт социально-психологической культуры в подлинно новые социалистические формы, соответствующие нынешним производственным и общественным отношениям.

Научной базой для решения этих и многих других задач совершенствования семейных отношений должны послужить более углубленные теоретические исследования сложившейся традиции, суть которой не может быть понята вне механизма ее функционирования.

Примечания

¹ Ганцкая О. А. Семья: структура, функции, типы // Сов. этнография (далее — СЭ). 1984. № 6. С. 16 (там же приводится библиография вопроса); Гришаев И. А. Системный подход и исследования семьи // Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. «Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества». 24—26 сентября 1985 г. Махачкала, 1985. С. 17—18; Громыко М. М. Семья в системе контактных групп, участвующих в воспроизводстве традиций (к теории вопроса) // Там же. С. 21—23.

² Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 27.

³ Полевой материал собирался в течение примерно 11 экспедиционных выездов (1961—1986 гг.) как в разные районы Бухарской области, где работа велась стационарно по изучению этнической истории и этнографических черт культуры разных групп ирано- и тюркоязычного населения, так и во время поездок в Ленинабад, Ташкент, Душанбе.

⁴ См., например, библиографию к работам: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981; Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды. М., 1985; Лобачева Н. П., Устинова М. Я. Задачи этнографической науки в разработке, внедрении и совершенствовании социалистической обрядности (семейный цикл) // СЭ. 1986. № 2.

⁵ Тульцева Л. А. О некоторых социально-этнических аспектах развития обрядово-праздничной культуры в Узбекистане // СЭ. 1984. № 5. С. 15.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ См. Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. № 5; а также обсуждение статьи: СЭ. 1984. № 6; 1985. № 1.

⁸ Гуревич А. Я. Этнология и история в современной французской медиэвистике // СЭ. 1984. № 5. С. 36—48.

⁹ Среди таких работ прежде всего отмечу: Кисляков Н. А. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — нач. XX в. // Труды ИЭ (нов. серия, т. XXIV). М.; Л., 1962; Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодалного города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976; Исторические формы общины среднеазиатского города для периода раннего средневековья дополняются материалами археологии и сведениями письменных источников. См.: Белецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

¹⁰ Кисляков Н. А. Указ раб. С. 147—151 (там же подробная библиография).

¹¹ Кисляков Н. А. Указ. раб. С. 153.

¹² Снесарева Г. П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии.

- Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг. // Матер. Хорезм. экспедиции. Вып. 7. М., 1963 (там же приведена библиография). Реликтовыми формами мужских объединений в наше время занимается Р. Р. Рахимов. См., например, его работу: Мужские объединения у узбеков и таджиков Ферганской долины // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 33—46; *его же*. Некоторые представления о возрастном символизме у таджиков // Тез. докл. Всесоюз. сессии по итогам полевых исследований 1980—1981 гг. Нальчик, 1982. С. 125—126.
- ¹³ *Сухарева О. А.* Квартальная община... С. 26—30.
- ¹⁴ См., например, *Лобачева Н. П., Устинова М. Я.* Задачи этнографической науки в разработке, внедрении и совершенствовании социалистической обрядности (семейный цикл) // СЭ. 1986. № 2. С. 33.
- ¹⁵ См. *Кисляков Н. А.* Семья и брак у таджиков. По материалам конца XIX — нач. XX в. М.; Л., 1959. С. 136—181 (глава «Калым и приданое»).
- ¹⁶ *Гуревич А. Я.* Праздник, календарный обряд и обычай в зарубежных странах Европы // СЭ. 1985. № 3. С. 141.
- ¹⁷ *Кисляков Н. А.* Семья и брак у таджиков. С. 74—136.
- ¹⁸ *Бобринской А. А.* Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерк быта по путевым заметкам. М., 1908. С. 90.
- ¹⁹ Там же. С. 91.
- ²⁰ *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф. Вып. 1. Сталинабад, 1953. С. 128.
- ²¹ Там же. С. 131.
- ²² Там же. С. 133—136.
- ²³ См. *Нуржанов Н. Х.* Семья. Свадьба // Таджики Каратегина и Дарваза / Под ред. Кислякова Н. А. и Писарчик А. К. Вып. 3. Душанбе, 1976. С. 9—48.
- ²⁴ Там же. С. 32.
- ²⁵ *Гребенкин А. Д.* Заметки о Когистане // Туркестанские ведомости. 1872. № 32.
- ²⁶ *Наливкин В. и Наливкина М.* Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С. 202—203.
- ²⁷ Главное внимание сторонников этой теории было сфокусировано на самом факте покупки жены, что заранее предопределяло направление исследования сложной проблемы положения женщины в семье и обществе, характера внутрисемейных отношений и др. Кроме того, сама теория «замыкалась» на двух семьях и не «работала» в системе общинно-семейных связей. Характерно, что Л. Г. Морган, положивший на ирокезском материале начало научному изучению истории семьи, показал, что подарки перед свадьбой ближайшим родичам невесты лишь придавали браку «характер покупки» (*Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934. С. 269). Вместе с тем в европейской литературе теория покупки не только стала в определенный период преобладающей, но и предопределила по законам формальной логики направление дальнейших исследований, в частности проблемы положения женщины («забитая женщина Востока»), характера внутрисемейных отношений («авторитарный строй семьи») и др. Углубленные этнографические исследования, литературные источники, в том числе и доисламские, позволяют в настоящее время проследить преемственность формировавшейся у оседлого населения семейной традиции как на стадильном, так и на специфически этническом уровне.
- ²⁸ *Люшкевич Ф. Д.* О значении термина «калым» у народов Средней Азии // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель, 1983. Л., 1983.
- ²⁹ Следует вместе с тем иметь в виду, что развивавшееся социальное и имущественное неравенство, естественно, вносило свои коррективы в эту традицию. Отклонения, в частности, проявлялись в случаях неравных в имущественном отношении браков. В таком случае могла иметь место покупка невесты — калым. Покупали обычно вторых, третьих жен богачи. Однако всеобщей нормой для декхан, как бы первоосновой всех видов семейно-общинных отношений, в том числе и брачных, оставалась традиция обмена, который можно считать уравнительным при учете всех этапов обрядности.
- ³⁰ *Ольдерогге Д. А.* Из истории семьи и брака. (Система «лобола» и различные формы кузенного брака в Южной Африке) // СЭ. 1947. № 1. С. 14, 21.
- ³¹ *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 196.
- ³² *Гуревич А. И.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе; *его же*. Вопросы культуры в изучении исторической поэтики // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 160.
- ³³ *Рикман Э. А.* Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обряды и обычаи в странах Зарубежной Европы. Т. IV. М., 1983. С. 173—183.
- ³⁴ См. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 28. *Обозов Е. Н.* Общие понятия о группах и коллективах // Социальная психология. История. Теория. Эмпирические исследования. Л., 1979. С. 123.
- ³⁵ Арабский термин, обозначающий общину, вошедший в таджикский и узбекский языки.
- ³⁶ Поговорка на узбекском языке сообщена преподавателем педагогического института г. Карши Ачиллом Буриевым.
- ³⁷ *Титма М., Кекманн П.* Семья как агент социализации в социалистическом обществе // XII Междунар. семинар по исследованиям семьи. М., 1972.

ДРЕВНЕЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ЮГО-ЗАПАДА США

Долгое время считалось, что первый маис (или кукуруза) (*Zea Mays*) на территории Юго-Запада США (штаты Нью-Мексико, Аризона, юго-запад Колорадо, юг и запад Юты, юг Невады, а также запад и крайний юг Техаса) появился очень давно — уже около 3500 г. до н. э. Основным аргументом при этом служил маис примитивной расы пре-Чапалоте с початком всего в 2—3 см длиной, из материалов пещеры Бэт Кейв в западном Нью-Мексико. Здесь, в благоприятной для выращивания полезных растений экологической среде (высота ~2500 м, примерно 130 дней в году пригодны для сельскохозяйственных работ)¹, в 1948 г. американским исследователем Г. Диком был обнаружен наиболее ранний для всей территории Юго-Запада США маис². Уже тогда предполагалось несколько вариантов различной по времени датировки маиса из Бэт Кейв на основе данных C_{14} геологии, типологического анализа предметов материальной культуры, найденных вместе с наиболее ранним маисом и т. д. Сам Г. Дик сначала предполагал датировать ранний маис из Бэт Кейв 2000 г. до н. э.³, но затем удревнил его дату до 3500 г. до н. э.⁴ В результате различной стратиграфической интерпретации и данных радиоуглеродного анализа до недавнего времени существовало две основные точки зрения на эту проблему. Одни специалисты на основании геохронологических данных называли дату 3500 г. до н. э. Другие, используя комплексный подход к существующей проблеме, придерживались более осторожной позиции и склонялись к дате 1500 г. до н. э.⁵ Долгое время не исключалось, что маис наряду с двумя другими ведущими полезными растениями Мезоамерики — тыквой и фасолью (бобами)⁶ — проник на территорию Юго-Запада США из Мезоамерики через Северную Мексику⁷, но конкретно говорить о времени и возможных путях их проникновения было сложно. Только сегодня, более четверти века спустя, накопленная информация позволила по-новому подойти к следующим вопросам. Во-первых, критический пересмотр прежних датировок из Бэт Кейв⁸ дал возможность считать более приемлемой именно позднюю датировку раннего маиса — около 1000 г. до н. э.⁹ Не исключено, что и это далеко не окончательная дата¹⁰, но лишь время покажет, возможно ли ее изменение. Во-вторых, «омоложение» Бэт Кейв привело к укреплению позиций традиционного подхода к вопросу о характере раннеземледельческого очага на территории Юго-Запада США, т. е. его вторичности. До последнего времени считалось, что истинная ценность раннего маиса из Бэт Кейв не в спорах о его возрасте, а в его родстве с ранним маисом из центральной Мексики — близости к примитивной расе пре-Чапалоте из долины Теуакана (юг центрально-мексиканского штата Пуэбла)¹¹. В свою очередь это позволяло предполагать сугубо центрально-мексиканское происхождение раннего земледелия на Юго-Западе США. Материалы Теуакана получили должное освещение в работах советских археологов¹².

Поскольку на большей части территории Северной Мексики преобладают безводные пустынные районы, служившие существенной преградой для распространения не только влаголюбивой растительности, но, возможно, и миграций индейцев, то не исключалось наличие двух горных «культурно-экологических коридоров», по которым земледелие могло распространяться с юга на север — из Мезоамерики через север Мексики на юг США. Один мог лежать на востоке — штат Тамаулипас (Восточная Сьерра Madre), другой — на западе¹³.

Вопросы раннего земледелия в Тамаулипасе уже подробно освещались в отечественной литературе¹⁴. Наряду с Тамаулипасом на востоке «следы» раннего земледелия и «культурно-экологического коридора», по которому культурное влияние мезоамериканских цивилизаций, по-видимому, проникало на север, отмечены на западе Северной Мексики, по склонам Западной Сьерра Мадре.

Наиболее близкий к Центральной Мексике, датируемый лишь 600—700 гг. н. э., археологический памятник Северо-Западной Мексики с возделываемыми растениями был обнаружен в северном Дуранго, в пещере Куэва де лос Муэртос Чикитос, расположенной в западной Сьерра Мадре. Здесь в 1957 и 1960 гг. американским ученым Р. Бруксом были обнаружены все три ведущих полезных растения и, что самое важное, уже с гибридизированным, более продуктивным, чем примитивный, маисом пяти гибридных рас: Чапалоте, Кристаллина де Чиуауа, Онавеньо, Пима-Папаго и Толука Пол; тыквой *Cucurbita pepo*, *Cucurbita mixta*, *Lagenaria siceraria* и фасолью (*Phaseolus lunatus*, *Phaseolus vulgaris* и др.)¹⁵. Еще более поздним временем (примерно 1000—1600 гг. н. э.) датируются возделываемые растения из пещеры Уотерфолл Кейв, расположенной севернее Куэва де лос Муэртос Чикитос, в южном Чиуауа, также в Западной Сьерра Мадре. Здесь в 1958 г. Р. Эшером и Ф. Ключе были обнаружены все три основных культивируемых растения: фасоль, тыква (*Lagenaria siceraria* и *Cucurbita mixta*) и несколько рас гибридного маиса (Пима-Папаго, Ариносо де Очо и скрещенный с ними Чапалоте)¹⁶. Два других археологических памятника Северо-Западной Мексики с полезными растениями известны лишь в северо-западном Чиуауа. Так, американским археологом Р. Листером из Колорадского университета во время раскопок в начале 1950-х годов пещеры Суоллоу Кейв, расположенной на высоте около 2000 м в Кейв Вэлли, в Западной Сьерра Мадре в северо-западном Чиуауа, в самом раннем, но, к сожалению, недатированном докерамическом слое этой пещеры был обнаружен маис, по-видимому, примитивной расы пре-Чапалоте¹⁷. До недавнего времени считалось, что он близок по форме (хотя и немного больших размеров) раннему маису этой же примитивной расы пре-Чапалоте из Бэт Кейв¹⁸, сейчас относимому примерно к 1000 г. до н. э.¹⁹ Если подтвердится недавно высказанное предположение, что ранний маис из докерамических слоев Суоллоу Кейв можно относить к восьмिरядному маису Маис де Очо²⁰, и выяснится, что это могла быть его ранняя форма Прото-Маис де Очо (который до недавнего времени нередко путали с Чапалоте, скрещенным с теосинте)²¹, то я не исключаю, что его возраст может быть приблизительно близок к возрасту недавно обнаруженных в Торнильо Шелтер и Роллер Скэйт Шелтер (южный Нью-Мексико) Прото-Маиса де Очо и Маиса де Очо, где самые ранние находки Прото-Маиса де Очо относятся примерно к концу II тыс. до н. э.²² В таком крупном, соседнем с Кейв Вэлли археологическом памятнике Северной Мексики, как Касас Грандес, расположенном у подножия восточных склонов Западной Сьерра Мадре, мне известен лишь один случай датированной находки маиса неизвестной расы. Он был найден Ч. Ди Песо в материалах фазы Конвенто (700 ± 50—900 гг. н. э.) и относится по C₁₄ к 820 г. н. э.²³ По мнению американских ученых П. Мангельсдорфа и Р. Листера, существенные изменения в эволюции маиса в Кейв Вэлли начались примерно в 750 ± 250 гг. н. э.²⁴, когда в результате скрещивания трех элементов: ранней формы Чапалоте, растения теосинте и маиса типа Ариносо де Очо — появилась новая продуктивная раса маиса — Кристаллина де Чиуауа, предшествовавшая современной расе маиса²⁵. А уже около 900 г. н. э. в Кейв Вэлли налицо все три ведущих полезных растения с гибридным маисом Кристаллина де Чиуауа во главе²⁶.

Получается интересная картина. Во-первых, во всей немногочисленной группе находок маиса на территории Северо-Западной Мексики, непосредственно примыкавшей в Юго-Западу США, пока известен только один случай находки примитивного недатированного маиса спорной расовой принадлежности — в Суоллоу Кейв, фактически находящемся на южной границе Юго-

Запада США. Во-вторых, в этой группе находок маиса разных гибридных рас два наиболее близко расположенных к Центральной Мексике археологических памятника с гибридным маисом различных рас не старше, а в одном случае даже моложе более северных находок в Кейв Вэлли и Касас Грандес. Напрашивается следующий вывод: на сегодня отсутствует хронологически последовательная цепочка проникновения как примитивного, так и гибридного маиса из центральной Мексики через высокогорья Северо-Западной Мексики на Юго-Запад США. Таким образом, сейчас даже без анализа многочисленной группы датированных находок маиса на территории Юго-Запада США автор не исключает возможности, что в формировании юго-западного раннеземледельческого очага условно выделяемый западный «культурно-экологический коридор», так же как и «восточный», мог и не играть существенной роли.

В 1987 г. в печати появились очень интересные и важные сведения о последних исследованиях первой половины 1980-х годов в вышеупомянутых Роллер Скэйт Шелтер и Торнильо Шелтер в южном Нью-Мексико группы авторов (С. Апхэм, Р. Макнейш, У. Гэлинат и К. Стивенсон); в частности по вопросу о происхождении и эволюции одной из рас маиса на территории Юго-Запада США и Северной Мексики²⁷. Они позволили по-новому посмотреть на историю развития раннего земледелия на Юго-Западе США. Поскольку для обозначения появившегося на Юго-Западе США маиса мексиканских рас Ариносо де Очо и Нозерн Флинтс (кремнистый маис) У. Гэлинат и Дж. Ганнерсон предлагают общий термин Маис де Очо²⁸, то в связи с этим большой интерес вызывает вопрос, где и когда на территории Юго-Запада США и Северной Мексики впервые появился Маис де Очо. До недавнего времени предполагалось, что самый ранний и одновременно наименее спорный по датировке Маис де Очо был известен в Тамаулипасе, в слоях этапа Пальмильяс (200—800 гг. н. э.), а на Юго-Западе США он появился из Северной Мексики лишь около 700 г. н. э.²⁹ После раскопок в скальных навесах Торнильо Шелтер и Роллер Скэйт Шелтер в южном Нью-Мексико кое-что прояснилось в истории Маиса де Очо на Юго-Западе. Во-первых, стало ясно, что многие положения относительно прошлого этой расы были ошибочны, поскольку не выделялась ранняя форма Маиса де Очо (диаметр зерен которого был 10—20 мм) — Прото-Маис де Очо, небольшие (восьмириядные, с диаметром зерен от 3 до 8 мм) початки которого до этого нередко путали с маисом расы Чапалоте, скрещенным с растением теосинте³⁰. Во-вторых, выяснилось, что самая ранняя находка Прото-Маиса де Очо на Юго-Западе США достаточно древняя — S_{14} : 1225 ± 240 г. до н. э.³¹ (подробнее см. таблицу). Эта наиболее ранняя находка, а также ряд других находок маиса из этих навесов (см. таблицу) позволили вышеуказанной группе ученых предположить, что не маис вообще, а одна из известных на Юго-Западе США рас — конкретно-гибридный Маис де Очо, полученный, по-видимому, при скрещивании Прото-Маиса де Очо и Чапалоте, мог самостоятельно появиться либо в районе Юго-Запада США, либо где-то поблизости, а не только в Южной Америке, Гватемале или Центральной Мексике, как это предполагалось вплоть до недавнего времени³². При этом характерная сторона эволюции Прото-Маиса де Очо в Маис де Очо на Юго-Западе, по-видимому, была не в простом увеличении размеров початка, а в адаптации к непродолжительному «вегетационно-культивационному» сезону, выразившейся в столь ценном свойстве, как раннее цветение. В свою очередь это не исключает возможности, что эволюция могла произойти либо в районе Юго-Запада США, либо где-то поблизости, т. е. в местных экологических условиях (засушливых, с коротким «вегетационно-культивационным» сезоном)³³.

Сопоставляя археологические и ботанические данные Центральной Мексики и Юго-Запада США (для последнего см. хронологическую таблицу, где даются все оказавшиеся мне доступными сведения о находках маиса на территории этой области), можно прийти к выводу, что вплоть до конца VI — начала V тыс. до н. э. (т. е. до появления примитивного маиса пре-Чапа-

Хронологическая таблица находок различных рас майя (как примитивного, так и гибридного) на территории Юго-Запада США

№	Место находки	Раса	Дата	Способ датировки	Источник
1	О'Хако Рокшелтер, Чевелон Крик, западная Аризона	?	3000—2000 гг. до н.э. ¹	C ₁₄	<i>Cordell L. Op. cit. P. 172.</i>
2	Ло Дайска Рокшелтер, центральное Колорадо	?	2800—1150 гг. до н.э. ¹	C ₁₄	<i>Idem. P. 173.</i>
3	LA 18103, Чако Каньон, северо-западный Нью-Мексико	? ²	2035 г. до н.э. ¹	C ₁₄	<i>Simmons A. Op. cit. P. 79. Table 2.</i>
4	Дабл Адоб, юго-восточная Аризона	?	1900 г. до н.э.	C ₁₄	<i>Cordell L. Op. cit. P. 172, 173.</i>
5	LA 17337, Чако Каньон, северо-западный Нью-Мексико	? ²	1730 г. до н.э. ¹	C ₁₄	<i>Simmons A. Op. cit. P. 79. Table 2.</i>
6	LA 18103, Чако Каньон, северо-западный Нью-Мексико	? ²	1700 г. до н.э. ¹	C ₁₄	<i>Idem. P. 79. Table 2.</i>
7	LA 17337, Чако Каньон, северо-западный Нью-Мексико	? ²	1610 г. до н.э. ¹	C ₁₄	<i>Idem. P. 79. Table 2.</i>
8	Фреснл Шелтер, южный Нью-Мексико	?	1500 г. до н.э. ¹	C ₁₄	<i>Idem. P. 73.</i>
9	Торнильо Шелтер, южный Нью-Мексико	Прото-Манс де Очо	1225 ± 240 г. до н.э.	C ₁₄	<i>Upham S. Op. cit. P. 412, 413. Table 2.</i>
10	LA 18091, Чако Каньон, северо-западный Нью-Мексико	?	1140 г. до н.э. ¹	C ₁₄	<i>Simmons A. Op. cit. P. 79. Table 2.</i>
11	Торнильо Шелтер, южный Нью-Мексико	Прото-Манс де Очо	1029 ± 65 г. до н.э. ¹	По обсервации	<i>Upham S. Op. cit. P. 413.</i>
12	Бэт Кейв, западный Нью-Мексико	пре-Чапалоте?	1000 г. до н.э. ³	C ₁₄	<i>Cordell L. Op. cit. P. 172.</i>
13	LA 18091, Чако Каньон, северо-западный Нью-Мексико	? ²	990 г. до н.э. ¹	C ₁₄	<i>Simmons A. Op. cit. P. 79. Table 2.</i>
14	О'Блок Кейв, юго-западный Нью-Мексико	?	850—650 гг. до н.э.	C ₁₄	<i>Cordell L. Op. cit. P. 173.</i>
15	LA 18091, Чако Каньон, северо-западный Нью-Мексико	? ²	770 г. до н.э. ⁴	C ₁₄	<i>Simmons A. Op. cit. P. 79. Table 2.</i>
16	LA 18091, Чако Каньон, северо-западный Нью-Мексико	? ²	725 г. до н.э. ²	C ₁₄	<i>Idem. P. 79. Table 2.</i>
17	Хемес Кейв, центральный Нью-Мексико	?	700 г. до н.э.	C ₁₄	<i>Idem. P. 74.</i>
18	Торнильо Шелтер, южный Нью-Мексико	Прото-Манс де Очо	652 ± 30 г. до н.э. ¹	По обсервации	<i>Upham S. et al. Op. cit. P. 413. Table 1.</i>
19	Тьюэмек Хилл, юго-западная Аризона	Манс, близкий к Чапалоте	520 ± 270 г. до н.э. ⁵	C ₁₄	<i>Fish R. et al. Op. cit. P. 569.</i>
20	Сьенега Кейв (Крик), юго-восточная Аризона	?	500 г. до н.э.	C ₁₄	<i>Cordell L. Op. cit. P. 173.</i>
21	Мэтти Каньон, юго-восточная Аризона	?	384 г. до н.э.—240 г. н.э. ⁵ либо 40 ± 150 г. до н.э.	Калибровка C ₁₄	<i>Fish R. et al. Op. cit. P. 569.</i>
22	Шип Кэмп Шелтер, Чако Каньон, северо-западный Нью-Мексико	? ²	340 г. до н.э. ⁵	C ₁₄	<i>Simmons A. Op. cit. P. 79. Table 2.</i>
23	Тулароса Кейв и Кордова Кейв, западный Нью-Мексико	?	300 г. до н.э., а для Тулароса Кейв есть и 700 г. н.э.	C ₁₄ По керамике	<i>Cordell L. Op. cit. P. 172. Upham S. Op. cit. P. 414. Table 2.</i>

№	Место находки	Раса	Дата	Способ датировки	Источник
24	Бэт Кейв, западный Нью-Мексико	p^6	299 ± 250 г. до н. э. ⁷	C ₁₄	<i>Upham S. Op. cit. P. 411.</i>
25	Роллер Скэйт Шелтер, южный Нью-Мексико	Прото-Маис де Очо	225 ± 56 г. до н. э. ⁵	C ₁₄	<i>Idem. P. 413. Table 1.</i>
26	Шип Кэмп Шелтер, Чако Каньон, северо-западный Нью-Мексико	p^2	220 г. до н. э. ⁵	C ₁₄	<i>Simmons A. Op. cit. 79. Table 2.</i>
27	Хэй Холлоу, восточная Аризона	Гибридная раса Ревен-тадор (Чапалоте + теосинте)?	200 г. до н. э. — 300 г. до н. э.	C ₁₄	<i>Woodbury R. and Zubrow E. Op. cit. P. 48.</i>
28	BR-45, центральный Нью-Мексико	p^6	18 ± 138 г. до н. э. ¹	C ₁₄	<i>Upham S. Op. cit. P. 411.</i>
29	Бэт Кейв, западный Нью-Мексико	p^6	198 ± 250 г. н. э. ⁷	C ₁₄	<i>Ibidem. P. 411.</i>
30	Тьюэмек Хилл, юго-восточная Аризона	Близкий к Чапалоте	320 ± 270 г. н. э. ⁵	C ₁₄	<i>Fish R. et al. Op. cit. P. 569.</i>
31	Бока Негра, центральный Нью-Мексико	p^6	370 ± 168 г. н. э. ¹	C ₁₄	<i>Upham S. Op. cit. P. 411; Woodbury R. and Zubrow W. 1979. P. 49.</i>
32	Артифишел Лег, Нью-Мексико	p^6	550—700 г. н. э.	По керамике	<i>Upham S. Op. cit. P. 411.</i>
33	Тьюэмек Хилл, юго-восточная Аризона	Близкий к Чапалоте	820 ± 270 г. н. э. ⁵	C ₁₄	<i>Fish R. Op. cit. P. 569.</i>
34	Роллер Скэйт Шелтер, южный Нью-Мексико	p^6	604 ± 36 621 ± 29 632 ± 37 гг. н. э. ⁵ 705 ± 84 718 ± 55 718 ± 41	По обси-диану	<i>Upham S. Op. cit. P. 413. Table 1.</i>

Примечания.

¹ Эти даты по целому ряду причин считаются весьма спорными — относиться к ним надо осторожно (*Cordell L. Op. cit. P. 173; Simmons A. Op. cit. P. 73; Upham S. Op. cit. P. 410, 417. Note 1.*).

² Неизвестно, к какой расе конкретно принадлежит маис, обнаруженный А. Симмонсом в ряде стоянок Чако Каньона: то ли просто Чапалоте, то ли Чапалоте, скрещенный с теосинте, то ли вообще Прото-Маис до Очо (*Upham S. Op. cit. P. 410, 417. Note 1.*).

³ Не исключено, что и это еще далеко не окончательная дата, поскольку недавно в печати (*Simmons A. New Evidence for the Early Use of Cultigens in the American Southwest // Amer. Antiq. Washington, 1986. Vol. 51. № 1. P. 73.*) появилось новое сообщение на этот счет (*Wills W. H., Ford R. I., Speth J. D., Long A. Bat Cave Reinvestigated. Paper Presented at the 47th Annual Meeting of the Society for American Arch. Minneapolis, 1982*), к сожалению, оставшееся мне недоступным.

⁴ Скорректированный вариант этой сделанной непосредственно с зерен маиса датировки предлагает более раннюю дату — 1020—980 гг. до н. э. (*Simmons A. H. Op. cit. P. 79. Table 2.*).

⁵ Датировка сделана непосредственно с зерен маиса (*Simmons A. Op. cit. P. 79. Table 2; Upham S. Op. cit. P. 412, 413; Fish R., Fish S. K., Long A., Miksic Ch. Early Corn Remains from Tumamoc Hill, Southern Arizona // Amer. Antiq. Washington, 1986. Vol. 51. № 3. P. 563—572.*).

⁶ Опубликовавшая эти сведения группа авторов не указывает, к какой конкретно расе маиса относится та или иная датированная находка, а просто дает в заголовке таблицы перечисление рас, с которых получены вышеуказанные даты: Прото-Маис де Очо, Маис до Очо, Аринос де Очо и Пима-Папаго (*Upham S. Op. cit. P. 413. Table 1.*).

⁷ Несмотря на то что эта дата получена непосредственно с маиса (*Ibidem*), по уже известным причинам к датировкам маиса из Бэт Кейв приходится относиться с определенной осторожностью.

лоте в материалах Кошкатлана в Теуакане) Центральная Мексика и Юго-Запад США стояли примерно на одной и той же ступени культурного развития. Затем исторически сложилось так, что в силу ряда объективных причин Мезо-америка стала развиваться быстрее как экономически, так и в социально-культурном плане. А началось все с того, что на определенном этапе в недрах сложившегося и весьма эффективного собирательско-охотничьего хозяйства

индейцев Центральной Мексики начались незначительные и постепенные изменения, связанные с появлением первых возделываемых растений. То же самое характерно и для Юго-Запада США, но здесь из-за менее благоприятных экологических условий это произошло значительно позже. К вопросу о времени первого появления раннего маиса на Юго-Западе США возможны два подхода. С одной стороны, по самым оптимистичным прогнозам, это могло произойти достаточно давно — между 2000 и 1000 гг. до н. э.; если не раньше³⁴. С другой стороны, если придерживаться более осторожной позиции в этом вопросе и к тому же опираться на радиоуглеродные датировки, полученные только непосредственно с зерен маиса (см. таблицу, датировки со значками 5 и 4), то получается несколько более скромная дата — в течение I тыс. до н. э.³⁵

Наиболее ранние находки двух других ведущих культурных растений (фасоли и тыквы) на территории Юго-Запада США относятся примерно к этому же (как предполагает второй подход к вопросу о появлении наиболее раннего маиса) времени — в течение I тыс. до н. э. При этом тыква, по-видимому, стала известна здесь несколько раньше фасоли: в частности, *Cucurbita pepo* из Шип Кэмп Шелтер в Чако Каньон в северо-западном Нью-Мексико пока может считаться самой древней находкой тыквы этого вида на территории Юго-Запада США — 950 и 270 гг. до н. э.³⁶ Эта разновидность встречается во всех пещерах, где была найдена кукуруза, за исключением, по-видимому, Кордова Кейв³⁷. А вот другой вид тыквы — бутылочная (*Lagenaria siceraria*), отсутствующая в Бэт Кейв и Хемес Кейв, судя по находкам в Тулароса Кейв и Кордова Кейв, появляется несколько позже — около 300 г. до н. э.³⁸ К сожалению, точная дата появления фасоли пока неизвестна; в Бэт Кейв, Тулароса Кейв, Кордова Кейв, Фрескл Рокшелтер и Снейктауне она ориентировочно датируется 500—300 гг. до н. э.³⁹

Предположить новый, нетрадиционный подход к вопросу о соотношении центральномексиканского и юго-западного очагов раннего земледелия позволяет целый ряд факторов. Во-первых, приведенные новые данные о находках на Юго-Западе США маиса. Во-вторых, характер распространения находок маиса на территории Юго-Запада США — компактной группой в наиболее благоприятных для возникновения раннего земледелия экологических условиях его гористых районов. В-третьих, сам характер распространения уже известных на сегодня немногочисленных, хронологически восходящих лишь ко второй половине I тыс. н. э. находок маиса на территории Северо-Западной Мексики (Западная Сьерра Мадре), непосредственно прилегающей к Юго-Западу США. Они скорее тяготеют к южной границе юго-западного раннеземледельческого центра, чем безусловно свидетельствуют о существовании условно выделяемого западного «культурно-экологического коридора». Все это не исключает возможности, что Юго-Запад США представлял собой хронологически более поздний, чем центральная Мексика, но самостоятельный раннеземледельческий очаг.

В пользу гипотезы о возможности формирования на территории Юго-Запада США самостоятельного очага раннего земледелия может свидетельствовать и ряд внешних и внутренних факторов, характерных для древних земледельческих центров.

Внешние (т. е. экологические) причины. Во-первых, переход от присваивающего хозяйства к производящей экономике отмечается лишь в определенных экотонах Юго-Запада США. Большинство ранних (подчеркиваю, речь идет только о ранних типах) находок маиса сделано в горных районах, на значительной высоте, с умеренно влажным климатом и летними дождями. Здесь, с одной стороны, благодаря плодородию почв горных речных долин и достаточному для периода культивации минимуму осадков было возможно возникновение раннего земледелия без ирригации, а с другой стороны, в условиях высотной поясности на сравнительно небольшой территории горной долины наблюдалось несколько разнообразных по флоре и фауне экологических ниш.

Это позволяло местным индейцам существенно дополнять в течение года свой пищевой баланс продуктами собирательства и охоты (поскольку одно лишь неполивное раннее земледелие не могло обеспечивать население в течение года продуктами питания) и выбирать, в какой из экзон возделываемые культуры лучше и легче адаптируются. К тому же это давало возможность использовать под земледелие как низовые речных долин с почвами, богатыми плодородным аллювием, так и более сухие склоны гор. Это было необходимо по той простой причине, что лишь орошаемое земледелие гарантировало стабильность урожая, а поскольку здесь оно долгое время отсутствовало, то, чтобы не потерять по причине непредвиденных климатических колебаний весь урожай возделываемых растений, нужно было использовать под посевы полезных растений все пригодные для этого экзоны. К примеру, в дождливый год разлившиеся реки могли затопить или смыть урожай с полей, расположенных в низовьях долин, но поля по склонам гор в этом случае сохраняли свои урожаи, а в засушливый год, по-видимому, все было наоборот. Таким образом, люди могли с максимальной эффективностью использовать в земледелии весь набор имевшихся в их распоряжении эконис.

Во-вторых, именно между 2500 и 100 гг. до н. э. климат на территории Юго-Запада США стал мягче⁴⁰, и возросшее количество осадков могло во многом способствовать созданию благоприятной экологической обстановки для зарождения земледелия.

Внутренние (т. е. сложившиеся в недрах собирательно-охотничьего уклада хозяйства докерамического периода) причины. Во-первых, именно в горах, в условиях сезонной миграции, собиратели и охотники докерамического периода, наблюдая в течение тысячелетий за сезонными циклами развития различных дикорастущих растений, накапливали столь необходимый для культивирования растений опыт.

Во-вторых, на протяжении тысячелетий формировался и совершенствовался комплекс терочных орудий собирателей и охотников докерамического периода, предназначенный для обработки и приготовления растительной пищи, так что к моменту появления возделываемых растений у них уже давно был в ходу необходимый для их обработки хозяйственный инвентарь.

Нельзя исключать того, что могут появиться и более ранние находки маиса на территории Юго-Запада США и Северной Мексики. Однако каких-либо принципиальных изменений в вышеизложенную картину истории раннего земледелия в данном регионе Северной Америки они уже, по-видимому, не внесут, поскольку переход от присваивающей к производящей экономике произошел не сразу с появлением самых ранних образцов этих растений на данной территории, а значительно позднее.

Конечно, нельзя объяснять переход от присваивающего хозяйства к производящей экономике одними лишь благоприятными экологическими причинами и появлением гибридного, более продуктивного маиса. Это стало возможным лишь при гармоничном сочетании экологических и социальных факторов, но в данной работе подробно рассматривается лишь один из этих факторов — предполагаемое время появления гибридного, более продуктивного маиса.

Долгое время три ведущих возделываемых растения из-за малой продуктивности раннего примитивного маиса не играли какой-либо существенной роли в пищевом балансе местного населения. Лишь после длительной селекции, отбора и получения новых гибридных (более продуктивных, более сухостойких и «скоропелых», т. е. приспособившихся к более короткому «вегетационно-культурному» сезону) рас маиса роль земледелия в хозяйстве древних индейцев Юго-Запада стала возрастать. Так, у индейцев Мугейон это связывается с появлением около 700 г. н. э. гибридного, более продуктивного маиса⁴¹. К примеру, тот же Маис де Очо уже имел более продуктивные крупные мучнистые зерна, к тому же легче растиравшиеся на зернотерке⁴². При-

мерно в это же время подобный процесс (возрастание роли земледелия) отмечается как у их северных соседей — носителей культуры Анасази⁴³, так и у западных — индейцев Хохокам⁴⁴.

Таким образом, не исключено, что роль земледелия в хозяйственном балансе этих культур стала возрастать лишь в последнюю треть I тыс. н. э. Но только в отдельных районах Юго-Запада США (Чако Каньон у восточных Анасази и Хила-Солт у «речных» Хохокамов) в связи с появлением орошаемого земледелия в конце I — начале II тыс. н. э. земледелие действительно стало играть существенную роль в пищевом балансе местных индейцев.

Характер распространения приведенных новых и пересмотренных старых данных по маису на Юго-Западе США, характер распространения и возраст известных сегодня немногочисленных находок майса на территории условно выделяемого западного «культурно-экологического коридора» в Северо-Западной Мексике, а также наличие характерных внешних и внутренних предпосылок для формирования раннеземледельческого очага на территории Юго-Запада США позволяют высказать гипотезу о том, что он представлял хронологически более поздний, чем Центральная Мексика, но самостоятельный раннеземледельческий очаг.

Примечания

¹ Woodbury R. B., Zubrow E. B. W. Agricultural Beginnings, 2000 B. C. 500 A. D. // Southwest. HNAI. Washington, 1979. V. 9. P. 48.

² Mangelsdorf P. C., Macneish R. S., Galinat W. C. Domestication of Corn // Science. Washington, 1964. V. 143. № 3606. P. 538.

³ Dick H. W. The Bat Cave Pod Corn Complex: A Note on Its Distribution and Archaeological Significance // El Palacio. Santa Fe, 1954. V. 61. № 5. P. 143.

⁴ Dick H. W. Bat Cave. The School of American Research // Monograph. № 27. Santa Fe; New Mexico, 1965. P. 93.

⁵ Woodbury R. B., Zubrow E. B. W. Op. cit. P. 47.

⁶ Взятые в отдельности, эти три полезных растения тоже не имели серьезного значения, но вместе они так удачно дополняли друг друга, что, по-видимому, именно их гармоничное сочетание (маис + тыква + фасоль) стало традиционной ведущей триадой (при условии высокой продуктивности гибридного маиса) раннего земледелия Юго-Запада США.

⁷ Dick H. W. The Bat Cave Pod... P. 143; Haury E. W. The Greater American Southwest // Viking Fund Publ. in Anthr. N. Y., 1962. № 32. P. 107. Fig. 1; P. 113, 114.

⁸ Berry M. S. Time, Space and Transition in Anasazi Prehistory. Salt Lake City, 1982; *idem*. The Age of Maize in the Greater Southwest: A Critical Review // Prehist. Food Production in North America. Univ. Mich. 1985. № 75; Ford R. I. Gardening and Farming Before A. D. 1000: Patterns of Prehistoric Cultivation North of Mexico // J. Ethnobiol. Santa Fe. 1981. № 1. P. 6—27; Minnis P. E. Domesticating Plants and People in the Great Southwest // Prehist. Food Produc. in North America. Univ. Mich. 1985. № 75.

⁹ Cordell L. Prehistory of the Southwest. Albuquerque, 1984. P. 172.

¹⁰ Simmons A. H. New Evidence for the Early Use of Cultigens in the American Southwest // Amer. Antiq. Washington. 1986. V. 51. № 1. P. 73. Недавно в печати появилось новое сообщение на этот счет: Wills W. H., Ford R. I., Speth J. D., Long A. Bat Cave Reinvestigated // Paper Presented at the 47-th Annual Meet. of the Soc. for Amer. Arch. Minneapolis, 1982 (к сожалению, оставшееся для меня недоступным).

¹¹ Woodbury R. B., Zubrow E. B. W. Op. cit. P. 47.

¹² Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972. С. 40—44; *его же*. Становление производящего хозяйства в доколумбовой Мезоамерике // Краткие сообщ. Ин-та археологии. № 180. М., 1984. С. 85—90; Башилов В. А. Появление культурных растений в древнейших земледельческих центрах Америки // Латинская Америка. Май 1980. С. 92—102; *его же*. Темпы исторического процесса в важнейших центрах неолитической революции Нового и Старого Света // Исторические судьбы американских индейцев (проблемы индеанистики) / Под ред. Тишкова В. А. М., 1985. С. 42—52.

¹³ Dick H. W. The Bat Cave Pod... P. 143; Lister R. Archaeological Excavations in the Northern Sierra Madre Occidental, Chihuahua, Sonora, Mexico. Series in Anthr. N 7. Boulder. 1958. P. 98; Mangelsdorf P., Lister R. Archaeological Evidence on the Evolution of Maize in Northwestern Mexico. Harv. Univ. Botanic. Museum Leaflets, 1956. V. 17. № 6. P. 176; Haury E. Op. cit. P. 107. Fig. 1; P. 113, 114.

¹⁴ Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972. С. 40—44; *его же*. Становление производящего хозяйства в доколумбовой Мезоамерике // Краткие сообщ. Ин-та археологии. № 180. М., 1984. С. 85—90; Башилов В. А. Появление культурных растений в древнейших

- земледельческих центрах Америки // Латинская Америка. Май 1980. С. 92—102; *его же*. Темпы исторического процесса в важнейших центрах неолитической революции Нового и Старого Света // Исторические судьбы американских индейцев (проблемы индеанистики). М., 1985. С. 42—52.
- ¹⁵ Brooks R. H., Kaplan L., Cutler H. C., Whitaker Th. W. Plant Material from a Cave on the Rio Zape, Durango, Mexico // Amer. Antiq. Salt Lake City, 1962. V. 27. № 3. P. 356, 368.
- ¹⁶ Cutler H. C. Cultivated Plant Remains from Waterfall Cave, Chihuahua // Amer. Antig. Salt Lake City, 1960. V. 26. P. 277—279.
- ¹⁷ Lister R. H. Op. cit. P. 96, 112; Mangelsdorf P. C., Lister R. H. Op. cit. P. 162, 163.
- ¹⁸ Mangelsdorf P. C., Macneish R. S., Galinat W. C. Op. cit. P. 539.
- ¹⁹ Cordell L. Op. cit. P. 172.
- ²⁰ У. Гэлинат и Дж. Ганнерсон предлагают для обозначения проникшего на Юго-Запад США маиса мексиканских рас Ариносо де Очо и Нозерн Флинтс (кремнистый маис) общий термин — Маис де Очо (Upham S., Macneish R., Galinat W. C., Stevenson C. M. Evidence Concerning the Origin of Maize de Ocho // Amer. Anthr. Chicago, 1987. V. 89. № 2. P. 410, 411).
- ²¹ Ibid. P. 410, 411.
- ²² Ibid. P. 413. Table 1.
- ²³ Di Peso C. C. Casas Grandes: A Fallen Trading Center of Gran Chichimeca // Amer. Found. Publ. 9. Flagstaff, 1974. Vol. I. P. 100. Fig. 82—1. P. 102—104.
- ²⁴ Mangelsdorf P. C., Lister R. H. Op. cit. P. 173, 174, 176.
- ²⁵ Lister R. H. Op. cit. P. 98.
- ²⁶ Ibid. P. 112, 113.
- ²⁷ Upham S. Op. cit. P. 410—419.
- ²⁸ Ibid. P. 410, 411.
- ²⁹ Ibid. P. 411.
- ³⁰ Ibidem.
- ³¹ Ibid. P. 412.
- ³² Ibid. P. 413, 417.
- ³³ Upham S. Op. cit. P. 417.
- ³⁴ Irwin-Williams C. The Oshara Tradition: Origins of Anasazi Culture. Portales Eastern New Mexico Univ. Contr. in Antr. 1973. V. 5. № 1. P. 9; Woodbury R. B., Zubrow E. B. W. Op. cit. P. 43; Carmincael D. L. Fresno Shelter, New Mexico: Preliminary Pating and Evidence for Early Cultigens // Paper Presented at the 47th Annual Meeting of the Soc. for Amer. Archaeol. Minneapolis, 1982; Wimberly M. Training Bulletin for the Tula Rosa Valley Project: 1972 Excavations at Fresno Shelter. Ms. on File. Human Systems Research Corporation. Albuquerque, 1972.
- ³⁵ Berry M. S. Time, Space and Transition...; *idem*. The Age of Maize...; Ford R. I. Op. cit.; Minnis P. E. Op. cit.
- ³⁶ Simmons A. H. New Evidence for the Early Use of Cultigens in the American Southwest // Amer. Antiq. Washington, 1986. V. 51. № 1. P. 73.
- ³⁷ Cordell L. C. Op. cit. P. 173.
- ³⁸ Ibid. P. 173.
- ³⁹ Cordell L. Op. cit. P. 173; Woodbury R. B., Zubrow E. B. W. Op. cit. P. 50.
- ⁴⁰ Cordell L. Op. cit. P. 176. По другим источникам, это случилось еще ранее — между 3000—500 гг. до н. э. См. Irwin-Williams C. Post-Pleistocene Archaeology, 7000—2000 B. C. // Southwest // HNAI. Washington, 1979. V. 9. P. 32. Fig. 1.
- ⁴¹ Martin P. S. Prehistory: Mogollon // NHA1. 1979. N 9. P. 61.
- ⁴² Upham S. Op. cit. P. 410; Woodbury R. B., Zubrow E. B. W. Op. cit. P. 49.
- ⁴³ McGregor J. S. Southwestern Archaeology. Urbana, 1965. P. 215.
- ⁴⁴ Gumerman G. J., Hauray E. W. Prehistory: Hohokam // Southwest. HNAI. Washington, 1979. V. 9. P. 22; Cordell L. Op. cit. P. 62.

Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин

**К СТОЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ЭТНОГРАФИИ
В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

В 1888 г. в Казанском университете была образована кафедра географии и этнографии, что стало закономерным следствием интенсивного географического и этнографического изучения нашей страны, проводившегося в Казанском университете с момента его основания в 1804 г. Одной из задач, поставленных перед вновь созданным университетом, было географическое и этнографическое изучение стран Востока, и прежде всего многонационального Урало-Поволжья. С этой целью в университете открылся факультет (разряд) восточной словесности, переведенный в 1856 г. в Петербургский университет.

В первой половине XIX в. этнографическая тематика разрабатывалась на многих кафедрах Казанского университета, но главным образом на кафедре Российской истории, географии и статистики. Под этнографией понималась комплексная страноведческая наука, изучавшая в историческом плане население, хозяйство и природу. Это направление, восходящее к работам В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова, теснейшим образом увязывалось с решением вопросов хозяйственного освоения нашей страны. Ученые Казанского университета регулярно осуществляли поездки для изучения народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, а также Монголии, Китая и других стран. Так, проф. И. М. Симонов участвовал в первой Антарктической экспедиции Беллинсгаузена-Лазарева в 1819—1820 гг. Во время плавания он изучал культуру и быт народов Тихого океана и привез богатую этнографическую коллекцию, хранящуюся и поныне в Этнографическом музее университета. Профессор монгольской словесности О. М. Ковалевский путешествовал по Сибири, Забайкалью, Китаю, где проводил этнографические наблюдения и собрал значительную коллекцию бытовых вещей.

Профессора Н. А. Фирсов, В. А. Сбоев, В. Я. Баженов и другие внесли большой вклад в изучение народов Поволжья: чувашей, марийцев, мордвы и т. п. Особое место среди ученых университета, занимавшихся этнографией в первой половине XIX в., принадлежит профессору естественной истории и медицины К. Фукусу. Его справедливо считают первым исследователем быта казанских татар. В своих многочисленных работах К. Фукс дал характеристику физического типа татар, подробно описал семейный быт, положение женщины, многие обряды и обычаи. Его работа «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях»¹ представляет собой итог многочисленных наблюдений автора в течение всей жизни.

Много сделал для привития интереса к этнографии крупный историк-демократ, представитель передовой разночинной интеллигенции А. П. Шапов. Его пребывание в университете было недолгим, но своими трудами и зажигательными лекциями он способствовал расширению интереса к изучению культуры и быта народов нашей страны. Он писал: «Этнографические черты объясняют нам происхождение наших областных наречий и особенностей» — и сожалел, что у нас «не только общество, но и наука еще не обратили должного

человеческого внимания на все многообразные инородческие племена России..., а без этого разработка русской истории и настоящее знание нашего народонаселения, суммы его сил и качеств, способностей невозможно»².

Богатые традиции исторических, археологических и этнографических исследований, обширное поле научной деятельности, наличие значительного числа ученых, краеведов-любителей, способных решать научные задачи, обусловили создание при Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии, которое было открыто в 1878 году. Общество сыграло большую роль в консолидации сил ученых смежных исторических дисциплин и усилении этнографического изучения народов нашей страны, особенно народов Урало-Поволжья.

Этнографические статьи и заметки стали появляться на страницах печатного органа Общества — «Известий» с первых лет его создания. Из большого числа публикаций особое внимание заслуживают научные исследования И. Н. Смирнова о марийцах, удмуртах, мордве³; труды Н. Ф. Катанова, освещавшие различные стороны истории, культуры и быта тюркских народов⁴; работы татарских ученых Г. Ахмерова, Каюма Насыри и других, давших культурно-бытовую характеристику тептярей, мишарей и некоторых других этнографических групп татар. Во всех этих работах описывалась своеобразная культура поволжских народов, высказывались мысли об их происхождении, приводились факты культурно-бытовых взаимовлияний совместно живущих народов, указывалось на наличие в быту поволжских народов вредных пережиточных обычаев и обрядов.

Открытие кафедры географии и этнографии в Казанском университете в 1888 году явилось, таким образом, закономерным следствием длительного развития в нем этнографических исследований. В Казанском университете осуществлялась подготовка высококвалифицированных специалистов-этнографов, велась большая научно-исследовательская работа. Первым заведующим кафедрой стал Петр Иванович Кротов — разносторонне образованный ученый. Крупный геолог и геоморфолог, он занимался также археологией, антропологией, картографией, комплексной географией. Много внимания уделял он этнографии, отводя ей значительное место в подготовке географов. П. И. Кротов утверждал, что «человек, его место в природе, его расовые и племенные особенности, его культурное состояние в связи с географическим распространением рас, племен, культур является существенным элементом землеведения»⁵. Особенно большое значение придавал П. И. Кротов этнографическому изучению народов многонационального Поволжья. «На востоке России, — отмечал он, — находится такая масса антропологического и этнографического материала, что сбор и обработка его займет десятки лет не только одного исследователя, но целой дюжины этнографов и антропологов»⁶. Кротов составил учебный план подготовки географов с хорошим знанием этнографии. Студентам читались курсы Общей этнографии, Этнографии народов Поволжья, Антропологии. Велись практические занятия, регулярно осуществлялись поездки с целью изучения культуры и быта татар, марийцев, удмуртов и других народов. Ученый составил Программу практических занятий, предусматривавшую углубленное изучение культуры и быта поволжских народов⁷. Большое внимание при преподавании географии и этнографии Кротов уделял наглядным пособиям. Из музея Умляуфа У. Ф. Г. (Германия) он выписал многочисленные этнографические коллекции, характеризующие культуру и быт многих народов мира, приобрел великолепные картины по антропологии и этнографии, сделал много фотографий поволжских народов. Он считал, что преподавать этнографию «без соответствующих учебных пособий является почти невозможным»⁸.

В 1911 году П. И. Кротов передал заведование кафедрой крупному этнографу и музееведу Бруно Федоровичу (Фридриховичу) Адлеру, с именем которого связано дальнейшее развитие этнографии в Казанском университете. Рекомендация Б. Ф. Адлера на заведование кафедрой не было случайной.

Он имел блестящее образование и большой опыт педагогической работы, круг его научных интересов, соответствующих профилю кафедры, был широк. В течение пяти лет Б. Ф. Адлер читал лекции по антропологии в женском педагогическом институте в Петербурге и вел уроки географии в различных средних учебных заведениях. Его научные труды: «Лук и стрелы Северной Азии», «Карты первобытных народов», «От наготы до обильных одежд» и другие⁹ пользовались большой известностью как в нашей стране, так и за рубежом. Приступив к работе на кафедре, Б. Ф. Адлер обращает особое внимание на организацию учебного процесса. Он читал ведущие курсы по этнографии, проводил дальние и ближние научные экскурсии, пополнял музей новыми коллекциями, приобретал для кафедральной библиотеки большое количество новейшей географической и этнографической литературы. В кабинет географии присылали свои работы крупнейшие ученые А. П. Воейков, В. Н. Харузина, Л. С. Берг, Ю. М. Шокальский и другие. Богатую коллекцию бытовых вещей китайцев-звероловов Маньчжурии и Дальнего Востока прислал для этнографического музея известный исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев. Все это свидетельствует об известности и популярности кафедры, руководимой Б. Ф. Адлером.

Большая работа была проведена ученым по созданию в университете единого этнографического музея. Дело в том, что к началу XX в. в Казанском университете сложилось три музея, где сосредотачивались этнографические коллекции: музей Отечестваведения при кафедре русской истории, музей Общества археологии, истории и этнографии и музей при кафедре географии и этнографии. Б. Ф. Адлер сумел объединить все этнографические и археологические коллекции и создал единый этнографический музей, который стал «самым богатым в России археолого-этнографическим музеем»¹⁰ того времени.

Большое внимание Б. Ф. Адлер уделял самостоятельной работе студентов. Студенты, специализировавшиеся по этнографии, писали рефераты, работали над систематизацией музейных коллекций, ездили в экспедиции в Поволжье, в Сибирь, на Дальний Восток, откуда, как правило, привозили экспонаты, которые пополняли фонды этнографического музея. Талантливые ученики, воспитанные Б. Ф. Адлером, успешно продолжали этнографические исследования народов нашей страны уже в советское время.

Популярность Казани как одного из центров этнографической науки, бурная деятельность Б. Ф. Адлера по подготовке специалистов-этнографов и пропаганде этнографических знаний послужили основой для организации в Казани Северо-Восточного археологического и этнографического института, открытого в октябре 1917 г. Институт стал первым в стране высшим учебным заведением, ориентированным на подготовку археологов и этнографов. Б. Ф. Адлер становится деканом этнографического факультета. Он разработал учебные планы для слушателей этнографического отделения, добился разрешения проводить занятия по этнографическим дисциплинам в здании Казанского университета, что давало возможность использовать в учебном процессе библиотеку и наглядные пособия кафедры, а также коллекции этнографического музея. Однако этот институт, к сожалению, просуществовал недолго. В 1920 г. его реорганизовали в Восточную академию, которая в 1922 г. была закрыта. Б. Ф. Адлер, являвшийся председателем Комиссии по устройству Всероссийского музея при Народном Комиссариате просвещения, был откомандирован в Москву, откуда по личному указанию В. И. Ленина направлен за границу для изучения опыта музейной работы и охраны памятников искусства и старины¹¹.

После отъезда Б. Ф. Адлера этнография в Казанском университете по существу развиваться перестала. Это было связано отчасти с открытием в Казани и других городах Поволжья специальных научных центров по изучению культуры и быта поволжских народов. В то же время произошло необоснованное размежевание географии и этнографии. Этнографы, боясь впасть в геогра-

материальный детерминизм, уходили от рассмотрения влияния географических факторов на этнографические процессы и явления и в целом на историю развития человеческого общества, а географы все более углублялись в свои специализированные области, игнорируя человека. Это привело к тому, что кафедра географии и этнографии начала заниматься только географическими проблемами (подготовить специалистов-географов) и соответственно стала называться кафедрой географии, с последующим разделением на кафедры физической и экономической географии. Свертыванию этнографических исследований в Казанском университете и прекращению подготовки этнографов способствовало и то обстоятельство, что этнографы в первое десятилетие Советской власти, следуя революционным традициям, рассматривали свою науку, как дисциплину, изучающую пережиточные явления в области культуры и быта, с помощью которых решались исторические вопросы. Местные этнографы почти не занимались изучением этнических и культурно-бытовых процессов, интенсивно развивавшихся уже в первые годы Советской власти. Это уводило этнографические исследования от нужд практики, от решения прикладных задач, стоявших перед страной, когда закладывался фундамент нового общества. Этнографический музей перестал функционировать и пополняться новыми этнографическими коллекциями. Он продолжал находиться при кафедре географии, а позднее — в составе географического факультета, открытого в 1938 году. Этнографы, подготовленные на кафедре географии и этнографии, работали в различных вновь созданных научных центрах, музеях. Так, например, Н. И. Воробьев, будучи сотрудником Государственного музея ТАССР, продолжал интенсивно заниматься изучением материальной культуры Казанских татар. Он осуществлял ежегодные этнографические экспедиции, пополняя фонды Государственного музея новыми экспонатами, писал многочисленные статьи. В 1929 году вышел в свет его капитальный труд «Материальная культура Казанских татар». С именем Н. И. Воробьева (ученика Б. Ф. Адлера) связано дальнейшее изучение культуры и быта многих поволжских народов.

В 1945 году в Казанском университете, на географическом и историческом факультетах, возобновилось чтение лекций по этнографии. Эти лекции блестяще читал проф. Н. И. Воробьев, а два его ученика: Е. П. Бусыгин и Г. В. Юсупов (воспитанники географического факультета) — занимались восстановлением этнографического музея. Во время войны его экспозиции были демонтированы, а в помещении музея был размещен один из институтов АН СССР, эвакуированный в Казань. Коллекции находились в различных аудиториях без всякого присмотра в незакрытых шкафах, а то и просто на полу. Некоторые экспонаты оставались в помещении музея. Физик И. Е. Тамм в своих воспоминаниях об акад. Я. И. Френкеле, работавшем во время войны в помещении этнографического музея, писал, что некоторые экспонаты были в то время использованы по прямому назначению. Так, на примитивных жерновах для помола зерна, принадлежавших некоему индийскому племени, один из сотрудников института молот добытую где-то рожь. Весной 1946 года музей в основном был восстановлен, и в нем начались практические занятия студентов.

Тогда же после длительного перерыва в Казанском университете возобновились этнографические экспедиции. Основным объектом изучения стало русское население Среднего Поволжья, в прошлом специально не изучавшееся, так как считалось, что русские Поволжья являясь составной частью русского народа, живущего в основных районах своего расселения, не имеют культурно-бытовых отличий. Работы по этнографии русского населения появлялись спорадически. В них освещались лишь некоторые стороны материальной и духовной культуры русских, живущих в отдельных населенных пунктах, куда попадали ученые-краеведы, а то и просто любители народного быта. В послевоенный период в связи с интенсивным изучением культуры и быта коренных поволжских народов появился ряд монографий по истории и этнографии татар, чувашей, марийцев, мордвы и др., где раскрывались сложные процессы их формирования

и развития. В ходе решения этих проблем ученым стало ясно, что без широко и всестороннего изучения русского населения, с давних пор живущего череполосно с местными народами, невозможно понять многие вопросы их этнонеза и этнической истории. Это и послужило поводом для интенсивного изучения русского населения Среднего Поволжья этнографами Казанского университета.

Вначале исследования ограничивались пределами Татарской АССР, а позднее охватили обширную территорию, включающую шесть автономных республик (Татарскую, Чувашскую, Башкирскую, Марийскую, Мордовскую и Удмуртскую) и четыре области РСФСР (Горьковскую, Ульяновскую, Куйбышевскую и Саратовскую). Именно на этой территории сложилась Урало-Поволжская историко-этнографическая область. Формирование ее началось с середины XIX века, с момента включения края в состав Русского централизованного государства и миграции сюда массы русских переселенцев. Образование многочисленных сел и деревень с русским населением способствовало дисперсии размещения аборигенных народов, усилило контакты между ними, привело к выработке общих хозяйственных и культурно-бытовых черт, характерных для всех народов Средневожской историко-этнографической области.

В этнографических исследованиях с первых послевоенных лет активное участие принимали студенты географического и исторического факультетов, которые в дополнение к существующему учебному плану самостоятельно занимались этнографией, участвовали в работе этнографического кружка, писали рефераты, курсовые и дипломные работы. В помощь студентам авторы настоящей статьи подготовили методическое руководство, где излагались основные вопросы методики сбора этнографической информации, в том числе анкетирования, правила составления планов поселений и жилищ, сбора этнографических коллекций, составления картосхем и др.

Ежегодно 4—5 человек из числа географов и историков, получив дополнительную этнографическую подготовку после окончания университета, приходили на работу в музеи, научно-исследовательские институты. Некоторые из них защищали кандидатские и докторские диссертации по этнографии¹².

С помощью студентов собран значительный полевой материал, который обработан, проанализирован и обобщен в ряде монографий и научных статей. В этих работах показана общность русской народной культуры на всей территории, заселенной русскими, выявлены основные направления миграционных потоков, которые шли в Поволжье (начиная с середины XVI века) и определены локальные особенности русского населения края, связанные как с сложным составом самого русского населения, пришедшего из различных районов страны, так и с культурно-бытовыми взаимовлияниями с местными народами и с социально-экономическими и природно-географическими условиями Урало-Поволжья.

Из экспедиций регулярно привозились бытовые предметы, характеризующие традиционную культуру народов Среднего Поволжья. Здесь прежде всего следует сказать о русской коллекции, которая значительно пополнила материалы, собранные в дореволюционный период. Это различные сарафаны, женские и мужские рубахи, головные уборы, обувь, украшения. Привезены разнообразные прялки и «самопрялки», детали ткацких станков, традиционные сельскохозяйственные орудия (цепы, сошники и др.), детали домовых украшений и др. Кроме того, авторы настоящей статьи доставили в музей многочисленные экспонаты из Тувы, Вьетнама, а также предметы материальной культуры некоторых коренных народов Среднего Поволжья (татар, чувашей, мордвы).

Коллекции этнографического музея широко используются в учебной работе. По курсу «Общая этнография» на базе коллекций музея рассматриваются такие темы, как «Первобытные религиозные верования», «Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области», а также некоторые вопросы, связанные с происхождением искусства (в частности, музыкальные инструменты

др. Факультативный курс «Этнография народов Поволжья» сопровождается демонстрацией экспонатов, отражающих богатую традиционную культуру поволжских народов, ее локальные особенности в связи с изменяющимися социально-экономическими условиями.

Этнографическая работа в Казанском университете за последние четыре десятилетия отражала путь, пройденный отечественной этнографией за последнее время: от широкого сбора, накопления новых этнографических материалов и углубленного изучения традиционной культуры — к исследованию современных этнических и культурно-бытовых процессов. Проблема изучения современности, как известно, имеет большое значение для выявления закономерностей этнического развития народов, что необходимо для оптимального регулирования протекающих процессов, особенно в многонациональных районах, каковым является Среднее Поволжье. Все это поставило перед Казанским университетом задачу организационного закрепления той большой работы, которая была проделана за всю историю развития в нем этнографии. Жизнь потребовала восстановления кафедры этнографии в Казанском университете, расположенном в центре многонационального Среднего Поволжья, где имеются устойчивые традиции в изучении культуры и быта народов, богатая материальная база в виде крупного этнографического музея, достаточное количество подготовленных специалистов, способных осуществлять высококачественную подготовку этнографов, и, наконец, широкий полигон для научно-исследовательской работы — многонациональное Поволжье, где с давних пор чересполосно живут различные народы.

В 1988 году, т. е. через 100 лет после первого основания кафедры географии и этнографии, в Казанском университете создана кафедра этнографии и археологии, что даст возможность, используя имеющиеся традиции, опыт и солидную учебную и производственную базу, улучшить подготовку высококвалифицированных этнографов и археологов, способных успешно решать сложные проблемы этногенеза, этнической истории, изучать интенсивно протекающие в настоящее время этнические и культурно-бытовые процессы.

Примечания

- ¹ Фукс К. Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844.
- ² Шапов А. П. Этнографическая организация русского народонаселения // Библиотека для чтения. 1864. № 1. С. 2.
- ³ Смирнов И. Н. Вотяки. Казань, 1890; Мордва. Казань, 1892; Черемисы. Казань, 1889, и др.
- ⁴ Катанов Н. Ф. Исторические песни казанских татар // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (далее ИОАИЭ). Т. 15. Вып. 3. 1900; Образцы народной литературы казанских татар (загадки, пословицы, песни) // ИОАИЭ, Т. 13. Вып. 1, 1906; и др.
- ⁵ Кротов П. И. О постановке преподавания географии в средних учебных заведениях // Землеведение. 1899. 4. С. 1—28.
- ⁶ Кротов П. И. Б. Ф. Адлер и его ученые труды по географии и этнографии. Казань, 1911.
- ⁷ Кротов П. И. Еще о преподавании географии в средних учебных заведениях // Землеведение. 1900. 4. С. 79.
- ⁸ Кротов П. И. Еще раз о преподавании...
- ⁹ Адлер Б. Ф. Лук и стрелы Северной Азии // Русский антропологический журнал. 1903. 3. 4. 178—194; его же. Карты первобытных народов // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. CXIX. Труды Русского географического общества. Вып. II. СПб., 1910. 326 с.; От наготы до обильных одежд. РСФСР. Берлин, 1923. 43 с.
- ¹⁰ ЦГА ТАССР. Ф. 997. Д. 13233.
- ¹¹ Леонтьева А. М. К истории высшего специального этнографического образования (Этнографическое отделение Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани) // Сов. этнография. 1978. № 2. С. 53—62.
- ¹² См.: Кучерявенко Н. Н., Михайличенко Е. В., Хайрутдинов А. Г. Этнографические экспедиции Казанского университета // Вопр. этнографии Среднего Поволжья. Казань. 1980. С. 29—55.

Т. Г. Иванова

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ
М. Д. КРИВОПОЛЕНОВОЙ**

(к 65-летию со дня смерти сказительницы)

В феврале 1989 г. исполнилось 65 лет с того дня, как не стало М. Д. Кривополовой — выдающейся русской сказительницы, исполнительницы были и скоморошин, сказок и лирических песен. О последних днях народной певицы сообщил О. Э. Озаровской пинежский учитель, будущий краевед В. И. Стирманов: «...Марья Дмитриевна 8 февраля¹ с. г. скончалась в д. Веегоры Михайловской вол. Пинежского уезда Арх (ангельской) губ. Последние месяцы и дни своей жизни М. Д. провела, печально забытая, вероятно, большинством тех, кто раньше интересовался ее талантом, ее былинами, сказками, старинами и питалась подаванием, переходя из дома в дом...

До последних дней М. Д. не переставала петь старины, которыми заслушивались взрослые, а особенно любили дети. При мне она, заснув на печке, во сна начала петь „Кострюка“ и, проснувшись, без перерыва продолжала до конца, что привело в восторг бывших тут нескольких человек взрослых и детей, особенно любивших и перенимавших раньше у нее эту старину»².

Б. В. Шергин, хорошо знавший М. Д. Кривополову и не раз выступавший вместе в ней перед различными аудиториями, писал после смерти сказительницы: «Русский Север — это последний дом, последнее жилище былины. С уходом Кривополовой совершился закат былины и на Севере. И закат это был великолепен»³.

Действительно, выступления М. Д. Кривополовой в 1915, 1916 и 1921 гг. в Москве, Петрограде и других российских городах стали яркой страницей истории нашей культуры. Сказительницу слушали ученики гимназий и студенты Московского университета, члены Русского географического общества в Петрограде и делегаты Третьего конгресса Коминтерна. Повезло пинежской «сиротине» (т. е. нищенке), собиравшей «кусочки» в селах по берегам родной реки и платившей людям за хлеб своими старинами и небылицами, и после смерти. Она сама и ее творчество не только неизменно привлекали к себе внимание ученых, но и стали предметом художественного осмысления писателями. О «пинежской бабушке», как ее ласково именovala О. Э. Озаровская, писали Б. В. Шергин⁴, К. П. Гемп⁵, В. Страхов⁶, И. Бражнин⁶, В. Личутин⁷, С. Т. Коненков⁸. М. Д. Кривополова стала главной героиней двух повестей — Олега Ларина и Анатолия Рогова⁹. Один из последних замыслов Ф. А. Абрамова был связан с именем Махони¹⁰. Ей посвящена экспозиция в краеведческом музее с. Пинеги. Словом, современный читатель хорошо знает эту былинщицу.

Изучение биографий сказителей интересно не только как прикосновение к жизни талантливых русских людей из народа. В одной из последних своих работ К. В. Чистов подчеркивает, что выступления воппенниц и старинщиков перед образованной публикой явились важным звеном в процессе развития художественного фольклоризма¹¹. Ученые, литераторы, композиторы, художники благодаря концертам сказителей смогли соприкоснуться с живым бытом

нием былины, которые в XX в. сохранились лишь в отдельных регионах (Русский Север, Сибирь, Поволжье, казачьи районы юга). И сопричастность живительному роднику народного пения, естественно, не могла не отразиться на их творчестве. Достаточно вспомнить очерки А. М. Горького о И. А. Федосовой и его уплощение образа этой выдающейся сказительницы в «Жизни Клим Самгина»; вдохновенную «Фантазию для фортепиано с оркестром на темы Рябины» А. С. Аренского; скульптуру С. Т. Коненкова «Вещая старушка» (портрет М. Д. Кривополоновой) и другие произведения русского искусства, созданные под влиянием встреч профессиональных художников с народными мастерами слова.

Многочисленные разыскания, посвященные творчеству М. Д. Кривополоновой, по праву позволили К. В. Чистову назвать ее выступления «лучше других изученными»¹². Тем не менее поездка М. Д. Кривополоновой в 1916 г. по российским городам остается наименее ясным периодом ее творческой биографии. До настоящего времени имелся практически единственный источник, освещавший эту страницу жизни сказительницы, — очерк О. Э. Озаровской, опубликованный во втором издании «Бабушкиных старин»¹³. Здесь фольклористка перечислила города, в которых былиница побывала весной 1916 г.: Саратов, Харьков, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Таганрог, Екатеринодар, Вологда, Архангельск. Мы решили воспользоваться опытом К. В. Чистова, который когда-то просмотрел все столичные и провинциальные газеты, где могло быть упомянуто о выступлениях олонецкой воппенницы И. А. Федосовой в Петербурге, Москве и Нижнем Новгороде. Его разыскания позволили ввести в науку многие ранее неизвестные материалы о И. А. Федосовой¹⁴. Наше знакомство с газетами, издававшимися в предреволюционный период в городах, где побывала М. Д. Кривополонова, оказалось также весьма плодотворным. В общей сложности было обнаружено около 40 не введенных до сих пор в научный оборот и не учтенных ни в одной библиографии по русскому фольклору газетных заметок.

М. Д. Кривополонову открыл для науки в 1900 г. известный собиратель былин А. Д. Григорьев¹⁵. Через 15 лет ее встретила на Пинеге О. Э. Озаровская, которая привезла сказительницу в Москву. Осенне-зимние (1915 г.) выступления М. Д. Кривополоновой в Москве, Твери, Петрограде и Архангельске имели большой успех у публики. Ранней весной 1916 г. пинежская бабушка неожиданно, без всяких провожатых, самостоятельно приехала с Пинеге к О. Э. Озаровской. Тогда-то Озаровская и организовала большую поездку сказительницы по российским городам.

Первым пунктом, где выступали обе артистки, судя по всему, был Саратов, который встретил гостей доброжелательно и заинтересованно. Местные газеты накануне их выступления поместили на своих страницах объявления о предстоящем 2 марта концерте¹⁶. Концерт прошел с впечатляющим успехом. «По окончании, — писал корреспондент „Саратовского листка“, — публика устроила горячие овации обеим участницам вечера. Молодежь окружила их плотным кольцом, благодарила, курсистки целовали старушку»¹⁷. Столь же восторженный отзыв мы нашли в „Почте“¹⁸. «Саратовская жизнь» отметила, что М. Д. Кривополонова «так увлекается своими „старинами“, что когда артистка (т. е. О. Э. Озаровская; — Т. И.) попросила ее рассказать только начало одной из них, она вступила с ней в пререкания, не соблазняясь на то, что рассказать „не все“»¹⁹. С. Полтавский, корреспондент «Саратовского вестника», подчеркнул особый артистизм М. Д. Кривополоновой: «Трогательное и подкупающее в пользу исполнительницы впечатление производило то увлечение в мимике и интонациях голоса, с которым она исполняла свои песни. Язывительный тон и переход в суровость речей царя Ивана в былинне о Грозном она с большой экспрессией изображала и лицом и голосом. При пении веселых скороходов она положительно сияла, расплываясь в улыбку, лукаво поглядывая на партнершу, г-жу Озаровскую, и помахивала платочком»²⁰.

Тот же С. Полтавский выступил со статьей «Две культуры», в которой сравнивал впечатления, произведенные на него концертами М. Д. Кривополеновой и «поэзо-вечером» Игоря Северянина. М. Д. Кривополенова явилась для автора статьи носительницей сельской, черноземной культуры, насчитывающей за собой века существования; Северянин — представителем утонченной, изящной городской культуры, исчисляющей всего лишь несколькими десятилетиями. «За ее внешними формами, — писал он о городской культуре, — так выразительно отраженными поэзией Северянина, не накопилось еще той огромной суммы „прожитой жизни“, какая накопилась за бедными и однообразными внешними формами культуры деревенской. То, что называется „духом“ поэзии, создается, несомненно, историей. Черноземная рожь всегда пахнет иначе, чем рожь, выращенная в теплице: сочнее и прянее. В былинах Кривополеновой есть именно эта черноземная сочность, огромный внутренний запас пережитого, истории, эпоса. И что из того, что переданная ею форма народной поэзии примитивна, элементарна; что из того, что музыка напева далека от изощренной сложности современных симфонических поэм? Целые века былинной народной жизни глядят из-за этой первобытной художественной оболочки. И это покоряет, вопреки всяким логическим умозаключениям, вопреки всякой критике рассудка»²¹.

Ценную информацию мы обнаружили также в саратовской газете «Волга»²². Здесь подробно перечислен репертуар обеих исполнительниц. О. Э. Озаровская выступила с песнями из поморского свадебного обряда и сказками, слышанными ею в Поморье от сказочника, которого она назвала русским Александром Дюма. М. Д. Кривополенова исполнила исторические песни «Иван Грозный и его сын» и «Кострюк», былины «Вавила и скоморохи» и «Добрыня и Змей», а также свою знаменитую «Небылицу в лицах», которую подхватывал весь зал.

Саратовский концерт задал тон всем последующим гастролям артисток. Столь же успешными были выступления в Харькове²³. Отметим интересную подробность культурной жизни Харькова тех дней, когда там побывала М. Д. Кривополенова. Тогда же, в середине марта 1916 г., в городе находился фольклорист-любитель П. Т. Виноградов, организовавший в 1895—1896 и 1902 гг. выступления в российских городах волепении И. А. Федосовой и былинщика И. Т. Рябины. После заграничного путешествия с И. Тр. Рябиным П. Т. Виноградов попробовал свои силы в пении старин и не без успеха выступал в Петрозаводске, Томске, Хабаровске, Владивостоке и других городах²⁴. В 1916 г. в Харькове, по приглашению проф. Н. Ф. Сумцова, он пел былины во время лекций на высших женских курсах, а также на заседании Историко-филологического общества²⁵. Нам неизвестно, встретились ли «народная сказительница» М. Д. Кривополенова и «интеллигентный сказитель» П. Т. Виноградов. Хотим верить, что такая встреча состоялась. Как это произошло? Какое впечатление они произвели друг на друга? Как отнесся действительный статский советник (штатский генерал) П. Т. Виноградов, первый русский былинщик-интеллигент, к О. Э. Озаровской, которая в какой-то степени шла по его стопам? Все эти вопросы остаются пока для нас нераскрытыми.

Весьма неожиданный резонанс получили вечера О. Э. Озаровской и М. Д. Кривополеновой в культурной жизни Ростова-на-Дону, куда артистки прибыли в 20-х числах марта. Здесь все шло по отработанной схеме: объявления и статьи, предвещающие концерты (в Ростове состоялось три концерта)²⁶, а затем благожелательные отзывы о выступлениях обеих артисток²⁷. Однако в общий хор восторженных похвал влился скептический голос некоего Тамбурина, бойкого и едкого фельетониста, сотрудничавшего в «Ростовской речи». Тамбурин назвал пинежскую сказительницу старушкой, «дрессированной и стилизованной госпожой Озаровской», а ее произведения — «эпическими стилизациями сказов и былин». Сама же О. Э. Озаровская была им представлена «ловкой антрепренершей», «импрессарио», эксплуатирующей М. Д. Кривопо-

леновой²⁸. К кести росто́вчан, бесцеремонный выпад Тамбурина в адрес обеих артисток не остался без ответа. Они заступились за М. Д. Кривополенову и незаслуженно оскорбленную О. Э. Озаровскую. Некая госпожа С. Цейтлин в письме в редакцию ростовской газеты «Приазовский край», указав на ответственность журналиста перед публикой, отметила, что Тамбурин искажил «правду отношений» между московской артисткой и пинежской бабушкой, и подчеркнула, что «журналисты, подобные г. Тамбурину, не являются выразителями общественного мнения»²⁹ жителей Ростова. Между С. Цейтлин и Тамбурином завязалась полемика³⁰. С. Цейтлин пришлось еще раз взяться за перо. В ее втором письме в редакцию «Приазовского края» говорится: «Что же касается суждений г. Тамбурина о дрессированности и стилизованности сказительности М. Д. Кривополеновой, — мы не можем придавать им серьезного значения. Всем известна высокая оценка Марии Дмитриевны как художницы такими авторитетами, как проф. П. Н. Сакулин³¹ и М. Ф. Гнесин, восторженный отзыв которого мы прочли на страницах того же издания, в котором работает г. Тамбурин»³².

Последнее свидетельство — о М. Ф. Гнесине — приоткрывает перед нами еще одну сторону ростовских выступлений М. Д. Кривополеновой. Указания С. Цейтлин дают возможность атрибутировать две статьи из «Ростовской речи»: «К приезду сказительницы Кривополеновой» (27 марта) и «За жемчугом» (29 марта), подписанные инициалами «М. Г.» и «М. Ф. Г.», — М. Ф. Гнесину, выдающемуся музыкальному деятелю первой половины XX в. Его заметка «За жемчугом» и есть тот «восторженный отзыв», о котором упоминает С. Цейтлин. Эта публикация появилась в том же номере «Ростовской речи», что и фельетон Тамбурина «Воскресным вечером».

Внимательное чтение статей «К приезду сказительницы Кривополеновой» и «За жемчугом» убеждает нас в том, что они вышли из-под одного и того же пера. Поражает тот факт, что М. Ф. Гнесин предвидел возможность появления откликов на концерт М. Д. Кривополеновой, подобных заметке Тамбурина. В первой из своих статей, накануне концерта, он писал: «Мы ждем этого дня (т. е. выступления „пинежской бабушки“. — Т. И.) как большой художественной радости, хотя, может быть, он окажется днем художественного испытания для нас. Мы проверим, способны ли мы заразиться творческим воодушевлением народного певца, можем ли мы, привыкшие к „культурному“ пению, услышать красоту в „сказывании“»³³. М. Ф. Гнесин счел для себя честью «быть слушателем у народного певца»³⁴; Тамбурин же оказался среди тех, кто не выдержал художественного испытания»³⁵.

Из Ростова-на-Дону О. Э. Озаровская со сказительницей, по всей вероятности, вернулись в Москву. В гастролях наступил четырехнедельный перерыв. А во второй половине апреля «Таганрогский вестник» сообщил своим читателям: «Известная артистка и собирательница материалов по народной поэзии г-жа Озаровская сообщила из Москвы (курсив наш. — Т. И.) директору коммерческого училища А. А. Левитскому, что она по дороге в Кисловодск могла бы организовать в Таганроге вечер народных былин и сказаний...»³⁶. Выступление артисток в Таганроге состоялось 27 апреля³⁷. В начале мая М. Д. Кривополенова сказывала свои старины уже в Новочеркасске³⁸. Затем пинежская бабушка и О. Э. Озаровская направились опять в Ростов-на-Дону. 9 мая «Ростовская речь» писала о состоявшемся благотворительном концерте в пользу общества борьбы с туберкулезом. В концерте с чтением сказок выступила О. Э. Озаровская, произведшая, по словам газеты, благоприятное впечатление на публику³⁹.

Последним пунктом южных гастролей М. Д. Кривополеновой стал Ека́теринода́р (ныне Краснода́р)⁴⁰ — город, родной для О. Э. Озаровской. Местная газета «Кубанский курьер», сообщая о приезде артисток, специально подчеркивала: «Сама О(льга) Э(растовна) — уроженка Кубанской области, и братья ее — кубанские казаки, сражающиеся на Кавказском фронте»⁴¹. Бабушка Кривополенова была названа «знаменитостью зимнего сезона Петрограда».

Концерт сказительницы здесь, как и в других городах, прошел с большим успехом. Из Екатеринодара обе артистки возвратились в Москву, откуда они направились сначала в Вологду, а затем в Архангельск.

Вологда принимала М. Д. Кривополенову и О. Э. Озаровскую в конце мая. За неделю до их концерта на первой странице местной газеты «Вологодский листок» было помещено объявление о необычной лекции, устраиваемой «Северным кружком любителей изящных искусств»⁴². 26 мая та же газета опубликовала большую статью о М. Д. Кривополеновой⁴³, где подробно, по материалам сборника А. Д. Григорьева излагалась биография сказительницы. Концерт состоялся 29 мая. А 1 июня в «Вологодском листке» появился восторженный отзыв о выступлении артисток. Автор заметки специально подчеркнул, что М. Д. Кривополенова живо интересовалась историей города и связала сообщаемые ей факты о Вологде со своим эпическим знанием. «М. Д. Кривополенова, — говорилось в „Вологодском листке“, — узнав, что в Вологде Иван Грозный хотел основать столицу, выразила желание петь о Иване Грозном. Исполнила она „Ивана Грозного“ (историческую песню о Иване Грозном и его сыне. — Т. И.) и „Кострюка“»⁴⁴.

Вечером 30 мая артистки выехали в Архангельск. Их выступление было назначено на 3 июня в зале Торгово-промышленного собрания⁴⁵. Однако по неясным причинам вечер не состоялся — О. Э. Озаровская и М. Д. Кривополенова выехали на Пинегу⁴⁶. Так закончилась поездка по городам России пинежской «сиротины» М. Д. Кривополеновой.

Пожелтевшие страницы дореволюционных газет восстанавливают перед нами хронику выступлений прославленной Махоньки. За осень-зиму 1915 и весну 1916 г. М. Д. Кривополенова побывала в 11 городах Российской империи. С полной уверенностью можно сказать, что никто из русских сказителей не объездил столько провинциальных городов России, как «пинежская бабушка»⁴⁷.

Газетные отклики на выступления М. Д. Кривополеновой, просмотренные нами, позволяют лучше осмыслить проблему восприятия фольклорного искусства широкими слоями образованной публики в сложные предреволюционные годы. Здесь мы встретили и умиленность курсисток, восторженность, в чем-то близкую к любованию сусальной Русью суворинского «Лукоморья»; и яростно-циничный скепсис, не приемлющий истинной устной поэзии; и, наконец, подлинное, глубокое понимание красоты фольклора.

Примечания

¹ В литературе называется также другая дата — 2 февраля. См. *Кривополенова М. Д. Былины сказки, скоморошины* / Ред., вступ. ст. и примеч. Морозова А. А. Архангельск, 1950. С. 165.

² *Хомчук Н. И. Экспедиция Озаровской // Прометей: Историко-биографический альманах «Жизнь замечательных людей»*. Т. 13. М., 1983. С. 193—194.

³ *Шергин Б. В. Марья Дмитриевна Кривополенова // Шергин Б. В. У Архангельского города*. Архангельск, 1985. С. 77.

⁴ *Гемп К. П. Сказ о Беломорье*. Архангельск, 1983. С. 138—140.

⁵ *Страхов В. Е. На лесной реке*. Архангельск, 1964. С. 84—88.

⁶ *Бражнин И. Сумка волшебника*. Л., 1978. С. 135—144.

⁷ *Личутин В. В. Государственная бабушка // Личутин В. В. Дивисьгора: Очерки, размышления, портреты*. М., 1986. С. 208—215.

⁸ *Коненков С. Т. Воспоминания. Статьи. Письма*. В 2-х книгах. Т. I. М., 1984. С. 155—156.

⁹ *Ларин О. И. Махоня // Ларин О. И. Узоры по солнцу*. М., 1976. С. 125—191; *Рогов А. Махонька // Дружба народов*. 1984. № 5. С. 126—177. Рец.: *Галимова Е. Повесть о великой бабушке // Север*. 1985. № 4. С. 118—120.

¹⁰ *Абрамов Ф. Дом в Верколе (Документальное повествование Л. В. Крутиковой) // Наш современник*. 1986. № 3. С. 34—84; № 4. С. 71—116.

¹¹ *Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: очерки теории*. Л., 1986. С. 83—106.

¹² *Чистов К. В. Русские сказители Карелии: очерки и воспоминания*. Петрозаводск, 1980. С. 80.

¹³ *Озаровская О. Э. Бабушкины старины*. 2-е изд. Пг., 1922.

¹⁴ *Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова*. Петрозаводск, 1955.

¹⁵ *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.* Т. I. М., 1904. С. 336—392.

- ¹⁶ Саратовский листок. 1916. 1 марта. № 48 (раздел «Театр и музыка»); Вниманию учащихся // Саратовская жизнь. 1916. 2 марта. № 1945; К вечеру артистки О. Э. Озаровской и Марии Кривополеновой // Саратовская жизнь. 1916. 2 марта. № 1945.
- ¹⁷ Дубровский П. Вечер «жемчуга» // Саратовский листок. 1916. 4 марта. № 51.
- ¹⁸ Русские былины и сказки (вечер артистки О. Э. Озаровской) // Почта. Саратов. 1916. 4 марта.
- ¹⁹ Н. Б. Вечер артистки Озаровской («За жемчугом») // Саратовская жизнь. 1916. 4 марта. № 1947.
- ²⁰ Полтавский С. Жемчуг народного творчества // Саратовский вестник. 1916. 4 марта. № 51.
- ²¹ Полтавский С. Две культуры // Саратовский вестник. 1916. 6 марта. № 53.
- ²² Спартак. Вечер русской старины // Волга. Саратов. 1916. 4 марта. № 51.
- ²³ Южный край. Харьков. 1916. 12 марта. № 13256 (раздел «Местная хроника»); Н. Б. За жемчугом // Южный край, вечерний выпуск. 1916. 14 марта. № 13260; Ф. М. Жемчуг народного творчества (лекция О. Э. Озаровской) // Южный край. 1916. 16 марта. № 13263.
- ²⁴ Подробнее см. в нашей статье «Сказитель и общество» в т. 25 «Русского фольклора» (в печати).
- ²⁵ Пение былин // Южный край. 1916. 16 марта. № 13263.
- ²⁶ Вечер сказительницы // Ростовская речь. 1916. 25 марта. № 86; Ростовская-на-Дону копейка. 1916. 27 марта. № 82 (объявление); Лекция-рассказ О. Э. Озаровской // Приазовский край. Ростов-на-Дону. 1916. 27 марта. № 82; М. Г. К приезду сказительницы Кривополеновой // Ростовская речь. 1916. 27 марта. № 87; Вечер Озаровской // Приазовский край. 1916. 30 марта. № 85.
- ²⁷ М. Ф. Г. За жемчугом // Ростовская речь. 1916. 29 марта. № 89. Sandro. За жемчугом (Лекция О. Э. Озаровской с участием крестьянки Марьи Кривополеновой) // Приазовский край. 1916. 29 марта. № 84; Лекция-концерт О. Э. Озаровской и М. Д. Кривополеновой // Приазовский край. 1916. 2 апр. № 88.
- ²⁸ Тамбурин. Воскресным вечером // Ростовская речь. 1916. 20 марта. № 89.
- ²⁹ Цейтлин С. (Письмо) // Приазовский край. 1916. 8 апр. № 93 (раздел «Письма в редакцию»).
- ³⁰ Тамбурин (Письмо) // Приазовский край. 1916. 9 апр. № 94 (раздел «Письма в редакцию»).
- ³¹ П. Н. Сакулин (1868—1930) — известный литературовед; в марте 1916 г. выступал с чтением лекций в Ростове-на-Дону.
- ³² Цейтлин С. (Письмо) // Приазовский край. 1916. 14 апр. № 97 (раздел «Письма в редакцию»).
- ³³ М. Г. К приезду сказительницы Кривополеновой // Ростовская речь. 1916. 27 марта. № 87.
- ³⁴ М. Ф. Г. За жемчугом // Ростовская речь. 1916. 29 марта. № 89.
- ³⁵ В истории русской фольклористики это был не первый иронически-скептический отзыв о выступлении народного сказителя. Точно так же в 1895 г. некоторые петербургские газеты отзывались о выдающейся олонечкой вопленнице И. Федосовой. См.: Чистов К. В. Народная поэсска И. А. Федосова. С. 139—140.
- ³⁶ Былинный вечер // Таганрогский вестник. 1916. 19 апр. № 101.
- ³⁷ Вечер русской народной поэзии // Таганрогский вестник. 1916. 27 апр. № 109.
- ³⁸ Сказительница былин // Донская жизнь. Новочеркасск. 1916. 4 мая. № 99; Вечер былин // Донские областные ведомости. Новочеркасск. 1916. 4 мая. № 100.
- ³⁹ М. Ф. Г. Вечер народной поэзии // Ростовская речь. 1916. 9 мая. № 127. Мы атрибутируем эту заметку М. Ф. Гнесину.
- ⁴⁰ Вечер русской старинной песни // Кубанская мысль. Екатеринодар. 1916. 8 мая. № 187.
- ⁴¹ С. О. Э. Озаровская и М. Д. Кривополенова // Кубанский курьер. Екатеринодар. 1916. 11 мая. № 2211.
- ⁴² Вологодский листок. 1916. 22 мая. № 1013 (раздел объявлений).
- ⁴³ Е-ов И. Мария Кривополенова // Вологодский листок. 1916. 26 мая. № 1015.
- ⁴⁴ Е-ов И. Бабушкины старины // Вологодский листок. 1916. 1 июня. № 1017; См. также: Озаровская и Кривополенова в Вологде // Архангельск. 1916. 5 июня. № 123.
- ⁴⁵ «За жемчугом» // Архангельск. 1916. 2 июня. № 120.
- ⁴⁶ Несостоявшийся вечер // Архангельск. 1916. 4 июня. № 122.
- ⁴⁷ И. Т. Рябинин в 1902 г. совершил триумфальную поездку по зарубежным странам (Константинополь, София, Белград и др.). Однако в самой России он выступал лишь в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, а также в Варшаве.

Б. В. Горбунов

НАРОДНЫЕ ВИДЫ СПОРТИВНОЙ БОРЬБЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ.

(XIX — начало XX в.)

Одной из малоисследованных проблем в этнографии остаются традиции народных состязательных игр, в частности обычай рукопашных состязаний без применения оружия при соблюдении неписаных правил, обусловленных культурно-бытовой традицией и определяющих круг разрешенных приемов, посредством которых может быть достигнута цель игры — победа над соперником.

Общеизвестно, что в недавнем прошлом у русских (а также у украинцев и белорусов) широко бытовал кулачный бой — рукопашное состязание, определяемое как «бой кулаками, без применения оружия»¹; «драка кулаками, для забавы, из молодечества», где соблюдаются определенные правила: «лежащего не бьют, мазку (на ком кровь) не бьют; рукавички долой, лежащий в драку не ходит и пр.»². Эта народная игра рассматривается в общих чертах в ряде этнографических работ³. Ей посвящено несколько специальных исследований⁴. Однако в целом традиции народных кулачных боев изучены мало.

Наряду с названным у русских существовал другой тип рукопашного состязания, основным содержанием которого в отличие от кулачного боя являлось «единоборство без оружия и без побоев и драки, где противники только стараются побороть друг друга, свалить с ног наземь»⁵. Для его обозначения чаще всего употребляется, в том числе этнографами, термин «борьба».

Борьба наряду с кулачными боями упоминается в этнографических исследованиях как одно из самых распространенных народных состязаний, устойчивый элемент традиционной культуры русских⁶. К сожалению, она совершенно не изучена. Лишь в некоторых публикациях встречаются общие сведения об этой игре⁷. Специальных же работ по данной теме нет.

Необходимо, на наш взгляд, исследовать распространенность традиции состязаний в борьбе и приурочивание ее к народным праздникам, выявить отдельные стороны игры (правила, время, место, организацию и общий ход состязаний, приемы, терминологию, призы и заклады, возрастной, социальный, этнический и профессиональный состав участников и зрителей, местные особенности и т. п.). Затем систематизировать эти сведения, выявить типологию разновидностей борьбы, областные различия, изучить эволюцию и генезис традиции, ее общественные функции (военно-прикладную, воспитательную, магическую, обрядовую и др.). Важно разработать аргументированную этнографическую трактовку традиционных рукопашных состязаний, что пока еще не сделано этнографами. Поэтому необходимо их всестороннее сравнительное изучение «в различных европейских странах»⁸.

У ряда народов СССР (башкиры⁹, буряты¹⁰, грузины¹¹, казахи¹², молдаване¹³, татары¹⁴ и др.) и зарубежных стран (болгары¹⁵, германо-швейцарцы¹⁶, монголы¹⁷ и др.) традиционные виды борьбы нашли практическое применение как средство физического воспитания и элемент современных праздничных обрядов. В свете этого опыта необходимо изучить возможности практического использования народных видов борьбы у русских.

Существует обширный круг источников, которые содержат разнообразные сведения по изучаемой проблеме. Это опубликованные материалы географичес

и этнографических экспедиций, периодическая печать, мемуары, дневники и частная переписка, датируемые XVIII — серединой XX в., фото- и кинодокументы конца XIX — начала XX в. Большой интерес представляют материалы архивов: Государственного музея этнографии народов СССР (особенно фонд В. Н. Тенишева), Географического общества СССР, Музея антропологии и этнографии АН СССР, Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства, ряда историко-краеведческих музеев (Вологодского, Дмитровского, Егорьевского, Ейского, Зарайского, Касимовского, Кирсановского, Коломенского, Рязанского и др.). Часть названных источников содержит подробные описания игры, ее правил, терминов, приемов; сведения о времени, местах и обстоятельствах проведения состязаний; приурочивании их к народным праздникам, местных особенностях; данные об участниках и зрителях, сильнейших борцах. В них достаточно полно отражены общественные функции исследуемой традиции. Однако зачастую источники сообщают лишь часть сведений. Порой игра только упоминается как бытующая в той или иной местности на народных праздниках. Важным источником являются материалы анкет и интервью, полученные автором от непосредственных участников и свидетелей традиционных рукопашных состязаний (эти данные относятся к первой половине XX в.). Интересные, однако в большинстве своем фрагментарные сведения есть в некоторых этнографических работах по традиционной культуре восточных славян.

Место и значение традиции в тот или иной исторический период не могут быть выяснены без изучения ее истоков и эволюции. Это обуславливает привлечение в качестве источников фрагментов летописей, государственных и религиозных актов средневековья и нового времени, известных иностранцев о Москве, а также трудов ряда историков (С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин и др.).

Рассматривая художественное творчество как специфический способ познания окружающей действительности, необходимо использовать и такие источники, как фольклор, народное (например, лубок) и профессиональное изобразительное искусство, произведения классиков русской и советской литературы.

Имеющиеся у нас сведения о традиционном приурочивании состязаний в борьбе у русских свидетельствуют об их широком распространении во время весенне-летних календарных праздников. Так, в XIX в. «издревле известные в России борьба и кулачный бой составляли одну из любимых забав народных, особенно в сырную неделю»¹⁸. Исследователям знакомы сообщения о борьбе как масленичной потехе, датируемые XIII в.¹⁹ К Масленице часто приурочивались выступления борцов-профессионалов в балаганах и цирках²⁰. Состязания в борьбе издавна устраивались на Пасху²¹ и на Фоминой неделе — на Радуницу и Красную горку²². Возможно, с известным пасхальным обычаем катать яйца, символизовавшим зарождение новой жизни, связаны некоторые лубочные картинки, на которых изображены борцы, под ними два яйца и надпись: «Удалые молодцы добрые борцы ахто ково поборить невсхватку тому два ица всм Атку» (рис. 1)²³. Во всяком случае, обычай раздавать яйца в качестве награды победителю состязаний в борьбе практиковался, по-видимому, именно на Пасху.

Состязались в борьбе и на Семик-Троицу²⁴. Интересное описание таких состязаний имеется в мемуарах маршала Б. М. Шапошникова. В Красноуфимске русские боролись за неделю до Троицы и в Троицын день. Подобно кулачным боям, соревнования носили характер массового противоборства двух партий — города и деревни. В кругу, образованном зрителями, в поединки вступало сразу несколько пар борцов, принадлежащих к разным партиям. При этом, как и в кулачных боях, «сначала выступали подростки, юноши, затем люди старшего возраста». Последний борец, которого уже никто не мог побороть, считался победителем и целый год пользовался большим почетом²⁵. Подобные сообщения нередки²⁶. К ним близко по характеру описание борьбы

УААШЕ МОЛОДЦЫ ДОБРЫЕ БОРЦЫ АХТО КОВО ПОБОРНТЗ
НЕВСХВАТКУ ТОМУ АВА ИЦА ВІМАТКУ

Рис. 1. «Удалые молодцы добрые борцы». Лубочная картинка. Середина XVIII в. Из собрания Д. А. Ровинского (Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина)

в повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца»²⁷, действие которой происходит на горнозаводском Урале в 60-е годы XIX в. В этих свидетельствах обращает на себя внимание то, что массовый характер состязания принимали лишь один раз в году, а также почет, которым в течение года пользовался победитель. Можно предположить, что в древности такие состязания были ежегодным смотром сил общины. Известно, что значительно позже в деревенском быту важным критерием оценки достоинств человека были физическая сила, ловкость, умение бороться и биться на кулачках.

В воскресенье после Троицы (русальное заговение) устраивались состязания борцов²⁸. Непременным элементом древнерусских русалий были военные игры²⁹, к числу которых, как известно, относятся кулачные бои. По мнению С. М. Соловьева, в первом летописном упоминании русалий (1068 г.) сообщается о борьбе и кулачном бое³⁰. Этой точки зрения придерживается ряд других исследователей³¹.

Обычным явлением были поединки борцов на престольных праздниках в период между посевной и уборочной страдой или после завершения уборочных работ. Так, корреспондент Этнографического бюро В. Н. Тенишева сообщает, что в селах Московской губернии на праздниках, отмечавших конец сенокоса, по традиции крестьяне устраивали борьбу³². Имеются и другие сообщения такого

характера³³. Интересно, что в селах Донецкой области и в наши дни на праздниках урожая устраиваются состязания борцов³⁴.

Полагают, что в глубокой древности рукопашные состязания на народных праздниках имели определенный ритуально-магический смысл. Так, ряд этнографов видит в таких состязаниях на весенних праздниках отголосок древнего аграрно-магического ритуала, символизирующего борьбу зимы и лета³⁵. В. Н. Харузина считала, что состязания в борьбе и кулачном бою — пережиток магического обряда, повышающего производительные силы природы³⁶. Существует мнение, что смысл масленичных кулачных боев заключается в том, чтобы «путем взаимного кровоизпускания, кровопролития... магически обеспечить своим полям и лугам весенние и летние дожди, влагу»³⁷. Обратим в этой связи внимание на сообщение корреспондента Этнографического бюро В. Н. Тенишева из села Верхне-Большой Каурец Наровчатского у. Пензенской губ., согласно которому местные крестьяне на Масленицу и в другие праздники бьются на кулачках «не из одного удовольствия и потехи, а и из-за того, чтобы получить более сильный урожай в настоящее лето»³⁸. Такое же сообщение имеется от другого корреспондента бюро³⁹. По мнению М. М. Бахтина, на ежегодном весеннем карнавале «все удары имеют... символически расширенное и амбивалентное значение: это удары одновременно и умерщвляющие (в пределе), и дарующие новую жизнь, и кончающие со старым, и начинающие новое; удары жизнителины, ибо они помогают родиться новому»⁴⁰.

Заметим далее, что с глубокой древности в мировоззрении крестьян сохранялись представления о зависимости благополучия общины, урожая от воздействия мира умерших предков. А. П. Окладников указывает, что борьба, занимая важное место на весенних праздниках плодородия, сопровождала и погребальные торжества. Такие состязания, по его мнению, символизируя противоборство между зимой и летом, доброго начала вселенной против злых ее сил, вместе с тем должны были способствовать, по представлениям древних людей, безопасному переходу покойника в страну предков — незримых покровителей общины⁴¹. Б. А. Рыбаков считает, что погребальные боевые игры, «битвы», «бойованье» славян являлись средством, призванным отгонять смерть от живых, демонстрировавшим их жизнеспособность⁴². Такие боевые игры — «ристания», борьба, кулачные бои «в честь умершего», «драки по мертвецы» — являлись, по мнению ряда исследователей, одним из основных элементов погребальных торжеств древних славян⁴³. Вследствие этого традиционные рукопашные состязания стали рассматриваться как пережиток тризны⁴⁴. Напомним, что к весенне-летним календарным праздникам, когда эти состязания были широко распространены, у восточных славян приурочивалось поминовение умерших⁴⁵.

Теперь обратим внимание на сообщение И. М. Снегирева о борьбе на выюнины (окликанье молодых на Пасху). В Семеновском у. Нижегородской губ. на выюнины, «обойдя молодых в своей и окрестных деревнях, к вечеру все партии собираются в какое-нибудь село... веселятся по-своему, то есть играют с девками в хороводах, борются и дерутся на кулачках»⁴⁶. Полагают, что выюнины, сочетающие календарную обрядность с элементами свадебной, являются пережитком древнего обряда перехода новобрачной в род мужа, позднее ставшего обрядом приема в члены сельской общины⁴⁷. Ряд этнографов считает, что состязания между двумя партиями на народных праздниках имеют своим истоком институт дуально-родовой организации древних общин⁴⁸. Близко к этому суждение Ф. Энгельса: «Ирландские крестьяне, — пишет он, — часто делятся на партии, которые основываются на различиях, по видимости, совершенно бессмысленных или нечетких и для англичан совершенно непонятных; эти партии не преследуют другой цели, кроме излюбленных торжественных потасовок, устраиваемых ими друг другу. Это искусственное возрождение, позднейшая замена уничтоженных родов, своеобразно свидетельствующая о живучести унаследованного родового инстинкта»⁴⁹.

Далее уместно вспомнить, что противоборство двух партий — жениха

и невесты — характерно для свадебных обрядов многих народов, причем одна из распространенных форм такого соперничества — состязания в борьбе⁵⁰. Имя борца в свадбe у русских Среднего Поволжья красочно описана А. М. Горьким⁵¹. «У белорусов Витебской губернии, — сообщает В. А. Мошков, — на свадьбе борются и играют в перетяжки»⁵². Обратим в этой связи внимание на то, что в сюжетах о сватовстве в былинах часто можно встретить сцены поединков борцов и кулачных бойцов, представляющих партии жениха и невесты. Так, в былине «Дунай сватает невесту князю Владимиру» Дунай состязается в борьбе с «королем ляховинским», ловким приемом побеждает его, после чего король отдает «Опраксею-королевичну» в жены князю Владимиру⁵³. Напомним также, что в многочисленных вариантах известной исторической песни о Кострюке состязание в борьбе между ним и друмя братьями, составляющее основную сюжетную линию, происходит на свадебном пиру⁵⁴. Отметим, что былины и песни о Кострюке дают огромный материал для изучения традиционных рукопашных состязаний, но это тема отдельной работы.

Борьба на свадьбе, по справедливому, на наш взгляд, суждению В. Н. Хавриной, имеет цель «содействовать благополучию молодых, деторождаемости, хозяйственному благополучию»⁵⁵. Таким образом, прослеживается зримая связь между календарной и семейной (поминальной, свадебной) обрядностью русских. В основе этой связи лежат идеи жизнеспособности, продолжения рода и плодородия, выраженные в ритуальной борьбе, которая часто принимала форму кулачных боев или поединков борцов.

С течением времени жизненно важное в глубокой древности ритуально-магическое содержание рукопашных состязаний исчезает и они превращаются в развлечение. Именно как развлечение, характерное для русских, представлена борьба в творчестве целого ряда писателей XIX—XX вв.⁵⁶

Борьба, кулачные бои и подобные им игры были хорошим средством изменения эмоционального настроения участников и зрителей, отвлекали их от тяжелого повседневного труда и монотонного быта и, быть может, в силу своей «буйности» воздействовали на эмоции больше, чем другие народные игры. Возможно, что в данной связи стоит замечание В. Г. Белинского о том, что «буйные игры и удалая охота оцветляли этот быт»⁵⁷.

Состязания борцов собирали массы зрителей. Это было одной из причин появления еще в средневековые категории людей, которые добывали средства к существованию, показывая свое искусство в борьбе на гуляниях, ярмарках, базарах. Напомним эпизод исторической песни о Кострюке:

В то время не случилось в Москве борцов:
Разъезжались по торгам, по ярмаркам⁵⁸.

В описании Русского государства Юрия Крижанича (XVII в.) имеется перечисление «дурных сословий», среди которых мы находим «борцов»⁵⁹. В XIX — начале XX в. выступления борцов-профессионалов были очень распространены⁶⁰. Профессионалы выдвигались из числа грузчиков, молотобойцев и представителей других профессий, требовавших незаурядной физической силы. Их борьба в балаганах и цирках пользовалась громадной популярностью у демократического зрителя. Борцы стремились создать на арене образы былинных русских богатырей — боролись в народной одежде, брали псевдонимы Муромец, Добрыня, Святогор и т. п.⁶¹. Особенно популярен был сильнейший боец-профессионал начала XX в. бывший портовый грузчик Иван Поддубный.

Состязались в борьбе не только в праздники. Часто боролись «просто так, из молодечества» в воскресные дни и будни, в перерывах и после работы⁶². «У нас любят силу, атлетов, борьбу, — писал один из журналов начала XX в., — почти каждый здоровый мужчина считает себя силачом, не откажется побороться»⁶³. Имея широкое распространение, эта народная игра служила традиционным средством воспитания физических и моральных качеств

необходимых человеку в его жизнедеятельности, в частности в повседневном бытии.

Практическое применение борьбы не исчерпывалось целями физической подготовки и развлечения. С глубокой древности она имела важное военно-прикладное значение. «Народные игры и потехи, донныне однообразные в землях славянских: борьба, кулачные бои, бегание взапуски, остались памятником древних забав, представляющих нам образ войны и силы», — замечает Н. М. Карамзин⁶⁶.

Известные летописные предания о Кожемяке (992 г.) и Мстиславе Удалом (1022 г.) сообщают об обычае решать исход вооруженных конфликтов рукопашной схваткой без оружия («не оружьею ся бьеве, но борьбою») двух представителей противоборствующих сторон («Что ради губиве дружину межю обою? Но снидеве ся сама бороть») ⁶⁷. Мысль о важности владения приемами борьбы и кулачного боя часто звучит в русских былинах, главные герои которых (Илья Муромец, Добрыня Никитич и др.) — умелые борцы и кулачные бойцы. Типичен мотив битвы воинов несколькими видами холодного оружия, которое поочередно ломается, и решения исхода ее в рукопашном состязании ⁶⁸. Большое значение рукопашных приемов в военном деле указывают тексты воинских заговоров, где типична фраза: «Закрой, ты, девица, меня своей силой от силы вражьей, от пищали, от стрел, от борца, от кулачного бойца, от берева русского и заморского, ... от кости и уклада, от стали и меди (курсив мой. — Б. Г.)» ⁶⁹. Таким образом, оберег от различных видов оружия стоит в одном ряду с оберегом «от борца, кулачного бойца». Интересна в этом плане одна из миниатюр «Истории Сибирской» С. У. Ремезова, где изображен Ермак, упражняющийся в различных видах оружия: стрельбе из лука и пищали, метании пика и т. п. В центре ее — изображение двух борцов с надписью: «Ермак боретца» ⁷⁰.

Ф. Энгельс заметил, что «до применения пороха исход сражений решался исключительно рукопашной борьбой» ⁷¹. В массовом пешем строю были обычные ситуации (поломка или утрата оружия, столкновение вплотную, когда его невозможно применить, и т. п.), в которых противники вынуждены были сражаться, используя лишь физическую силу, приемы борьбы и кулачного боя. Так, летописец сообщает (1019 г.): «И бысть сеча зла, оже за руки емлющися речашу» ⁷². В одной из редакций «Сказания о Мамаевом побоище» говорится, что «сошлись в схватке оба войска, и крепко бились не только оружием, но и руками хватали друг друга» (перевод) ⁷³. По-видимому, в средневековые русские воины в полной мере владели приемами рукопашной борьбы. «Сражающиеся с московитами, — сообщает А. Гваньини, — должны весьма умеючи действовать оружием, чтобы не попасть в руки их, ибо они весьма крепки плечами, руками, всем телом» ⁷⁴. Вследствие широкого распространения у русских борьбы и кулачных боев мужское население с детства овладевало полезными в рукопашном бою навыками. Можно предположить, что в значительной мере благодаря этому еще в средневековье складывается традиция рукопашного удара русской пехоты. Очевидно, что военно-прикладное значение таких игр в определенной степени сохранялось и значительно позже. В частности, народные виды борьбы использовались в первые годы Советской власти для подготовки бойцов Красной Армии и в системе Всевобуча ⁷⁵.

Представляется уместным привести здесь оценку О. А. Сухаревой некоторых жестоких обычаев народов Средней Азии, сходных, по ее мнению, с русскими кулачными боями и борьбой. Они вырабатывали в народе боевые качества и формировали «в народном характере такие черты..., такие навыки, которые были исторически необходимы..., вряд ли люди из народа могли бы выступать как значительная военная сила, если бы в этой среде не было условий для приобретения определенных навыков и боевого духа» ⁷⁶. Традиционные рукопашные состязания могут послужить примером отмеченного С. А. Токаревым ⁷⁷ диалектического единства позитивных начал и отрицательных сторон народных обычаев.

У русских существовало несколько видов борьбы.

1. Борьба в *схватку*. В былинах часто можно встретить выражение «Он схватились во схваточку боротисе»⁷⁸. Другие названия ее: в *охапки*, в *обхва накрест*, на *русскую*. По правилам борцы обоюдно схватывались крест-накрест — одна рука над, другая — под плечом противника и соединяли их на его спине, сохраняя такой захват до конца поединка, время которого не ограничивалось. Для победы надо было бросить соперника на землю⁷⁹. Боролись в повседневной одежде. Местом борьбы служил участок луга, пашни и т. п. Большое значение в этом виде борьбы имела физическая сила, ловкость же была на втором плане. Так, современник сообщает, что в Орловской губ. борлись «в одноручку», но «с пренебрежением отвергали предложения бороты в охапки..., называя такой манер медвежьей борьбою, не заключающую в себе кроме силы никакого искусства»⁸⁰. По этой причине борьбу в схватку называли «мужицкой». Интересен в этом плане фрагмент былины «Подсокольник»:

А схватились удалы все в охабочку,
А по-мужицки они по-деревенски же⁸¹.

Две разновидности борьбы в схватку различались тем, что «смотря по условию» правила запрещали или разрешали подножки⁸².

2. Борьба *об одной ручке* (в *одноручку*, на *одну руку*, за *вороток*, *наперек сок*, на *носок*).

Ай же вы, богатыри святорусские!
Кто из вас горазд боротыся об одной ручке?⁸³

— часто встречаем в былинах киевского цикла.

Имеются сведения о двух разновидностях этой борьбы. В одной правила обязывали противников сделать обоюдный захват одной рукой за ворот одежды противника и сохранять его до конца поединка. Второй рукой какие-либо захваты делать не разрешалось: «Русские борются... — одной рукой друг друга за ворот, а другою не хватать»⁸⁴. Основным здесь был прием *бросок с носка*, что отразилось в одном из названий этой борьбы. В Холмогорах бытовал термин *сдержавший носок*, обозначавший никем не побежденного борца⁸⁵. В другой разновидности борьбы разрешалось захватывать любую часть тела и одежды противника второй рукой, но только в момент проведения приема. У Мамна-Сибиряка: «Боролись не в охапку, по-мужицки, а за вороток... Борцы ходили по кругу, взявши друг друга за ворот чекменей правою рукой, — левая шла в дело только в момент схватки. Вся суть заключалась в том, чтобы сбив противника на землю»⁸⁶.

3. Борьба *не в схватку* (*охотничья борьба*, на *вольную*, на *щипок*, за *руки*). Здесь позволялось произвольно захватывать обеими руками тело и одежду противника. Для победы надо было повергнуть соперника на спину. При этом «надо было удерживать известное время под собой и большей частью до тех пор, пока он [не] признавал себя побежденным»⁸⁷. Выявлены три разновидности этой борьбы: а) разрешались захваты только выше пояса; б) допускались подножки; в) разрешалось также захватывать руками ноги противника⁸⁸. В сравнении с другими видами борьбы здесь борцам предоставлена большая свобода действий, из чего можно предположить, что борьба на вольную восходит непосредственно к боевым рукопашным схваткам и, по-видимому, является древнейшей из рассмотренных. Описания этой борьбы чаще других встречаются в былинах.

4. Борьба на *поясах* (на *кушаках*, на *ремни*, за *пояски*) — последний из известных нам русских видов борьбы. С большой долей вероятности можно предположить, что она заимствована русскими у тюркских народов. Так, по свидетельству И. И. Лепехина, башкиры при борьбе «не берут друг друга за ворот, как русские борцы, но за кушаки, и употребляют обыкновенные при борьбе ухватки»⁸⁹. В. И. Даль, рассматривая виды борьбы у русских, отметил, что в отличие

Рис. 2. Борьба на поясах. С картины И. С. Щедровского (1815—1870) «Борцы» (1837 г.) (Государственный Русский музей)

от них «татары и башкиры закидывают друг другу пояс за поясницу, не хватаясь за одежду и упершись левым плечом друг в друга, а перехватывать руками и подставлять носков не дозволяется»⁹⁰. По-видимому, не случайно борьба на поясах неизвестна в былинах. По мнению Л. Куна, она была типичным элементом военно-физической подготовки кочевников⁹¹. В ходе продвижения русских в Поволжье, на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию, на юг, а также миграций тюрков в центр России и те и другие вступали во взаимные контакты — трудовые, бытовые, брачные и т. п. В таких ситуациях обычно происходит известная диффузия элементов традиционной культуры. В частности, русские знакомились с народными видами борьбы тюрков, потом нередко участвовали в их состязаниях на местных праздниках⁹². Самое раннее из известных нам изображений борьбы на поясах у русских на картине И. С. Щедровского 1837 г. (рис. 2). Со временем борьба на поясах заметно распространилась среди русских⁹³ и стала восприниматься как традиционное явление, чему, на наш взгляд, в немалой степени способствовало то, что правила ее очень близки к правилам борьбы в схватку.

По правилам борьбы на поясах у русских соперники обоюдно захватывают друг друга крест-накрест (как в борьбе в схватку), взяв на спине пояс партнера обеими руками. Отпускать захват не разрешалось до конца поединка (как в борьбе в схватку). Победа оставалась за тем, кто первым бросал противника

на землю. Две разновидности этой борьбы, как и борьбы в схватку, различались по тому, разрешались или нет подножки⁹⁴. Таким образом, заимствование было не механическим, оно было обусловлено существованием русского вида борьбы в схватку. Борьба «на поясах» у русских замечательно описана А. М. Горьким в романе «Дело Артамоновых»⁹⁵.

Итак, у русских известно по крайней мере четыре вида борьбы, включающие девять разновидностей. Цель борьбы: первым повалить соперника на землю. Однако в каждом виде борьбы круг разрешенных приемов строго ограничен правилами, что дает возможность выявить сходство и различие между ними. В народной речи различие это отразилось и закрепились в традиционных названиях видов борьбы. Необходимо отметить, что, по-видимому, каждая из ее разновидностей имела свой ареал, однако этот вопрос пока не изучен нами достаточно полно. Следует сказать также, что само по себе существование нескольких видов борьбы не является чем-то необычным. Так, известны три вида борьбы у белорусов⁹⁶, столько же у украинцев⁹⁷, по два — у молдаван⁹⁸, осетин⁹⁹, у беков¹⁰⁰ и у некоторых других народов. В чем же причины выявленного нами многообразия? На наш взгляд, они кроются в исторических особенностях развития русского этноса на огромной территории.

Судя по имеющимся данным, в народных видах борьбы у русских существовал богатый арсенал приемов. У каждого из них было свое название, порой прием обозначался несколькими терминами, бытовавшими в разных местах. Приведем несколько таких терминов: *брать на косу бедру, брать с крюку, метать с носка, бороться под силки, завертеть мельницей, перебросить через себя* и др.

Подведем некоторые итоги. На протяжении длительного исторического периода широкое распространение у русских имели несколько видов и разновидностей борьбы. Они вместе с кулачными боями составляли традиционный комплекс рукопашных игр-состязаний, который сформировался в ходе развития русского этноса в условиях постоянной военной борьбы. Помимо военно-прикладной эти игры в разное время выполняли и другие общественные функции (воспитательную, развлекательную, магическую, обрядовую и др.). Длительное и широкое бытование народных игр позволяет рассматривать их как устойчивый элемент традиционной культуры русских, который нуждается в дальнейшем изучении.

Примечания

¹ Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. М.: Л., 1950. Стб. 538.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1979. С. 215.

³ См., например: Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Пг., 1916. С. 104, 124, 244, 251, 258; Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 124; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 163—166; Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Кн. 5. СПб., 1881. С. 220—222; Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 171—173; Коринфский А. А. Народная Русь. Круга год сказаний, поверий, обычаев и пословиц. М., 1901. С. 161, 300; Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957. С. 116; и др.

⁴ См., например: Лебедев А. А. Из истории кулачных боев на Руси // Русская старина. 1919. Т. 155. (Июль). Кн. 7. С. 103—123; Фомин Г. И. Кулачные бои в Воронежской губернии // Из Воронежского краеведческого о-ва. 1926. № 3, 5, 6; и др.

⁵ Даль В. И. Указ. раб. Т. 1. С. 117.

⁶ См., например: Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 43; Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 162—163; Ровинский Д. А. Указ. раб. С. 219—220; Сахаров И. М. Русские просфорные праздники и суеверные обряды. Вып. 2. М., 1837. С. 126; и др.

⁷ Даль В. И. Указ. раб. Т. 1. С. 117; Максимов С. В. Крылатые слова // Собр. соч. Т. 1. СПб., 1909. С. 289; Ровинский Д. А. Указ. раб. С. 219—220; Чесноков Б. М. Русская народная борьба. Теория и практика физической культуры. 1955. № 11. С. 842—847.

⁸ Гроздова И. Н. Народы Британских островов // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 80.

⁹ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 192.

¹⁰ Там же. С. 457; Бурятский «Сурхарбан» // Сов. Россия. 1987. 5 июня. С. 4.

¹¹ Встретились богатыри // Правда. 1983. 25 сент. С. 6.

- ¹² Байдосов К. Р. Казахская национальная борьба. Алма-Ата. 1987.
- ¹³ Руснак П. К. Трынта. Кишинев, 1987.
- ¹⁴ Манасылов Ф. Батыры пастут на селе // Известия. 1988. 4 апр. С. 6.
- ¹⁵ Вакарелски Х. Етнография на България. София, 1977. С. 465.
- ¹⁶ Саломыхин Ю. Когда затрубит герольды // Сов. спорт. 1970. № 214. С. 4.
- ¹⁷ Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. С. 44—47.
- ¹⁸ Снегирев И. М. Указ. раб. Вып. 2. С. 126; см. также: Забылин М. Указ. раб. С. 43; Коринфский А. А. Указ. раб. С. 161; Ровинский Д. А. Указ. раб. С. 219; и др.
- ¹⁹ Леонтьев А. К. Нравы и обычаи // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 2. М., 1977. С. 62.
- ²⁰ Дмитриев Ю. А. Русский цирк. М., 1953. С. 238.
- ²¹ См., например: Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Вып. 1. М. 1877. С. 141, 168; Завойко Г. К. Верования, обычаи и обряды великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3/4. С. 157; Шукин Н. С. Народные увеселения в Иркутской губернии // Зап. Имп. Русского Географического о-ва по отделению этнографии. Т. 2. СПб., 1869. С. 396; и др.
- ²² См., например: Костомаров Н. И. Етнографічні писання. Киев, 1930. С. 229; Красин Д. Красная горка // Орловские губернские ведомости. 1895. № 45. С. 2; Смоленский этнографический сборник. Составил В. Н. Добровольский. Ч. 2. СПб., 1893. С. 318; и др.
- ²³ Русские народные картинки XVII—XVIII вв. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1970. С. 33—34.
- ²⁴ См., например: Зобнин Ф. Из года в год. Описание круговорота крестьянской жизни в Усть-Ницинском Тюменского уезда // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894. С. 54; Завойко Г. К. Указ. раб. С. 157; Записки Н. И. Толубеева. СПб., 1889. С. 10, 11; и др.
- ²⁵ Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 45—46.
- ²⁶ См., например: Вытегорские Кондужи. Материалы для истории и этнографии // Олонецкие губернские ведомости. 1874. № 23. С. 293; Грандильевский А. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 83. № 5. СПб., 1907. С. 103; Кириллов Н. Сольвычегодский. у. Вологодская губ. // Архив Гос. музея этнографии народов СССР (далее — ГМЭ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 336. Л. 23; и др.
- ²⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца // Полн. собр. соч. Т. 2. Пг., 1915. С. 72—75.
- ²⁸ См., например: Городицов П. А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 26. Тобольск, 1916. С. 8, 10; Завойко Г. К. Указ. раб. С. 157; Макаров М. Н. Русские предания. М., 1838. С. 44; и др.
- ²⁹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 676.
- ³⁰ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 114; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 1960. С. 70.
- ³¹ Сахаров А. Н. Церкви в период феодализма // Христианство и Русь. М., 1988. С. 52; Новгородские былинны/Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978. С. 369—370.
- ³² Куликовский Г. Московская губ. // Архив ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 634. Л. 81.
- ³³ См., например: Архангельский А. Село Давшино Ярославской губ. Пошехонского уезда // Этнографический сборник, издаваемый Имп. Русск. Географическим о-вом. Вып. 2. СПб., 1854. С. 35; А. М. Письма путешественника по Сибири // Северная Пчела. 1827. № 24. С. 4; и др.
- ³⁴ Гончарук О. «Куриш» — борьба донецка // Спортивна газета. 1976. 27 марта. С. 2.
- ³⁵ Гроздова И. Н. Народы Британских островов // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М., 1977. С. 92; Гроздова И. Н., Ткачев С. А. Заключение // Там же. С. 342; Миллер В. Ф. Русская масленица и западноевропейский карнавал. М., 1884. С. 31—32; и др.
- ³⁶ Харузина В. Н. Рец. на кн.: Д. К. Зеленин. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Пг., 1916 // Живая старина. Пг., 1916. Вып. 4. С. 336.
- ³⁷ Румянцев Н. Масляница // Атенст. М., 1930. № 49. С. 100.
- ³⁸ Архив ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1365. Л. 1.
- ³⁹ Там же. Д. 1860. Л. 7.
- ⁴⁰ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 223, 225.
- ⁴¹ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья Л., 1970. С. 105, 107.
- ⁴² Рыбаков Б. А. Указ. раб. С. 87, 89.
- ⁴³ Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. С. 131—132; Рыбаков Б. А. Указ. раб. С. 87, 89; Соловьев С. М. Указ. раб. Кн. 1. С. 108; и др.
- ⁴⁴ Зеленин Д. К. Указ. раб. С. 109; Пропл В. Я. Указ. раб. С. 124; и др.
- ⁴⁵ Пропл В. Я. Указ. раб. С. 124; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979. С. 213.
- ⁴⁶ Снегирев И. М. Указ. раб. Вып. 3. С. 214.
- ⁴⁷ Соколова В. К. Указ. раб. С. 134, 141.
- ⁴⁸ Токарев С. А. Этнография народов СССР. С. 83; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 283.
- ⁴⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 132—133.
- ⁵⁰ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение. М., 1901. № 1. С. 150; Харузина В. Н. Указ. раб. С. 336.
- ⁵¹ Картины из народной жизни донских казаков. М., 1871. С. 41.
- ⁵² Горький М. Дело Артамоновых // Полн. собр. соч. Т. 18. М., 1973. С. 123.
- ⁵³ Мошков В. А. Указ. раб. С. 150.

- ⁵⁴ См., например: Женитьба князя Владимира и Дуная Ивановича // Былины Севера. Т. II Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и комм. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. С. 84; Ставер Гоудинович и Василиса Никулична // Там же. С. 242; и др.
- ⁵⁵ Добрыня Никитич и Алеша Попович. / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М. 1974. С. 137.
- ⁵⁶ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов, 2-е изд. М., 1977. С. 23—32.
- ⁵⁷ Харузина В. Н. Указ. раб. С. 336.
- ⁵⁸ См., например: Аксаков С. Т. Семейная хроника // Собр. соч. Т. 1. М., 1955. С. 76, 102 Мельников П. И. (Андрей Печерский). На горах. Кн. 1. М., 1956. С. 124; Толстой Л. Н. Рубка леса // Собр. соч. Т. 2. М., 1979. С. 53; Мамин-Сибиряк Д. Н. Указ. раб. С. 72—76; Горький М. Указ. раб. С. 106, 123; Гладков Ф. В. Вольница. М., 1971. С. 367, 368; Шолохов М. А. Тихий Дон // Собр. соч. Т. 2. М., 1962. С. 144; Балашин В. И. Забайкальцы. Иркутск, 1986. С. 192; Задорнов Н. П. Амур-батьюшка. Кн. 1/2. М., 1972. С. 45; Седых К. Ф. Даурия. М., 1973. С. 265—267; Залыгин С. П. Солёная Падь. М., 1981. С. 62, 74, 75; и др.
- ⁵⁹ Белинский В. Г. Литературные мечтания // Собр. соч. Т. 1. М., 1976. С. 63.
- ⁶⁰ Собрание народных песен П. В. Киреевского: записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Т. 1 / Подгот. текстов к печати, статья и комм. А. Д. Соймонова. Л., 1977. С. 64
- ⁶¹ Шестаев Л. С. Русское скomorошество в XVII в. // Уч. зап. Уральского гос. ун-та. Вып. 6 Свердловск, 1949. С. 48.
- ⁶² Дмитриев Ю. А. Цирк в России от истоков до 1917 года. М., 1977. С. 233, 356—358; Кузнецов Е. Цирк. Происхождение, развитие, перспективы. М., 1971. С. 322—323.
- ⁶³ Дмитриев Ю. А. Русский цирк. С. 235.
- ⁶⁴ См., например: Жаков К. Ф. Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере. СПб., 1906 С. 63—64; Струмилин С. Г. Из пережитого. М., 1957. С. 17; Борьба // Петербургский листок 1898. № 44. С. 3; Суханов И. Сельская община в долине Ангары // Тобольские губернские ведомости. 1895. № 28. С. 489; и др.
- ⁶⁵ Спорт. М., 1903. № 50/51. С. 822.
- ⁶⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. М., 1903. С. 54.
- ⁶⁷ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 84, 99.
- ⁶⁸ См., например: Илья и сын // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 419—420; Добрыня и Алеша // Там же. С. 594; Королевичи из Крякова // Там же. Т. 2. С. 147—148; Дунай // Там же. С. 419; Иван Гоудинович // Там же. С. 716; Подсокольник // Былины Севера. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 121—122; Про Старого // Там же. С. 371; и др.
- ⁶⁹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865. С. 274; см также: Бурцев А. Е. Заговоры и заклинания русского народа // Полн. собр. этнографических трудов. Т. 8. СПб., 1911. С. 47, 52; Забылин М. Указ. раб. С. 299.
- ⁷⁰ Цит. по: Осьминина Р. Родом неизвестный, душой знаменитый // Наука и жизнь. 1982. № 6 С. 45.
- ⁷¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 122.
- ⁷² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. Л. 79 об.
- ⁷³ Сказание о Куликовской битве // Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб. 1906. С. 29—30.
- ⁷⁴ Гваньини А. Замечания иностранца XVI века о военных походах русских того времени // Отечественные записки. Ч. 25. СПб., 1826. С. 96.
- ⁷⁵ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства. Ф. 7576. Оп. 28. Ед. хр. 4. Л. 120—125.
- ⁷⁶ Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976. С. 48, 51, 52.
- ⁷⁷ Токарев С. А. Введение // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 3.
- ⁷⁸ Бой Добрыни с Ильей Муромцем // Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 149.
- ⁷⁹ Максимов С. В. Указ. раб. С. 298.
- ⁸⁰ Записки Н. И. Толубеева. С. 11.
- ⁸¹ Былины Севера. Т. 1. С. 121—122.
- ⁸² Ровинский Д. А. Указ. раб. С. 220.
- ⁸³ См., например, Онежские былины... Т. 2. С. 45, 83.
- ⁸⁴ Даль В. И. Указ. раб. Т. 1. С. 117.
- ⁸⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Л., 1968. С. 118.
- ⁸⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Указ. раб. С. 73.
- ⁸⁷ Покровский Е. А. Детские игры преимущественно русские. М., 1887. С. 137.
- ⁸⁸ См., например: Ровинский Д. А. Указ. раб. С. 220; Крупнов П. Никольский у., Вологодск. губ. // Архив ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 295. Л. 25; Кириллов Н. Сольчевыгодский у., Вологодск. губ. // Там же. Д. 336. Л. 23; и др.
- ⁸⁹ Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина в разные провинции Российского государства. Ч. 2. СПб., 1772. С. 26.
- ⁹⁰ Даль В. И. Указ. раб. Т. 1. С. 117.
- ⁹¹ Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. М., 1982. С. 53, 125, 135.
- ⁹² См., например: Разин Н. Полвека назад. Воспоминания борца. М., 1963. С. 35—

- Чеснов Г. Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX — начале XX в. Л., 1984. С. 130; и др.
- ⁸³ Борьба // Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 7. СПб., 6/г. С. 664.
- ⁸⁴ Зобнин Ф. Указ. раб. С. 54; Чесноков Б. М. Указ. раб. С. 845.
- ⁸⁵ Горький М. Указ. раб. С. 122—123.
- ⁸⁶ Этнографія Беларусі. Мінск, 1980. С. 24, 100; Белорусская ССР. Краткая энциклопедия. Минск, 1980. С. 44.
- ⁸⁷ Заглада Н. Побут селянскої дитини // Матеріали до етнології. Т. 1. Київ, 1929. С. 232. XVIII. Фото 1—3.
- ⁸⁸ Руснак П. К. Указ. раб. С. 6.
- ⁸⁹ Гагиев С. Г. Осетинские национальные игры. Орджоникидзе, 1980. С. 44.
- ¹⁰⁰ Кураш // Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. Т. 3. М., 1963. 191—192.

Р. Ф. Воронина

ЖЕНСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ОКСКИХ ФИННОВ V—VII вв.

**(по материалам Никитинского
могильника)**

Женский головной убор у всех народов был показателем общественного положения человека. По головному убору всегда можно было судить об общественном и семейном положении женщины, ее возрасте. Головные уборы были тесно связаны с прической, различавшейся у девушек и женщин. Изменение в семейном положении женщины всегда сопровождалось сменой головного убора. По свидетельству Н. И. Гаген-Торн, у народов, не знавших венчания, смена головного убора была центральным моментом в свадебном ритуале.

Головной убор — не только социальный, половозрастной и племенной опознаватель, он и оберег, так как женским волосам приписывали магическую силу². По поверьям, охранительная магическая сила волос девушек, принадлежащих к своему роду, «более благодетельна, чем женщин-чужеродок». Вероятно, эти представления и обусловили конструкцию самих женских головных уборов.

Девушки обычно носили повязки, оставляя открытыми волосы на лбу и на макушке. Кроме того, они надевали различные шапочки; из-под которых были видны распущенные или заплетенные в косы волосы. Волосы замужних женщин-чужеродок у всех народов тщательно прятались под головные уборы. По конструкции угро-финские головные уборы делятся этнографами на несколько групп: 1) покрывала, платки, полотенца; 2) повязки, налобники, венки; 3) мягкие шапочки, чепцы; 4) высокие твердые головные уборы конусообразной или лопатовидной формы⁴.

Предлагаемая статья посвящена женским головным уборам одного из впервые исследованных древнефинских могильников, раскопывавшихся в 1977—1978 гг. на окраине с. Никитино Спасского р-на Рязанской области. Он лежит на правом берегу Оки при впадении в нее р. Прони, принадлежит группе Рязано-Окских могильников.

Рязано-Окские могильники оставлены одной из групп финского населения, входившей в состав большой финно-угорской этнокультурной общности, обитавшей в междуречье Оки и Волги. Могильники тянутся вдоль среднего течения Оки, от Коломны до Касимова. В них захоронено древнее финское население, обитавшее на этой территории в III—VII вв. до прихода сюда славян. Эти финские племена являлись предками современной мордвы и не дошедших до настоящего времени племен муромы, мери, мешеры, ассимилированных славянами еще в XI—XII вв. Упоминаются эти племена в «Повести временных лет», сохранились их названия и в топонимике.

Могильники — родовые кладбища, оставленные определенными родовыми группами. В каждом из могильников найдены головные уборы, отличающиеся формой и размерами, вышивкой. Однако они имеют много общего в деталях металлических украшений. Судя по найденным в могильниках материалам, в V—VII вв. эти племена находились на стадии разложения родового строя, уже далеко зашедшим имущественным расслоением и выделением родовых знати.

Материальная культура древнефинских племен очень своеобразна. Этообразие выразилось, в частности, в обычае вышивать одежду и головные уборы бронзовыми подвесками и круглыми оловянными бусинками диаметром 1,5 мм. Бронза и олово хорошо консервируют ткань, ее отпечатки на бронзовых вещах дают возможность сделать реконструкции одежды и головных уборов. В процессе работы Окско-Донской экспедиции 1977—1978 гг. под руководством автора статьи было исследовано 23 погребения V—VII вв. Никитинского могильника: 10 женских и 3 — детских. В ряде женских погребений сохранились металлические украшения женских головных уборов, дающие возможность сделать отдельные реконструкции. Судя по бронзовым украшениям, женские головные уборы относились к первой группе головных уборов (покрывала, платки). На головах девочек, вероятно, никаких головных уборов не было. На шею им одевалась низка (или низки) красных пастовых бус, на руки — браслетик или спиральное колечко.

Из 10 женских и девичьих погребений в шести сохранились следы или остатки головных уборов (погр. 1, 4, 5, 7, 16, 19). Остатки головного убора на женском черепе в богатом парном захоронении конного воина (погр. 5), также в погребениях женщин, похороненных вместе с детьми (погр. 7, 16, 19), говорит о принадлежности этих головных уборов замужним женщинам. По всей вероятности, их головные уборы отличались разнообразием, связанным с возрастными градациями. По свидетельству этнографов, женщина до рождения первого ребенка носила один головной убор, после рождения первого ребенка до конца детородного периода (до 40—45 лет) — другой головной убор, сарухи и вдовы — головные уборы, отличные от остальных⁵. Возможно, головные уборы замужних женщин Никитинского могильника отличались не только формой, сколько деталями металлических украшений: формой височных привесок, а также привесок к накосникам.

Однако из-за плохой сохранности костяков как в Никитинском, так и в других рязано-окских могильниках этого времени трудно сделать четкое возрастное деление головных уборов на женские и девичьи. Можно, однако, утверждать, что одной из деталей женских головных уборов является головной венец (*венчик*). Для девушек венец и различного рода повязки были основным головным убором, у замужних женщин венчик имел конструктивное значение: он должен был прикрывать волосы на лбу и на висках. К нему крепились другие детали головного убора. Аналогичные функции имели венчики и других финских племен более западных территорий и у древних литовцев⁶ и древних балтов⁷. Прослежены венчики следующих типов:

1) кожаный ремешок шириной 0,8 см, закрепленный прямоугольными обоймицами (их размер 0,9×0,8 см). В центре венчика, между обоймицами, на кожаный ремешок надевались уплощенные колечки, к которым подвешивались лопатообразные привески (рис. 1, 1);

2) два тонких ремешка с нанизанными на них бронзовыми пронизками, соединенными попарно квадратными бронзовыми обоймицами (рис. 1, 2). Ширина этого типа венчика 0,8—0,9 см;

3) полоса ткани или ленты шириной 1,5 см, сплошь зашитая шестью рядами оловянного бисера (рис. 1, 3).

По всей вероятности, концы венчиков завязывались или, реже, застегивались лопатообразными застегивками.

Второй деталью женских головных уборов являются височные привески. Они располагались у висков, по одной с каждой стороны. Распространены височные привески следующих типов: 1) в виде замкнутого кольца диаметром 1,8 до 4 см (рис. 1, 4); 2) в виде пятилепестковой розетки, подвешивающейся к двум шураха с нанизанными пронизками, соединенными одной обоймицей; (рис. 1, 5); 3) в виде сферической бляшки с двумя колечками внизу, к которым подвешивались привески-колокольчики.

Третья деталь головного убора — накосники. Это название условно, так как

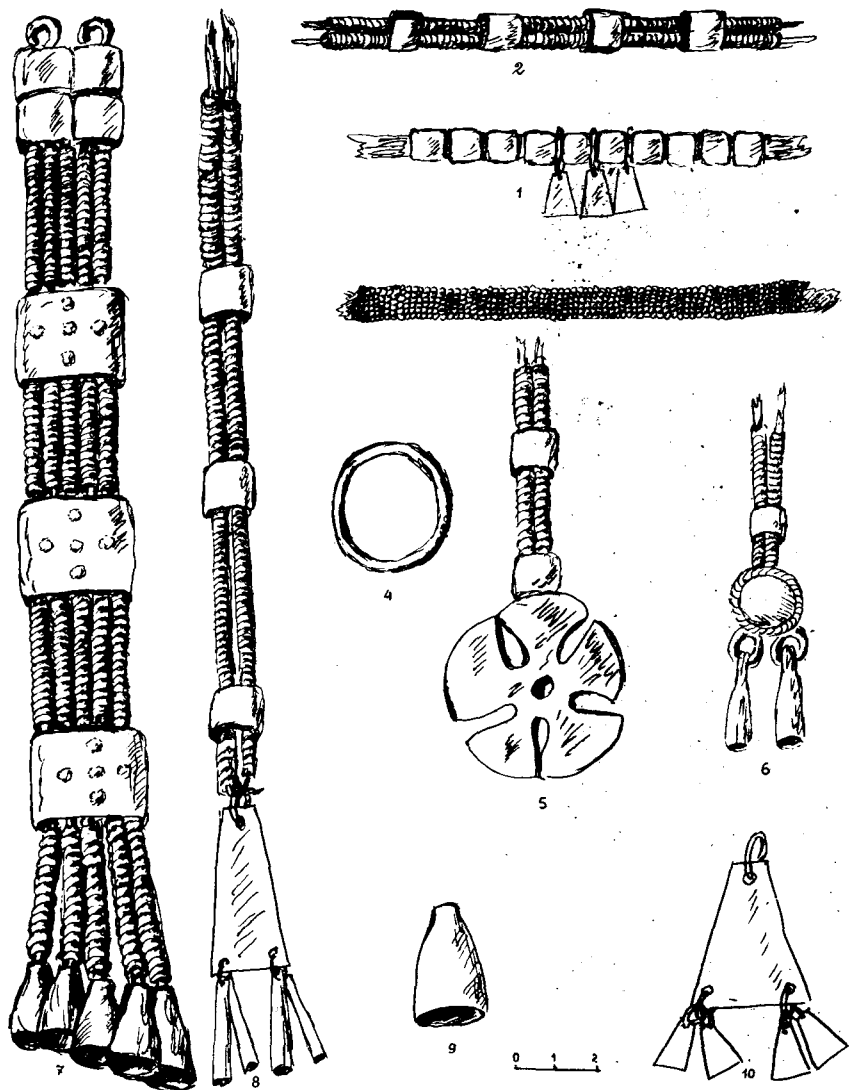

Рис. 1. Детали женских головных уборов: 1—3 — головные венчики, 4—6 — височные привески, 7—8 — накосники, 9—10 — привески накосников. Реконструкция автора статьи сделана по материалам Окско-Донской экспедиции 1977—78 гг. Коллекция (шифр ОДЭ 1977—78) хранится в Институте археологии АН СССР

украшение прикреплялось главным образом к головному убору. Прослеживаются накосники двух типов, различающихся манерой крепления. Накосник представляет собой кисть или ленту из кожаных ремешков, с нанизанными на них бронзовыми пронизками. Вверху эти ремешки крепились к четырем плоским обоймицам. К краю верхней обоймицы припаявались два кольца (рис. 1, 7) с их помощью накосник, вероятно, крепился к венчику головного убора. Часть накосников не имеет обоймиц (рис. 1, 8). Концы ремешков этих накосников крепились к волосам у макушки. К нижнему концу таких шнуров с пронизками прикреплялись привески накосников. Накосники с четырьмя плоскими обоймицами носили, очевидно, поверх покрывала. Накосник другого типа, вплетенный в волосы на макушке, частично был прикрыт покрывалом. Нижняя часть с привесками свисала на спину из-под покрывала. Привески были следующих типов: 1) колокольчики (рис. 1, 9); 2) трапециевидная привеска с двумя отверстиями внизу по углам, в которые продеты колечки от трубочки

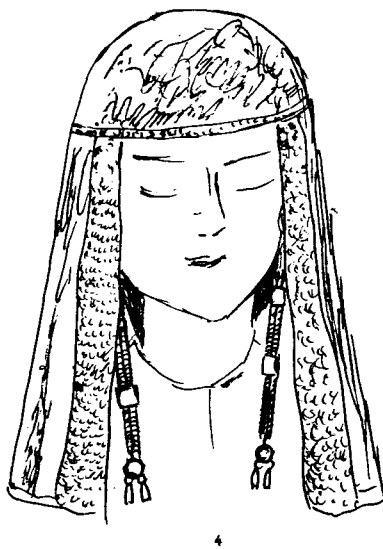
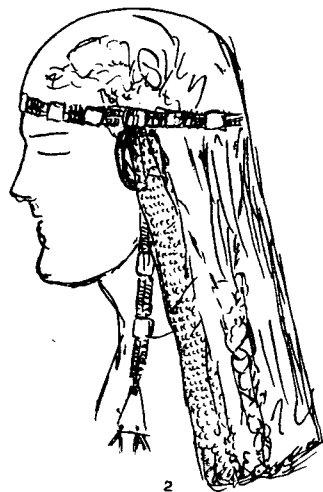

Рис. 2. Женские головные уборы Никитинского могильника (реконструкция): 1, 2 — покойница в головном уборе (погр. 1), 3 — покойница в головном уборе, покрыта поверх него шерстяным тканым платком (погр. 5), покойница в головном уборе после снятия платка (погр. 5)

или трапецевидных подвесок по две к каждой (рис. 1, 10); 3) сферическая бляшка с двумя кольцами внизу и с привесками-колокольчиками (рис. 1, 6).

Как говорилось выше, женские головные уборы Никитинского могильника относятся к первой группе. Покрывала из погр. 1, 5, 7, 16, 19 сделаны из ткани золотяного плетения.

В погр. 1 обнаружено вышитое оловянным бисером покрывало (рис. 2, 1, 2). Вокруг головы — венчик 2-го типа (из бронзовых пронизок, надетых на ремешки и соединенных бронзовыми обоймицами). К венчику у висков были подвешены височные привески в виде замкнутого кольца диаметром 4 см. От висков к плечам спускались также два ряда бронзовых пронизок, соединенных в двух-трех местах бронзовыми же обоймицами. Каждый накосник имел внизу трапецевидную привеску с двумя трубчатыми подвесками по углам. Эти накосники

доходили до груди. Судя по почти разложившемуся оловянному бисеру, которым было обшито покрывало головного убора, оно доходило до середины спины. При разборке погребения под остатками покрывала была найдена коса из темных волос, заплетенная на затылке и спускавшаяся на спину. Украшения отсутствовали. Лентовидные накосники, вероятно, крепившиеся к волосам на макушке, свободно свисали на грудь. Аналогичные по конструкции женские головные уборы были найдены в погр. 5, 7, 16, 19. Отличались они лишь шириной вышивки боковых краев покрывала и формой венчиков, привесок накосников и височных привесок.

Так, покрывало из погр. 5 (рис. 2, 4) спускалось на спину чуть ниже плеч. Оно было вышито по бокам и низу оловянным бисером, ширина боковой вышивки, шедшей от висков — 8 см. Венчик головного убора, вероятно, был сделан из нашитых на полосу ткани или ленту мелких оловянных бусинок диаметром 1—1,5 мм. От висков на плечи спускались накосники, аналогичные вышеописанным, но заканчивающиеся сферическими бляшками с двумя колечками внизу, к которым были подвешены колокольчики (тип 3).

Поверх головного убора покойница была покрыта тканым шерстяным платком, завязанным под подбородком (рис. 2, 3). На бронзовых шейных украшениях под подбородком хорошо сохранилась толстая шерстяная ткань веерообразно расходящаяся от нижней челюсти. Ткань платка диагонального плетения. Судя по остаткам одежды из сукна, это погребение было совершено зимой. По всей вероятности, женщины зимой поверх головного убора покрывались теплым шерстяным платком. Аналогичный убор, но без зимнего платка был обнаружен и на черепае женского костяка из тройного женского погр. 7 (двух женщин и ребенка). Второй женский костяк из этого погребения имел головной убор с тремя накосниками, шедшими от темени и заканчивавшимися у плеч сферическими бляшками с привесками-колокольчиками. Возможно, это погребение девушки. В девичьем погр. 49 из Борковского могильника (Рязанская обл.) была найдена шапочка с дном из крестовидной нагрудной бляхи, к каждому из колец которой был привязан накосник-кисть с привесками-колокольчиками. Аналогичная шапочка найдена Т. А. Кравченко в Шатрищенском могильнике⁸. Возможно, головной убор окских финнов в виде шапочки аналогичен головным уборам девушек-ижорок, достигших брачного возраста. У Н. И. Спрыгиной⁹ есть сведения о шапочке, надеваемой невесте на свадьбе у мордвы-мокши. Правда, в головном уборе из погр. 7 обнаружены остатки ткани и оловянного бисера. Не исключено, что здесь мы впервые сталкиваемся с каким-то особым возрастным головным убором — девичьим или молодухи. А. А. Шахматов, говоря о женских головных уборах мордвы, подчеркивает, что девушка не носит платков. Выйдя замуж, она течение года ходит с одной косой, украшенной кистью. После рождения ребенка надевает на голову шлыган (головной убор типа чепца)¹⁰. Во всех обследованных нами погребениях замужних женщин присутствует накосник-кисть. Однако в конце XIX в., как отмечает А. А. Шахматов, кисти в головном уборе замужних женщин после рождения ребенка отсутствуют.

Головные уборы из погребений 16, 19 также относились к группе покрывал и принадлежали замужним женщинам, погребенным вместе с детьми 1—2 лет. Вышивка на покрывалах здесь была более широкой (8—10 см). Узкая полоса оловянного бисера (1,5 см), идущая по нижнему краю покрывала, дает возможность определить его длину. Покрывало спускалось на спину чуть ниже плеч. Венчики на этих головных уборах сделаны из оловянного бисера (тип 3). Один из них (на головном уборе из погр. 16) в центре имел три маленькие трапециевидные привески. Они крепились маленькими колечками перемежаясь с подвесками из бисера. У этого головного убора был массивный накосник (рис. 1, 7), крепящийся с помощью обойми. Он состоял из четырех рядов шнуrow с пронизками разной длины, заканчивавшихся серебряными колокольчиками. Нити накосника в трех местах перехвачены обойми.

цами. Каждая обоймица орнаментирована пятью выпуклинами, образующими ромб с выступающей точкой внутри. По мнению А. К. Амброза, такой ромб — символ, связанный с магией плодородия¹¹, оберегал от злых сил. Судя по орнаменту, накосник был прикреплен поверх головного покрывала. Этот головной убор отличался от головных уборов из погр. 1, 5, 7 и височными привесками: пятилепестковая крупная розетка, спускающаяся на двух нитях пронизок от висков к щекам, по одной с каждой стороны. Нити пронизок перехвачены в одном месте обоймицей. При разборке погребения на затылке костяка были обнаружены остатки двух косичек, скрепленных кольцевидной застежкой с короткими трубчатыми усиками.

Сравнивая вышеописанные женские головные уборы Никитинского и соседнего с ним Шатрищенского могильника¹² (реконструкции головных уборов сделаны Т. И. Кравченко¹³), можно отметить наличие многих аналогичных форм височных привесок и накосников¹⁴.

Вместе с тем, они отличаются размерами, способом вышивки покрывал: бисером или металлическими привесками, строением и украшением головных венчиков. Но в металлических деталях у них много сходного.

Все это может свидетельствовать, с одной стороны, об этнической однородности населения, оставившего рязано-окские могильники, с другой — об обособленности и замкнутости родовых групп, оставивших могильники, что выразилось в своеобразии женских головных уборов и одежды, а также некоторых других деталей украшений. Сходство головных уборов у населения близкорасположенных сел было отмечено в конце XIX — начале XX в. этнографами А. О. Геккель¹⁵, Н. И. Спрыгиной¹⁶, В. Н. Белицер¹⁷. По их мнению, села, в которых женщины носили одинаковые головные уборы и одежду, располагались небольшими группами и являлись, вероятно, остатками древних племен и родовых групп. Подводя итог, можно сказать следующее: все вышеописанные женские головные уборы (покрывала) Никитинского могильника относятся к особому типу полотенчатых головных уборов. Наши материалы дают право говорить, что обнаружен один из самых древних типов финских женских головных уборов. Среди существующих финно-угорских женских головных уборов, особенно мордовских, им нет сколько-нибудь близкой современной этнографической аналогии. Вероятнее всего, описанные головные уборы принадлежат древнему окскому финскому населению (мери или муроме, пока сказать трудно), ассимилированному славянами в начале II тыс. н. э.

Это были этнически однородные племена, жившие довольно обособленно, о чем свидетельствуют сходные, но не тождественные типы головных уборов даже в близлежащих могильниках, родовых кладбищах. В то же время можно отметить и отдельные черты сходства этих головных уборов с головными уборами более западных финских племен Латвии и Литвы, что свидетельствует о значительных связях этих племен в середине I тыс. до н. э.

Примечания

¹ Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М., 1973. С. 136.

² Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора // Сов. этнография (далее СЭ). 1933. № 5—6. С. 76.

³ Там же. С. 74.

⁴ Белицер В. Н. К вопросу о происхождении удмуртов // СЭ. 1947. № 4. С. 115.

⁵ Белицер В. Н. Указ. раб. С. 147.

⁶ Волконайте-Куликаускаене Р. К. Одежда литовцев с древнейших времен до VII в. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 156.

⁷ Зариня А. Э. Одежда жителей Латвии VII—XVII вв. Древняя одежда народов Восточной Европы. С. 173.

⁸ Кравченко Т. А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.) // Археология рязанской земли. М., 1974. С. 133.

⁹ Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьянского уездов Пензенской губернии по материалам экспедиции 1925 г. Пенза, 1928.

¹⁰ Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб, 1910, С. 76.

¹¹ Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ (ромб с крючками) // Сов. археология. 1965. № 3, С. 14.

¹² Могильник расположен в 4 км ниже по течению р. Оки.

¹³ Кравченко Т. А. Указ. раб. С. 13.

¹⁴ Там же. Рис. 12, 4, 5.

¹⁵ Heckel A. O. Etnographische Forschungen finnische Volkerschaft. B. II. Tracnten und Musten der Mordvinen. Helsingfors. 1899. S. 100.

¹⁶ Спрыгина Н. И. Указ. раб. С. 36.

¹⁷ Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. С. 147.

А. Булатов

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ НЕКОТОРЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ В ДАГЕСТАНЕ

Реконструкция мировоззрения, идеологических представлений древнейших племен тех эпох, от которых не осталось письменных памятников, хотя и представляет большие трудности, является одним из интереснейших и в значительной степени малоисследованных вопросов этнографической науки. Помимо научного такое исследование имеет и практическое значение. Известно, что многие верования, составившие основу сравнительно поздних монотеистических религий, а также сохранявшиеся вплоть до наших дней в форме суеверий, возникли на очень раннем этапе осмысления человеком своей сущности и своего места в окружающей его природной среде. Поэтому для раскрытия корней позднейших религиозных предрассудков важно выявить их возможные истоки, которые часто обнаруживаются в глубокой древности.

В данной статье, написанной главным образом на основании полевых материалов автора 1985—1987 гг.¹, предполагается выявить истоки некоторых аграрных культов, сохранявшихся в горном Дагестане до начала XX в.

Наши полевые материалы выявляют интересный обычай², существовавший в прошлом у некоторых народов Дагестана (лакцев, горных даргинцев, рутульцев): весной, после распашки и засева пашни, каждый хозяин в центре своего участка ставил каменную плиту высотой 0,6—0,7 м — «ису» (лакск. букв. «сова»), «целда», «татта» (дарг. букв. «отец»), «хъу дерхъла къаркъа» (дарг. «камень для урожая»). Иногда каменная плита была составной: ее сооружали из нескольких камней, поставленных друг на друга. Считалось, что плита весь полевой сезон оберегала участок пашни от неблагоприятных воздействий природных стихий. Даргинцы некоторых селений называли ее «пахарем» («хъуб цар») и считали, что ее ставят для того, чтобы засеянная пащня «не боялась бы», чтобы зерно хорошо прорастало, посеы были бы густые, т. е. это было по их представлениям «хозяин хлебного поля».

В представлениях лакцев «ису» просила небесные силы о хорошем урожае о высоких всходах, которые закрыли бы ее полностью, «с головой».

При установке плиты лакцы говорили:

На гору поднимайся за солнцем,
На родник ходи за водой,
Делай все от тебя зависящее и не зависящее,
Чтобы был хороший урожай.

Во время жатвы та из жниц, которая, работая, первой добиралась до «ису», произносила:

Приветствую тебя, сова!
Ты посодествовала урожайности,
Я тебе помажу голову маслом,
Завяжу тебе голову.

У даргинцев нашедший «татта» во время жатвы воспроизводил целый диалог, говоря за него и за хозяина участка. За хозяина пашни: «Год выдался удачным; я, как хозяин, сделал все, что от меня зависело: своевременно удобрил участок, распахал его, засеял, прополол. Но я надеялся и на тебя: я знал, что ты находишься на пашне и сделаешь все, на что способен. Ты расскажи, что ты сделал, а я подарю тебе пояс». Затем то же лицо говорило за «татта»: «Ты хороший земледелец, и я тебе помогал, как мог: из речки приносил воду, поливал пашню и просил бога, чтобы он насылал поровну дождей и солнца. Мы оба дружно трудились, поэтому и урожай получили хороший. Спасибо за пояс». В некоторых случаях «слова» каменной плиты оформлялись более образно:

На высокие снежные горы
Ходил за ветерком,
В море ходил за водой,
Как мог, я старался,
Чтобы урожай был хорошим.

В некоторых даргинских селениях жнец, первым увидевший плиту, ласково произносил: «Солнце не обжигало ли тебя, не пугал ли гром?». Затем говоривший сворачивал жгут из стеблей посеянных на участке злаков и повязывал им стелу в «поясе», такой же «пояс» он делал и для себя и тоже повязывался. После этого он танцевал вокруг плиты, пока не уставал, а все, кто присутствовал при этой процедуре, стоя, хлопали ему. В некоторых случаях «пояс» для «татта» делали из последних всходов на участке. Тому, кто нашел «ису» («татта»), хозяин пашни обязательно ставил хорошее угощение. В некоторых случаях добравшаяся до него жница повязывала ему «голову» жгутом соломы со словами: «Пусть болит у хозяина участка голова, не переставая, пока он не принесет то-то и то-то» (назывались лакомые блюда, которые в скором времени и доставлялись ей). Здесь их поедали все работники и затем развязывали жгут на голове «ису». Этот обряд лакцы называли «ису бугъан» — «поймать сову».

У лакцев сел. Балхар обряд существовал в таком варианте: когда кто-то из жниц доходил до «ису» («усу» — в балхарском диалекте лакского языка), она кричала: «Сова нашлась!». Тогда все, кто находился на этом участке, устремлялись к ней с пучками стеблей сжатого злака, которые в тот момент были у них в руках, составляли один большой сноп, перевязывали его в нескольких местах и выставляли около «совы»; а одна из жниц шла к хозяину участка с сообщением, что «поймали сову». Хозяин тут же отправлял со жницей на поле халву, кашу или фрукты для жниц.

Из вышесказанного видно, что определенного размера целая или составная, из уложенных друг на друга камней каменная стела во всех случаях служила как бы символическим изображением доброго духа поля — полевика, «хозяина», «сторожа», «пахаря». Пережитки веры в существование духа хлебного поля сохранялись в XIX — начале XX в. у многих народов мира, он находил у них воплощение в последнем снопе³. В нашем случае имеет место явная его антропоморфизация.

Можно полагать, что в древности на каждом полевом участке была своя постоянная плита — идол, «сторож», и скорее всего ей придавались антропоморфные черты. По нашим материалам видно, что в последний период существования обряда сохранилась только вербальная антропоморфизация стелы, к ней обращались как к живому человеку. Поиски возможных истоков этой традиции заставляют нас вспомнить о древних монументальных каменных изваяниях на территории Дагестана, так называемых каменных «бабах» (на сегодняшний день их обнаружено 14); возраст некоторых из них исследователи возводят к энеолиту — бронзе⁴. Хотя многие вопросы, связанные с ними (время возведения, функции, оставившие их племена и народы и т. д.), остаются неясными, для нас важен сам факт их бытования в Дагестане в древности, и это позволяет видеть предположительную реликтовую связь между ними и описанными выше полевыми стелами, утратившими к исследуемому времени реальную антропоморфность.

Обратим внимание на название этой стелы у лакцев — «ису» («сова») и вспомним «совиность» некоторых антропоморфных стел Западной Европы и Передней Азии⁵. Этот же признак обнаружен нами и у двух антропоморфных каменных скульптур III—II тыс. до н. э. в Дагестане⁶. Не исключено, что наименование «сова» вышеотмеченных полевых стел указывает на присущую им некогда «совиность». Словом «ису» («сова») лакцы называли и межевые столбы или плиты, отграничивающие один участок от другого, владения одного сельского общества от владений другого.

Сова в верованиях многих народов, в том числе и дагестанских, определенным образом связывалась с потусторонним миром: боялись залета совы в жилище человека, считая, что это дурная примета, предвещающая смерть его обитателям, не любили слышать крик совы, считая, что это принесет несчастье, приведет к смерти. Все приметы, вероятно, связаны с тем, что сова — ночная птица, а ночь и смерть в фольклоре и верованиях отождествляются. Надо думать, что и название плиты «сова», и вообще «совиность» в представлениях древних людей связывались с миром мертвых, с подземным миром. Но в землю человек клал своих умерших сородичей, из земли он получал свой урожай, поэтому ему казалось, что мертвые, находящиеся в земле, могут по своему желанию способствовать или мешать получению урожая, и он старался задобрить умерших⁷. Несомненно, «ису», «татта» — это обобщенный символ предка, которого просили о помощи в получении урожая и заступничестве перед стихиями природы.

Странные каменные фигуры, издали имеющие человеческие очертания, можно увидеть и в наши дни на горе над лакским сел. Бурши. Они представляют собой кучи камней, сложенные наподобие круглых и четырехгранных башен в миниатюре, высотой в человеческий рост или несколько выше, имитирующие человеческие фигуры: из длинных и узких каменных плит сконструированы «руки», расположенные под прямым углом к туловищу, на самый верх помещен большой кусок дерна, который имитирует «голову в папaxe». Некоторые из них в области «живота» имеют небольшие сквозные отверстия. Как говорят старики, раньше таких фигур было около сотни, но сейчас основная масса их разрушена и целых фигур немного.

В старину ежегодно ранним утром в день летнего солнцестояния юноши восстанавливали разрушившиеся за год фигуры. Количество их всегда оставалось постоянным. Смысл обряда и вообще существования этих фигур сейчас непонятен. А. Г. Булатова высказала предположение, что они могли быть связаны с местным сельскохозяйственным календарем и с обрядами магии продуцирования⁸. Нам же представляется, что эти антропоморфные фигуры были когда-то группой идолов, изображений языческих божеств, которым приписывались магические функции охраны села, сельской округи.

По-видимому, возведение антропоморфных фигур из камней было в прошлом не локальной традицией, характерной только для одного села, а имело более широкое распространение. Как свидетельствует полевой материал, такие же фигуры возводились и ежегодно возобновлялись и вокруг угодий другого лакского селения — Балхар (они не сохранились до наших дней). По словам самих балхарцев, цель возведения и обновления их состояла в том, чтобы «не дать пашне испугаться», т. е. они тоже исполняли роль стражей. Им также приписывалось свойство магической защиты посевов от града, своевременного обеспечения им влаги. Так, при засухе в устроенных в этих фигурах «ниши» клали каменные плитки с записанными заклинаниями от града, с просьбами об осадках или о солнце при чрезмерном обилии дождей.

Надо полагать, что эти антропоморфные фигуры, сложенные из множества камней, были разновидностью, точнее поздней трансформацией или модификацией древней каменной скульптуры. Вероятно, идея, заключавшаяся первоначально в древних каменных изваяниях, высекавшихся из цельного каменного монолита, воплощалась в дальнейшем и в конструктивно иных (из

мелких составных частей) антропоморфных формах. Возможно, последние представляют собой в некотором роде и форму деградации, затухания первоначальной идеи каменных «баб». В этом плане можно провести параллель с дольменами: по мере удаления от побережья Черного моря в горы крупные дольмены сменяются более мелкими, превращаясь в конце концов в дольменнообразные составные склепы в верховьях р. Кубани, сложенные из множества небольших камней⁹.

Остановимся еще на характеристике некоторых легенд и культовых действий, совершавшихся в прошлом около каменных идолов в некоторых местах горного Дагестана. Так, в лакском с. Кая вплоть до последних десятилетий был обычай смазывать жиром каменную «женщину». Считалось, что такие действия вызовут дождь, избавят женщин от бездетности и т. п. Этот камень высотой около 1 м, шириной 0,6 м представляет собою антропоморфную фигуру с заостренной верхней частью. Голова даже не намечена, но оформлены плечи и живот, в центре которого обозначено маленькое углубление — пупок.

Об этой стеле существует следующая легенда: «Однажды молодая беременная женщина пошла в хлев и почему-то долго не возвращалась. Раздосадованная свекровь в сердцах пожелала, чтобы невестка превратилась в синий камень. Когда через некоторое время обеспокоенная свекровь спустилась в хлев, она увидела, что невестка в самом деле превратилась в синий камень. Домочадцы, гласит легенда, охваченные благоговейным ужасом, вынесли его на улицу. В дальнейшем камень стал объектом «поклонения»¹⁰. Несомненно, легенда возникла много позже обряда, пытаясь объяснить значение действий, уже непонятных к моменту возникновения легенды. Сам камень — антропоморфное изваяние весьма архаичного облика, и выделение на нем только тех признаков, которые связаны с воспроизводством (беременность), как и некоторые культовые действия, проводившиеся с ним, дают нам основание связывать его с культом плодородия, с идеей продуцирования.

Обычай смазывать жиром эти и некоторые другие изваяния, имевшие реальные или воображаемые антропоморфные очертания, возник, вероятно, как эмпирический способ его сохранения, консервации, защиты от климатических (жара летом, холод зимой) и атмосферных (дождь, снег) воздействий, которые в противном случае с течением времени разрушили бы его и ему подобные объекты культа, тем более что все они находились под открытым небом. Жировая же смазка, многократно и часто возобновляемая, содействовала их крепости и сохранности. Через столетия и, возможно, тысячелетия рациональный смысл смазывания их жиром забылся, осталось только само действие, т. е. форма без связи с первоначальным содержанием, которое позже стало восприниматься как обязательный культовый ритуал, необходимый для достижения определенного желаемого результата. Смазываемые жиром каменные блоки до недавнего времени сохранялись и в других местах Лакии, например хосрехская «Ажа». Хосрехский камень, называемый женским именем «Ажа», по рассказам информаторов, представлял собой столбообразный блок, в верхней части напоминавший человеческую фигуру (без признаков пола). Когда была длительная засуха, процессия хосрехцев приходила к тому месту, где обычно лежала «Ажа», ставили ее стоймя и смазывали жиром. После выпадения дождя камень вновь валили на землю. Это был божок плодородия, с которым обращались весьма почтительно, когда чего-то у него просили, и были бесцеремонны, когда он уже бывал не нужен.

Определенные культовые действия совершались с другим каменным идолом лакцев, имевшим реальную трапезиевидную форму, напоминавшим двух обнявшихся людей. В центральной его части сверху донизу проходил неглубокий желобок, который будто бы разделял фигуры юноши и девушки. Этот каменный блок до начала 20-х годов нашего столетия находился на полях лакского сел. Табахлу, недалеко от дороги, ведущей в Кумух. Лакцы его называли «агъу бай къун» — «валун, смазываемый жиром», но легенды о нем были из-

вестны во многих местах Дагестана. Жители как окрестных, так и более отдаленных селений, у которых сбывалось какое-либо заветное желание или прошение чего-то у бога, мазали этот валун жиром. Это же действие производили и тогда, когда сюда приходили просить дождя при засухе. Существовало представление, что если камень долго не смазывать жиром, он начинает кровоточить. Валун был взорван комсомольцами-атеистами в 1920 г.

О табаклинском идоле существовали разнообразные легенды. По одной из них, это окаменевшие молодожены, бежавшие из подземного царства, царь которого — отец юноши хотел удержать их в своих владениях¹¹. По другой легенде, записанной нами в сел. Вихли Кулинского р-на, табаклинский валун представлял собой окаменевшую мать с грудным младенцем. Говорят, на одном из полевых участков сел. Табахлу как-то некая женщина жала пшеницу. Тут же стояла люлька с ее ребенком. Женщина торопилась закончить жатву, но день уже кончался и солнце клонилось к закату. Тогда она стала заклинать солнце не уходить с небосвода, пока она не закончит работу. Солнце послушалось и вновь поднялось повыше. На это обратил внимание представитель мусульманского духовенства, соблюдавший пост, и спросил у солнца, почему оно не заходит. Когда солнце объяснило, что оно делает это по просьбе женщины, он пожелал ей превратиться в камень. Женщина в это время кормила ребенка и окаменела вместе с ним. Несомненно, эти легенды значительно «моложе» обычаев и обрядов, связанных с табаклинским валуном, но они отражают разные по времени этапы осмысления проводившихся ритуалов.

Во всех отмеченных выше случаях мы имеем дело с идолопоклонничеством, но объект его имел не реальную, а воображаемую антропоморфную форму. Содержание произносимых заклинаний и надежды, связывавшиеся с выполнявшимися ритуалами, свидетельствуют о том, что последние имели продуцирующий характер и относились к разряду действий, связанных с культом плодородия.

Табаклинский валун и каялинскую «женщину», вероятнее всего, можно считать символическими изображениями божества плодородия. Исследователи относят к глубокой древности традиции почитания идолов трапецевидной (треугольной) формы, а также в виде конусов и пирамид, отражавших общечеловеческие представления о материнском лоне¹².

Следует отметить, что большие каменные идолы подобной формы в храмах Востока сохранились еще в период римского principatus. Тацит (I—II вв.), например, сообщает, что в храме Венеры Пафосской (Кипр) «Идол богини не имеет человеческого облика, а напоминает мету на ристалищах — круглый внизу и постепенно сужающийся сверху»¹³.

Таким образом, весь приведенный выше материал дает основание полагать, что одной из форм выражения культа плодородия в древности были каменные стелы, изваяния, имевшие, вероятно, первоначально реальную антропоморфную форму, утраченную впоследствии; свидетельства ее бытования в прошлом сохранялись в вербальной формуле обращения к полевым стелам в исследуемое время. Можно предполагать, что культовые действия, проводимые с надполевыми стелами и каменными блоками антропоморфной формы, и ожидаемые от них результаты были осколками, пережитками представлений, связывавшихся в глубокой древности с каменными «бабами» в Дагестане.

Все известные в Дагестане антропоморфные каменные изваяния («бабы») обнаружены на Прикаспийской равнине, а реликты такой традиции, как видно из вышеизложенного, сохранились у жителей гор и высокогорья, это, вероятно, связано с большей открытостью равнины для передвижений племен и со сравнительной стабильностью населения в горах; что способствовало сохранению и консервации там древнейших форм культуры.

Для всех вышеописанных объектов, за исключением составных фигур (их можно было в любое время восстановить, процесс этот не был трудоемким), характерно в качестве культового ритуала смазывание их жиром.

Мы предполагаем, что данный обряд возник как эмпирический способ сохранения объектов культа, а народная традиция придумала ему соответствующие мифологические обоснования. Для полевой стелы этот ритуал сохранялся только в вербальной формуле: «Я помажу тебе голову жиром».

Говоря о стеле, поставленной в поле, обратим внимание еще на одну деталь, упоминавшуюся выше при описании связанного с ней ритуала: в качестве награды, в знак благодарности за «содействие» в получении хорошего урожая хозяин пашни повязывал ей «пояс» — жгут соломы. Разгадать смысл этого «пояса» трудно; однако надо отметить, что «пояс» являлся обязательной деталью всех каменных «баб» в изучаемом регионе. Возможно, повязывая «пояс» стеле с еле угадываемым антропоморфным обликом, жнец уподоблял ее древнейшим, реально антропоморфным праобразам.

Примечания

- ¹ Материалы хранятся в личном архиве автора.
- ² О вариантах этого обычая см. также Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX — начале XX века. Л., 1988. С. 89, 90.
- ³ См. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980, С. 442—447.
- ⁴ См. Гаджиев М. Г., Маммаев М. М. Каменное антропоморфное изваяние из Экибулака // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977. С. 52—57.
- ⁵ Термин «совиность» употребляет А. А. Щепинский для Т-образного способа изображения носа и бровей, придающего личинам некоторых каменных «баб» свиный облик. См. Щепинский А. А. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму // Сов. археология. 1958. № 2. С. 143.
- ⁶ Описание их см. Гаджиев М. Г., Маммаев М. М. Указ. раб. С. 52—57; Давудов О. М. Археологические раскопки в Табасаране (отчет об итогах археологических работ Центральнодагестанской экспедиции в Табасаранском р-не за 1980 г.). Рук. фонд Ин-та ИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 543, л. 14.
- ⁷ См.: Богаевский Б. Земледельческая религия Афин. Пгр., 1916.
- ⁸ См.: Булатова А. Г. О некоторых семейных и общесельских обрядах народов горного Дагестана в XIX — начале XX в., связанных с весенне-летним календарным циклом // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980. С. 98.
- ⁹ Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980. С. 94.
- ¹⁰ Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971. С. 179.
- ¹¹ См.: Булатова А. Г. Лакцы. С. 178.
- ¹² См.: Демирханян А. Р. Аванский идол и символика-космологические представления древней Армении // V Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тез. докл. Ереван, 1982. С. 307.
- ¹³ См.: Тацит. История / Пер. Модестова В. И. СПб., 1886.

З. К. Тарланов

ЛЕКСИКО-ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ЭТНОГЕНЕЗУ ВОСТОЧНОЛЕЗГИНСКИХ НАРОДОВ

Важная роль языковых данных для изучения истории народа общепризнана. И это понятно, ибо в языке, хотя и сжато, отражаются разные стороны его жизни, главные этапы экономического, культурного и социального развития. Вдумчивое, скрупулезное и критическое использование сведений, предоставляемых языком, открывает перед исследователем широкие возможности для проникновения в историю, в том числе и в отдаленные ее периоды, не подтверждаемые документами.

Языковые факты и свидетельства, пусть даже скудные, нередко оказываются чуть ли не единственной опорой при изучении древнейших этапов истории народа.

Роль и значение языковых показаний особенно возрастают при исследовании истории народов бесписьменных, а также обретших письменность лишь в недавнем прошлом. В этом отношении очень характерен Дагестан, где, как известно, с давних времен представлено несколько десятков народов, генезис и древняя история которых до сих пор остаются во многом неизученными. Исследование ее наталкивается на большие трудности, связанные в первую очередь с малым числом или отсутствием письменных памятников. Хотя сложившаяся этнологическая традиция исходит из того, что все дагестанские народы восходят к некогда единой этнической общности, мы не располагаем еще ответами на многие вопросы: когда эта общность существовала? Каковы последовательность и время распада ее на последующие этнические единицы? С каких пор существует та этническая картина, которая представлена в Дагестане в настоящее время? Какова история расселения дагестанских народов? На какие-то из этих и подобных вопросов можно попытаться ответить, используя свидетельства языка. Лишь они в состоянии предоставить в распоряжение исследователя хоть какие-то факты, которые при осторожном и внимательном их толковании вполне проливают свет не только на историю хозяйственной деятельности, права, философии и культуры народа, но и на его происхождение, историю контактов с другими народами.

Ниже предлагаются некоторые соображения об этногенезе восточнолезгинских народов Дагестана, преимущественно агулов, по данным главным образом агульского языка.

Агулы — одна из этнических групп лезгин, населяющих южную часть Дагестанской АССР и некоторые районы на севере Азербайджанской ССР. Традиционно агулы жили компактно высоко в горах. По современному административному делению — это Агульский район и примыкающая к нему часть Курахского района; в настоящее время они живут не только в названных районах, но также в Дербентском (переселенцы 1960-х годов), в Киргизской ССР (переселенцы 1930-х годов), в г. Сумгаите Азербайджанской ССР, в городах Махачкале и Каспийске Дагестанской АССР. Общая численность агулов, по переписи 1979 г., около 12 тыс. человек.

Происхождение, этническая история, культура и социально-экономическое развитие, а также исторические контакты агулов в дореволюционном кавказоведении еще не были предметом специальных исследований. Сейчас благодаря работам Б. А. Калоева, А. Р. Шихсаидова, Х. Х. Рамазанова, Л. И. Лаврова, Ш. М. Ахмедова и др. мы имеем уже довольно явное представление об экономическом и социальном устройстве агульского общества главным образом в XVIII—XIX вв., об их традиционной одежде и пище, архитектуре и некоторых памятниках материальной культуры XII—XIII вв. Что касается происхождения и этнической истории агулов, то они по-прежнему изучены мало. Это объясняется тем, что агулы — народ бесписьменный. Археологические и этнографические исследования, которые могли бы многое прояснить, по комплексной программе на территории расселения агулов еще не проводилось. Отдельные древнейшие датированные памятники — арабские куфические надписи найденные в агульских селах, — относятся к XII—XIII вв.¹ Свидетельства иноязычных письменных источников также скудны. В частности, как считают некоторые исследователи, упоминание об агулах («агутакани») имеется в Армянской географии VII в. н. э.² Это упоминание, если оно верно идентифицировано, дает основание предположить, что агулы составляли самостоятельную этническую единицу уже к VII в. и, судя по куфическим надписям в Риче, Буркихане, Тпиге, Кураге и Буршаге³, были расселены в пределах той же территории, которую они занимают сейчас. Но с помощью этих сведений этническая история их проясняется мало. Какие источники можно было бы привлечь дополнительно?

По-видимому, прежде всего данные языка. Следует отметить, что начал изучению агулов было положено лингвистами, первым среди которых был Эрккерт, представивший в 1895 г. самые общие сведения об агульском языке⁴.

К 1907 г. относится подробное описание агульского языка на базе буркиханского говора А. М. Дирром⁵. В 1941 г. Р. Шаумян публикует свой «Грамматический очерк агульского языка», написанный на основе кошанского диалекта⁶. С 50-х годов агульским языком занимается А. А. Магометов, опубликовавший ряд работ, среди которых и монография «Агульский язык», учитывающая данные всех основных диалектов⁷. О фонологической системе агульского языка писал Н. С. Трубецкой⁸. Результат этих и ряда других исследований — довольно полно представленный синхронный план фонетического и грамматического строя языка. Однако для исторической науки важны прежде всего выводы сравнительно-исторического и исторического языкознания, а в этом плане агульский язык, как и другие языки лезгинской группы, почти не изучался. Это связано с дополнительными трудностями на пути использования языка в качестве исторического источника, но не отменяет возможности его изучения как живого памятника истории народа.

Итак, какие же исторические сведения об агулах могут быть почерпнуты из их языка?

Самоназвание агулов — *aḡular* (*aḡuʃuɟar*) — означает «жители Агула, живущие в Агуле». Первая, корневая часть самоназвания выступает и как компонент географического наименования Агулдере («территория Агул», «ущелье Агул»). Этимологический смысл ее неясен, но она вполне может быть соотнесена с другими названиями, в первую очередь географическими, которые в срединной и заключительной частях звучат примерно так же, отличаясь начальной частью, — ср. Магудере «ущелье *Maḡu* (Мугу)», примыкающее к территории агулов с юга, *ɣuɟiŋ* «ущелье перед селом Рича» и др. Это дает основание заключить, что Агул первоначально было названием географическим, топонимическим, лишь потом ставшим частью этнонима.

Этническая территория агулов в XIX в. включала 21 населенный пункт, каждый из которых имел самобытное название. Однако обращает на себя внимание факт, что некоторые населенные пункты имеют не одно название. Например, Буркихан — официальное название селения, расположенного к северо-востоку от районного центра Тпига. Даргинцы и лакцы называют его Буркахан, Бурхихан, Мулькахан. Сами же буркиханцы и вообще агулы употребляют исключительно *Gexuŋ*, *Dexuŋ*. Тпиг тпигцы и большинство агулов называют Тирау, буркиханцы — *Tiwiɾ*, а даргинцы и лакцы, ближайшие северные соседи агулов, — *Tuɬmuɾa*. Хутхул, населенный пункт юго-восточнее Тпига, самими его жителями и большинством агулов так и называется, но существуют и другие местные варианты — *yudɣul*, *Xulxul*, и т. д. Если попытаться проанализировать названия населенных пунктов с точки зрения их внешнезвуковой и грамматической структуры, то получается довольно сложная картина: те из них, которые расположены в Кошандере (территория распространения кошанского диалекта), оканчиваются на *-uɟ(-aɟ)*, ср. *Jaɟ uɟ* (Яркуг), *Kuɟaɟ* (Кураг), *Aɟsuɟ* (Арсуг), *Buɟʃaɟ* (Буршаг), также *Dulduɟ* (Дулдуг), что предположительно может быть истолковано как падежный аффикс, выражавший пространственное (*diffusivus*) значение. Если даже концовка эта не увязывается с грамматическими показателями, то одинаковое оформление финалов указанных топонимов нельзя не рассматривать как свидетельство синхронности возникновения соответствующих населенных пунктов; другие, например *ʃaʔ* (Рича), *ɣwaʔ* (Гоа), *Misiʔ* (Миси) оканчиваются на *-ʔ*, напоминающее формант другого локатива (*inessiv*); третьи, например, *Usuh* (Усуг), имеют концовку, внешне совпадающую с *adessivus* на *-h*; четвертые, например Дуруштул (Дуруштул), — *superessivus* на *-l*; и т. д. При всем том, что история приведенных финалов требует дальнейшего осмысления и объяснения на основе применения сравнительно-исторического метода, все же не лишено основания считать их застывшими локативами. Гораздо сложнее обстоит дело с этимологизацией тех частей соответствующих топонимов, которые предшествуют предполагаемым локативным аффиксам: лишь отдельные из них пока позволяют строить догадки о первоначальных значениях их корневых элементов. Например,

Усуг может быть возведено к *us-su-h → ussuh «место у горы, перед горой»; Са' (Рича) — к *eс-' «в овраге»; довольно прозрачна этимология нынешнего официального названия Gexūn — Буркихана, которое утвердилось, по-видимому, в XVII—XVIII вв., когда Gexūn оказался в руках казикумухских ханов. Интересно, что в военных рапортах русского майора Рябина на имя генерал-майора Хатунцова, относящихся к 1813—1815 гг., Буркихан, остававшийся в руках ханов до 1820 г., именуется Бурхайхан и Бурхайкенд⁹. Так же называли его, как уже говорилось, даргинцы и лакцы. Ясно, что топоним Буркихан — это имя одного из казикумухских ханов, Бурхай-хана, во владение которого Gexūn перешел в XVII—XVIII вв. Абсолютное же большинство корней топонимов вообще не поддается каким бы то ни было толкованиям — ср. Дурушт-ул, Тупат (Тпиг), Хутхул, Арс-уг, Кур-аг и пр. А такие наименования, как Gexūn, Fut (Фите) и некоторые другие, оказываются неясными даже по их структуре.

Исторически выявляемое разнообразие структуры топонимов существенно в плане построения гипотез об относительной хронологии возникновения соответствующих населенных пунктов.

Трудность выявления значения названий почти всех агульских населенных пунктов свидетельствует об их глубокой древности. Не исключено, что многие из них являются субстратными. Правомерность такого вывода вытекает, в частности, и из того, что лишь единицы из рассматриваемых топонимов включают в себя компонент hūg, xūg, обозначающий по-агульски «село, селение», как это имеет место, например, в названии Хуредж *xūr-edž(er). Зато топонимы, называющие исчезнувшие населенные пункты, обязательно содержат этот компонент, что естественно: после гибели населенных пунктов названия их лишились смысла, слова потеряли реальную внутреннюю связь с тем, что они обозначали, а это вызвало необходимость «оживить» внутреннюю форму топонимов посредством прибавления к первичным именам второго корня — hūg. Так складывается языковой парадокс: компонент, обозначающий «село, селение», входит почти исключительно лишь в названия не существующих уже населенных пунктов.

Древнейшие исторические упоминания об агульских населенных пунктах относятся к X в. Так, в «Истории Абу-Муслима», считающейся памятником X в., среди многих других населенных пунктов Южного Дагестана встречаются также Рича и Tījū¹⁰, причем последний в своем звучании почти полностью совпадает с тем, как поныне Тпиг называется буркиханцами. Датированные культовые памятники, например Ричинская соборная мечеть, сохранившаяся до наших дней, относятся к XII в. Однако все исследователи, касающиеся древнего периода истории агулов, не без основания возводят первые агульские населенные пункты ко времени, значительно предшествовавшему началу арабских завоеваний (VII—VIII вв.). Дошедшие до нас селения — это не первое поколение агульских населенных пунктов: первые погибли, о чем свидетельствуют их остатки почти по всей территории расселения агулов.

Из всех языков лезгинской группы, куда обычно относят собственно лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский, крызский, будухский, хиналугский и удинский, агульский ближе всего к лезгинскому и табасаранскому. Это подтверждается их фонетическими системами, грамматикой и лексическим составом. Следовательно, древневосточнолезгинский диалект, составлявший часть лезгинского праязыка, распался на отдельные восточнолезгинские языки — собственно лезгинский, табасаранский, агульский — относительно поздно. Когда же это произошло? Ответить на этот вопрос вполне определенно — сложно. Однако в качестве одного из рабочих приемов для установления относительной хронологии этого процесса можно использовать метод Морриса Сводеша.

Как известно, М. Сводеш с помощью метода радиоуглеродной датировки разработал систему лексико-статистического датирования, основывающуюся на предположении, что «во всех языках та часть лексического запаса, которая

обозначает коренные, фундаментальные и вместе с тем обыденные понятия, в противовес специальной, или так называемой „культурной“, части словаря изменяется с относительно постоянной скоростью. Благодаря этому на основе процента сохранившихся элементов в соответствующим образом отобранном опытным словаре можно установить количество истекшего времени»¹¹.

В соответствии с методологическими и методическими установками М. Сводеша в качестве опорного материала нами были взяты по 200 агульских и лезгинских слов, адекватных 200 английским словам из списка Сводеша. Список этот нельзя считать безупречным: он не свободен от некоторых заимствований, иногда общих для обоих языков, иногда характеризующих один из них. Вместе с тем несколько слов не могут повлиять на принципиальные выводы. Среди приведенных в списке оказываются и такие слова, которые в одном из сопоставляемых языков сохраняются как синонимы, а вторым утрачены, но время утраты неизвестно. При этом более устойчивым выступает агульский. И еще одна трудность: нередко генетически близкие слова настолько изменились фонетически, что едва ли правильно продолжать считать их однокоренными в синхронном плане. Если отвлечься от всех этих моментов и отнестись к общему для обоих языков фонду и заимствования, о которых шла речь и которые, несомненно, восходят к отдаленным временам, и слова, подвергшиеся основательным фонетическим изменениям, то выходит, что из 200 слов, соответствующих перечню Сводеша, в качестве общих для сопоставляемых языков сохраняется 92, что составляет 46%. Таким образом, лексический состав их изменился больше чем на половину (на 54%). Такие изменения, согласно таблице М. Сводеша, могли произойти на протяжении 19 столетий. Следовательно, древневосточнолезгинский диалект распался на три самостоятельных языка где-то на рубеже нашей эры. При более строгом отборе единиц общего фонда совпадения составляют 35% и границы выделения тех же языков отодвигаются соответственно к середине I тыс. до н. э.

О времени возникновения агульского языка, как и других языков лезгинской группы, можно предположительно судить также по некоторым до сих пор сохранившимся в нем заимствованиям из древних цивилизаций. Так, в современном агульском языке значение «очень много, безмерно много» передается словом элам: *elamšej* 'очень много вещей', *elamxalk* «тьма народу», *elamxalk-din ugi* «перед огромным стечением народа». Обращает на себя внимание устойчивость сочетания *elam-xalk*, которое аналогично сочетаниям, служащим для обозначения этнической принадлежности, — ср. *igus xalk* «русский народ», *guz'i xalk* «грузинский народ», *'gab xalk* «арабский народ» и т. д. Не является ли исторически и сочетание *elam xalk* этническим названием — «эламский народ (народ элама)», названием народа, населявшего некогда север нынешнего Ирана¹² и вошедшего в языковую память предков лезгинских племен в виде обозначения количества в результате определенных трагических событий? Если рассматриваемая форма действительно является отголоском об эламитах, тогда она, с одной стороны, служит дополнительным подтверждением правильности выводов лексикостатистики о времени образования восточнолезгинских языков (середина I тыс. до н. э.), с другой — может быть квалифицирована как факт, сигнализирующий о направлении миграции пралезгинских племен с юга на север, к местам современного их расселения.

В плане гипотетической реконструкции исторических связей пралезгинских племен примечателен и следующий факт: в современном агульском языке бытует слово *фулан* (фулан), которое выступает в значении неопределенно-указательного местоимения «такой-то» — ср. *fulan insan* (такой-то человек), *fulan muk* (такое-то место), *fulan waxt* (такое-то время). Этимологический смысл его неясен. Не имеет ли оно отношения к тому Филану, который упоминается в сообщении арабского источника IX в. ал-Балазури о «царях» Дагестана, якобы правивших в VI в.? Среди правителей перечисляются «владелец Сарира, табасараншах и цари ал-Лакзов, Филана и Ширвана»¹³. Как бы ни обстояло дело с этим конкретным примером, ясно одно: для изучения древней истории

дагестанских народов, в том числе и южнодагестанских, принципиально важно комплексное привлечение собственно исторических, этнографических и лингвистических данных, которые должны подвергаться тщательному сопоставительному и историко-сравнительному анализу.

Анализ лексики агульского языка с точки зрения ее происхождения показывает, что в ее составе значителен пласт персидских, арабских и тюркских заимствований. Наибольший интерес среди них по многочисленности и глубине освоения представляют персидские (иранские) заимствования. Как и когда последние могли проникнуть в бесписьменный агульский? Ведь агулы с тех пор, как они расселились по территориям в современных границах (а это случилось, по данным лексикостатистики, на рубеже нашей эры или раньше), не граничили с ираноязычными народами. Соседями их с давних времен являлись на севере даргинцы и лакцы, на юге — лезгины, на востоке — табасаранцы, на западе — рутулы. С единственным географически ближайшим ираноязычным народом — татами — они не имели общих границ: между агулами и татами простирались территории расселения лезгин и табасаранцев. Остается предположить, что контакты с ираноязычными народами агулы могли иметь лишь тогда, когда жили на территориях, не исключавших возможности их тесного общения. Причем, судя по тому, к каким сферам жизни относятся заимствования, контакты эти были достаточно тесными и длительными. Следовательно, как сам факт иранских заимствований, так и объем и глубина проникновения их в агульский, несомненно, должны быть признаны еще одним аргументом в пользу существования восточнолезгинских языков уже задолго до арабских завоеваний. Они свидетельствуют о том, каково было направление миграции агулов к местам исторически подтвержденного их расселения. Можно, однако, возразить, насколько убедительны и доказательны утверждения о хронологической первичности именно иранских заимствований, а не арабских и тюркских.

Но это возражение достаточно легко опровергается результатами лингвистического анализа заимствованной лексики, которая вполне поддается стратификации и классификации по разным признакам. Иранские заимствования наиболее многочисленны, разнообразны и охватывают почти все сферы жизни. Они фонетически и грамматически ничем не выделяются среди слов аборигенного происхождения, составляют неотъемлемую часть основного словарного фонда и вследствие этого полисемантичны. К ним ближе арабизмы, но они обслуживают главным образом сферы, связанные с религией, первоначальным образованием, интеллектуальной жизнью, этическими и другими понятиями. Их фонетический облик говорит об их иноязычном происхождении, они чаще всего составляли и до сих пор составляют принадлежность возвышенной речи. Еще более очевидна иноязычность тюркизмов. Сказанное позволяет выделить в заимствованиях три исторических пласта, из которых верхний (более поздний) сложен из тюркизмов, срединный — из арабизмов, глубинный — из иранизмов. Этот вывод не противоречит распространенному в исторической и этнографической литературе тезису о давности ирано-дагестанских связей. В дополнение к уже упомянувшимся суждениям такого плана сошлемся еще на одно. М. М. Ковалевский, выделяя эндогамию как черту дагестанскую, в отличие от других северокавказских народов писал: «Ни у кого, кроме жителей Дагестана, мы не находим того предписания, что в брак следует вступать исключительно с женщинами собственного рода, что такой брак почетнее, что принадлежность к роду надо предпочесть и богатству, и общественному положению невесты»¹⁴. А это в свою очередь объясняется, по М. М. Ковалевскому, древнеиранским влиянием. «По словам арабских летописцев, — пишет он, — до распространения ислама жители Дагестана были «езидами», т. е. последователями того религиозно-нравственного учения, выразителем которого является Авеста. Брак на родственнице не только воспрещен, но, наоборот, рекомендуется священной книгой Ирана, нет ничего удивительного поэтому, если встречаем его и в среде жителей Дагестана»¹⁵. Кстати, примечательно, что, например, жители селения Хутхул представителями других агульских сел до сих пор

называются йезидами. Интересные сведения, подтверждающие предположения И. М. Ковалевского, содержат также собранные автором этих строк полевые фольклорные материалы, которые требуют отдельного рассмотрения.

Таким образом, в древности агулы, как и все пралезгинские племена, занимали территорию много южнее той, на которой они живут ныне. В процессе распада пралезгинской этнической общности и образования народов лезгинской группы существенную роль играли, видимо, военные столкновения с иными, более сильными племенными образованиями и народами, в результате которых пралезгинские племена волнами оттеснялись все дальше в горы. Это подтверждается и исторически фиксированной картиной расселения современных народов лезгинской группы¹⁶. Отсюда следует, насколько важно для изучения древней и средневековой истории народов Южного Дагестана выявить их связи с Кавказской Албанией, и с древним Ираном, и с другими государственными образованиями того времени, пользуясь данными и возможностями разных наук, в том числе и палеолингвистики.

В заключение следует отметить, что в исследованиях по истории лезгинских языков, в которых рассматриваются вопросы генезиса этих языков, хронологический аспект почти полностью выпадает из поля зрения. Так, в одной из последних по времени работ, посвященных генетической классификации лезгинских языков, М. Е. Алексеев, объединив эти языки в три группы (восточнолезгинскую — лезгинский, табасаранский, агульский; рутульско-цахурскую — рутульский, цахурский; шахдагскую — крызский, будухский) и выделив арчинский и удинский языки как раньше всех отделившиеся, совершенно не касается вопроса о том, когда приблизительно упомянутые группы складываются¹⁷. К тому же весьма спорна и лишена аргументации и та последовательность выделения каждого из лезгинских языков, которая показана в схеме филиации общелезгинского языка-основы¹⁸. Ученый предполагает, что существовал период табасаранско-агульского языкового единства, наступивший после выделения собственно лезгинского языка. Основанием для подобного предположения он считает, по-видимому, тот факт, что в данных, полученных им при сравнении «стословных списков слов методами глоттохронологии», процент лексических совпадений между лезгинским и агульским равен 53, лезгинским и табасаранским — 50, табасаранским и агульским — 69¹⁹. При этом остается неясным, какие лексемы и как сопоставлялись. Как бы то ни было, если учесть, что агульский включает в себя три довольно резко противопоставленных друг другу диалекта, существенно отличающихся и по лексике, то, естественно, возникает вопрос: какой из этих диалектов был ведущим в сопоставлениях с табасаранским языком? В любом случае 69% лексических совпадений между агульским и табасаранским также сомнительны, как и 53% между агульским и лезгинским. Любые выводы подобного плана окажутся неверными до тех пор, пока они не будут опираться на четкое и последовательное отграничение автохтонного, самобытного от заимствованного, равно как и ограниченно-диалектного от общезыкового. Между тем в упомянутой статье М. Е. Алексеева эти моменты не учитываются. К примеру, ряд изоглосс иллюстрируется словом «арс» (что значит «серебро, деньги»), являющимся заимствованием во всех языках, о которых идет речь; слово *kuṣal* («неправда, ложь»), которым иллюстрируется одна из табасаранско-агульских изоглосс, в последнем также является заимствованием из табасаранского, распространенным в основном в кошанском диалекте, исторически тесно связанном с табасаранским языком; и т. д.

В плане создания необходимых предпосылок для решения проблем этногенеза дагестанских народов описательное, описательно-историческое и сравнительно-историческое изучение как отдельных языков, так и их групп²⁰ остается одной из главных задач дагестановедения.

- ¹ Калоев Б. А. Агулы (Историко-этнографический очерк) // Кавказский этнографический сборник, III. М.; Л., 1962. С. 73—74; Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Надписи X—XVII вв. М., 1966. С. 81—83, 185—188.
- ² Агулы (Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре). Махачкала, 1975. С. 11.
- ³ Калоев Б. А. Указ. раб. С. 73.
- ⁴ Erckert R. Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895.
- ⁵ Дирр А. М. Агульский язык // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 37. Тифлис, 1907.
- ⁶ Шаумян Р. Грамматический очерк агульского языка. С текстами и словарем. М.; Л., 1941.
- ⁷ Магомедов А. А. Агульский язык (Исследование и тексты). Тбилиси, 1970.
- ⁸ Трубецкой Н. С. Системы согласных в восточнокавказских языках // Избранные труды по филологии. М., 1987; и др.
- ⁹ Тексты рапортов см. Калоев Б. А. Указ. раб. С. 75.
- ¹⁰ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 38—39.
- ¹¹ Сводеш М. Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1970. С. 24—25.
- ¹² Хинц В. Государство Элам (пер. с нем.). М., 1977.
- ¹³ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. раб. С. 25.
- ¹⁴ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе Т. II. М., 1890. С. 142.
- ¹⁵ Там же. С. 143. См. также Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924—1978 гг.). Л., 1982. С. 147.
- ¹⁶ См. также Марр Н. Я. Кавказоведение и абхазский язык // Избранные работы. Т. I. Л., 1933. С. 67; Климов Г. А. Кавказские языки. М., 1965. С. 3—26, 82—100.
- ¹⁷ Алексеев М. Е. К вопросу о классификации лезгинских языков // Вопр. языкознания. 1984. № 5. С. 88—94.
- ¹⁸ Там же. С. 92.
- ¹⁹ Там же. С. 91.
- ²⁰ См., например, Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ ПО ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ доктора исторических наук ЭДУАРДА ЛЬВОВИЧА НИТОБУРГА (к 40-летию научной деятельности) *

Книги и брошюры

- Сальвадор. М., 1953. 45 с. (переведена на кит. яз.— Пекин, 1955; на нем. яз.— Берлин, 1955).
Новый Египет. Чебоксары, 1958. 68 с. (на чуваш. яз.).
Венесуэла. М., 1959. 80 с.
Независимая Бирма. Чебоксары, 1959. 66 с. (на чуваш. яз.).
Куба в борьбе за независимость. М., 1960. 40 с. (переведена на нем. яз.— Берлин, 1960).
Ветер свободы в нефтяном Эльдорадо (освободительное движение в Венесуэле). М., 1960. 88 с.
Парагвай. М., 1964. 94 с.
Политика американского империализма на Кубе, 1918—1939. М., 1965. 429 с.
Похищение жемчужины. Полтора века экспансионистской политики США на Кубе. М., 1969. 221 с.
Черные гетто Америки. М., 1971. 160 с.
Сальвадор (серия «Социально-экономические проблемы развивающихся стран»). М., 1974. 142 с.
Борьба черных американцев против расизма, за равноправие. М., 1974. 64 с. (переведена на болгар. яз.— София, 1977).
Венесуэла. М., 1977. 80 с.
Негры США. XVII — начало XX в. Историко-этнографический очерк. М., 1979. 295 с.
Гренада: растоптанная свобода. М., 1984. 60 с.
Трагедия Гренады. М., 1984. 158 с. (в соавт. с Фетисовым А. С. и Яковлевым П. П.; переведена на нем. яз.— Берлин, 1987).
Granada: historia, revolución, intervención de los Estados Unidos. М., 1984. 114 с. (на испан. и англ. яз.; в соавт. с Муравьевым Д. и Фетисовым А.).

Важнейшие статьи, коллективные труды, рецензии

- Американский империализм — душитель демократического движения на Кубе 1933 г. // Вопр. истории. 1952. № 6. С. 52—74.
Интервенция в Кубе под маской «добрососедства» (1933—1934) // Уч. зап. Чуваш. пед. ин-та. Вып. 3. Чебоксары, 1956. С. 195—273.
Из истории «политики доброго соседа». Чрезвычайная межамериканская конференция 1936 г. // Там же. Вып. 8. Чебоксары, 1958. С. 110—166.
XXI съезд КПСС — новая историческая веха в развитии ленинской национальной политики. Передовая статья // Рус. яз. в нац. шк. 1959. № 2. С. 3—7.
Венесуэла. Население, экономика. // Краткая географическая энциклопедия. Т. I. М., 1960. С. 329—331.

* В список не включены статьи (за исключением трех крупных) в энциклопедических и других справочных изданиях, газетах, публицистических изданиях. Всего опубликовано более 200 работ. Издания на других языках, в том числе зарубежные, указываются в тех случаях, когда работы не издавались по-русски или издание на другом языке существенно отличается от издания на русском.

- Освободительное движение на Кубе (конец 20-х — начало 30-х гг. XX в.) // Куба. Историко-этнографические очерки. М., 1962. С. 357—407.
- История кубинского сахара // Земля и люди. М., 1962. С. 175—176.
- Рец. на кн.: *Smith R. F. The United States and Cuba, Business and Diplomacy, 1917—1960.* N. Y., 1960. 256 p. // Новая и новейшая история. 1962. № 3. С. 147—150.
- К вопросу об интервенции США на Кубе в 1933 году // Там же. 1963. № 2. С. 108—117.
- Отклики на Кубинскую революцию в советских изданиях // Пять лет Кубинской революции. М., 1963. С. 266—279 (в соавт. с Ефимовым А. В.). То же на испан. яз. // *Siencias sociales contemporáneas.* V. 1. № 2. La Habana, 1965.
- О негритянском вопросе в США // Новая и новейшая история, 1963. № 5. С. 41—55. То же на нем. яз. // *Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge.* В., 1964. № 1. S. 75—91.
- О негритянской проблеме в историко-этнографической литературе США // Современная американская этнография. М., 1963. С. 124—183.
- Об изменениях в размещении и социальной структуре негритянского населения США // VII Международный конгресс антропологических и этнологических наук (Москва, август 1964 г.). М., 1964. С. 1—12 (на рус. и англ. яз.).
- Отв. ред. кн.: *Френкель М. Ю. США и Либерия.* М., 1964. 321 с.
- VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук // Новая и новейшая история. 1964. № 6. С. 166—167.
- Ответ проф. Ст. Дану // Советская этнография (далее — СЭ). 1965. № 6. С. 90—91.
- Экономическая дискриминация негритянского населения США // Против расизма. М., 1966. С. 47—96.
- Экономическая дискриминация негритянского рабочего класса в США // Мировая экономика и междунар. отношения. 1966. № 7. С. 126—139.
- Документы по истории освободительного движения на Кубе // Новая и новейшая история. 1966. № 2. С. 83—94.
- О сдвигах в размещении и структуре населения Венесуэлы // СЭ. 1967. № 1. С. 54—67.
- Президент тысячи убийств // Новая и новейшая история. 1967. № 2. С. 66—82. То же на испан. яз. // *Historia de Cuba.* Т. 2. М., 1979. P. 93—125.
- Природа и люди // Венесуэла. М., 1967. С. 9—40.
- От политики «большой дубинки» к политике «доброего соседа» // От Аляски до Огненной земли. История и этнография. М., 1967. С. 23—48. То же на англ. яз. // *Soviet Historians on Latin America.* Madison, 1978. P. 273—300.
- Введение // Документы обличают расизм. М., 1967. С. 5—11.
- Нет — расизму! Научная сессия в Институте этнографии АН СССР // Новая и новейшая история. 1967. № 4. С. 167—169 (под псевдонимом Груботин Л. Э.).
- Субурбанизация и негритянские гетто в США // СЭ. 1968. № 5. С. 65—78.
- Сальвадор. История // Историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969. С. 495—499.
- Конфликты по наследству (к истории гайано-венесуэльского и гайано-суринамского пограничных споров) // Гвиана. М., 1969. С. 229—246.
- Сегрегация и дискриминация негритянского населения США в жилищном вопросе // Нет — расизму! М., 1969. С. 26—84.
- Страна идет к расколу // СЭ. 1969. № 6. С. 147—151.
- The Negro Problem in the USA Today // Against Racism. М., 1969. P. 110—135 (то же на исп. и франц. яз.).
- Черные гетто Америки // Новая и новейшая история. 1969. № 4. С. 33—44.
- Очаги нищеты и отчаяния // Народы против расизма. М., 1970. С. 60—117.
- Отв. ред. кн.: *Кинг М. Л. Есть у меня мечта... Избранные труды и выступления.* М., 1971. Авторство: Борец против расизма, за мир и социальную справедливость. С. 179—223. То же на англ. и испан. яз. // *The Black Americans.* М., 1987. P. 55—92; *Los negros norteamericanos.* М., 1987. P. 54—90.
- В. И. Ленин о негритянском вопросе в США // СЭ. 1970. № 2. С. 33—46.
- Об этническом аспекте негритянского вопроса в США // VII Международный социологический конгресс (Варна, Болгария. 1970 г.). М., 1970. С. 1—12.
- Проблемы черной Америки // Междунар. жизнь. 1971. № 8. С. 63—73. То же на англ. яз. // *International Affairs.* 1971. № 9. P. 46—53.
- Отв. ред. кн.: *Зорина А. М. Революционное движение на Кубе, 1917—1925. гг.* М., 1971. 112 с.

- Мартин Лютер Кинг — борец против расизма // Новая и новейшая история. 1972. № 1. С. 17—33.
 К вопросу о так называемом распаде негритянской семьи в США // СЭ. 1972. № 6. С. 64—74.
 Дискриминация негритянского населения в США // Расизм — идеология империализма. М., 1973. С. 267—275.
- «Дело» Анджелы Дэвис // Расы и народы. 1973. Вып. 3. С. 115—140.
 Национальный аспект негритянского вопроса в США // Вопр. истории. 1973. № 4. С. 59—75.
 Негры США // Национальные процессы в США. М., 1973. С. 196—249.
 Сальвадор. Становление нации // Национальные процессы в Центральной Америке. М., 1974. С. 122—179.
- Рец. на кн.: Мерин Б. М. Центральная Америка. Проблемы социально-политического развития // Латинская Америка. 1974. № 6. С. 198—200.
 Сальвадор. Исторический очерк // БСЭ. М., 1975. 3-е изд. Т. 22. С. 519—520.
 Национальные процессы и национальные отношения в странах Западной Европы и Северной Америки // СЭ. 1975. № 5. С. 3—16 (в соавт. с Богиней Ш. А., Козловым В. И., Фурсовой Л. Н.). То же на англ. яз. // Ethnocultural Processes and National Problems in the Modern World. М., 1981. Р. 244—269.
- Рец. на кн.: Геевский И. А. США: негритянская проблема. М., 1973; Митрохин Л. Н. Негритянское движение в США: идеология и практика. М., 1974 // Новая и новейшая история. 1976. № 1. С. 202—205. То же на англ. яз. // Social Sciences. 1977. № 1. Р. 248—250.
- Из истории борьбы американских негров за свободу и гражданские права. Введение и комментарии к публикации документов // Расы и народы. 1976. Вып. 6. С. 267—272.
 Die Grundrichtungen der amerikanischen bürgerlichen wissenschaftlichen literatur in der Gegenwart zum Negerproblem in den U. S. A. // Zentralinstitute für Geschichte der A.U.W. der DDR. Leipzig, 1976. S. 1—34; Kultur und Ethnos. B., 1980. S. 119—138.
- Гарвизм // Вопр. истории. 1977. № 7. С. 137—151.
 Black Americans in the Struggle Against Racism and for Real Equality // No: To Racism and Apartheid. М., 1978 (переведена на испан. и португал. яз. — Москва, 1978).
- Футбольная война // Вопр. истории. 1978. № 7. С. 214—220.
- Отв. ред. кн.: Петрова-Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в этнографии США. М., 1979. 288 с.
- The Scientific and Technological Revolution and the Afro-Americans in the U. S. A. // X International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Delhi. India, December 10—21, 1978. М., 1978. Р. 80—92. Доработана и переведена на испан. и др. яз. // El racismo en la teoria y la práctica del imperialismo contemporáneo. М., 1978. Р. 109—120.
- Куба в 1925—1939 гг. // Очерки истории Кубы. М., 1978. С. 206—267.
- The National Aspect of the Negro Question in the U. S. A. // Ethnocultural Processes and National Problems in Modern World. М., 1979. Р. 357—378.
- Афроамериканцы // Северная Америка (серия «Страны и народы»). М., 1980. С. 79—80; 81—82; 85—87; 90.
- Сальвадор // Средняя Америка (серия та же). М., 1981. С. 158—168.
- Отв. ред. кн. (совместно с Хорошаевой И. Ф.): Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981. Авторство: Венесуэла: становление нации. С. 17—73. То же на испан. яз. // Procesos étnicos en los países de América del Sur. М., 1985. Р. 21—62.
- Отв. ред. кн.: Слезкин Л. Ю. Легенда, утопия, быль в ранней американской истории. М., 1981. Авторство: От редактора. С. 3—8.
- Расизм в США // Расы и общество. М., 1982. С. 220—244.
- Карибский архипелаг: этнорасовая ситуация // Расы и народы. М., 1982. Вып. 12. С. 155—180.
- Население Гренады // СЭ. 1982. № 3. С. 77—78.
- Отв. ред. кн.: Этнические процессы в странах Карибского моря. М., 1982 (автор введения, с. 3—24). То же на испан. яз. // Procesos étnicos en los países del Caribe. М., 1984. Р. 5—37.
- Гренада // Этнические процессы в странах Карибского моря. М., 1982. С. 253—265.
- Рец. на кн.: Jacobs W. R., Jacobs J. Grenada: The Route to Revolution. La Habana, 1980 // Коммунист. 1982. № 14. С. 116—120.
- Гренада: путь к революции // Вопр. истории. 1982. № 12. С. 91—98 (переведена на англ. яз. в США // Soviet Law and Government. V. 22. N 1).
- Венесуэла // Южная Америка (серия «Страны и народы»). М., 1983. С. 26—54.
- Отв. ред. кн.: Procesos étnicos en los países del Caribe. М., 1984. 205 р.

- Бандитская акция против Гренады // *Международ. жизнь*. 1984. № 1. С. 72—79.
- Гренада: судьбы большой революции в маленькой стране // *Новая и новейшая история*. 1984. № 5. С. 124—148 (в соавт. с Ровинской Е. Л.).
- Рец. на кн.: Кубинская этнография. Статьи и материалы // *СЭ*. 1985. № 4. С. 165—167 (в соавт. с Дридзо А. Д.).
- Белые «негры» // *Новая и новейшая история*. 1985. № 1. С. 202—205 (под псевдонимом Груботин Л. Э.). То же на испан. яз. // *Los negros norteamericanos*. М., 1987. Р. 168—175.
- О характере этнической общности афроамериканцев США // *СЭ*. 1985. № 4. С. 36—47. То же на англ. и испан. яз. // *The Black Americans*. М., 1987. Р. 23—41; *Los negros norteamericanos*. М., 1987. Р. 23—40.
- Гренада: большая ложь и разбой Вашингтона // *Вопр. истории*. 1985. № 1. С. 107—119.
- Отв. ред. кн.: *Procesos étnicos en los países de América del Sur*. М., 1985. 227 р.
- Первая мировая война — важная веха в истории негритянской Америки // *Новая и новейшая история*. 1986. № 6. С. 50—63.
- Барабанщик в борьбе за мир и справедливость // *Расы и народы*. 1986. Вып. 15. С. 109—114 (под псевдонимом Груботин Э., в соавт. с Лаврухиным А.).
- Отв. ред. кн.: *Африканцы в странах Америки. Негритянский компонент в формировании наций Западного полушария*. М., 1987 (автор введения, с. 3—6). То же на испан. яз.
- Соединенные Штаты Америки // *Африканцы в странах Америки*. С. 7—63 (переведена на испан. яз.).
- Венесуэла // *Африканцы в странах Америки*. С. 227—247 (переведена на испан. яз.).
- Рабство негров и расовые отношения в странах Западного полушария // *Африканцы в странах Америки*. С. 342—394 (переведена на испан. яз.).
- Отв. ред. и составитель кн.: *The Black Americans*. М., 1987. Авторство: Introduction. Р. 5—22.
- The Scientific and Technological Revolution and Afro-Americans in the United States* // *The Black Americans*. М., 1987. Р. 120—143.
- О «капле крови» в странах Америки (расовая принадлежность: социальный и биологический аспекты) // *СЭ*. 1987. № 5. С. 41—55.
- Отв. ред. кн.: *Зотов А. А. США: негры и война за независимость. 1775—1783*. М., 1988. 187 с.
- The Integration of Negroid Population into the Nations of Western Hemisphere* // *12th International Congress of Anthropological Sciences (Zagreb, Yugoslavia, July 24—31, 1988)*. М., 1988. Р. 1—14.
- Смешанные черно-белые браки в США // *СЭ*. 1989. № 1. С. 100—110.
- Семья черных американцев // *США. Экономика, политика, идеология*. 1989. № 5. С. 27—35.
- Черные и белые в Латинской Америке // *Латинская Америка*. 1989. № 9.
- Компартия США и проблема «негритянской нации» // *Новая и новейшая история*. 1989. № 5.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ УЧЕНЫХ, ИЗУЧАЮЩИХ КОРЕЮ

С 11 по 14 мая 1988 г. в Пхеньяне состоялась первая Международная конференция ученых, изучающих Корею. Конференция была организована Академией общественных наук (АОН) КНДР и Университетом им. Ким Ир Сена. В работе конференции приняли участие ученые из Болгарии, ГДР, Китая, Кубы, Монголии, Польши, Советского Союза, Чехословакии, Бельгии, ФРГ, Японии, а также большая группа исследователей из КНДР. В составе советской делегации, которую возглавлял А. А. Искендеров (Ин-т всеобщей истории АН СССР, Москва), были историки, археологи, этнографы, лингвисты, экономисты: М. Н. Пак (Ин-т стран Азии и Африки МГУ, Москва), Г. Д. Тягай (Ин-т востоковедения АН СССР — далее ИВАН, Москва), Ю. И. Огнев (Ин-т Дальнего Востока АН СССР, Москва), В. Е. Медведев (Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, Новосибирск), Р. Ш. Джарылгасинова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва), В. П. Пак (ИВАН, Москва), М. И. Никитина (ИВАН, Ленинград), А. Ф. Троцевич (ИВАН, Ленинград), В. Н. Ли (Ин-т мировой литературы АН СССР, Москва), Б. В. Синицын (ИВАН, Москва), Т. А. Неелова (Ин-т мировой экономики и международных отношений АН СССР — далее ИМЭМО, Москва), Г. Д. Толорая (ИМЭМО, Москва), Э. С. Кульпин (Ин-т экономики мировой социалистической системы АН СССР, Москва). Они представляли основные научные центры изучения Кореи в нашей стране.

На торжественном открытии конференции, которое состоялось в Большом зале Народного дворца культуры, делегатов приветствовал президент АОН КНДР Ян Хёнсобо. В своем выступлении он от имени корейского народа передал благодарность ученым разных стран, которые посвятили свою жизнь изучению Кореи. Ян Хёнсобо высказал пожелание, чтобы подобные встречи ученых-корееведов продолжались и в будущем. Конференцию приветствовали также: глава советской делегации А. А. Искендеров, глава делегации КНР Пхун Хунджи, председатель Ассоциации корееведов в Европе В. Зассе, председатель Общества корейских ученых при Ассоциации корейских граждан, проживающих в Японии (Чхонрён), Син Ибу. Затем с вступительным докладом «Развитие общественной науки в КНДР» выступил Ким Чхольсик (КНДР).

Работа конференции проходила в четырех секциях: «История», «Литература», «Филология», «Экономика». Остановимся более подробно на работе исторической секции.

На ее заседаниях обсуждался широкий круг проблем: основные этапы древней и средневековой истории корейского народа, вопросы ее периодизации; история культуры Кореи и культурных контактов, новая и новейшая история страны, положение в Южной Корее, проблемы объединения. Работу секции открыл доклад Чон Енрюля (КНДР) «Основные направления развития исторической науки в КНДР».

О многолетней работе корейских археологов по изучению памятников палеолита рассказал Ким Еннам (КНДР) в докладе «О древнейшей эпохе в истории Кореи». Ким Еннам детально охарактеризовал памятники палеолита на территории КНДР. На стоянках среднего и верхнего палеолита найден палеоантропологический материал, который, по мнению докладчиков, свидетельствует о том, что Корейский полуостров входил в зону формирования *Homo sapiens* и что человек заселял Корею уже в глубокой древности. На новых археологических материалах был основан доклад В. Е. Медведева (СССР) «Культура северных чжурчженей и амурско-корейские связи в средневековье». Большой интерес вызвали продемонстрированные В. Е. Медведевым слайды наиболее ценных находок.

Проблемам корейско-японских взаимоотношений в период Трех государств (I в. до н. э. — VII в. н. э.), критике «теории» о существовании японского «государства» Миманы на юге Корейского полуострова были посвящены доклады Ким Сохёна (КНДР) «К вопросу о ранних корейско-японских отношениях» и Пак Чинсока (КНР) «К критике вопроса о существовании Имна (Миманы) по данным надписи на стеле Хотхэ-вана». Анализируя надпись на стеле Хотхэ-вана (Квангтхэ-вана, правителя Когурё, V в.), автор высказал мысль о том, что отдельные части текста свидетельствуют о достижении корейцами японских берегов и не всегда подтверждают мнение о вторжении японцев на побережье Кореи.

На богатых письменных и археологических источниках был основан доклад Сон Енджона (КНДР) «Образование феодальных государств в Корее и процесс их феодализации». Автор

высказал мнение, что корейские раннефеодальные государства Когурё, Пэкче, Силла и Кая сформировались на рубеже — в первых веках нашей эры, в ходе начавшегося процесса феодализации древних рабовладельческих государств Древний Чосон, Пуё, Чингук. Большой интерес вызвал доклад П а к С и х ё н а (КНДР) «Государство Пальхэ (Бохай) — наследник Когурё», в котором на основе корейских, китайских и японских источников была показана роль когурёсцев как в утверждении правящей династии Тэ Чуёна в Пальхэ (698—926 гг.), так и в этнической и политической истории этого государства. По мнению Пак Сихёна, когурёсцы наряду с народом *маллган* (*мохэ*) были основным этническим компонентом этого государственного образования, а истории Пальхэ (Бохай) — неотъемлемая, составная часть истории Кореи VII—X вв.

Много внимания выступавшие на конференции ученые уделили проблемам исторической и современной этнографии, культуры и искусства древней и средневековой Кореи. В докладе отмечался вклад корейского народа в восточноазиатскую и мировую цивилизацию, подчеркивались культурные контакты Кореи с другими странами и народами. Своеобразие культуры корейских рабовладельческих государств Древний Чосон, Пуё, Чингук был посвящен доклад Л и м Г о н с а н : (КНДР) «Древние государства Кореи и их культура». Автор особо выделил среди достижений древней Кореи раннюю обработку металла.

Большой интерес вызвал доклад П х у н Х о н д ж и (КНР) «Буддийские контакты Кореи и Китая», в котором автор на основе письменных источников осветил историю распространения буддизма в Корею из Китая (IV—VI вв.), а также показал характер взаимоотношений между буддийскими храмами этих стран.

О большой работе корейских ученых по исследованию классического наследия было рассказано в докладе Ю н Г у н г и л я (КНДР) «Успехи в изучении корейских национальных классических произведений». Автор осветил проблемы перевода сочинений, созданных на ханмуне, на современные корейские языки.

Анализу выдающегося памятника корейской культуры — монументальной живописи периода Когурё (I в. до н. э. — VII в. н. э.) были посвящены выступления П а к Д ж и н у к а (КНДР) и Р. Ш. Джарылгасиновой (СССР). В докладе Пак Джинук «Историческая ценность и своеобразие настенной живописи гробниц Когурё» было отмечено, что к настоящему времени археологами раскопано более 80 гробниц с настенной живописью, датируемых III—VII вв. н. э. Историческая ценность росписей Когурё, отметил автор, заключается в богатстве их тематического содержания (портреты, сцены быта, фантастические животные), а также в высоком профессиональном уровне живописного мастерства. В докладе Р. Ш. Джарылгасиновой «Монументальная живопись Когурё как историко-этнографический источник» была подчеркнута важность исследования настенных росписей когурёских гробниц для понимания исторической этнографии корейцев, а также для выявления культурных контактов когурёсцев с другими народами и странами на примере росписей во дворце Афрасиаб в Самарканде (VIII в.), и в гробнице Такамац в Японии (VIII в.).

Актуальным проблемам исторической и современной этнографии был посвящен доклад С о Х в и ч х а н а (КНДР) «Корейские хорошие обычаи». В нем речь шла о трудовых навыках традиционной народной этике, нормах поведения и общения. Широко используя разнообразия источники (письменные и иконографические), Сон Хвичхан выделил воспитание трудовых навыков взаимопомощи (например, при проведении земледельческих работ, постройке дома, организации похорон и т. п.); высокие этические принципы (любовь к детям, уважение к старшим, гостеприимство, уход за больными). Автор справедливо отметил актуальность этнографического изучения всего лучшего в корейских народных обычаях.

В докладе К и м Б ё н р ё н а (КНДР) «О некоторых особенностях корейской культуры периода феодализма» были прослежены исторические корни корейской традиционной материальной и духовной культуры (начиная с периода Трех государств). Среди характерных особенностей развития корейской культуры данного периода Ким Бёнрён особо выделил рано проявившееся единство культурных ценностей. По мнению докладчика, это единство проявилось в материальной (жилище, одежда, пища) и духовной (особенности корейского буддизма) культуре. Среди достижений корейцев периода правления династии Корё (X—XIV вв.) автор прежде всего отметил создание металлического подвижного шрифта (XIII в.) и корёской серо-голубой керамики (селадона).

Характеристике места государства Корё (918—1392 гг.) в политической, экономической, культурной и особенно этнической истории корейского народа был посвящен доклад К и м Д ж ё н а (КНДР) «Историческое значение государства Корё».

Выступление Д. Эйкемeyer (ФРГ) «Изучение традиционных сообществ в Корее» было построено на литературных и полевых этнографических материалах, собранных автором в Южной Корею. Характеризуя роль различного рода сообществ (*хянкэ, хянйак, киян*), возникавших в традиционной корейской деревне, автор обратил внимание на то, что в названиях таких сообществ как правило, входят наименования тех местностей, где они возникали. Изучение их истории демонстрирует их неразрывную связь с феодальным государством, а в условиях Кореи — и с идеологией конфуцианства. Среди причин, способствовавших возникновению хянкэ, хянйак, киян, Д. Эйкемeyer выделяет следующие: уплату налогов, урегулирование отношений между родственниками, наведение порядка в той или иной местности. По наблюдениям автора, в некоторых сообществах сохранялись и соблюдались социальные различия их членов. Как правило, такие сообщества существовали в течение двух-трех поколений.

Доклад Ш. Виллемана (Бельгия) «Буддизм в древнекорейской культуре» был посвящен истории проникновения буддизма в Корею, а также анализу важнейших памятников корейской

буддийской культуры (IV—XIV вв.). Большой интерес вызвало выступление Л. Бо х а ч к о в о й (ЧССР) «Корейское искусство и ремесла в коллекциях Чехословакии». Л. Бо х а ч к о в а рассказала об истории формирования корейского фонда в двух музеях Праги: в Музее Напротека, посвященном культурам народов Азии, Африки и Америки, а также в Национальной галерее Праги (в Восточном крыле). Она подчеркнула большое значение хранящихся в этих музеях предметов корейского искусства для изучения и пропаганды культуры и этнографии Кореи. Доклад Л. Бо х а ч к о в о й сопровождался показом слайдов. В докладе В. Р е н е (ГДР) «Своеобразие корейского искусства в сопоставлении с искусством Китая и Японии» был прослежен самобытный путь развития корейского изобразительного искусства с III по XIX в.

На конференции широко обсуждались проблемы новой и новейшей истории Кореи. Истории зарождения и развития капиталистических отношений в Корее в XVII—XVIII вв. были посвящены доклад Ч а н Г у к д ж о н а (КНДР) «Генезис капитализма в Корее». В докладе Г. Д. Т я г а й (СССР) «Корейские просветители нового времени о государственном управлении» была проанализирована эволюция взглядов передовых представителей корейского общества XIX — начала XX в. на проблемы государственного устройства в Корее: от социальных и религиозных утопий к конкретным программам общественно-экономических преобразований. Примечательно, что почти во всех выступлениях концепциях основополагающим было утверждение национального самосознания. О проблемах изучения национально-освободительной борьбы корейского народа в конце XIX — начале XX в. говорилось в докладах Л и Д ж о н х ё н а (КНДР) «Движение за буржуазные реформы в Корее» и Я н С о д ж о н а (КНР) «Первомартовское движение в Корее: его характер и историческое значение». В докладе С о н Д ж о н х в а н а (КНР) рассматривался вопрос об истории роспуска Компартии Кореи и борьбы за ее воссоздание. Истории отношений СССР и КНДР был посвящен доклад Ю. И. О г н е в а (СССР).

В центре внимания участников конференции были и актуальнейшие вопросы объединения Кореи на мирной основе, предложения правительства КНДР по мирному объединению страны. Этой проблематике были посвящены доклады Ч о В а и (ФРГ), Ч х в е Т х э д ж и н а, С и м М ё н х у н а, К а н Х в и б о н а, К о Б ё н у н а (все — Япония).

Анализ студенческого движения в Южной Корее содержался в докладе М. Н. П а к а (СССР). Богатой и разнообразной была тематика докладов, представленных в секциях «Литература», «Филология» и «Экономика». Так, например, доклады, зачитанные в литературоведческой секции, охватывали три основные проблемы: изучение корейской литературы за рубежом, развитие литературоведения в КНДР; литература КНДР на современном этапе. Большой интерес вызвали доклады М. И. Н и к и т и н о й (СССР) «Изучение корейской классической литературы и культуры в ЛО ИВАН АН СССР» и А. Ф. Т р о ц е в и ч (СССР) «Переводы корейской классической литературы в СССР». Корейской шаманской поэзии посвятил свое выступление Ч о С о н д ж и (КНР). Об истории развития корееведения в Польше, и в частности о работах по Корее В. Серошевского, доложил Н. М е л а н о в и ч (ПНР). О состоянии корееведения в ЧССР рассказала М. Б у ш к о в а (ЧССР). В докладах В. П у ч е к а (ЧССР) «Ли Хэджи и его роман „Колокол свободы“», Г. О г а р е к - Ч о й (ПНР) «Талантливый корейский прозаик На Дохан (1902—1926)», Е. К л е з л о в о й (ЧССР) «Ли Хёсок и корейская пролетарская литература», Х. П и х к (ГДР) «Пролетарская литература в Корее» рассматривались проблемы развития корейской литературы нового и новейшего времени. О проблемах развития современного корейского романа в КНДР говорил в своем выступлении В. Н. Л и (СССР).

В работе филологической секции обсуждались две основные проблемы: структурные особенности современного корейского языка и история его развития. Так, в докладах С и м Б ё н х о (КНДР) и Ч о С ы п (КНР) отмечались существенные изменения словарного состава в языке КНДР после освобождения страны, что выразилось в создании терминологии из исконно корейских элементов взамен китаизмов и других иностранных заимствований. В выступлениях, касающихся языковой практики и языковой политики, проводимой в КНДР, давалось теоретическое обоснование работы по упорядочению лексики. В докладе Ч х в е Д ж о н х у (КНДР) отмечалась также опасность углубления различий в языке на Севере и Юге полуострова. Ряд ученых, например В. Герман (ГДР), Ч х в е Е н с у (КНР), С о Е н с о п (КНР), посвятили свои выступления проблемам преподавания корейского языка иностранцам, корейцам, проживающим за рубежом, вопросу распространения корейского языка за пределами Корейского полуострова.

Проблемы исторического источниковедения нашли отражение в докладе Л. Р. К о н ц е в и ч а (СССР), который остановился на спорных вопросах в изучении первого памятника корейского письма — «Хунмин чоным» (XV в.). В докладах В. З а с с е (ФРГ) и Р ю Р ё л я (КНДР) затрагивалась проблема исторической реконструкции древнекорейского языка. Р ю Р ё л я на материалах исторической топонимии древней Кореи проследил единство языка в государствах Когурё, Пэкче и Силла (I в. до н. э. — VII в. н. э.). Ученый из КНР А н Б ё н х о рассказал о результатах сравнительно-исторического исследования числительных в корейском языке и в языках алтайской семьи.

На заключительном пленарном заседании 14 мая были подведены итоги работы секций и всей конференции. Были также заслушаны доклады П а к С о н т о к а (КНДР) «Идеи чучхэ» и Х о Ч о н х о (КНДР) «Проблема объединения Кореи».

За время пребывания в КНДР участники конференции получили возможность ознакомиться с революционными и историческими достопримечательностями Пхеньяна, с его новостройками, посетить Исторический музей и Музей изобразительных искусств. Были организованы поездки в Мангёнэ (на родину Ким Ир Сена), в г. Нампхо, а также в уезд Хянсап, где для гостей была

проведена экскурсия в Музей дружбы между народами. В уезде Хянсан участники конференции осмотрели также выдающийся памятник корейской средневековой архитектуры — буддийский храм Похёна (XIII в.). Встречи с корейскими учеными, а также с корееведами других стран, беседы, обмен мнениями, знакомство с новой литературой были очень плодотворными и интересными.

Р. Ш. Джарылгасинова

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СОЦИОЛОГОВ «ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ И РЕВОЛЮЦИОННОГО ОБНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА»

В Кишиневе 24—27 октября 1988 г. состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция социологов. Весьма представительный форум, организованный АН СССР, Советской социологической ассоциацией, АН МССР, собрал кроме социологов специалистов разных профилей: философов, экономистов, историков, этнографов, филологов, искусствоведов и партийных работников. Были представлены научные учреждения почти из всех союзных и многих автономных республик страны. Состоялись два пленарных и шесть секционных заседаний, а также шесть заседаний круглых столов*.

Был затронут и обсужден широкий круг вопросов, имеющих важное значение для развития всей нашей жизни. Уже на пленарном заседании, где прозвучало пять докладов, говорилось о месте общественных наук в процессах, происходящих в стране, о позициях и задачах ученых-обществоведов, которым, по мнению выступавших, следует искать оптимальные варианты развития социалистического образа жизни (В. Н. Иванов, Москва). Именно ученые должны выполнять роль экспертов и оппонентов, прогнозировать предстоящие в нашем обществе изменения. Для этого нужно всесторонне и комплексно изучать, как идет перестройка образа жизни. И хотя основное внимание участников конференции было сосредоточено на социологическом изучении проблем перестройки, многие ее идеи представляют большой интерес и для этнографов, прежде всего для исследователей современных национальных отношений.

В содержательном докладе, посвященном проблемам развития социальной сферы советского образа жизни, В. Н. Иванов отметил, что в последнее время наблюдается некоторый спад исследований и публикаций по образу жизни, а нужда в них большая. Само понятие «социалистический образ жизни» требует к себе более пристального внимания. Существует и множество других проблем для социологического изучения данного феномена. Это, в частности, проблема потребностей населения, которая в последние годы изучается мало, совсем не исследуется ее динамика. А ведь скудость потребностей у некоторой части населения прямо или косвенно тормозит прогресс и приводит к разрыву поколений. У нас, например, декларирован принцип социальной справедливости, но в теперешнем виде он не является действительно справедливым. Пересмотреть его с помощью нового социологического мышления — вот еще одна задача ученых.

Эти идеи и призывы в определенной мере перекликались с выступлением И. Л. Лахмана (Москва), представлявшего недавно созданный в Москве Институт социально-экономических проблем народонаселения АН СССР. Рассказывая о задачах своего института, он перечислил наиболее актуальные. Это, в частности, изучение различных нормативов нашей жизни: пенсионного обеспечения, образования, медицинского обслуживания, прожиточного минимума, социально-культурной активности населения. Будет изучаться и потребительское поведение различных слоев населения во всех областях жизни, рост его численности и изменение качества спроса. Большинство названных проблем будет рассмотрено с учетом региональных аспектов образа жизни.

Попытка теоретического осмысления современного нам этапа перестройки прозвучала в докладах Н. М. Блинова (Москва), И. Т. Левыкина (Москва). Они, в частности, отметили, что перестройка пройдет в своем развитии несколько этапов. Сейчас — переходный период к *демократическому социализму* (Н. М. Блинов). В настоящее время многие истинные ценности в обществе размыты, разрушены или заменены псевдооптимизмом, псевдоколлективизмом и т. д. Определить и изучить настоящие социалистические ценности — задача социологов (И. Т. Левыкин). По мнению

* Материалы конференции см.: Пути совершенствования социалистического образа жизни в период перестройки. Тезисы Всесоюзной научно-практической конференции (Кишинев, 24—27 октября 1988 г.). М., 1988. Разделы I—IX.

Н. М. Блинова, ученые должны помочь выяснить, является ли оптимальным вариантом развития нашего общества дальнейшая демократизация и гласность и каковы издержки этого процесса. В стране идет активная политизация сознания масс, и изучение всех аспектов этого процесса — также задача обществоведов.

На одну из важнейших проблем нашего времени — проблему перестройки национальных отношений в стране — обратил внимание в докладе «Национальное многообразие советского образа жизни» Ю. В. Арутюнян (Москва). Он отметил, что к настоящему времени при сохранении самобытности и разнообразия советских наций в целом достигнута их определенная однородность. Однако проблема наций и регионов с повестки дня не снята. И более того, недооценка национальных проблем дает о себе знать. При государственном планировании далеко не всегда учитываются такие основополагающие для региона факторы, как типология расселения (например, город — село), историческое прошлое, культурно-бытовые особенности народов и т. д. Таким образом, изучение социально-культурной сферы образа жизни наций и регионов, различных стадий в развитии национального самосознания этносов — одна из актуальных задач обществоведения и прежде всего этносоциологии, этноэкономики...

По этим и смежным направлениям продолжалось обсуждение поднятых вопросов на секционных заседаниях.

Определенное внимание было уделено вопросам теории, методологии и методики изучения социалистического образа жизни, подчеркивалась необходимость междисциплинарного комплексного подхода к его изучению. Дискуссия подтвердила актуальность научного рассматривания образа жизни и необходимости системной разработки его критериев. Хотим еще раз обратить внимание читателей на то, что абсолютное большинство поднятых на конференции вопросов касаются этнографов. Они могут и должны рассматриваться с учетом этнических аспектов. В данном обсуждении мы остановимся лишь на некоторых направлениях работы конференции, представляющих, с нашей точки зрения, особый интерес для современной этнографии.

Одно из направлений изучения социалистического образа жизни — исследование его реальных социально-экономических противоречий, чему была посвящена дискуссия в одной из секций. При обсуждении проблем динамики образа жизни было констатируемо определенное обеднение населения страны и его заметное расслоение в настоящее время. Выступавшие назвали много нерешенных проблем в оплате труда различных категорий трудящихся, в социальной сфере, в развитии кооперативной и индивидуально-трудовой деятельности. Были высказаны предложения об усилении контроля государства за этими процессами и об активизации квалифицированных научных исследований в данном направлении.

В условиях демократизации особое значение имеет общественно-политическая и трудовая деятельность трудящихся, определение путей ее подъема. В одной из секций состоялся живой обмен мнениями по данному вопросу. Выступившие говорили о необходимости введения ряда стимулов для поднятия социальной активности людей. В их ряду — обязательная личная заинтересованность исполнителя и чувство его социальной ответственности. Участники дискуссии отметили, что актуальность изучения проблемы социальной ответственности в настоящее время несомненна. Это относится и к научным исследованиям, требующим особой добросовестности. Ученые должны результативно и тщательно и всестороннего исследования образа жизни выявить типологию социальной активности людей на разных уровнях. И в центре нового подхода к изучению социальной активности как части образа жизни должен быть индивид.

Большой интерес на конференции вызвало и обсуждение проблем формирования здорового образа жизни и преодоления различных антиобщественных явлений. Внимание выступающих из многих республик было сконцентрировано, в частности, на проблемах исследования разных форм отклоняющегося поведения, в том числе алкоголизма, наркомании, проституции и др. Ораторы обратили внимание на то, что борьба против алкоголизма и других социальных отклонений ведется без учета экономических и социальных аспектов. Рассмотрение динамики исследуемых явлений, «расползание» их возрастных границ, образование так называемого придонного слоя людей, выброшенных на обочину жизни, показало довольно тревожную ситуацию в разных регионах страны. При подведении итогов на заключительном пленарном заседании конференция рекомендовала расширить тематику исследуемых явлений, повысить их прикладное значение, имея в виду проблемы оздоровления социальной среды, укрепления семьи и семейного образа жизни, роста общей культуры и особенно воспитания молодежи. В связи с этим шла речь и об улучшении условий труда, быта, отдыха, о рациональном использовании рабочего и вне рабочего времени населения.

При обсуждении проблем изучения образа жизни современной советской семьи на заседании одного из круглых столов в пылу оживленных дискуссий его участники пришли к общему выводу об определенном кризисе семьи в настоящий период.

Обсуждение животрепещущих вопросов развития современной семьи как бы логически было продолжено на заседании круглого стола (где выступили девять человек), посвященного проблемам формирования образа жизни молодежи. Подводящий итоги дискуссий на этом заседании Н. М. Блинов отметил, что в настоящее время наша страна находится на грани кризиса и «лекарствами» от него должны быть демократия, гласность, критика, самокритика. Особенно остро стоят социальные проблемы в молодежной среде, где самореализация личности проявляется иногда весьма необычно. В настоящее время активно расширяются границы социальной патологии. Надо повышать культуру молодежи, в том числе и путем приобщения ее к истинным ценностям. А каков уровень потребления, например, театрального искусства у учащихся ПТУ или у солдат в армии? Может ли обычный молодой человек попасть на хороший спектакль в хороший театр? Доступны ли молодым людям по тиражу и по цене современные журналы и книги, остро стоящие социально-политические

вопросы и имеющие поэтому большой общественный резонанс. Прошедшая в 1988 году подписанная кампания — это, образно говоря, «духовный Чернобыль», к счастью, вовремя остановленный. Таким образом, выявление рогаatok, отторгающих большую часть нашего населения и особенно молодежь от истинных источников духовного развития, — одна из задач обществоведов. Забота о молодежи должна быть более разносторонней и существенной.

Социальным последствиям природопользования было посвящено заседание еще одного из круглых столов (выступили одиннадцать человек). Его участники констатировали высокую социальную напряженность во многих регионах страны, вызванную экологической обстановкой. В ходе обсуждения и анализа различных ситуаций появилось предложение о создании Экологического фонда СССР, одной из основных задач которого стала бы борьба за экологическую чистоту нашей Земли.

На разнообразных аспектах развития духовной культуры в стране сосредоточилось внимание исследователей, собравшихся за круглым столом «Социокультурные процессы социалистического образа жизни» (выступили пятнадцать человек). Были подняты проблемы, связанные с разработкой программ культурного развития, которые создаются пока без учета экономических аспектов. Мало исследуется сфера духовного производства, в частности система образования; слабо выявляется взаимосвязь этнических и социальных факторов духовной культуры. Нет исследований о новых праздниках и обрядах, часто насаждаемых насильственно, досуговые ценности пропагандируются менее активно, чем трудовые. Важно и само осмысление понятия *духовная культура*.

«Региональные и национальные особенности социалистического образа жизни» — секция, работавшая под руководством Ю. В. Арутюняна. Она привлекла внимание представителей различных национальных регионов страны (присутствовали 53 человека, выступили 11 человек). Тезисы выступлений, написанные к конференции заранее и опубликованные к ее открытию, уже далеко не отражают быстро меняющуюся ситуацию в республиках (см. указ. публикацию, разделы VIII, IX). На заседании секции оживленно обсуждались этнокультурные и социально-экономические проблемы, возникающие в республиках, сталкивались разные мнения, предлагались разнообразные решения.

Состоявшаяся на молдавской земле конференция привлекла особое внимание ученых к процессам, проходящим в этой республике. В частности, был констатирован бурный рост национального самосознания населения. В нескольких выступлениях молдавских ученых, посвященных путям дальнейшего развития молдавской нации (В. Н. Стати, В. С. Зеленчук, М. А. Терентий, Н. А. Победа (все — Кишинев) и др.), были выделены точки, на которых как бы сфокусировалось выражение национальных чувств. Это проблема научной неразработанности некоторых моментов в истории Бессарабии, в частности взаимоотношений молдавской и румынской культур. Определенное официальное замалчивание общности их исторического культурного фонда ведет к усложнению этнической ситуации. В настоящее время в научной и периодической печати республики идет большая дискуссия по языку, что несомненно отражается на умонастроениях населения и на этнокультурной ситуации в целом. Рассматриваются, в частности, вопросы двуязычия, которое в Молдавии, по мнению В. Н. Стати, долгое время было «не двусторонним». Ставится, например, и имеющий своих сторонников и противников вопрос о переходе молдавской письменности на латиницу, как у румын. Но ученых волнует, не потеряет ли из-за этого молдавская нация часть своей национальной духовной культуры, например литературу, созданную в последние десятилетия.

Школьное обучение, как известно, напрямую связано с языком. Но в ряде городов Молдавии до последнего времени обучение в школах велось преимущественно на русском языке. В республике нет информации, например, о том, нужны ли школы на украинском и болгарском языках... Так какой же тип школы в настоящее время более оптимален — раздельное обучение молдаван и иноязычных детей или смешанные школы? И по этому вопросу мнения выступавших разделились.

Среди предложенных докладчиками мер по оптимизации межэтнической ситуации в республике были следующие: для действительного решения острых вопросов, стоящих перед республикой, важны не столько эмоции, сколько гибкость и мудрость государственных органов, степень демократизации республики в целом, а пока ощущается лишь нажим на национальные чувства. Требуется объединение всех обществоведов, чтобы энергичнее разработать пути этнокультурного развития в республике (В. Н. Стати). У молдаван есть своя история, свой язык, свое национальное самосознание. Оно и дальше может расти. Процессом роста самосознания и национального движения надо научно управлять. Но при этом нужны гласность и своевременная информация о положении вещей (В. С. Зеленчук). Знание национального языка, по мнению Н. А. Победы, должно быть нормой. Для этого необходимо повысить квалификацию учителей, преподающих молдавский язык. Нужно усилить требования к знанию государственного языка. При Совете Министров Молдавии работает специальная комиссия, которая рассматривает языковые вопросы.

Большой интерес на заседании вызвали и выступления ученых из прибалтийских республик, где также наблюдаются сложности в межэтнических отношениях. Представитель Эстонии П. Э. Ярве (Таллинн) заметил, что у наших обществоведов нет четкой теории национального вопроса и что использование различных метафор типа «расцвет наций» не свидетельствует о развитии теории. Теории нет, поэтому и практика отстающая, не осмысливается новая ситуация в развитии суверенных прав союзных республик. Может быть, «суверенитет республик» — это этап при переходе народов нашей страны к большей интеграции?

Попытка проанализировать современное положение в Литве была сделана в выступлении В. А. Гайдиса (Вильнюс) — одного из представителей движения «Саюдис». Он считает, что в данный период языковая ситуация у них более «мягкая», чем в других республиках, что объясняется

ся, в частности, национальным составом населения (80% литовцев), компактностью его расселения по национальным областям и рядом других причин. Но проблем в межнациональных отношениях тем не менее много.

Если в Литве, как и в других прибалтийских республиках и Молдавии, болевыми точками являются проблемы суверенитета, языка, миграционного регулирования, то в республиках Северного Кавказа, например, на проблему мигрантов смотрят несколько иначе. Так, в выступлении А. Б. Дзадзиева (Орджоникидзе) прозвучала мысль о противоречиях в развитии многонационального Северо-Кавказского региона, связанных в значительной степени с процессами выравнивания социальной структуры населения, в частности это касается «коренизации высшего образования». Действительно, нужно растить свою интеллигенцию, и в последние десятилетия появилось много ее представителей. Но этого недостаточно. По мнению докладчика, необходимо, чтобы приезжали русские специалисты. Кроме того, нужен приток рабочей силы извне на нефтепромыслы и на другие не традиционные для местного населения промышленные предприятия. В то же время при сложном национальном составе возникает немало социальных проблем и даже конфликтных ситуаций (например, в Грозном, в Орджоникидзе). Вызывает недовольство жителей Северного Кавказа и то, что делопроизводство ведется только на русском языке, руководящие партийные кадры назначаются без должного учета состава населения и т. д.

Социолог А. В. Орлов (Киев) отметил, что ситуация на Украине также требует внимания. Очень остро стоит вопрос о языке обучения. Есть сторонники введения украинского языка во все школы, а значит, и в вузы. Но, по справедливому замечанию докладчика, в республике живут и другие народы (25% — по данным 1979 г.), да и среди украинцев, вероятно, не все хотели бы обучать своих детей только на украинском языке. По мнению А. В. Орлова, нужно удовлетворять языковые потребности всех жителей республики, а для этого надо их изучить. Важно проводить специальные этносоциологические исследования.

Последующие выступления были посвящены средствам массовой информации по пропаганде национальных аспектов образа жизни в наши дни (В. К. Малькова, Москва), вопросам методики этносоциологических исследований (А. А. Алиев, Москва) и т. д.

Подводя итоги заседания секции, Ю. В. Арутюнян отметил, что возникающие в различных регионах болевые точки требуют пристального внимания всех обществоведов, в том числе и этносоциологов. В связи с этим весьма принципиальным становится, например, вопрос об уточнении существующей классификации народов и наций, дифференциации статусов союзных и автономных республик и т. д. Требуют определенного изменения и конституции союзных республик, которые должны приниматься с учетом их специфики. В то же время такие изменения не должны становиться самоцелью. Ю. В. Арутюнян призвал ученых, занимающихся изучением современных национальных и региональных процессов, абстрагироваться при исследованиях от своей национальности, быть объективными и видеть социальные процессы такими, каковы они есть. Своими работами ученые всех республик должны способствовать оптимальному решению национальных проблем с учетом их региональной специфики.

Соответствующие рекомендации секции нашли отражение в общих решениях конференции.

В. К. Малькова

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА» (Звенигород, 20—23 ноября 1988 г.)

Конференция была организована Отделением истории и Институтом этнографии Академии наук СССР при участии республиканских академий наук Среднеазиатско-Казахстанского региона и охватила широкий круг специалистов — историков, археологов, лингвистов, этнографов, антропологов. Заседания проходили дважды в день в течение четырех дней в помещении Звенигородского пансионата АН СССР. (Накануне конференции были изданы тезисы докладов «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М., 1988).

Открывая конференцию, академик АН СССР Ю. В. Бромлей (Москва) остановился на методических вопросах этногенетических исследований: соотношении этногенеза и этнической истории, этногенеза и этнических процессов. Он подчеркнул острую актуальность изучения проблем этногенеза и этнической истории народов в связи с обострившейся этнической ситуацией в мире, призвал ее участников объективно и всесторонне рассматривать вопросы, связанные с этногенетическими процессами в Средней Азии и Казахстане, подчеркнул теснейшую связь истории народов региона, многокомпонентность этногенеза каждого народа и сложность его этнической истории.

На первом заседании (20 ноября, утро) было заслушано шесть докладов. Б. А. Литвинский (Москва) в докладе «Основные направления этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье» рассмотрел как общие методологические

аспекты комплексных исследований этногенеза народов региона на основе системного анализа самых различных источников, так и конкретные вопросы этногенеза, в частности, таджикского и узбекского народов. Докладчик справедливо критиковал исследователей, базирующихся на устаревших методических приемах и идеях и стремящихся в ряде случаев удревнить этногенез того или иного народа, упростить развитие этнических процессов, развивавшихся в изменчивой полиэтнической среде и в сложных исторических условиях. Был дан обзор этногенетических процессов на территории Средней Азии и Казахстана, начиная с эпохи бронзы. Было подчеркнуто, что главная особенность этногенетических процессов в древней и средневековой Средней Азии заключалась в сложности, полиэтничности населения, в мозаичном, чересполосном расселении этносов и в обстановке постоянных миграций — при непрерывном притоке извне различных новых, преимущественно тюркоязычных этнических компонентов.

В. М. Массон (Ленинград) в докладе «Культурогенез и этногенез в Средней Азии и Казахстане в древнюю эпоху» говорил об острых, а порой и болезненных вопросах, связанных с проблемами происхождения отдельных народов региона и их культурного наследия. Докладчик призвал археологов в большей мере использовать разработки этнографов при интерпретации своего материала, не содержащего прямой этнографической информации. Касаясь конкретной этноисторической проблематики, он высказал предположение о формировании бактрийской, парфянской, согдийской и хорезмийской народностей как этносоциальных организмов еще в эпоху рабовладельческих отношений. Именно тесное взаимодействие этих общностей между собой и с культурами степных кочевых объединений определило генеральную линию этногенетических процессов в регионе. Первоочередной задачей дальнейших исследований является изучение (используя блестящие открытия археологов) культурогенеза, трансформации, взаимодействия и взаимообогащения древних культур.

М. С. Асимов (Душанбе) в докладе «Историко-культурные аспекты этногенеза народов Средней Азии» связал проблему этногенеза таджиков с процессами формирования и развития их языка в IX—X вв. на территории саманидского государства в Сеистане, Хорасане и Мавераннахре.

Т. К. Ходжайов, А. А. Аскаров и Ю. Ф. Буряков (Самарканд) представили доклад «Новые археологические и антропологические материалы к этнической истории народов Средней Азии», где внимание акцентировалось на палеоантропологическом материале, охватывающем широкий хронологический период — от неолита до средневековья. Для эпохи неолита и ранней бронзы на территории Средней Азии выделено два основных антропологических пласта — прото-европеоидный (андроновский) на севере и срезименоморский — на юге. Последний тип в эпоху бронзы был неоднороден и включал три основных варианта. В эпоху раннего железа в составе скотоводческого населения впервые фиксируется монголоидная примесь и появляется обычай искусственной деформации головы. Возникновение нового комплекса антропологических признаков позволяет предполагать миграцию степных скотоводов на юг во второй половине I тыс. до н. э. В раннем средневековье археологические материалы фиксируют продвижение степных племен в глубь Средней Азии, но доля монголоидного компонента у населения Средней Азии все еще невелика: она сильно возрастает в IX — начале XIII вв. Продвижение в XVI—XVII вв. в оазисы Средней Азии больших групп дештикипчацких тюркских племен подтверждается археологическими и антропологическими материалами.

И. В. Перевозчиков (Москва) в докладе «Современные антропологические типы Средней Азии. Их классификация и происхождение» отметил, что антропологические типы Средней Азии сложились в результате как межрасового, так и внутрирасового смешения. Значительное климато-географическое и культурно-хозяйственное членение региона способствовало процессам микродифференциации. Генофонд современного населения по большей части представляет собой результат смешения южных европеоидов со «среднеевропейцами» и монголоидами. В состав южносибирской расы, видимо, вошли относительно депигментированные европеоиды.

Доклад Н. Н. Негматова (Душанбе) «О концепциях и хронологии этногенеза народов Средней Азии в средние века и новое время» вызвал полемику. Таджики, по его мнению, сформировались на базе аборигенных древних ираноязычных народов Средней Азии в начале средневековья, он подчеркнул, что этногенез тюркоязычных народов начался позднее, на базе переселившихся из Центральной Азии в результате постоянных миграций и завоевательных походов тюркских кочевых скотоводческих племен, образовавшихся в Средней Азии государственные объединения. Консолидация тюркоязычных народов происходила в условиях их оседания, освоения земледельческого опыта и традиций, систематической ассимиляции таджикского населения. Было отмечено, что если концепция этногенеза таджиков детально разработана (труды А. М. Мандельштама, Б. Г. Гафурова, Н. Н. Негматова), то в изучении этногенеза тюркоязычных народов наблюдаются большие недостатки: неразработанность научных концепций, неизученность миграционной истории, необоснованные тенденции удревления этногенеза и др.

В развернувшейся затем дискуссии по заслушанным докладам Г. Е. Марков (Москва) сказал, что этногенетические исследования пока еще не имеют системного характера, преобладает эволюционный подход, мало разрабатываются проблемы диффузии. Необходимо отказаться от тенденции к возвышению своих предков в ущерб другим народам. К. Ш. Шаниязов (Ташкент) выразил несогласие с утверждением Б. А. Литвинского о завершающем этапе этногенеза узбеков в XV—XVI вв. Он подчеркнул, что узбекский народ старше своего имени и складывался уже в VIII—X вв., а затем в государстве Караханидов. Б. А. Ахметов (Ташкент) отметил, что этнимом «узбек» принесли даштикипчацкие племена, однако более ранние тюркоязычные племена были здесь гораздо многочисленнее растворившихся в их среде пришедших XVI века, поэтому история народа действительно древнее его названия и отличается сложностью. М. В. Крюков (Москва) отметил, что декларируемые достижения науки в области этногенеза

этнической истории зачастую оказываются мнимыми. Комплексность в подходе к разработке проблем этногенеза выражается лишь в перечислении различных факторов, в то время как в реальности имеются плохо сопоставимые данные различных наук (к примеру, антропологии и письменных источников, кстати, по последним можно получить сведения о самоназвании, что выдвигает этот ид источников на первый план). Историзм складывается из анализа синхронных срезов различных источников. Сейчас наиболее остры споры о времени формирования того или иного народа. Надо вучать компоненты, вошедшие в данный народ, а главное — необходимо выработать критерии: какие признаки могут свидетельствовать, что народ сформировался? Пока еще по-прежнему на исследователей давит сталинское определение нации. Между тем, споры будут плодотворными лишь в том случае, если удастся научно установить, какие признаки определяют сложение народа.)необходимости системного анализа в этногенетических исследованиях говорили далее многие выступавшие.

После перерыва, на втором заседании, было зачитано 6 докладов. С. Г. Кляшторный представил доклад «Древнетюркские этнополитические объединения и их значение в этногенезе Средней Азии и Казахстана», подготовленный им в соавторстве с Д. Г. Савиновым (оба — Ленинград). Докладчики связывают очаги тюркского этно- и глоттогенеза с восточным ареалом Евразии — Центральной Азией и Южной Сибирью. Авторы выделили четыре основные древнетюркские группировки — собственно тюркскую, огузскую, кыргызскую и кыпчакскую, которые со временем консолидировались и превратились в очаги формирования новых этносов.

И. В. Пьянков (Душанбе) в докладе «Некоторые вопросы этнической предыстории таджикского народа» сделал попытку выделить особую промежуточную этнолингвистическую центрально-иранскую общность наряду с известными западно- и восточноиранскими группами этносов. Территория этой древней общности совпадает с исторически засвидетельствованным ареалом расселения таджиков. Хотя прямой и непрерывной преемственности между ними не было, многие явления культуры таджиков уходят корнями в эту общность. Культурным памятником центрально-иранской общности является Авеста и примыкающая к ней более поздняя зороастрийская литература. К центральноиранской общности применим и этноним «арья» (греческое «арианы»). Центральноиранские языки, возможно, продолжали существовать и в более позднее время. Доклад Н. А. Баскакова (Москва) «Основные исторические этапы формирования тюркских языков народов Средней Азии и Казахстана» по поручению автора зачитал Д. С. Насыров. Выделено 6 эпох развития этих языков: алтайская, хуннская (до V в. н. э.), древнетюркская (VI—IX вв.), среднетюркская (IX—XV вв.), новая (XV—XIX вв.) и новейшая эпоха консолидации современных тюркских национальностей. На развитие тюркских языков Средней Азии оказал большое влияние уйгуро-карлукский язык Караханидского государства (XI—XII вв.), развившийся на основе согдийской, а позже арабской письменности; так сложился среднеазиатский литературный язык тюркк, из локальных вариантов которого в послемонгольский период формировались основы языков каждого из тюркских народов региона.

Б. А. Ахмедов (Ташкент) в докладе «Значение письменных источников в изучении этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» подчеркнул, что работа по переводу издания ряда древнегреческих, римских, арабских, персидских, тюркских, китайских и прочих авторов развернута недостаточно. Между тем в различных источниках от Авесты до сообщений средневековых путешественников и восточных арабоязычных, персоязычных и тюркоязычных авторов, содержатся ценнейшие сведения о народах, их нравах и обычаях.

В докладе «К вопросу о тюркоязычных компонентах в сложении узбекской народности» К. Н. Шаниязов (Ташкент) подчеркнул, что историческими предками узбеков, как и многих других народов Среднеазиатско-Казахстанского региона, были древние обитатели оазисов и степей — саки, массагеты, согдийцы, тохары, хорезмийцы и др. Процесс проникновения тюркоязычных групп в Среднюю Азию начался в первом тысячелетии н. э. Это был и процесс смешения их с ираноязычным населением. Для этногенеза узбекской народности в эпоху раннего средневековья важным этапом явилось проникновение и внедрение в оазисы Средней Азии карлукских, огузских и кыпчакских этнических элементов, сыгравших существенную роль в сложении узбекского языка этноса, основное ядро которого формируется в IX—X вв. и позднее в рамках Караханидского государства.

В докладе Н. Э. Масанова (Алма-Ата) «Этногенез казахов: проблемы этнической преемственности» были освещены, главным образом, экологические аспекты этногенетических процессов на территории Казахстана. Основной тезис докладчика — этногенетические процессы были обусловлены прежде всего непрерывным и преемственным, начиная с эпохи бронзы, функционированием системы материального производства кочевников-скотоводов, и, следовательно, колевой тип хозяйственной деятельности является главным этнообразующим фактором, язык — второстепенным. Выдвигается идея о существенных различиях в этногенетических процессах между кочевниками степной зоны и полуседлым скотоводческо-земледельческим казахским населением так называемых маргинальных зон. В дискуссии по этому докладу Б. А. Литвинский и Б. Х. Кармышева отметили неправомочность исключения маргинальных зон при рассмотрении этногенеза казахов.

В сообщении А. П. Пестрякова (Москва) «Геногеография системы АВО населения юго-востока Средней Азии как отражение взаимодействия различных этнических и расовых компонентов» освещалось распределение частот генов крови у современного населения. Обнаруженная клинальная изменчивость генов у населения долин р. Исфара (Сев. Таджикистан) и р. Гунт (Западный Памир) трактуется как результат метисации оседло-земледельческого населения с популяциями даштикипчакских кочевников.

В развернувшейся по этому циклу докладов дискуссии Г. А. Федоров-Давыдов (Москва) высказал сомнения по поводу правомочности корреляции археологических культур и языков в глубокой древности. Он подчеркнул, например, глубокие различия между таштыкской культурой и культурой средневековых киргизов и хакасов. Для тюркских народов до V—VI вв. н. э. соотношение археологической культуры и этноса выглядит крайне гипотетичным. По поводу этнонима «узбек» было сказано, что он восходит к Золотой Орде («войны Узбека» — это XIV век). Здесь имеет место такое типичное явление, как перенесение имени давно умершего великого хана на все государство. В данном случае имя хана было перенесено именно на восточную часть кипчаков, а не на западную, потому что в западной части Золотой орды все перекрывал более древний этноним «татары».

Ю. Я. Якубов (Душанбе) высказал замечания по докладу Б. А. Ахмедова и его книги «Государство кочевых узбеков», в частности, упрекнув его в искусственном удревнении этногенеза узбекского этноса и неправильном отождествлении тюрков и туров (последние — древнеиранские, а не тюркские племена). Ю. Я. Якубов не согласен также с тезисом Б. А. Ахмедова (со ссылкой на арабского автора Табари) в том, что основное население Бактрии, Бухары, Шаха и Ферганы в VII—VIII вв. было тюркоязычным. У Табари таких данных нет. По мнению докладчика, в период арабских завоеваний турки жили в Семиречье, откуда приходили в Мавераннахр для оказания военной помощи против арабских захватчиков, а затем возвращались на родину.

Б. И. Маршак (Ленинград) отметил, что при изучении исторических этнонимов и соотношения их с названиями этносов необходимо иметь в виду, что в прежнее время их реальное содержание отличалось от нынешнего. Термины *узбек* и *таджик* еще долгое время после своего возникновения не обозначали этническую принадлежность. В некоторые периоды слово «таджик» употреблялось в широком смысле в качестве протипопоставления немусульманам, позднее — тюркам. В работах О. А. Сухаревой и Б. Х. Кармышевой приводятся данные о существовании у таджиков другие самоназвания. Несмотря на древние культурные традиции, таджики и узбеки осознавали себя как этносы только в XX в. До этого времени их этническое развитие шло по иному пути, складывались локальные общности, включающие тюрко-таджикские компоненты. Поэтому не надо резко противопоставлять эти народы; в их истории и культуре больше объединяющего, чем разъединяющего.

Третье заседание утром 21 ноября открылось докладом К. И. Петрова (Фрунзе) «Этнокультурная среда формирования основной группировки племен киргизской народности», в котором автор высказал свои взгляды на проблему этногенеза киргизов.

О. И. Исмагулов (Алма-Ата) в докладе «Антропология Казахстана и вопросы этногенеза казахского народа» суммировал результаты многолетних антропологических исследований в республике. Он рассмотрел дифференциацию современных казахов по признакам различных систем выявил антропологические компоненты, вошедшие в состав казахских популяций, проследил динамику расогенетических процессов в позднем средневековье и роль этого периода в сложении антропологического состава современных казахов.

Доклад Б. И. Маршак (Ленинград) «Проблемы происхождения согдийской культуры» был построен на изучении археологических и письменных источников, относящихся к широкому хронологическому периоду — от эпохи неолита до средневековья, в течение которого исторические судьбы населения территории Согда определялись сочетанием культурных черт, связанных как с миром древнейших земледельческих цивилизаций, так и с их «варварской» периферией. Культурогенез таджиков связан со временем, последовавшим после арабского завоевания Средней Азии. В средние века население Согда внесло большой вклад в становление и развитие культуры таджикского народа. Тюрки, по свидетельству письменных источников, в VII—VIII вв. не только приходили в Согд во время военных походов, но и обитали там.

Г. Л. Хит (Москва) рассмотрела расо- и этногенетические связи населения Средней Азии по данным кожных узоров кисти. Дифференциация населения в общих чертах совпадает с картиной антропологического состава по данным расовой соматологии. При этом дерматоглифика свидетельствует о тесном генетическом родстве таджиков, туркмен и узбеков, образующих так называемый среднеазиатский тип, не имеющий аналогий в дерматоглифической систематике. Его основу составляет южноевропеоидный расовый компонент с заметной примесью монголоидного и индоавстралоидного (веддоидного) компонентов. Ближайшие аналоги этому типу локализованы в Передней Азии, на Кавказе и на юге Аравии. Таким образом, положение среднеазиатского региона на стыке нескольких историко-географических областей отразилось в сложной системе расо- и этногенетических связей населяющих его народов.

Большой интерес слушателей вызвал доклад Ф. Д. Лышкевич (Ленинград) «Некоторые аспекты этнической истории Среднеазиатского Междуречья». Исследование исторической динамики этнонимов *сарт*, *таг*, *таджик*, *тюрк*, *узбек*, предпринятое докладчиком на материале письменных источников и этнографических наблюдений, показало, что в многовековом взаимодействии двух культур (оседлой и кочевой) каждый из этих терминов был связан не столько с этнической и языковой, сколько с культурной, социальной и политической характеристиками их носителей.

Т. П. Кияткина (Душанбе) прочла доклад «К вопросу о расовых типах населения Тохаристана». Антропологические типы здесь были разнообразны и не связаны со столь же разнотипными обрядами захоронений. Расовый тип, характерный для предшествующей эпохи (долихокранный и узколицый) в Тохаристане и Бактрии почти исчезает в последние века до н. э., сохраняясь лишь местами в виде отдельных вкраплений.

Л. Т. Яблонский (Москва) построил доклад «Население раннесакского времени в Южном Приаралье: археолого-палеоантропологический подход к проблеме этногенеза» на исследованных им археологических и краниологических материалах из Присарыкамья. С учетом таксономического веса признаков материальной культуры и их соотношения с иерархическим положением древних

популярный. Приаралье была построена этногенетическая модель и сделан вывод о различном происхождении двух групп населения раннесакского времени в Южном Приаралье, стоявших у истоков процесса культурной, а, возможно, и этнической консолидации.

В выступлении А. С. Давыдова (Душанбе) освещался вопрос о формировании культурной общности на обширной этнической территории таджиков, существование которой подтверждается археологическими и этнографическими материалами и письменными источниками. В частности, к такому выводу приводит изучение терминов и элементов культуры таджиков, например, похоронных и поминальных обрядов и обычаев, древние корни которых отражены в зороастрийских запретах. В. П. Яйленко (Москва) посвятил выступление палеоазиатскому компоненту в населении Средней Азии в древности, выявляемому с помощью языковых данных. Он полагает, что во II—I тыс. до н. э. здесь и в Южном Прикаспии обитали предки обских угров и самодийцев, составившие древнее досубстратное население Средней Азии и вытесненные затем ираноязычным населением.

В прениях выступило несколько человек. В. М. Массон, как и другие, отметил высокий уровень разработок антропологов и некоторое отставание от них историков и археологов, в частности, недостаточную разработанность унифицированного понятийного аппарата, неполное использование исторических источников. А. Джалилов (Душанбе) указал на широкий спектр специалистов, участвующих в конференции, отметил нехватку исследований по классической лингвистике. Между тем влияние различных этнических компонентов, вошедших в состав, например, таджикского народа, могли бы определить именно лингвисты. И. В. Перевозчиков (Москва) вызвал сомнение в пребывании предков самодийцев в Средней Азии в I тыс. до н. э., о чем говорил В. П. Яйленко, так как палеоантропологические данные не зафиксировали здесь монголоидный компонент в эту эпоху.

Четвертое заседание (21 ноября) началось докладом Г. А. Федорова-Давыдова «Этнические процессы в Средней Азии и Казахстане в XIV—XV вв. (Этнос и феодальное государство)». По мнению докладчика, тезис о завершенности этногенеза народов Средней Азии к XIII в. нуждается в уточнении. В силу многих исторических обстоятельств (монгольское завоевание, исторические миграции, усиление кочевого тюркского элемента в Средней Азии и др.) в XIII—XIV вв. возрастают различия в составе кочевого населения оседло-земледельческих оазисов и городов.

Доклад Б. Е. Кумекова (Алма-Ата) был посвящен анализу этнического состава кыпчаков XI — начала XIII в. по данным арабских средневековых источников. Убедительные доводы в пользу наличия в этническом составе средневековых кыпчаков татаро-монгольского компонента, по мнению докладчика, отсутствуют. В то же время источники позволяют говорить о вполне конкретных фактах этнокультурных и этнополитических контактов между кыпчакскими и татаро-монгольскими племенами. Б. Е. Кумеков рассматривает куманов как самую западную ветвь куманокыпчакского объединения племен и отрицает общепринятое мнение о тождестве кыпчаков и куманов.

В докладе А. М. Мокеева (Фрунзе) «Этапы этнической истории киргизского народа на Тянь-Шане» рассматривались этногенетические процессы с XV в., когда киргизские племена переселились из Прииртышья и Горного Алтая в Тянь-Шанскую горную страну. К концу XV в. здесь из двух крупных общностей (*онг канат* и *сол канат*) сформировалась потестарная этнополитическая родоплеменная структура. По мнению автора, именно в рамках этой дуальной этнополитической структуры созревало общее этническое самосознание, которое нашло отражение в общекиргизских генеалогических преданиях. Исламизация населения способствовала дальнейшим процессам консолидации.

С. М. Ахинджанов (Алма-Ата) в докладе «Этнографические связи племен Казахстана Центральной Азии в средние века (кимаки и кипчаки)» на основе анализа письменных источников (Тамим ибн Бахра, Гардизи, Идриси и др.) выдвинул версию о том, что кимак сформировались в Северо-Восточной Монголии и в западной Маньчжурии, где были известны под именем кумоси и урканки. Свое происхождение они ведут от протомонгольского сяньбийского племенного союза. На рубеже I и II тыс. н. э. кимак подверглись тюркизации со стороны преобладавших в степи кыпчаков и йемеков, но сохранили в известной степени свое положение в составе кипчакского племенного союза, который с XI в. распространил свое влияние на обширную территорию Дешт-и-Кыпчак от Иртыша до Волги. Средневековые кимак сыграли роль «монголоязычной струи» в этногенезе тюркоязычных этносов, особенно казахов.

Л. М. Левина (Москва) зачитала доклад «Памятники джетыясарской культуры в свете этнической истории Средней Азии (середина I тыс. до н. э. — VIII в. н. э.)». Эта культура локализовалась в дельте Сырдарьи, на территории, которая являлась местом традиционных зимовок, и, вместе с тем, своеобразным перекрестком путей передвижения различных скотоводческих групп, зоной контакта между скотоводами и земледельцами оазисов Средней Азии и Казахстана. Сложный культурогенез джетыясарцев проходил на фоне постоянного взаимодействия с иными племенами, в том числе гуниского происхождения. При этом джетыясарское население и само оказывало значительное влияние на пришедшие группы, постоянно смешивалось с ними. Одновременно влияние джетыясарской культуры отчетливо прослеживается в более южных областях Средней Азии и Казахстана. Носители джетыясарской культуры сыграли заметную роль в культурной и этнической истории многих народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Северного Кавказа и некоторых других регионов.

В докладе С. К. Караева (Ташкент) «Иранско-тюркские топонимические параллели Средней Азии» было отмечено преобладание и древность иранской топонимики в Средней Азии. В Таджикистане наблюдается сохранение иранских топонимов двух уровней (древних восточно-

иранских и таджикских). С появлением тюркоязычного населения (с первых веков н. э.) начался процесс формирования тюркской топонимики, которая частично наложилась на иранскую, что в ряде случаев привело к бытованию двойной номенклатуры. Нередко в новом тюркском названии сохранялось прежнее смысловое содержание топонима. Наблюдается и взаимное проникновение иранских названий в тюркоязычную среду и наоборот.

Г. В. Рыкушина (Москва) на одонтологическом материале рассмотрела особенности расогенеза на территории Средней Азии от эпохи бронзы до современности, выявила преемственность населения эпохи бронзы, античности и средневековья. Однако на последних этапах этнической истории народов региона прослеживается появление новых одонтологических комплексов, у некоторых наблюдаются и черты, характерные для уральской расы. В выступлении по этому докладу Л. Т. Яблонский отметил историческую значимость полученных выводов. В частности, пристального внимания заслуживают данные об одонтологической гетерогенности населения Джаркутана (эпохи бронзы) и о возможном присутствии здесь компонента, имеющего северное происхождение. В то же время необходима осторожность в интерпретации данных, полученных на недостаточно представительном материале.

Б. Д. Кочнев (Ташкент) сообщил о результатах исследования данных нумизматики, подтверждающих, по его мнению, тюркизацию Мавераннахра при Караханидах.

Выступление Л. К. Гудковой (Москва) было посвящено физиологической адаптации современного коренного населения Средней Азии. Средние уровни признаков, характеризующие отдельные метаболические свойства организма в различных этнических группах, живущих в разных экологических зонах, идентичны. Это означает, что население Средней Азии в течение длительного периода времени пришло к состоянию адаптированности.

Пятое заседание (22 ноября, утро) открылось докладом Р. Г. Кузеева (Уфа) «Опыт системного подхода к изучению этнической истории многонационального региона (на примере Волго-Уральской историко-этнографической области)». Докладчик обратил внимание на то, что преобладание моноэтнических исследований привело к несогласованности исторических реконструкций этногенетических процессов, формированию этноцентристских взглядов на историю некоторых народов и их культур. Более перспективным представляется изучение исторических взаимодействий этносов в рамках историко-этнографических областей (ИЭО). К таким областям относится, в частности, Волго-Уральская ИЭО. На большом историко-этнографическом материале автор, используя системный подход, выявил ряд ступеней этносоциального развития Волго-Уральской ИЭО — от племенных народностей к раннефеодальным и феодальным тюркским (башкиры, волжские татары, чуваши) и финно-угорским (мордва, мари, удмурты) народностям.

Л. А. Чвырь (Москва) в докладе «Одна актуальная проблема традиционной этнографии Средней Азии и Казахстана» призвала участников конференции изучать не только «малые» (внутриэтнические) этнографические группы, но и «большие» этнографические общности — население историко-культурных областей Среднеазиатско-Казахстанского региона. Анализ материалов по среднеазиатским ювелирным украшениям позволил выделить на территории Средней Азии и Казахстана пять крупных локально-этнографических зон, включающих разноэтническое население.

Б. В. Андрианов (Москва) в докладе «Этническая история и хозяйственно-культурное развитие древних и средневековых народов Средней Азии и Казахстана» обратил внимание на недостаточную разработку проблемы исторического взаимодействия ираноязычных и тюркоязычных народов, подверг критике тезис А. Н. Бернштама о полном совпадении процессов формирования ХКТ кочевников и тюркского этногенеза. Эти процессы следует рассматривать раздельно, опираясь как на лингвистические (Т. Гамкрелидзе, Вяч. В. Иванов, В. И. Абаев), так и на археологические исследования (С. П. Толстов, В. М. Массон, А. Аскар, В. И. Сариниди и др.). Хозяйственно-культурные процессы в древности развивались конвергентно, а в раннем средневековье стали преобладать дивергентные процессы.

Е. Е. Неразик (Москва) в докладе «Приаралье: экологические аспекты этнического развития» отметила, что как известно роль природных условий в формировании древних этнических общностей чрезвычайно велика. Экологическая специфика Приаралья состоит прежде всего в том, что здесь сложилась только одна оседлоземледельческая древняя цивилизация в окружении степных племен и поэтому взаимодействие земледельцев и скотоводов составляло основу этнических процессов. Устанавливается, что в Южном Приаралье в ходе этих процессов определенное стабилизирующее действие оказывали такие факторы как длительное сохранение общин (благодаря ирригационному земледелию), их экономическая замкнутость и полунатуральный характер, прочность родственных внутренних связей, в Восточном Приаралье — комплексное скотоводческо-земледельческо-рыболовческое хозяйство, обусловившее глубокую традиционность культуры и препятствовавшее углублению разделения труда. Наряду с другими факторами, эти обстоятельства способствовали сохранению яркой этничности и самобытности культуры Хорезма и Восточного Приаралья в древности. Начиная с периода раннего средневековья вместе с развитием производящего хозяйства в степях и феодальных отношениях в Хорезме картина резко меняется. Но и активные этнокультурные контакты эпохи средневековья не смогли стереть до конца этническое своеобразие древнего субстрата, проявлявшееся и много веков спустя в процессе становления новых тюркоязычных средневековых народностей.

Формированию группы чагатаев южного склона Гиссарского хребта и его отрогов Байсунтау и Кугитанг был посвящен доклад Б. Х. Кармышевой (Москва) «Особенности этнических процессов в горной зоне». Население горных зон издавна было связано с жителями оазисов и кочевой степи. Длительное культурное взаимодействие, в частности, горных таджиков бассейна Кашкадарьи и Сурхана и тюрков — потомков тюркского населения Тимуридского государства

привело к формированию группы таджиков (самоназвание цагатай), частично перешедших наzbekскую речь. Эта группа обладала общностью культуры; она сохраняла хозяйственные и бытовые связи с тюрками, что отразилось и в их бытовой культуре. Другая группа таджико- и узбекоязычных цагатаев (бассейна Шарабаддарыи и Кугитанга), живя в тесном соседстве с кунгратами, восприняла некоторые черты их хозяйства и быта. Сходные процессы этнокультурного взаимодействия населения горной зоны с населением других природных зон были характерны для всей Средней Азии.

Вступительную часть своего доклада «Роль экологических факторов в формировании этнической территории (по материалам из Восточного Прикаспия и Приаралья)» Б. И. Вайнберг (Москва) посвятила характеристике культурно-исторической ситуации региона по новейшим археологическим исследованиям. В эпоху раннего железа на территории к западу от Присарыкамышской впадины и на Узбое проживали подвижные группы скотоводов-пастухов. В Присарыкамышской дельте Амударьи в VII—VI вв. до н. э. сформировалась культура оседлых скотоводов, которая оказала существенное влияние на ход этногенетических процессов в левобережном Хорезме. Дельта Сырдарьи являлась традиционным местом зимовий подвижных скотоводов. С учетом экологических характеристик в исследуемом регионе Б. И. Вайнберг выделяет двенадцать хозяйственных районов, составивших три обширные области.

Р. М. Юсупов (Уфа) проанализировал расо-генетические связи Юж. Урала и Средней Азии в эпоху бронзы. Он обнаружил краниологическую неоднородность населения Приаралья, причем один из компонентов имеет средиземноморский облик и, видимо, южное происхождение. Савроматы и ранние саки Южного Приаралья генетически не связаны с населением срубной культуры, но входят составной частью в круг антропологических форм сако-усуньской общности (VII—II вв. до н. э.), особенно тесно сближаясь с саками Приаралья. В дискуссии по этому докладу Л. Т. Яблонский остановился на морфологическом сходстве населения срубной культуры Южного Приаралья с одним из расовых компонентов сакской культуры Приаралья. Упомянув в связи с этим и другие краниологические материалы, он связал все данные с гипотезой о миграции индо-иранских племен на юг в эпоху поздней бронзы и раннего железа, напомнил об установленных лингвистами угро-финских заимствованиях в иранском языке, отметил яркие проявления культурных и генетических связей южноприаральского и южноприаральского населения и в последующие исторические периоды.

В докладе Н. А. Дубовой (Москва) «Антропологический состав населения Средней Азии и пути его формирования» была показана неоднородность антропологического состава современных таджиков, узбеков и туркмен. Зафиксированный полиморфизм в значительной мере согласован с различиями между локальными группами по этнографическим характеристикам и истории сложения. Докладчица подчеркнула сложность и неоднозначность выделения тех или иных расовых комплексов на территории Средней Азии (в частности, расы Среднеазиатского междуречья и закаспийской).

Г. К. Ходжаева (Самарканд) сообщила о предварительных результатах изучения дерматоглифики узбеков Северного и Центрального Узбекистана, которое является частью обширного онтологического и дерматоглифического исследования, проводимого Ин-том археологии АН УзССР.

В кратком, но ярком, иллюстрированном слайдами выступлении Э. А. Новгорова (Москва) познакомила присутствующих с оленними камнями, обнаруженными ею в степной Монголии. Наиболее древние из них датируются эпохой поздней бронзы. По заключению докладчицы, «зернистый стиль» приходит к населению раннесакского времени Казахстана именно из Западной Монголии, а сама культура оленных камней связана с ираноязычными племенами, европеоидными по расовому типу.

В развернувшейся дискуссии Б. Е. Кумеков, полемизируя с С. М. Ахияновым, в соответствии с данными 28 персидских и арабских источников отстаивал тюркскую принадлежность кыпчак. Он отметил также методическое совершенство доклада Р. Г. Кузеева. О. К. Кареев высказал несогласие с мнением К. И. Петрова и А. М. Моисеева об этногенезе киргизов. Их кыпчакско-кыпчакское происхождение не подтверждается; письменные и археологические источники свидетельствуют о переселении енисейских киргизов на Восточный Тянь-Шань в IX—X вв. Это один из важных факторов формирования киргизов. Р. Г. Мукминова подчеркнула необходимость при изучении этнической истории уделять больше внимания историческим дружественным связям (хозяйственным, культурным и торговым) между народами Средней Азии, особенно между тюрками и иранцами. А. С. Давыдов высказал несогласие с прозвучавшей в выступлениях мыслью о том, что в прошлом этноним *таджик* имел не этнический, а культурный или социальный смысл (противопоставление городского оседлого населения тюркам-кочевникам).

Б. Х. Кармышева указала на некорректность употребления при исследовании ранних эпох названия современных республик, вместо которых лучше использовать географические названия.

Шестое заседание (22 ноября, вечер) началось докладом М. Аннанпесова и А. Джияева (Ашхабад) «Этнические процессы в Туркменистане в XVI—XVIII вв. по историко-этнографическим и архивным данным». Авторы отметили узловые исторические моменты этого периода, в частности массовые миграции XVI—XVII вв. крупных туркменских племен — текинцев, йомудов, салыров, эрсары, сарыков, сакаров и др. из Северо-Восточного Прикаспия в Хивинский оазис, Приамударьинские районы, в Ахальский, Атекский, Мургабский оазисы. В тот же период (XVI—XVIII вв.) часть туркмен откочевала в Нижнее Поволжье, на Урал, Северный Кавказ, часть — в Мавераннахр, в пределы Ирана и Афганистана. Этнические, в том числе ассимиляционные процессы, связанные с этими перемещениями, сыграли важную роль в изменениях антропологиче-

ского типа, материальной и духовной культуры туркмен и являлись заключительным этапом формирования этого этноса.

Возможности такого этнографического источника как шаманский культ были продемонстрированы в докладе В. Н. Басилова (Москва) «Два варианта среднеазиатского шаманизма (этнографические материалы как источник для изучения этнической истории региона)». Докладчик осветил особенности шаманства в регионе и выделил два его комплекса, которые им названы в соответствии с кругом охваченных народов «туркским» (скотоводческим) и «таджикским» (земледельческим). Однако между ними нет четких границ: некоторые черты «туркского» комплекса обнаруживаются в «таджикском» и наоборот. Это обусловлено общностью многих этнических компонентов в длительном культурном взаимодействии народов региона.

Г. П. Васильева (Москва) прочла доклад «Ювелирные украшения как источник данных этногенетических исследований (по материалам Туркмении)». Локальные различия в характере и форме женских туркменских украшений позволили разделить их на две группы. В первой преобладают скифо-сармато-аланские черты и сходство с украшениями древнего населения Поволжья-Северокавказского региона и его сармато-аланских предков. Эта группа также имеет общие черты и с древнетюркскими, в том числе с кипчакскими украшениями. Вторая группа так тяготеет к кипчакскому этническому пласту, но в большей степени, чем первая, связана с древними украшениями «общесреднеазиатского» характера. На то же время украшения обеих групп имеют ряд общих черт с украшениями каракалпаков, западных казахов, узбеков, в некоторой мере — таджиков.

В докладе Т. А. Жданко (Москва) «Этническая история и историкокультурные связи народов Средней Азии и Казахстана в трудах этнографов» было отмечено, что после сессии этногенезу народов Средней Азии, состоявшейся в Ташкенте в 1942 г., когда впервые эта проблема рассматривалась как общерегиональная и комплексная, вопросы этногенеза продолжали изучаться. Актуальность их была связана с подготовкой среднеазиатских томов серии «Народы мира», многотомных «Историй» народов в республиках региона и др. Накопление новых материалов продолжилось в 1950-х — 1960-х гг. многолетними комплексными археолого-этнографическими экспедициями, которые способствовали организации двух общесоюзных совещаний по этногенезу — киргиз (1956 г., Фрунзе) и туркмен (1967 г., Ашхабад). На базе собранного богатейшего материала был создан ряд этнографических трудов, освещающих этногенетические и историко-культурные процессы, этническую историю народов региона. Началом разностороннего историко-культурного исследования с 1970 г. стала работа над созданием «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана».

О. Б. Бабиков (Ашхабад) в докладе «Этногенез туркменского народа по данным краеведческой этнографии» сделал обзор материалов с территории нынешнего Туркменистана от эпохи неолита до современности. Раскопки последних лет заполнена фактологическая лакуна, относящаяся к разному средневековью. По данным многочисленных могильников, в это время обнаруживаются истоки предшествовавшего долохо-мезокранного грацильного типа, уходящего корнями в эпоху неолита и бронзы, и появление брахикранных типов. Это предположительно связывается с татарами-монгольским завоеванием. В позднем средневековье происходит новая смена типа, как бы возвращающаяся к прежнему состоянию, что объясняется притоком южноевропейского населения из Хорасана.

Н. А. Долинова (Москва) прочла доклад «Дерматоглифические данные к проблеме происхождения туркмен», подготовленный в соавторстве с Г. Л. Хитъ. Обобщив все материалы, относящиеся к свхше 3,3 тыс. чел., авторы выявили сходство туркменских групп по признакам кожной рельефа и их комплексу. У туркмен в наиболее четкой форме выражен среднеазиатский дерматоглифический тип. Установлены различия между полами, свидетельствующие о существенном несхождении антропологического состава мужской и женской половин выборки (женщины европеоидной расы).

В выступлении И. Б. Молдобаева (Фрунзе) освещалась роль киргизского эпоса «Манас» как источника по этнической истории. В фольклоре киргизов обнаруживаются параллели с алтунскими народами, у которых сохранились предания о киргизах. Культура киргизов имеет, следовательно, южносибирские истоки.

И. В. Пьянков (Душанбе) в выступлении высказал мысль о существовании мощной этнической струи, направленной из Центральной Азии в Среднюю и, по-видимому, далее на Запад не только в начале н. э., но и, возможно, в IX—VIII вв. до н. э. Об этом свидетельствуют данные антропологии (появление монголоидных элементов в Приаралье), археологии (звериный стиль, оленные камни, некоторые черты погребальных обрядов), черты социального строя, данные топонимики, мифологический цикл. Все может быть связано с формированием восточноиранской этнической общности (скифы в широком смысле слова).

На последнем, седьмом заседании (23 ноября) развернулась дискуссия и подводились итоги. С. Г. Кляшторный (Ленинград) говорил о ценности компилятивных арабских средневековых источников и необходимости сочетать их показания с археологическими данными. В. П. Мокушин изложил свою позицию, в которой защищал концепцию этногенеза киргизов, изложенную в первом томе «Истории Киргизской ССР» (1984). М. В. Крюков подчеркнул ведущее значение в иерархии этноопределяющих признаков этнического самосознания как главного показателя для этногенеза сложения этноса и предложил продолжить дискуссию вне рамок конференции. Л. Ф. Моногарова говорила о процессе ассимиляции, конечной стадией которого считается перемещение самосознания ассимилируемой группой. Однако есть и последующий этап, когда новый народ не будет выделять ассимилированный народ особым названием. Докладчица отметила, что арабы, таджики и др. народы, живущие в Узбекистане и записанные в паспорте узбеками, еще не ассимилированы и желают вернуть свою коренную национальную принадлежность.

О. И. Маг а у л о в подчеркнул профессиональные трудности антропологов, при соотнесении биологической и исторической информации. Г. Л. Х и т ь остановилась на вкладе антропологов в проблематику конференции, особо подчеркнув последние достижения представителей этой науки во всех среднеазиатских республиках, кроме Киргизии. Необходимость системного анализа данных разных отраслей антропологии очевидна; moreover, это касается не только антропологов. Р. Г. Ку з е е в говорил о судьбе болгар, о необходимости создания обобщающего труда по евразийской тюркской этнологии, о влиянии угров на этногенез тюрков, об изучении культурологических проблем, в том числе конфессионального фактора, сильно влияющего на этнические процессы. М. Н. А н - н а н е п е с о в, подчеркнув разногласия между таджикскими и узбекскими коллегами во взглядах на этническую историю Средней Азии и культурологические проблемы, остановился на двух основных этапах этногенеза туркмен. Н. Н. Н е г м а т о в уточнил свои взгляды на формирование таджикского народа в составе государства Саманидов, отметив несущественность в этом процессе этнических связей с тюрками. Он также предложил возродить традицию организации конференций по этногенезу, для чего необходимо создать специальную, постоянную комиссию с освобожденным ученым секретарем. А. С. Д а в ы д о в говорил о необходимости устраивать региональные собрания по традиционной культуре Средней Азии и Казахстана поочередно в республиках этого региона. Б. А. А х м е д о в подчеркнул важность хотя бы неполной публикации письменных источников, так как источниковедение катастрофически отстает от уровня современных потребностей науки.

В. М. М а с с о н выразил мнение, что научный успех конференции перерастает в успех политический. Вместе с тем выявлены слабые места в методике и методологии; в частности, плохо налажена организация информации. Так, археологические данные часто используются в исследованиях по этногенезу лишь в иллюстративном аспекте. Необходимо моделирование этногенетических процессов, особо сложных случаев которых мы имеем в Мавераннахре.

И. Б. М о л д о б а е в остановился на знании данных о родословных (шеджере) и фольклора в комплексных исследованиях этногенеза, сославшись, в частности, на топонимы «Манаса», охватывающие территорию от верховьев Амура до предгорий Кавказа. И. В. П е р е в о з ч и к о в подчеркнул необходимость проведения демографических и этнопсихологических работ, призвал усилить пропаганду вопросов этногенеза народов региона в школьных учебниках.

В. П. Я й л е н к о отметил недостаточную изученность древней истории Среднеазиатского региона и неправомерность ограничиваться лишь изучением тюрков и иранцев. Желательно привлечь лингвистов и синологов, т. к. китайские источники — кладезь информации. Б. А. Л и т в и н с к и й указал как на недостаток, что на конференции не прозвучал вопрос о памирцах, уйгурах и др. малых этносах Средней Азии. Письменные источники все же изучаются, сказал он, но необходим социальный заказ на высвечивание в них именно этногенетических сведений. Необходимо менять устаревшие стереотипы о начале этнической истории после завершения этногенеза. Правильнее говорить о нерасчлененности этногенеза и этнической истории.

Ю. В. Б р о м л е й в заключительном слове подвел итоги. Он отметил широкий характер конференции: здесь были представлены ученые из 11 городов Средней Азии, из Москвы, Ленинграда, Уфы; всего прозвучало 43 доклада и 6 научных сообщений, в дискуссии выступили свыше 40 человек. Возник живой обмен мнениями, результатами и идеями, с естественными разногласиями, особенно в методологическом плане. Одно из них связано с разработкой моделей этногенеза, где необходимо выделять разные фазы, и для разных народов эти фазы неодинаковы по значению. Этногенетические процессы можно разделить на 2 группы: 1) преобладание линейного развития (на одной территории); 2) преобладание нелинейного развития, когда решающую роль играют перемещения народов, и здесь происходит межэтническая консолидация парцилляционные процессы и пр. О понятийном аппарате: идут споры о содержании терминов нация, народность. Но этнизм возникает из политонима, топонима, названия части основного этноса. Сталинское определение нации несовершенно. Сейчас важным признаком нации считают самосознание. Другой, также не бравшийся в расчет признак, — наличие определенной социальной структуры. У народности по сравнению с нацией иная социальная структура. Этнические общности иерархичны, что следует иметь в виду, изучая этногенез.

На заключительном заседании была принята резолюция конференции, сокращенный вариант которой приводится ниже.

Б. В. Андрианов, О. Б. Наумова,
Г. Л. Хит, Л. Т. Яблонский

РЕЗОЛЮЦИЯ

Всесоюзная научная конференция в Звенигороде оказалась весьма полезной и достаточно продуктивной. Были проанализированы и обобщены результаты исследований за последние два десятилетия, намечены дальнейшие задачи по разработке проблем этногенеза и этнической истории народов региона. В ходе дискуссии произошло сближение точек зрения ученых. В ряде важнейших вопросов методологии и теории этногенетических исследований проявилось стремление к усилению взаимопонимания и сотрудничества между представителями смежных дисциплин и сторонами различных концепций. Подчеркнуто, что достоверное раскрытие этнической истории региона во всей ее сложности и многообразии имеет тем большее значение, что исторические знания о

происхождение народов играют большую роль в развитии этнического сознания людей, оказывая существенное влияние на характер национальных отношений.

В 1970—80-е годы отечественной наукой были накоплены новые обширные материалы, привлекаемые к изучению этногенеза и этнической истории населения среднеазиатско-казахстанского региона. Особенно заметный прогресс наблюдался в области физической антропологии.

Вместе с тем отчетливо выявились недостатки, мешающие дальнейшему развитию исследований: все еще распространенный моноэтнический подход к познанию этногенетических процессов; слабая междисциплинарная комплексность изысканий, абсолютизация значения данных отдельных дисциплин (в частности, ономастики), неясность критериев выделения фаз и хронологических этапов этнического развития. Мало учитывается сложный, иерархический характер этнических процессов. Не всегда признается необходимость проверки научных концепций путем альтернативной интерпретации фактического материала. Зачастую допускается механистическое перенесение этнических характеристик современности (самосознания, самоназвания, этнической территории, этнокультурных связей и др.) на древнее и средневековое население Средней Азии и Казахстана. Отстают в развитии некоторые научные дисциплины (антропология в Киргизской ССР, фольклористика) и исследовательские направления. Так, слабо изучена роль конфессии (буддизм, зороастризм, ислам) в этнической истории, культурной, социально-политической интеграции среднеазиатских народов в эпоху древности и средневековья. Недостаточное внимание уделяется этногенезу и этнокультурной эволюции отдельных этносов — уйгуров, памирских народов и др.

В целях преодоления отмеченных недостатков, углубления этногенетических исследований, пропаганды научных знаний конференция считает необходимым совершенствование методологических и организационных основ научной деятельности.

1. Исследование проблем этногенеза и этнической истории должно строиться на синтезе разработок различных наук — археологии, истории, этнографии, лингвистики, фольклористики, филологии, антропологии, этноэкологии, исторической демографии, исторической географии, ономастики — и в контексте развития традиций отечественного и зарубежного востоковедения.

2. Необходимо укрепление источниковой и источниковедческой базы исследований, совершенствование их методики и акцентирование их этногенетической направленности. В частности требуется более широкая публикация и введение в научный оборот письменных памятников. В антропологии целесообразно с максимальной эффективностью использовать возможности таких методов, как серология, дерматоглифика, одонтология. Важно комплексно использовать данные о материальной и духовной культуре, систематически изучать родоплеменные социальные структуры, исторические предания, рассматривая их в качестве ценных источников для реконструкции этнической истории населения Средней Азии и Казахстана.

3. В области методологии стоит задача последовательного применения исторического подхода к изучению этногенеза и этнической истории, учитывая эпохальную, цивилизационно-региональную, локальную специфику этнических процессов. С другой стороны, эти процессы следует исследовать на фоне широких этногенетических и этнокультурных связей, охватывающих как весь среднеазиатско-казахстанский регион, так и соседние регионы (Передняя и Центральная Азия, Южная Сибирь, Поволжье, Приуралье, Северное Причерноморье и др.). Этногенез отдельных народов неправомерно рассматривается в однолинейном плоскоэволюционном и узколокальном плане.

Методология этногенетических исследований основывается на диахронно-синхронном подходе, допускает альтернативность путей исторического развития (этногенетическая непрерывность этногенетическая прерывность), асинхронность, относительную самостоятельность процессов этногенеза, культурогенеза, антропогенеза и глоттогенеза, опосредованный характер коррелирования этнической и политической истории, поливариантность сопряжения всех этих факторов, определяющих в конечном счете особенности формирования и развития этносов. Последние понимаются как реальные общности людей, а не как внеисторические культурные континуумы.

4. Конференция обращается к Отделению истории АН СССР с предложением вернуться к правомерно отвергнутой в свое время программе создания региональных историй. Работа над региональной историей народов Средней Азии и Казахстана, ее опубликование послужит важным стимулом для развития научных исследований, станет одним из эффективных средств просвещения общества, формирования здоровых установок в области межэтнических отношений, преодоления этноизоляционистской психологии. Преимущественно монографическое описание истории народов СССР нередко страдает односторонностью, оставляя почву для националистических спекуляций.

Конференция считает также необходимым поставить перед Государственным комитетом СССР по народному образованию, Академией педагогических наук вопрос об освещении в учебных курсах по истории СССР в средней и высшей школе (особенно в педагогических учебных заведениях) происхождения и этнокультурного развития народов страны, проблем антропо- и расогенеза.

5. Просить редколлегию журнала «Советская этнография» организовать дискуссию по вопросам совершенствования методологии и методики этногенетических исследований.

6. Одобрить инициативу Академии наук Таджикской и Узбекской ССР о проведении круглых столов с обсуждением дискуссионных вопросов этногенеза и этнической истории народов региона.

Признать полезным регулярное проведение в союзных республиках региональных археологических совещаний для обсуждения новых материалов, отражающих различные стороны процессов этногенеза и этнической истории.

СИМПОЗИУМ «ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ: ФОРМЫ И МЕТОДЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»

В феврале 1988 г. состоялся симпозиум, организованный Отделом этнографии народов СССР Ленинградской части Института этнографии АН СССР. В его работе участвовали ленинградские этнографы — сотрудники Института этнографии АН СССР и Государственного музея этнографии народов СССР. На четырех заседаниях было заслушано 17 докладов, которые по заранее представленным заявкам были распределены по трем логическим блокам.

Во вступительном слове заведующий Отделом этнографии народов СССР А. С. Мыльников (ИЭ) подчеркнул, что задача симпозиума — еще раз и возможно полнее раскрыть значение исторической этнографии для изучения современных проблем культуры этносов и тем самым указать практические, прикладные аспекты такого подхода.

Обсуждение первого комплекса вопросов — «Наука и практика: общеметодологическая проблематика» открылось докладом Р. Ф. Итса (ИЭ) и А. С. Мыльникова «Этнографическое музееведение и некоторые вопросы сохранения и пропаганды культурного наследия». В докладе прослеживалась соотнесенность предметной сферы этнографии и этнографических музеев в контексте становления и развития этнографической науки. Докладчики высказали мысль о необходимости выработки методики, которая позволила бы рассматривать этнокультурный процесс в его динамическом развитии. В частности, указывалось, что эта задача может быть решена путем сопоставления полных данных по нескольким последовательным хронологическим срезам.

Л. К. Зязева и А. Б. Островский (ГМЭ) в докладе «Современные концепции этнографии и музейная пропаганда» показали, в какой мере достижения теоретической этнографии реализуются при подготовке музейных экспозиций, экскурсий и лекций в Государственном музее этнографии народов СССР. Так, в экскурсионной и лекционной деятельности при освещении современных проблем этнографии используются положения о формах сближения этнических культур, а также о первичных и вторичных явлениях культуры. Докладчики отметили некоторые методические задачи, возникающие при переводе тех или иных теоретических положений этнографической науки на язык музейной пропаганды.

В докладе Б. М. Фирсова (ИЭ) «Человек и природа: этнографические аспекты» основное внимание было уделено вопросу об этнокультурных традициях природопользования, их нормативно-правственной стороне. Отметив, что в сущности все этносы в процессе своего развития вырабатывали экологические кодексы — системы обычаев и правил, регулировавших отношение людей к природе, докладчик подчеркнул, что реконструкция этого мощного резерва культурного фонда нашей цивилизации составляет актуальную задачу современной этнографии. По мнению докладчика, еще одним и не менее важным аспектом исследования должна стать проблема экологии человека, его здоровья и социально-трудового потенциала. При этом обращение к этническому менту и здесь может оказаться плодотворным.

А. К. Байбурин (ИЭ) в докладе «Этнографические перспективы изучения проксемики» предпринял попытку выявить этнические особенности восприятия, освоения и организации пространства человеком на трех уровнях: макро-, мезо- и микропространственном (при этом были проанализированы пространственные параметры модели мира, принципы структурирования жилой среды, функциональное пространство, «дистанции общения» и т. п.). По мнению докладчика, проксемический срез поведения в теоретическом плане интересен тем, что является примером системы чисто условных (т. е. физически не мотивированных) значений.

В докладе Ю. В. Чеснокова (ИЭ) «Роль культуры в процессе адаптации к природной среде (чукчи и коряки)» были охарактеризованы рациональные аспекты традиционной одежды и жилища коренного населения Северо-Восточного региона нашей страны. Докладчик отметил, что в процессе освоения предками чукчей и коряков территории Чукотского и северной части Камчатского полуострова естественная биологическая адаптация сопровождалась адаптацией культурной. В заключение докладчик коснулся вопроса о современных типах жилища оленеводов названного региона, подчеркнув, что при их проектировании необходимо учитывать рациональные элементы традиционного жилища.

По второму смысловому блоку — «Теоретическое и прикладное значение исторической этнографии» заслушано 8 докладов. В поле зрения докладчиков были такие актуальные вопросы современности, как генезис и функционирование этнического самосознания и национально-культурных традиций, соотношение традиционных и современных институтов в культурно-бытовой сфере и др.

Доклад Ф. Д. Люшкевича (ИЭ) «Особенности этнической истории узбекско-таджикского населения Средней Азии и задачи их этнографического изучения» посвящен формированию на общем этноантропологическом субстрате таджикской и узбекской народностей. На основе данных этнонимии и семантического анализа терминов докладчица сделала вывод, что при изучении традиционной культуры ее особенные черты следует искать не в общеэтнических (узбекских и таджикских), а в этнолокальных вариантах. Было отмечено также, что углубленная разработка таких элементов этнической истории, как формирование этнического сознания и этнонимов, особенно актуальна для понимания проблем современных национальных и межнациональных отношений.

В. П. Курылев (ИЭ) в докладе «Значение изучения традиционных малых социальных групп у народов Средней Азии и Казахстана для исследования современной бытовой культуры» высказал мнение, что особенность исторического развития народов Средней Азии и Казахстана

заключается в неразрывной связи семьи и общины при ведущем положении последней как в хозяйственной, так и в других сферах общественной жизни. Докладчик отметил, что в настоящее время община как социальный институт в целом сохраняет свои функции, поэтому задача состоит в определении механизма влияния семьи и общины на современную бытовую культуру народов указанного региона.

Большой интерес вызвал доклад Э. Х. П а н е ш (ИЭ) «Основные направления изучения роли этнопсихологии в межнациональных отношениях», теоретические посылки и методические принципы которого были основаны на материале одного из самых полиэтнических регионов нашей страны — Северного Кавказа. Среди главных направлений региональных исследований в этой области при рассмотрении соотношения этнопсихологии и межнациональных контактов докладчицей были выделены историко-культурное, традиционно-социальное и этноэволюционное направления. Каждое из них в свою очередь распадается на множество аспектов, совокупность которых, по мнению докладчицы, и определяет стереотипы этнической психологии в области межнациональных отношений. В докладе было отмечено, что выделение основных объективно-исторических закономерностей и структурно-образующих факторов на материале конкретных регионов позволит экстраполировать основные элементы структуры межэтнического взаимодействия в сходных историко-географических и хозяйственно-культурных регионах.

В докладе Н. Е. Г р ы с ы к (ИЭ) «Традиционная народная медицина и современная севернорусская деревня» особое внимание было уделено сохранению знахарства; затрагивался вопрос об этике и формах поведения знахарей, являющихся носителями врачебной этики и деонтологии. По мнению докладчицы, народная медицина включает в себя не только понятия о болезнях, их причинах и способах лечения, но также представления о здоровье и способах его сохранения. Обыденные медицинские знания жителей севернорусской деревни включают в себя знания по народной медицине, представляющие практическую ценность для современной научной медицины.

Н. Г. К р а с н о д е м б с к а я (ИЭ) в докладе «Субкультуры у сингалов и их этнографическое изучение» выделила три главных субкультурных пласта в истории культуры сингалов (один из двух основных этносов Шри Ланки): буддийско-монастырский, придворно-аристократический и просто-народно-фольклорный. Рассмотрев вопрос о соотношении названных субкультур в исторической перспективе и в жизни современного ланкийского общества, она отметила факт возникновения четвертого субкультурного пласта, появившегося отчасти в результате контактов с западной культурой, формирование которого продолжается в наши дни.

В докладе И. В. Б о г о с л о в с к о й (ГМЭ), основанном на материалах МАЭ, — «Национальный костюм и национальное самосознание: по материалам курдского костюма» рассматривалась динамика изменения костюма курдов Ирана и Ирака в связи с ростом национального самосознания.

С. А. М а р е т и н а (ИЭ) в докладе «Роль эпических героев Древней Индии в социокультурной интеграции периферийных народов» рассмотрела вопрос о вхождении в состав индийского традиционного кастового общества периферийных племен в качестве так называемых этнических каст и их месте в социокультурной иерархии. По словам докладчицы, большая часть этнических каст оказывалась на низших ступенях социальной лестницы, для достижения же более высокого положения племенным лидерам создавали фиктивные генеалогии, возводившие их к тому или иному эпическому герою.

В докладе М. Н. С е р е б р я к о в о й (ИЭ) «Традиционные социальные институты в жизни современной Турции: к проблеме динамики семьи» рассматривались социальные, идеологические и этнографические факторы, влияющие на формирование семьи, ее структуру и функциональные особенности. При анализе наиболее распространенной формы турецкой семьи — малой, или нуклеарной, — автор доклада выявила важную роль диалектического взаимодействия биологических и социальных факторов в динамике внутрисемейных связей и в распределении социальных ролей между отдельными членами семьи, а также влияние традиционных кодифицированных запретов, отраженных в обычном праве и в коране.

Третий блок «Этнографические источники и современное этнокультурное развитие» включал 4 доклада.

Г. Н. С и м а к о в (ИЭ) остановился на практических аспектах этнографического изучения охоты с ловчими птицами. Дав анализ состояния этого вида охоты в нашей стране в настоящее время, докладчик коснулся перспектив ее развития как в основных центрах бытования (на Кавказе в Средней Азии, в городах РСФСР), так и по стране в целом. В докладе было уделено внимание народным традициям обращения с ловчими птицами и отмечена необходимость их этнографического изучения в интересах дальнейшего развития охоты в нашей стране.

Ю. Ю. К а р п о в (ИЭ) попытался выявить архаическую символику надмогильных памятников Дагестана: фигуры — символы мужского и женского начал. Он считает, что семантическое значение подобных фигур может интерпретироваться как передача изобразительными средствами космогонической мировоззренческой концепции «смерти как рождения», вечности и постоянства возобновляемости жизни. Мифологическим прообразом изображенных фигур, по его мнению, следует считать женское божество плодородия и, вероятно, аналогичное мужское божество. Докладчик широко использовал сравнительный метод анализа археологических и этнографических материалов.

В докладе С. Э. Б о к а р и у с (ГМЭ) «Полевые материалы по серболужицкой этнографии в архиве И. И. Срезневского» рассматривались особенности методики полевой работы И. И. Срезневского. Освещались вопросы динамики развития народной культуры серболужичан на основе сопоставления современных данных с материалом, зафиксированным И. И. Срезневским в XIX в.

Доклад Т. Б. Щ е п а н с к о й (ИЭ) «Превращения символа: наблюдения межгрупповых контактов в молодежной среде» был основан на материалах, собранных в результате наблюдения двух

молодежных групп («система» и кришнаиты) в городе Ленинграде, и посвящен информационным аспектам межгрупповых контактов. В нем на примере кришнаитских символов прослеживался путь символа из религиозно-мифологического источника в «систему», рассматривался процесс проникновения символа в иную среду, в результате которого символ либо отторгается, либо перекодируется, а чуждая структурная информация замещается иными («системными») нормами ценностями.

На заключительном заседании между участниками симпозиума развернулась дискуссия, в ходе которой высказывались предложения и рекомендации общеметодического и конкретного характера. Было высказано предложение подготовить серию научно-популярных книг, посвященных позитивным аспектам традиционных культур разных народов. Б. Н. Путилов (ИЭ), отметив перспективность симбиоза науки и практики, предложил провести специальный симпозиум по методологии изучения темы «Этнография и современность».

Подводя итоги работы симпозиума в целом, А. С. Мыльников отметил актуальность поднятой в докладах проблематики, в частности изучения форм национального самосознания в контексте стадияльно-формационного развития культуры и ее полисемантической. Была высказана мысль, что при рассмотрении вопроса о механизме этнокультурного развития необходимо учитывать антропогенное воздействие на окружающую среду, поскольку просчеты, допускаемые при планировании экономического развития, могут явиться источником межнациональных конфликтов.

И. Г. Киселева

СИМПОЗИУМ «ЭТНОЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА: СЕМИОТИКА МАЛЫХ ФОРМ ФОЛЬКЛОРА»

С 9 по 11 февраля 1988 г. в Москве проходил симпозиум «Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора», организованный Сектором структурной типологии Института славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ). На нем выступили с докладами специалисты из Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Иванова, Львова, Минска, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Самарканда, Саратова, Харькова. Кроме того, в работе симпозиума приняли участие исследователи из Еревана, Горького, Киева, Фрунзе, Черновцов, а также из Польши, Болгарии, ГДР, СФРЮ, США. Участниками было представлено свыше 100 докладов, тезисы которых вышли отдельным изданием¹. В данном обзоре будут упомянуты только некоторые из докладов, имеющие непосредственное отношение к этнографии и фольклористике.

Заседания были приурочены к 25-летию Симпозиума по структурному изучению знаковых систем, который был организован Сектором структурной типологии ИСБ в декабре 1962 г. и фактически положил начало структурно-семиотическим исследованиям в СССР. За минувшие четверть века структурно-семиотический подход прочно утвердился в различных гуманитарных дисциплинах, в том числе и при изучении архаических верований и ритуалов, структуры и семантики фольклорных текстов. Непосредственная преемственность между исследованиями 1960-х и 1980-х годов отмечалась при открытии симпозиума В. Н. Топоровым и в заключительном слове Т. М. Николаевой.

В большинстве докладов, представленных на симпозиум, рассматривались результаты исследования заговоров и заклинаний. Предметом анализа оказался по существу весь круг связанных с ними проблем: структура и семантика отдельных типов заговорных текстов и формул, их географическое распространение, соотношение слова и ритуального действия. Характерной чертой симпозиума был чрезвычайно широкий охват материала во времени и пространстве (древние традиции Ближнего Востока, античность, средневековые, новое время вплоть до современности) при сугубой конкретности и историчности частных исследований. В ряде докладов рассматривались славянские заговорные традиции, главным образом восточно- и южнославянские.

Симпозиум открыл В. Н. Топоров (Москва), отметивший, что изучение малых фольклорных форм составляет зерно этнолингвистики текста как научной дисциплины. Докладчик подчеркнул роль заговоров и заклинаний для реконструкции архаических словесных текстов и ритуально-мифологических структур.

С докладами общего характера выступили Вяч. Вс. Иванов (Москва) «О некоторых принципах современной науки и их приложении к семиотике малых (коротких) текстов» и Е. М. Мелетинский (Москва) «О структуре малых повествовательных жанров». Вяч. Вс. Иванов отметил, что в современной лингвистике и этнологии постепенно снимается противопоставление синхронного и диахронического подходов и открываются возможности для сближения структурного изучения текстов и их истории. Основываясь на сопоставлении древнегреческих, древнеиндийских и анатолийских загадок, Вяч. Вс. Иванов высказал предположение о том, что могли представлять собой загадки древних индоевропейцев: для них была характерна изощренная игра смыслов, обыгрывание многозначности и многозначности слов. Е. М. Мелетинский остановился на соотношении новеллистических сказок, фольклорных анекдотов и классической европейской новеллы, уделив особое внимание структуре фольклорного анекдота.

Г. А. Левинтон (Ленинград) в докладе «К вопросу о малых фольклорных жанрах: их функции, их связь с ритуалом» высказал мысль о том, что тексты, относимые к «малым» жанрам,

выполняют функции словаря мотивов по отношению к более развитым повествовательным формам. Задача сопоставления с обрядностью понимается как комментирование «малых жанров» через парадигматику ритуала и описание ритуала при помощи относящихся к нему образцов того же или иного «малого жанра». Так, например, ряд примет соотносится с обрядами годового цикла; загадки дают ключ к этической символике свадьбы и т. д.

В докладе Е. С. Новик (Москва) «Словесные формулы в контексте промысловых обрядов (на материале Сибири)» показано, что именно слово, сопровождающее ритуальное действие, придает ему в своеобразную реплику, адресованную партнеру по коммуникативному акту.

С. Е. Никитина (Москва) охарактеризовала критерии, по которым оцениваются заговоры самими носителями традиции (на русском материале). «Сила» заговора зависит от типа болезни от самого текста, от личности заговаривающего. В заключение была продемонстрирована магнитофонная запись разговора с женщиной-никитницей.

Ряд выступлений был посвящен состоянию русской заговорной традиции в XX в. и основывался на полевых материалах. Б. Н. Проценко (Ростов) рассказал о коллекции заговоров, собранной на Дону в 1987 г. Отмечены черты, свидетельствующие о вырождении традиции: значительно упрощение ритуала заговаривания, преобладание христианских элементов над языческими.

Е. Н. Разумовская (Ленинград) охарактеризовала собрание заговоров, записанных на русском северо-западе. Доклад сопровождался демонстрацией магнитофонных записей и голосовыми иллюстрациями речитативных и песенных заговорных форм.

Ю. И. Смирнов (Москва) поделился наблюдениями о бытовании заговоров на Русском Севере (по наблюдениям 1956—1963 гг.). Он представил также доклад С. С. Ожеговой (1937—1960 гг.), опубликованный в тезисах симпозиума, в котором кратко изложена ее работа о композиции и типах северо-русских заговоров.

В. И. Харитонов (Львов) в докладе «Заклинания на красоту и почет в северо-русской традиции», построенном на материалах фольклорного архива МГУ, рассмотрела специфическую группу заговоров, примыкающую к любовным, но существенно отличающуюся от них. Формальную группировку заговорных текстов исследовательница основывает на разработанной ею классификации заговорно-заклинательных жанров (заклинательные паремии, заговорно-заклинательные формулы, заклинательные приговоры, заговоры).

С. Г. Шиндин (Саратов) охарактеризовал пространственную структуру русских заговоров (тема пути в иной мир, последовательность и семантика отдельных отмеченных локусов: лес, остров, камень и др.).

Несколько выступлений были посвящены южнославянским заговорам. Л. Раденкович (Белград) дал общую характеристику географического членения южнославянской заговорной традиции. Он выделил две крупные зоны: центральную, или балканскую (Сербия, Болгария, Македония; в структурном отношении к ним примыкают также Румыния, Албания и Греция), и западнобалканскую, или западно-южно-славянскую (хорваты и словенцы).

Н. И. Толстой (Москва) в докладе «Заклинания, связанные с институтом побратимов и „одномесечников“» рассмотрел ритуальные действия и заклинанья, которые совершались у южных славян в случае смерти одного из близнецов, побратимов или «одномесечников», чтобы другой избежал его участи.

А. Б. Мороз (Москва) в докладе «Мотив земли в сербохорватских заговорах» отметил определенную амбивалентность мотива земли: она несет болезнь, она же ее исцеляет, является местом, куда ссылаются злые духи, и местом, откуда они изгоняются.

В ряде выступлений рассматривались в сопоставлении конкретные структурно-семантические типы заговоров и заклинаний у разных славянских народов. В докладе «Славянские заговорные формулы от детской бессоницы» Л. Н. Виноградова (Москва), отметив, что, по народным поверьям, детский ночной плач и бессонница вызывались особыми демоническими существами, охарактеризовала словесные клише, соответствующие мотивам изгнания этих существ, установления контактов с ними, задабривания их и пр. В. В. Усачева (Москва) проанализировала наиболее типичные словесные формулы славянских заговоров — отгона, передачи болезни человеку, дереву, животному, устрашения и задабривания и т. д.

А. Б. Страхов (Москва) в докладе «О пространственном аспекте славянской концепции небытия» суммировал характеристики «иного мира», основываясь главным образом на формулах отсылки болезни. Ритуальные аналоги заговорных отсылок «в никуда» — места захоронения умерших «не своей смертью» (на перекрестке, на границе и т. п.).

В сообщении Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой (Москва) «Структура и семантика ритуальных приглашений на рождественский ужин» речь шла о кратких заклинательных текстах, обращенных к природным стихиям, зверям или птицам, умершим родственникам и т. п. Выявлен набор основных характеристик ритуала приглашения: время, место, акциональный и предметный коды, набор приглашаемых и исполнителей.

В докладе Т. А. Агапкиной (Москва) и А. Л. Топоркова (Ленинград) «Славянские заговоры, обращенные к бузине, в сопоставлении с германскими» отмечалось, что западнославянские заговоры, адресованные бузине, возможно, испытали непосредственное влияние немецких. Особую группу образуют украинские тексты.

Традиционно на конференциях, организованных Сектором структурной типологии ИСБ, значительное место уделяется балтийскому материалу. Были заслушаны доклады М. И. Круповой (Вильнюс) «Повествование о „ясновиде Оле“ (опыт структурно-типологического анализа)», а также сотрудников Института латышского языка и литературы им. А. Упита АН Латвии (Рига): Э. Олуе «Структура латышских заговоров. Принципы и виды построения», Б. С. Межале «Мифологема *камень* и параллельные образы в латышских народных песнях похоронного

бряд», В. П. Рейздане «Аспект вариативности и изучение глубинной структуры народно-эпических песен». М. И. Лекомцева (Москва) на латышском материале рассмотрела заговоры-абракадабры, восходящие к кабалистической традиции. Б. Кербелите (Вильнюс) проанализировала эротические мотивы (роза расцвела зимой, замерзшая вода растаяла и др.) в свадебных песнях литовцев и некоторых других народов.

Произведения русского календарно-обрядного фольклора рассматривались В. А. Смирновым (Иваново) в докладе «Тема „космоса“ в русских колядках». Т. А. Бернштам (Ленинград) в докладе «Игровые образы с „переходной“ семантикой: формулы „сеяния-роста“ в восточнославянском контексте» показала метафорическую систему поведения девушки в поре совершеннолетия, выраженную в растительных образах, и ее соотношение с реалиями «переходных обрядов».

Лингвистические аспекты изучения фольклорных текстов анализировались в докладах Ю. Б. Фишкова (Самарканд) «Место фразеологических единиц при формировании образа-символа в русской обрядовой поэзии», Н. П. Антропова (Минск) «Этнолингвистический комментарий к „темным“ местам фольклорного текста», Я. И. Гинна (Петрозаводск) «Заметки о русском провербиальном пространстве».

Два доклада были посвящены письменным памятникам: О. Б. Страховой (Москва) «Фрагменты заговоров и молитв в травниках» и Т. М. Николаевой (Москва) «„Слово о полку Игореве“: еще раз о „двоеверии“».

Изучение заговоров в древних индоевропейских традициях было представлено докладами В. П. Яйленко (Москва) «Греко-египетский амулет — заговор из окрестностей Анапы», Вяч. Вс. Иванова «Проблемы восстановления общиндоевропейских заговорных текстов», Л. С. Баюн (Москва) «Структурно-функциональные и языковые особенности лувийских ритуальных текстов», В. Э. Орла (Москва) «Названия божеств в новофригийских формулах проклятия». В. П. Яйленко предложил новое прочтение заговора на амулете с греческими надписями, впервые опубликованного в 1958 г. Вяч. Вс. Иванов привел конкретные примеры соответствий между древнеиндийскими, анатолийскими и древнегерманскими заговорными формулами. Доклад Н. Е. Боданской (Москва) был посвящен анализу сборника Зенобия (II в. н. э.) — первого дошедшего до нас сборника античных пословиц.

В ряде докладов рассматривались малые фольклорные формы периода средневековья: С. С. Неретиной (Москва) «Загадки как способ преобразования чудесного» (о семантической структуре «Римских деяний»), О. А. Смирницкой (Москва) «Отдельные висы: форма и функция» (о поэзии скальдов), Т. Л. Малаховой (Москва) «Весенний запев в поэзии трубадуров и фольклорная традиция».

О. В. Санникова (Москва) проанализировала речевое поведение, приписываемое нечистой силе (в основном на материале польских быличек). Мифологические персонажи окликают человека по имени, предвещают будущее, обращаются к людям с просьбами и вопросами, загадывают загадки; им приписываются говорение на чужом языке или заумная речь, передразнивание человеческой речи и даже элементы своеобразного жаргона.

В заключение хотелось бы высказать пожелание относительно организации симпозиума. При таком многообразии докладов, по-видимому, имеет смысл распределить их по тематическим секциям, а сэкономленное время отвести на дискуссии. Кроме того, вызывает сожаление, что тезисы симпозиума напечатаны маленьким тиражом (всего 400 экземпляров!) и останутся доступными лишь узкому кругу специалистов.

А. Л. Топорков

Примечания

¹ Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора. Тез. и предварит. материалы к симп. М., 1988. Ч. 1. 204 с.; Ч. 2. 88 с.

ВЫСТАВКА «НОВЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСТУПЛЕНИЯ»

С 3 ноября 1987 г. по 30 сентября 1988 г. в Государственном музее этнографии народов СССР экспонировалась выставка «Новые этнографические поступления» двух крупнейших этнографических музеев страны: Государственного музея этнографии народов СССР и Музея антропологии этнографии им. Петра Великого. Открытие выставки было приурочено к проведению научной сессии «Советская этнография за 70 лет: итоги, направления, перспективы», посвященной 70-летию Великого Октября, организованной Ленинградской частью Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

На выставке экспонировались коллекции, поступившие в музей в результате научных экспедиций, сборов постоянных корреспондентов музеев, подарков частных лиц и организаций. Было представлено свыше 200 предметов из различных районов Советского Союза и других стран.

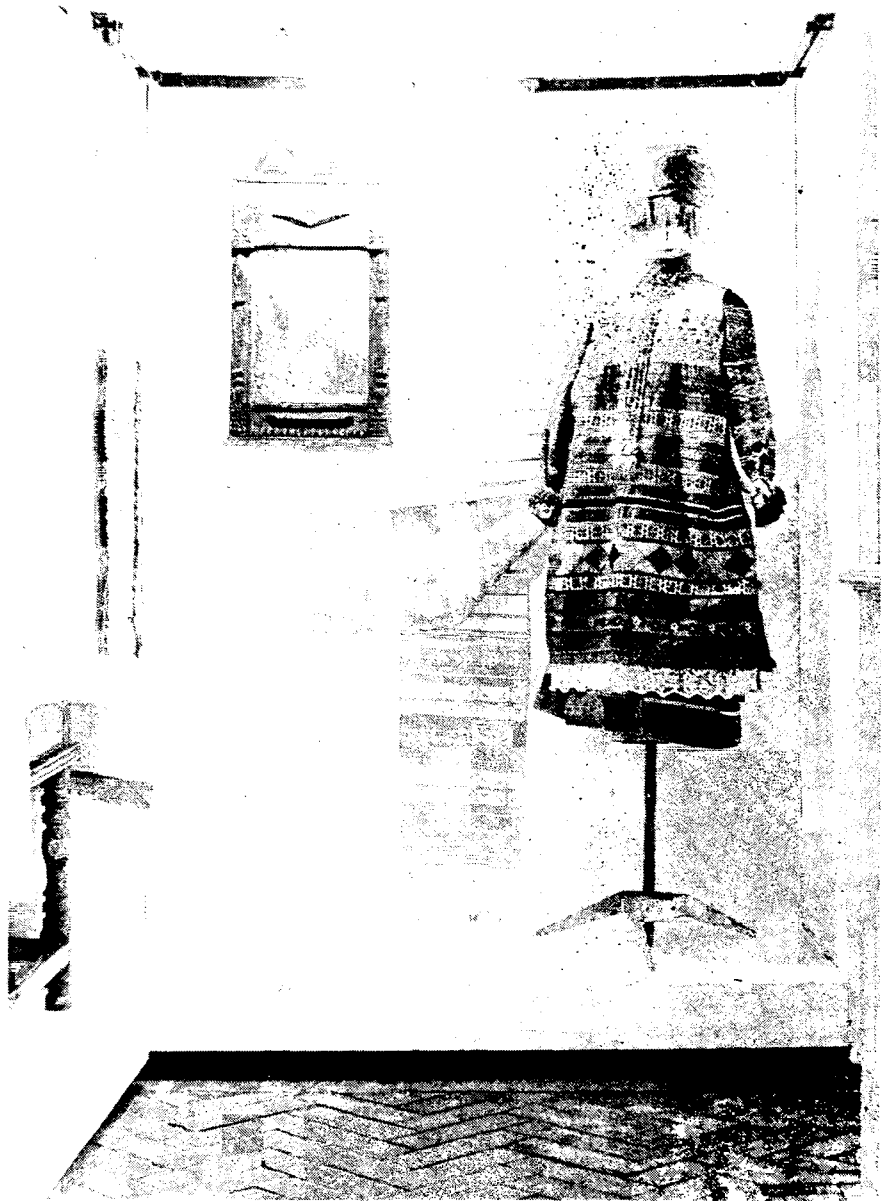

Рис. 1. Русский костюм. XIX в. (с. Любохна Дятловского р-на Брянской обл.)

В разделе, посвященном поступлениям в Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ), экспонировалась лишь малая часть материала, собранного за последние годы. Основное место на выставке занимали редкие в наши дни экспонаты, относящиеся к концу XIX — началу XX в., например праздничный костюм молодой женщины (привезен из с. Любохна Дятловского р-на Брянской обл. Н. Н. Сосниной, рис. 1), образцы старинной вышивки, налобное украшение к головному убору из с. Дегловка Козельского р-на Калужской обл.; традиционная утварь русского Севера (экспедиция Г. А. Плужниковой).

За последние годы фонды ГМЭ значительно пополнились этнографическими предметами из Ленинградской обл.: прялки, полотенца из Тихвинского р-на, разнообразные предметы традиционной культуры вепсов (экспедиция Д. А. Горб).

Уникальны предметы быта, приобретенные в Средней Азии экспедицией В. Р. Янборисова и А. В. Коновалова. На выставке экспонировался посох второй половины XIX в., использовавшийся в дервишских радениях.

Рис. 2. Предметы традиционной культуры папуасов (д. Бонгу, Папуа — Новая Гвинея. 1971 г.)

Многие годы с музеем сотрудничает ряд постоянных корреспондентов. Среди них — житель Вильнюса Ю. А. Яковлев (недавно скончавшийся). Благодаря его усилиям этнографическое собрание по туркменам значительно пополнилось уникальными коврами и ковровыми изделиями, женскими ювелирными украшениями, атрибутами свадебной обрядности. На выставке были представлены два редких образца настенных мешков XIX в., отличающихся высоким мастерством ткачества.

Житель Ленинградской обл. Б. А. Лейс более 10 лет постоянно собирает предметы традиционной культуры эстонцев-сету. На выставке экспонировался женский праздничный костюм, переданный им недавно в фонды музея.

В последние годы научная программа комплектования и создания новых экспозиций включает в себя сбор и исследование материала, отражающего этническую специфику предметов, изготовленных в 1970—1980-х годах на промышленных предприятиях, а также на предприятиях народных промыслов, например шелковые, крепдешиновые узбекские ткани, русский фарфор и ювелирные украшения, бытовая керамическая посуда.

Экспозиция раздела Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) знакомила посетителей с коллекциями по этнографии зарубежных народов, поступившими в музей за период с 1971 по 1987 г. Она открывалась показом предметов традиционной культуры народов Океании, собранных во время работы этнографического отряда Тихоокеанской экспедиции АН СССР на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев» в 1971 и 1977 гг. Этнографический отряд в составе сотрудников Ин-та этнографии АН СССР: москвичей Д. Д. Тумаркина (нач. отряда), В. Н. Басилова, М. В. Крюкова, В. Н. Шамшурова, ленинградцев Н. А. Бутинова, Н. М. Гиренко и Б. Н. Путилова; в него также входили и И. М. Меликсетова (Институт востоковедения АН СССР) и О. М. Павловский (Институт антропологии МГУ). Отряд посетил острова и архипелаги основных историко-культурных областей Океании. Был собран большой вещевой и иллюстративный материал, в фонды МАЭ поступила коллекция, насчитывающая свыше 200 предметов. Экспонаты выставки дают представление обо всей коллекции (рис. 2). Это традиционные предметы быта: деревянные блюда и плетеные изделия, музыкальные инструменты, одежда — юбки из растительных волокон, мужские украшения из раковин и клыков кабана; культовые предметы — деревянные фигуры предков и духов, маска-наголовник в виде свиньи для ритуальных танцев; образцы своеобразного ремесла — материя из луба (тапа).

С 1983 г. по инициативе Народно-Демократической Республики Йемен Академия наук СССР проводит комплексные гуманитарные исследования в этой стране. За пять лет работы этнографов МАЭ поступило около 200 предметов одежды, украшений, утвари из НДРЙ (собирателем А. А. Родионов). Эта коллекция была представлена на выставке двумя женскими платьями, глиняной курильницей для благовоний, плетеными изделиями — предметами, типичными для жителей провинции Хадрамаут.

На выставке экспонировались предметы традиционной культуры и быта японцев из большой (свыше 300 предметов) коллекции, полученной в результате научно-коллекционного обмена между МАЭ и Национальным этнологическим музеем г. Осака в Японии (собиратель В. П. Курылев). Это женские кимоно, керамические и фарфоровые сосуды, плетеные корзины из расщепленного бамбука и деревянные живописные куклы — *кокэси*.

Пополнению коллекций МАЭ немало способствует научно-собираТЕЛЬская деятельность сотрудников музея во время работы в различных странах, частных зарубежных поездках: значительное количество этнографического материала поступает от общественных организаций многих стран. На выставке были представлены некоторые экспонаты из таких поступлений, например мужская и женская одежда из Непала (собиратель В. А. Мазурина), плетеная сумка и набедренная повязка из Бангладеш, рукопись и гороскоп на пальмовых листьях из Шри-Ланки (собиратель Н. Г. Красноембская), индийские украшения, туалетные принадлежности, обувь, покрывало (дар общественных организаций Индии).

С 1973 по 1983 г. в фонды музея поступила значительная коллекция (свыше 700 предметов) традиционной культуры народа бамбара, проживающего в Республике Мали (собиратель В. Р. Арсеньев). На экспозиции из этой коллекции демонстрировались как традиционные предметы, так и изделия современных мастеров: два костюма охотников, музыкальные инструменты, деревянные ритуальные маски и марionетки, женские украшения из золотистой соломки, декоративные панно с аппликациями из фигур животных и растений.

Выставка вызвала большой интерес у ленинградцев и гостей города. Ее посетило около 300 тыс. человек.

Ленинградское телевидение посвятило выставке «Новые этнографические поступления» несколько сюжетов в своих еженедельных передачах «Монитор», «Телекурьер» и «600 секунд».

В. П. Гожева, Е. Я. Тимофеева

К 100-летию

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. К. АЗАДОВСКОГО

В декабре 1988 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося советского фольклориста и литературоведа профессора М. К. Азадовского (1888—1954). Юбилей известного ученого был отмечен в ряде городов нашей страны. В связи с юбилеем появился целый ряд книг, статей, публикаций, отражающих разностороннюю деятельность М. К. Азадовского.

Первые заседания состоялись в Ленинграде, с которым связана была значительная часть творческой деятельности М. К. Азадовского. Здесь он учился в университете и участвовал в деятельности этнографического кружка сибиряков, которым руководил Л. Я. Штернберг. Занятия этого кружка проводились в здании Музея антропологии и этнографии Академии наук. После окончания университета он был оставлен в нем для «приутовления» к профессорскому званию. Отсюда он уезжал в свои знаменитые фольклорные экспедиции в Сибирь. В Ленинграде М. К. Азадовский работал в Академии искусствознания, Институте книги, Институте речевой культуры, руководил делами (комиссиями) по изучению русского фольклора Государственного института по истории искусств и Института по изучению народов СССР (прямой предшественник Института этнографии). Он работал в Институте этнографии и в Институте русской литературы АН СССР. С 1934 по 1942 г. с 1945 по 1949 г. М. К. Азадовский, работая одновременно в других местах, заведовал кафедрой русского фольклора филологического факультета Ленинградского университета, которая была организована под его руководством. Естественно, в Ленинграде сформировался широкий круг учеников, слушателей, коллег и сотрудников М. К. Азадовского, бывшего в 30—40-е годы одним из признанных лидеров советской фольклористики.

5 декабря 1988 г. в Доме писателей им. В. В. Маяковского в Ленинграде состоялся мемориальный вечер. С воспоминанием о своем университетском учителе выступили ленинградцы, ученики М. К. Азадовского разных поколений — Л. М. Лотман, К. В. Чистов, Б. Ф. Егоров, В. С. Бахтин. Были также прочитаны неопубликованные воспоминания Д. М. Молдавского известного ленинградского литературоведа С. А. Рейсера, который сам не смог прийти на заседание. М. К. Азадовский, сын ученого, познакомил присутствующих с документами, отражающими травлю ведущих профессоров филологического факультета ЛГУ в 1948—1949 г. под предлогом так называемой «борьбы с космополитизмом». Среди них были В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, Г. А. Гуковский и М. К. Азадовский.

О вечере в Доме писателей был напечатан отчет в «Литературной газете», выразительный, озаглавленный «Рыцарь русской фольклористики» («Литературная газета», 28 декабря 1988 г.). Значительная часть воспоминаний, с которыми выступили участники мемориального вечера, должна быть опубликована в сборнике, подготовленном И. З. Ярневским в Улан-Удэ. В 1989 г. выйдут в издательстве «Советский писатель» воспоминания Д. М. Молдавского о М. К. Азадовском в его книге «Снег и время», а также воспоминания В. С. Бахтина в его сборнике статей «Прокосновение к песне».

6 декабря 1988 г. на филологическом факультете Ленинградского университета состоялась научная сессия памяти М. К. Азадовского. Сессию открыл вступительным словом заведующий

кафедры русской литературы А. Б. Муратов. Затем последовали доклады С. В. Житомирской (Москва) — об известном цикле работ М. К. Азадовского о декабристах, А. А. Ильина-Томича (Москва) — о большой работе «Затерянные и утраченные произведения декабристов», опубликованной в 1954 г. в 59-ом томе «Литературного наследства» (с. 601—777), В. П. Богдановой (Харьков) — о роли М. К. Азадовского в развитии краеведческой библиографии, И. В. Немировского (Ленинград) — о работах М. К. Азадовского, связанных с мемуарами братьев Бестужевых, и К. В. Чистова (Ленинград) — «М. К. Азадовский и проблема исполнения в русской фольклористике XIX—XX вв.» («Сов. этнография», 1989, № 2).

1—6 декабря 1988 г. одновременно состоялись научные сессии в Иркутске и Улан-Удэ. Иркутск — город, где М. К. Азадовский родился, провел детские годы и в 1907 г. окончил мужскую гимназию. Здесь же при его ближайшем участии начал издаваться первый после революции этнографический журнал «Сибирская живая старина». В 1923—1930 и затем в 1942—1945 гг. М. К. Азадовский был профессором Иркутского университета и заведовал кафедрой русской литературы. Он сыграл большую роль в развитии фольклористической и литературоведческой традиции в этом городе. В Иркутске до сих пор трудятся его ученики и коллеги и ученики его учеников.

Научно-теоретическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения ученого, была организована Иркутским отделением фонда культуры СССР, филологическим факультетом и библиотекой Иркутского университета. В. П. Трошкин произнес «Слово об Азадовском». Затем были прочитаны доклады: «К научной традиции М. К. Азадовского — фольклориста» (Е. И. Шагина), «Вопросы поэтики в научном наследии М. К. Азадовского» (А. П. Селявская), «М. К. Азадовский — декабриствед» (М. Д. Сергеев) и «Деятельность М. К. Азадовского как библиографа» (В. К. Пешкова). В заключение выступил К. М. Азадовский с воспоминаниями об отце и Е. А. Ячменев — с обзором «Литературно-музыкальные пятницы М. К. Азадовского в ИГУ».

Кроме Иркутска М. К. Азадовский в разные годы работал и преподавал в научных учреждениях Новосибирска, Томска и Читы. Вокруг него неизменно группировались местные научные силы, особенно молодежь, в конечном счете, формировался научный центр, игравший значительную роль в развитии сибиреведения, особенно сибирской фольклористики и этнографии. Большую роль в этом процессе сыграло активное участие М. К. Азадовского в деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. В этой же связи должна быть названа, к сожалению, так и оставшаяся незавершенной «Сибирская советская энциклопедия», одним из организаторов и редакторов которой он был.

Улан-Удэ тоже должен быть назван в числе сибирских городов, формирование которых как научных центров связано с научной и педагогической деятельностью М. К. Азадовского и его учеников и последователей. 16 декабря 1988 г. здесь состоялось расширенное заседание филологической секции Ученого совета Бурятского института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР. Вступительное слово на заседании произнес директор Института В. П. Найдаков. Были прочитаны доклады: Е. В. Баранниковой «Жизненный и творческий путь М. К. Азадовского», И. З. Ярневского — «„Сибирика“ М. К. Азадовского (20-е годы)», Н. В. Соболевой — «Сказочный жанр в исследованиях М. К. Азадовского» и Ц. А. Дугар-Нимаева — «Материалы М. К. Азадовского в Рукописном отделе Бурятского научного центра».

Заседания в Ленинграде, Иркутске и Улан-Удэ вызвали значительный интерес научной общности. Они сопровождались сообщениями и статьями в местных газетах («Восточно-Сибирская правда», «Правда Бурятии», «Буряад Унэн» и др.), беседами по радио и телевидению.

Юбилей был ознаменован выходом в свет нового сборника М. К. Азадовского «Сибирские страницы. Статьи, рецензии, письма», составленного Н. Н. Яновским и изданного Восточно-Сибирским книжным издательством. На этом сборнике, представляющем значительный интерес для фольклористов и этнографов, мы не останавливаемся подробно, так как в журнале опубликована юбилейная ему рецензия М. Я. Мельца («Сов. этнография», 1989, № 2).

Продолжилась публикация не появлявшихся в печати исследований, статей и писем М. К. Азадовского и в ряде периодических изданий. В № 12 новосибирского журнала «Сибирские огни» за 1988 г. М. К. Азадовскому посвящен отдел, содержащий интереснейшие материалы. Так, здесь впервые опубликована лекция о родноведении (краеведении) и его задачах, прочитанная в 1918 г. в Коммерческом училище в Лесном (Петроград) в качестве введения к курсу о фольклоре. Она интересна не только как документ, характеризующий понимание задач краеведения накануне его расцвета в 20-е годы, но и как первый набросок небольшой, но получившей широкую известность книжки «Беседы собирателя» (1924; 2-е изд. 1925), сыгравшей заметную роль в разработке методики полевой работы фольклористов. Лекция заканчивается характерной сентенцией: «Перед народоведами стоит громадное поле деятельности, именно теперь мы должны знать всех, кто интересуется этой работой, особенно народной словесностью. Надо звать всех к этой работе. Буря наша показала нам, что нужно не учить народ, а учиться вместе с ним. Задача родноведа не только вести в народ знания, но и самому идти к изучению родины вместе с народом» (с. 151).

Значительный интерес в этом отделе представляют также переписка молодого М. К. Азадовского с будущим академиком М. П. Алексеевым (8 писем, прокомментированные М. К. Азадовским), воспоминания И. З. Ярневского «М. К. Азадовский в годы войны» и, особенно, выполненные с большим мастерством «Дополнения к указателю литературы М. К. Азадовского (1888—1954)», принадлежащие перу известного библиографа-фольклориста М. Я. Мельца. Речь идет о библиографическом указателе трудов М. К. Азадовского, изданном В. П. Томиной под редакцией Е. А. Кушлиной в 1983 г. Библиография эта, несомненно, полезна, однако в ней есть много погрешностей и пропусков. Дополнения к библиографии В. П. Томиной, касающиеся публикаций М. К. Азадовского

по фольклору и этнографии, были в свое время перечислены М. Я. Мельц в рецензии, напечатанной в «Сов. этнографии» (1985, № 3, с. 155—157). Читатель теперь получил возможность познаться с поправками и дополнениями, касающимися литературоведческих, искусствоведческих и других работ М. К. Азадовского. Кроме того, М. Я. Мельц продолжила и дополнила список рецензий и откликов, увидевших свет после того, как библиография В. П. Томиной была подготовлена к печати. Даются также новые сведения о не учтенных прежде рукописях М. К. Азадовского, хранящихся в различных архивах. Среди них фольклористические и этнографические статьи, по тем или иным причинам оставшиеся неопубликованными. Одним словом, исследователь, интересующийся научным творчеством М. К. Азадовского, должен теперь, пользуясь указателем В. П. Томиной, обязательно заглянуть в рецензии М. Я. Мельц в «Сов. этнографии» и «Сибирских огнях». Остается пожалеть, что до сих пор не осуществилось новое издание указателя, тем более, что составительница несколько нам известно, располагала поправками М. Я. Мельц.

Новые публикации работ М. К. Азадовского к юбилею не ограничиваются уже упомянутым. Для первого выпуска нового издания «Библиофил Сибири» А. А. Ильин-Томич и Ю. П. Благоволин подготовили хранящуюся в фондах Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина рукопись «Письма Д. И. Завалишина к А. С. и О. Ф. Смоляниновым». Эта работа была задумана М. К. Азадовским как вступление к публикации писем Д. И. Завалишина, которая готовилась в 1925 г., но так и не увидела свет.

И, наконец, в эти же дни в т. III «Литературного наследия Сибири» (Новосибирск, 1988) продолжилась публикация переписки М. К. Азадовского с сибироведами Г. Ф. Кунгуровым, Е. Д. Петряевым и др. (вступительная статья и комментарий Н. Н. Яновского).

В Петрозаводске опубликована книга автора настоящей информации «Ирина Андреевна Федосова. Историко-культурный очерк» с посвящением М. К. Азадовскому.

Как уже отмечалось, несмотря на то, что со дня смерти замечательного ученого прошло более четверти века, его исследования продолжают появляться и активно участвуют в развитии фольклористики в наши дни. 100-летний юбилей со дня рождения М. К. Азадовского еще раз заставил нас в этом убедиться. Публикации продолжают, и внимательно следящие за ними читатели не перестают удивляться интенсивности и широте научных интересов М. К. Азадовского — фольклориста, литературоведа, этнографа, сибироведа.

Юбилей вызвал и целую серию откликов в печати. Кроме «Литературной газеты» (28 декабря 1988 г.), назовем еще «Известия» (А. Турков. «Сибирские страницы русской культуры», 27 октября 1988 г.), а также юбилейные заметки в «Восточно-Сибирской правде» (М. Сергеев. «За пределами сказок», 2 февраля 1989 г.), в «Забайкальском рабочем» (Е. Петряев. «Идущий вперед», 18 декабря 1988 г.), в журнале «Известия Сибирского отделения АН СССР» (№ 10, вып. 3, 1988 г.), в американском «Slavic Review» (1988, № 4), западногерманском «Zeitschrift für Slavistik» (1988, № 2), венгерском «Slavica Hungarica» и др.

К. В. Чистя

В рамках Восточнославянской этнографической экспедиции Института этнографии Н СССР в 1987—1988 гг. автор провел индивидуальные экспедиционные поездки в украинские Карпаты с целью изучения развития сельского жилища в советский период. На протяжении восьми месяцев работы велись в 40 селах и одном поселке городского типа в Сколевском районе Львовской, Тернопольском, Косовском и Надворнянском районах Ивано-Франковской, Вижницком, Черновицкой и Межгорском, Воловецком, Перечинском, Свалявском, Хустском, Тячевском районах Закарпатской областей. Среди жителей всех обследованных населенных пунктов преобладают украинцы. За редким исключением, обследованные поселения расположены в границах проживания трех этнографических групп украинского народа — гуцулов, лемков.

При выборе населенных пунктов принималось во внимание как выполняемые ими административно-хозяйственные функции, так и количество проживающего населения, а также степень изученности традиционного жилища. Опрос информаторов проводился по специально составленному вопроснику для изучения сельского жилища Украинских Карпат советского периода. Всего опрошено 1600 информаторов и обследовано около 1900 жилых и хозяйственных построек, большинство из которых зафиксировано на фотографии, а наиболее интересные и характерные — обмерены. В каждом населенном пункте обязательно опрашивались мастера-строители и печники разных поколений. Кроме того, в областных и районных центрах были получены статистические материалы, а в сельских советах — данные похозяйственных книг, дающие возможность определить динамику индивидуального жилищного строительства на селе советское время. Получены также типовые архитектурные проекты, которые в разное время предлагались государственными органами застройщикам для индивидуального строительства в селах.

В 1940-х годах жилой фонд сел на обследованной территории состоял в основном из построек, построенных в XIX — начале XX в., характерных для этого периода, иногда частично модифицированных. Но наряду с ними фиксируются и дома, выделяющиеся новыми принципами пространственного решения, в плане близкие к квадрату, с ярко выра-

женной основной жилой функцией и, как выяснилось во время полевых исследований, ставшие прототипами большинства вновь построенных в советское время жилых домов. Наиболее ранние примеры постройки таких домов, зафиксированные в полевых условиях, датируются началом нашего века. Планировка таких домов компактна, с двумя и более жилыми помещениями на первом этаже. Иногда они имеют мансарду, где находятся две-три жилые комнаты, отапливаемые зимой. Обязательными элементами являются каменный фундамент по всему периметру несущих стен и большие оконные проемы, обеспечивающие хорошую освещенность помещений. Возникли даже свои, особенные названия таких домов — *квадратівка*, *кантова хата*, *кругла хата*. Но, как свидетельствуют информаторы, в сороковые годы лишь в отдельных селах количество таких домов достигало десяти — двадцати, а как правило их насчитывались единицы. Наиболее интересные решения квадратных зафиксированы в селах Тухля и Нижнее Синевидное Сколевского, Соколовка Косовского и Изки Межгорского районов.

Строили такие дома в основном зажиточные крестьяне, среди которых встречаются возвратившиеся из-за океана эмигранты, ездившие на заработки. В 1950-ые годы наблюдается подъем строительства на селе. С этого времени основное, центральное место на крестьянском дворе начинает занимать жилой дом. С 1950-ых годов в горных районах Прикарпатья, а с середины 1960-ых — в Закарпатье строят преимущественно многокомнатные дома в плане приближенные к квадрату. В настоящее время по данным похозяйственных книг жилой фонд большинства обследованных сел на 70—80% и более состоит из домов, возведенных в советское время, и лишь в некоторых селах Гуцульщины он обновлен немногим более чем наполовину.

В большинстве случаев в различных вариантах планировки новых жилых домов четко прослеживается связь с традиционными ее типами. В советское время развитие плана жилого дома шло по пути образования новых помещений за счет деления существующих, изменения их функционального использования, увеличения общих размеров дома в плане, а также его вертикального развития (подвальный, цокольный, мансардный, а в Закарпатье и второй этаж).

Под влиянием городской культуры жилища

с 1970-ых годов жилые комнаты сельского дома приобретают более точную функциональную дифференциацию, закреплённую терминологически. Но, как оказалось, этот процесс имеет свои особенности. На всей обследованной территории старшее, среднее и большая часть младшего поколения и по сей день проживает в основном в кухнях, в том числе и в отдельно стоящих летних кухнях, строительство которых особенно распространено в Закарпатье. Следовательно сохраняется такой характерный для прошлого элемент быта как полуфункциональное использование одного жилого помещения. Большая же часть дома, а то и весь дом, играет лишь престижно-парадную роль. Правда, в последние годы наметилась тенденция смены ценностных ориентаций, характерная для молодых поколений: стремление использовать все жилые помещения в доме.

Относительная парадность наложила отпечаток и на архитектурно-художественное оформление экстерьера жилого дома. Распространенной стала нехарактерная в прошлом для внешнего облика срубного жилища полихромия. Для внешней отделки зданий широко применяются, особенно в Закарпатье, декоративные штукатурки, пластические орнаменты и штучные орнаментальные фактуры.

Та же ориентация проявляется и в решении интерьера. В селе Керецьки Свалявского района стали популярны двери и внутренние лестницы из красного дерева, ореха и других ценных пород с применением резьбы и инкрустации, мозаичные паркетные полы из пород разных цветов и оттенков, имеющие сложный рисунок. При меблировке интерьера повсюду зафиксирована устойчивая ориентация на городские образцы мебели. Вместе с тем сохраняется обычай украшать интерьер вышивкой, тканями коврами и *ліжниками*, изделиями из керамики.

Полевые исследования показали также, что типовые проекты усадебных жилых домов не получили широкой популярности у сельских застройщиков. Поэтому в настоящее время представляется целесообразной организация на местах небольших местных кооперативов архитекторов, занимающихся индивидуальным проектированием жилища для села, что обеспечило бы тесный контакт с застройщиками и максимальное удовлетворение их запросов. Несколько таких кооперативов уже успешно работают в Закарпатье. Необходимо также более гибкий учет региональных и местных условий при проведении государственной политики в области сельского жилищного строительства, а также усовершенствование в этом направлении ряда законодательных актов.

Резюмируя сообщение о результатах экспедиционных поездок, необходимо сделать некоторые выводы. Сельское жилище Украинских Карпат советского времени, развиваясь на основе традиционных форм, характеризуется соединением новых черт с рациональными элементами давнего народного зодчества. В его современных формах, которые стали фактически традиционными для советского времени, достаточно ярко проявился процесс этнической консолидации украинцев. Вместе с тем, существуют и локальные особенности характерные для современного гуцульского, бойковского и лемковского жилища, среди которых и сформировавшиеся в советское время. Интересно, что большая их часть осмыслена крестьянами. Кроме того отчетливо прослеживается тенденция формирования ряда отличительных черт регионального характера, отличающих сельское жилище горных районов Прикарпатья и Закарпатья.

Собранные материалы хранятся в архиве автора.

Т. И. Процев

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

The Evolution of Human Behaviour: Primate Models /Ed. Kinzey W. G. N. Y., 1987. 295 p.

Вышедшая в 1987 г. книга «The Evolution of Human Behaviour: Primate Models» под редакцией Кинзи представляет собой обобщающий труд — итог симпозиума «Приматологические модели эволюции человеческого поведения», организованного Американской ассоциацией физических антропологов с целью обратить внимание антропологов всех дисциплин на достижения в области приматологии и возможность использования этих исследований для понимания процессов антропогенеза. Книга состоит из введения и 10 глав, объединенных тематически в четыре раздела: 1. Поведенческие новообразования (инновации). 2. Приматологические модели. 3. Палеоэкологические модели. 4. Теоретические аспекты. Она представляет собой попытку объективного комплексного обобщения современных данных по этологии, экологии, демографии, морфофизиологии и цитогенетике приматов, палеоантропологии, чтобы решить вопрос о возможности восстановления достоверно полной картины образа жизни древнейших гоминид; обсуждаются вопросы социальной организации, взаимоотношений полов, внутри- и межгруппового общения, пищедобывающие стратегии и многое другое.

Несомненно положительным моментом книги является ее полемический характер: в отдельных главах представлены различные, порой противоположные точки зрения на проблему использования приматологических моделей при реконструкции эволюции гоминид. Сусман (с. 151—182), например, отстаивает мнение о большей перспективности использования моделей, построенных на основе данных о поведении социальных хищников наряду с приматами, что мотивируется, с точки зрения этого автора, значительным сходством экологии хищных и гоминид. Другие же авторы, как нам кажется, совершенно справедливо настаивают на преимуществах приматологических моделей, утверждая, что филогенетическая близость гораздо важнее экологической, а гомологическое сходство неоспоримо более значимо, чем конвергентная аналогия (Струм, Митчелл, с. 87—104). В высказываниях Крокетт (с. 135) звучит искреннее сомнение относительно возможности объективной реконструкции ряда важных черт поведения гоминид на базе поведенческих и палеоантропологических данных.

Большинство авторов книги настаивают на необходимости долгосрочных наблюдений за поведением разных видов приматов, так как только они позволяют строить объективные модели социального поведения гоминид, учитывающие возможность изменчивости социальной структуры и различных аспектов поведения в зависимости от сезона и экологических условий. Авторы делают своими сомнениями по поводу объективных сложностей при реконструкции эволюции гоминид. Крокетт (с. 132—133), Поттс (с. 47), Струм и Митчелл (с. 104), выступая против статистических моделей, подчеркивают, что нельзя выделить ни одного современного вида приматов, который мог бы служить приемлемой социоэкологической аналогией. Тем не менее, нам кажется, нужно особенно подчеркнуть, что из этого не следует вывода об отказе от приматологических моделей вообще. Наоборот, выражается уверенность в том, что понять и изучить уникальность поведенческой эволюции гоминид возможно лишь при условии анализа уникальных особенностей поведения и социоэкологии приматов, детального исследования способов адаптации к среде обитания у разных видов и анализа возникновения поведенческих вариаций в разных популяциях одного вида (Поттс, с. 40).

Установившись подробнее на основных, наиболее интересных, с нашей точки зрения, выводах, представленных в данной книге. Как правило, вопрос о ведущей роли охоты как ключевого момента в эволюции гоминид, связанного с развитием орудийной деятельности, традиционно занимает существенное место в трудах по антропогенезу. При этом всегда подчеркивается стимулирующая роль охоты возникновения навыков пользования орудиями. В статье Тернера «Возвращение к шимпанзоидной модели и гипотезе собирательства» (с. 3—27), а также во вводной статье Кинзи (с. VI—XI) предлагается, однако, пересмотреть подобные представления. По мнению этих исследователей, логично прикрепленному данным многолетних наблюдений за поведением шимпанзе, ведущую роль в возникновении орудий труда сыграло собирательство. «Гипотеза собирательства», развитая Тернером, предполагает, что орудийная деятельность носила следы половой дифференциации и первыми творцами орудий были не мужчины, а женщины. Это было обусловлено более высокими энергетическими потребностями женщин (обеспечение собственного существования, развития зародышей и обеспечение пропитания для детенышей, длительное время находящихся в тесной зависимости от матери)

и их стремлением использовать более питательные корма. Использование орудий позволило не только повысить эффективность собирательства, но и использовать высокопитательные, ранее недоступные пищевые ресурсы, например орехи с твердой скорлупой. Дедеж пищи, по мнению Тернера, также развивался прежде всего в условиях собирательства, и вначале он был направлен со стороны самок на прокормление собственных детенышей. Обучение навыкам использования орудий происходило в период онтогенеза и передавалось от матери к детям. Последнее обстоятельство обеспечивало непрерывность существования традиций в популяции.

Обсуждается в книге и другой традиционный вопрос антропогенеза — о происхождении двуногого похода. Для объяснения этого явления Поттс в главе «Реконструкция социозоологии ранних гоминид: критика приматологических моделей» (с. 28—47) развивает «гипотезу переноса пищи». Опираясь на данные археологических исследований, этот автор доказывает, что древнейшие гоминиды имели свои специальные социальные базы, аналогичные местам сна у современных приматов, которые располагались вокруг источника камня (склада). Мясо, добытое во время охоты, приносили именно к складу камней, разделявали, поедали, а остатки относили в специально отведенные места, где они и становились добычей хищников. Таким образом обеспечивалась безопасность социальных баз (там основную часть времени проводили дети, женщины, больные). С точки зрения Поттса такая реконструкция была бы невозможной на основе одних только археологических данных, она требует хорошего знания особенностей поведения приматов и современных охотников-собирателей.

В разделе «Приматологические модели» дается оценка возможности использования в качестве модельного вида обыкновенного и карликового шимпанзе (на основе гомологической близости с гоминидами), а также павианов (сходство по аналогии). Вранхем в главе 3 — «Африканские антропоиды; значение африканских антропоидов для реконструкции социальной эволюции человека» (с. 51—71) предлагает проводить реконструкцию, учитывая филогенетически консервативные признаки, общие для единого исходного предка. Среди них он называет экзогамию самок, полигамию, доминантно-враждебные отношения между самцами из разных групп. Автор подчеркивает спекулятивность существующих моделей социальной поведения, что связано с серьезными проблемами в наших знаниях об экологии гоминид. Однако подобные затруднения преодолимы, с точки зрения Вранхема, и можно воспроизвести архетип поведения общего гоминиоидного предка, если изучить в сравнительном аспекте социозоологию современных приматов и человека. Сусмэн в главе 4 — «Шимпанзе: карликовые шимпанзе и обычные шимпанзе — модели для поведенческой экологии ранних гоминид» (с. 72—86) предлагает обратить внимание на изучение поведения карликовых шимпанзе, адаптированных к жизни в лесу. Такой выбор определяется, по его мнению, результатами археологических и палеоэкологических раскопок, свидетельствующих о том, что общий для антропоидов и гоминид предок был типично лесным обитателем. Не случайно в морфологии австралопитеков отмечается сочетание черт наземной двуногой и древесной формы. По мнению Сусмэна, предковые формы имели компактные группы, аналогичные социальной организации карликовых шимпанзе, а не рыхлые социальные образования, сходные с таковыми у обыкновенных шимпанзе. Модель предложенная Сусмэном, предполагает также пониженную внутригрупповую агрессивность, кооперацию самок, тесные устойчивые связи между самками у гоминид. Струм и Митчелл в главе 5 — «Павианы: павианьи модели и путаница» (с. 87—104) обосновывают необходимость долгосрочных полевых исследований и применения сравнительного подхода. Авторы приходят к выводу, как нам представляется, к выводу о том, что получившая ранее значительную популярность «павианья модель» (опиравшаяся на три основных признака: хищничество, агрессивность, доминирование) слишком примитивна и не соответствует данным современным полевым наблюдениям о характере взаимоотношений особей в группах у павианов. Доводы Струма и Митчелла являются серьезным возражением против жизнеспособности моделей Сусмэна и Вранхема. Нам представляется также, что мнение этих авторов относительно невозможности проведения прямых параллелей между каким-либо конкретным видом приматов и гоминидами более соответствует истине.

Исклительный интерес для антропологов и этнографов может представлять, по нашему мнению, глава 6 — «Моногамные приматы: приматологические модели брачных систем человека» (с. 105—114), написанная Кинзи. Автор доказывает, что приматам в целом более свойственны полигамные и промискуитетные отношения, чем моногамные. Моногамия же в большинстве случаев сопряжена с жесткими экологическими и поведенческими характеристиками: ограничена экологически и консервативна поведенчески. Промискуитетные и полигамные связи, наоборот, предполагают более сложные социальные взаимоотношения между особями и обеспечивают большую экологическую и поведенческую гибкость. С его точки зрения, гипотеза Лавджоя¹ о моногамии как важнейшей инновации ранних гоминид должна быть пересмотрена и исключена. Кинзи детально поясняет, почему и в настоящее время моногамия нельзя признать наиболее естественным и распространенным типом брачных отношений в человеческом обществе. При реконструкции системы социосексуальных отношений у ранних гоминид важно понять, что типы сексуальных отношений между полами у приматов имеют не только различную историю, но и различное адаптивное значение. Моногамия приматов могла возникнуть в различных таксонах как следствие разных причин, под влиянием разных экологических условий: 1) как преимущество группового образа жизни над одиночным; 2) как средство защиты скудных и ценных ресурсов; 3) как реакция на хищничество со стороны человека. По мнению Кинзи, приматологическая модель предполагает наличие адаптивного преимущества и эволюционного успеха репродуктивных систем, расширяющих социальные связи за счет независимых репродуктивных ячеек, будь то за счет родственных связей или путем формирования неродственных отношений и организаций. Моногамия у человека имеет место в специфических экологических условиях и неизменно сопровождается разнообразными взаимоотношениями, увеличивающими потенциал социальных связей. Именно нехватка социальных связей в условиях моногамного образа жизни и составляет, по мнению Кинзи, основной недостаток парного образа жизни.

исследования этого автора позволяют, с нашей точки зрения, заключить, что многомания возникала неоднократно в разные периоды человеческой истории и была обоснована не моральными, а в первую очередь социально-экономическими и экологическими факторами.

В главе «Диета, диморфизм и демография: перспективы исследования от ревунов до гоминид» (с. 115—138) Крокетт обсуждает возможность использования ревунов в качестве модели поведения гоминид и реконструкции социальной организации последних. Модели отдельных аспектов поведения, например связанных с системой спаривания (и в этом Крокетт соглашается с Кинзи), могут иметь много общего у представителей разных таксономических групп. Исследования нескольких видов ревунов, кормящихся группами, позволяют утверждать, что изменения окружающей среды могут оказывать существенное влияние на поведение гоминид, включая пищевые стратегии и типы активности. Как и другие авторы (Струм, Митчелл), Крокетт считает необходимым учитывать возможные вариации поведения особей в популяциях одного вида, проживающих в различной местности, а также сезонную изменчивость поведения. Крокетт проводит аналогию между ревунами и гоминидами, указывая, что у представителей обоих таксонов сохраняется единообразие системы питания в различных условиях местообитания. Она обращает внимание также еще на одну вероятную аналогию гоминид с ревунами: речь идет о возможности действия отбора у гоминид дифференцированно на особей разного пола. Отмечается, что важно не только узнать, чем могли заниматься особи разного пола в популяциях гоминид, но и представить, каким образом поведение особей одного пола могло ограничивать или направлять эволюцию поведения особей противоположного пола. Крокетт указывает на малую вероятность многомания у ранних гоминид и, ссылаясь на палеоантропологические данные о выраженном диморфизме афарских австралопитеков, подчеркивает высокую степень вероятности полигамных отношений между полами. Рассуждения автора представляются нам весьма логичными и тесно переплетаются с выводами Кинзи.

Несомненно, оригинальный подход для определения социальной структуры предковых форм предложен Марксом в главе 8 — «Цитогенетические методы: социальные и экологические аспекты цитогенетики приматов» (с. 139—150). Данный исследователь полагает, что хромосомный анализ позволяет сделать определенные выводы относительно социальной организации конкретных видов. У видов с большими, мобильными стадами и частым переходом особей из одной группы в другую тенный дрейф ингибируется, а карiotип становится однообразным. Наоборот, у видов, живущих небольшими территориальными группами, генный дрейф весьма существен и сочетается со значительным разнообразием карiotипов. Таким образом, хотя это кажется на первый взгляд парадоксальным, данные хромосомного анализа могут свидетельствовать в пользу шимпанзоидной модели социальной организации ранних гоминид.

Глава 9, написанная Сусмэном, — «Морфофизиологический анализ диеты: видоспецифические типы диеты у приматов и человека» (с. 151—182) обосновывает концепцию существования характерной для каждого вида модели диеты. Она завершается выводом, что ранние гоминиды были всеядными формами, при этом они потребляли незначительное количество мяса, а фрукты составляли основной вид питания. Это заключение, несомненно, важное для специалистов в области антропологии, явно перекликается с идеей Теннера о ведущей роли собирательства в жизни ранних гоминид, стимулировавшего развитие bipedии.

Итоговая, 10-я глава книги, написанная Туби и Девором, — «Реконструкция поведенческой эволюции путем оперативного моделирования» (с. 183—238) наиболее важна, с нашей точки зрения, для понимания современного состояния проблемы реконструкции поведения гоминид. Но одновременно с этим она и наиболее спорная. Авторы доказывают, что существенные различия в уровнях сложности организации поведения и его разнообразия у приматов, протогоминид и человека можно объяснить методом оперативного моделирования (с. 235). Существенным является понимание различий между непосредственными поведенческими адаптациями и эволюционными целями. Основные идеи авторов подкрепляются с позиций социобиологического подхода. Конкретные поведенческие механизмы отбираются, чтобы содействовать достижению итоговой приспособленности — эта цель строго фиксирована и существует для протекания эволюционного процесса. Но непосредственные механизмы, которыми приспособленность поддерживается, изменяются в ходе эволюции в зависимости от таких факторов, как предшествующие адаптивные образования, мутации, онтогенетические ограничения, преадаптации. По мнению авторов, оперативное моделирование исключительно подходит для анализа механизмов развития интеллекта, сознания, сложного научения, культурной передачи, тесно переплетенных с совместно эволюционирующей мотивационной системой, как раз потому, что оно анализирует эти механизмы посредством понятий эволюционных целей, которые неизменны. Преимущества оперативного моделирования видятся прежде всего в том, что для того не существует разрыва в процессе развития каких-либо признаков. Новые свойства являются выражением тех же адаптивных процессов. Такие теоретические размышления приводят Туби и Девора к выводу: сложные механизмы поведения гоминид не отделились от общеэволюционных принципов; более развитый интеллект гоминид позволял им точнее выделять особые средовые, исторические и ситуационные факторы и модифицировать свое поведение в адаптивно приемлемом виде. Рожденные человеческие характеристики, инкорпорированные в геноме, были включены туда потому, что они повышали итоговую приспособленность особей. Утверждать, что человек стал чувствительным к влиянию эволюционного процесса, как пишут Туби и Девор, — глубочайшее заблуждение, обоснованные реконструкции поведения гоминид возможны, по мнению авторов статьи, лишь в условиях признания исключительной роли эволюционной теории и поведенческой экологии как важнейших инструментов для палеоантропологии. Только эволюционная биология (в этом Туби и Девор полностью занимают позицию социобиологов) может дать концептуальную модель, необходимую для понимания гоминиоидной эволюции. Оперативное моделирование представляет собой такую концептуальную модель, в основе которой лежат следующие принципы: 1) гены —

звено в эволюционной цепи; 2) животные ведут себя таким образом, как это позволяет стратегия обеспечивающие их итоговую приспособленность. В прошлом виды являлись объектом воздействия тех же фундаментальных эволюционных законов и экологических сил, что и в настоящее время. Поэтому авторы делают вывод, что принципы, которые мы познаем сегодня, применимы были на протяжении всей эволюционной истории. Трудно согласиться с категоричностью авторов относительно универсальности действия законов естественного отбора независимо от уровня организации вида, а также с утверждением о неизменности этих законов применительно к гоминидам. Напомним, что в отечественной литературе успешно развиваются представления об универсальных и частных законах эволюции, возможности эволюции самой эволюции². Туби и Девор приходят к выводу о том, что параметры определенных сторон жизни гоминид в разные периоды их эволюционной истории можно вычислить на основе учета комплекса данных: 1) знания примеро-гомологии у приматов, представленной на основе поведенческих, морфологических и биохимических данных; 2) характеристик, присущих современному человеку; 3) палеоантропологии; 4) археологии; 5) палеоэкологии. Следует сказать, что общая направленность статьи (как, впрочем, и книги в целом), ориентирующая исследователей на необходимость комплексного подхода в решении проблем антропогенеза, заслуживает самого серьезного внимания.

Иdeen, высказанные на страницах рецензируемой книги, в большинстве своем спорны. Тем не менее многие из них логически обоснованы и находят подкрепление в многочисленных примерах. Книга позволяет шире, а зачастую и просто по-новому взглянуть на проблемы эволюции человека и общества, понять всю необходимость анализа предпосылок антропогенеза на базе новых, накопившихся уже в 80-е годы сведений в области приматологии, этологии и экологии приматов, а также указывает на необходимость в первую очередь полного пересмотра существующих, традиционных в этнографии и антропологии представлений относительно происхождения экзогамии, разных типов брачных систем, происхождения орудийной деятельности, двуногой походки и т. д.

Вопросы, освещенные авторами, современны и актуальны и представляют интерес для широкого круга специалистов, прежде всего антропологов, этнографов, историков, археологов, социологов, психологов и философов.

М. Л. Буговская

Примечания

¹ Lovejoy C. O. Hominid Origins: the role of bipedalism // Amer. J. Phys. Anthropol. 1980. V. 52. P. 250.

² Завадский К. М., Колчинский Э. И. Эволюция эволюции. Л., 1977.

В. А. Шнирельман. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989. 444 с.

Рецензируемая книга посвящена одной из самых важных и в то же время сложных проблем науки. К настоящему времени по этому вопросу накоплен колоссальный материал, в котором легко утонуть. Чтобы этого не случилось, нужен теоретический ориентир, руководствуясь которым можно было бы выделить основное, отделить существенное от несущественного, правильно истолковать огромное количество фактов.

В качестве такого теоретического ориентира В. А. Шнирельман принимает идею выдающегося советского биолога Н. И. Вавилова о первичных и вторичных центрах формообразования культурных растений. Эту идею автор творчески развивает. Речь идет не просто о первичных и вторичных центрах формообразования культурных растений, а о первичных и вторичных очагах становления производящего хозяйства, включающего в себя не только земледелие, но в большинстве случаев и животноводство. Если Н. И. Вавилов выделяет свои центры по синхронным ботаническим данным, то В. А. Шнирельман широко привлекает материалы археологии, палеоботаники, палеоэкологии и палеоклиматологии.

Самым древним из всех очагов производящего хозяйства является переднеазиатский, который как считает автор, возник в результате объединения шести микроочагов (восточносредиземноморского, северосирийского, юго-восточноанатолийского, южноанатолийского, загросского и закавказского). Здесь впервые в истории человечества зародилось производящее хозяйство. Это произошло в период от IX—VIII тысячелетий до второй половины VIII—VII тысячелетий до н. э. Другими первичными очагами производящего хозяйства в Азии были юго-восточноазиатский и восточноазиатский. В Африке автор выделяет сахаро-суданский и гвинейско-камерунский в Америке — мезоамериканский и андийский первичные очаги.

Вторичных очагов было значительно больше. Если в Европе не существовало ни одного первичного очага производящего хозяйства, то вторичных было три: балканский, центральноевропейский и восточноевропейский степной.

Автор детально прослеживает распространение земледелия и скотоводства из первичных а затем и вторичных очагов. Это происходило по-разному. В одних случаях имели место миграции земледельческо-скотоводческого населения. В других — заимствование местным населением новых хозяйственных навыков у соседей. Чтобы ответить на вопрос, с каким именно вариантом мы сталкиваемся, В. А. Шнирельман широко привлекает данные археологии, палеоантропологии, где это возможно, лингвистики.

Важно отметить, что особое внимание в книге уделяется образу жизни и социальной организации человеческих сообществ как в период, предшествующий переходу к производящему хозяйству, так и во время самого перехода и, наконец, после того, как он завершился. Опираясь на данные археологии, автор в каждом конкретном случае стремится дать ответ на целый ряд важных вопросов.

Один из них — вели ли люди бродячий, сезонно-оседлый или полностью оседлый образ жизни. Он тесно связан с вопросом о типе и размерах стоянок и селений, типе и величине жилищ. Следующий вопрос относится к социальной структуре: были ли у этих групп людей престижно-социальные отношения, а также существовала ли у них социальная дифференциация, и какой степени она достигала. Еще один вопрос: насколько был развит обмен между социальными организациями и сколь широка была территория, втянутая в систему обменных отношений.

И во многом получить ответ на эти вопросы автору удастся, в результате чего перед читателем предстает яркая и достаточно достоверная картина жизни людей тех отдаленных эпох.

Детально рассмотрению первичных и вторичных очагов становления производящего хозяйства посвящены восемь из десяти глав книги (главы 2—9). В первой главе рассматриваются основные этапы изучения проблемы происхождения и ранней истории производящего хозяйства. Последняя, — десятая глава содержит основные выводы, сделанные на основе анализа конкретного материала. Она представляет особый интерес.

В этой главе автор прежде всего указывает, что во многих работах «нередко смешиваются два понимания термина „земледелие“: как одного из направлений хозяйства и как характеристики образа жизни, основанного на земледелии» (с. 364). Он предлагает их четко различать. Мысль выражена не вполне адекватно: вряд ли верным будет сказать, что под земледелием можно понимать не только одно из направлений хозяйства, но и образ жизни, основанный на земледелии. Но сама она совершенно верна. Нужно отличать состояние, когда земледелие уже существует, но играет второстепенную роль, и состояние, когда земледелие уже стало основой жизни общества. Только когда имеет место второе состояние, можно говорить о земледельческом образе жизни, а общество называть земледельческим. Чтобы отличить земледелие, которое не представляет собой основу общества, от земледелия, уже ставшего такой основой, можно было бы первое называть праземледелием, а второе — просто земледелием.

В соответствии со всем сказанным несколько значений имеет и выражение «переход к земледелию». Под ним можно понимать, во-первых, возникновение праземледелия, во-вторых, весь более или менее длительный период существования праземледелия, завершающийся появлением земледелия, в-третьих, возникновение собственно земледелия и тем самым земледельческого образа жизни.

Развивая мысль о двух формах бытия земледелия, В. А. Шнирельман создает периодизацию становления производящего хозяйства. Первым идет этап А, на котором происходит вызревание предпосылок для перехода к производящему хозяйству у охотников, рыболовов и собирателей (с. 364). На мой взгляд, его можно было бы именовать праземледельческим. За ним следует этап В, для которого характерно «возникновение земледелия и скотоводства в качестве уклада в рамках присваивающего хозяйства» (с. 368).

Строго говоря, земледелие и скотоводство не могут существовать в рамках присваивающего хозяйства. С их возникновением хозяйство в целом перестает быть только присваивающим. Оно является теперь присваивающе-производящим. Но мысль автора совершенно ясна и верна: на стадии В зарождающееся производящее хозяйство существует в условиях, когда господствующим является не оно, а старое, присваивающее, хозяйство. На мой взгляд, этот этап можно было бы назвать праземледельческим.

Следующий этап — В характеризуется победой земледельческо-скотоводческого образа жизни и завершением процесса становления производящего хозяйства (с. 371).

Важнейший вопрос, который ставит и решает В. А. Шнирельман, — соотношения формы хозяйства и типа социальной организации.

Немалое число авторов связывает с переходом от присваивающего хозяйства к производящему смену стадий развития первобытного общества. В особенно четкой форме этот взгляд нашел свое выражение в книге В. Р. Кабо «Первобытная доземледельческая община», где в качестве первой стадии в развитии первобытного общества выделяется первобытная доземледельческая община. К этой стадии относятся все охотники, рыболовы, собиратели без исключения. «Мы, — пишет В. Р. Кабо, — не пользуемся имеющим некоторое распространение делением первобытных доземледельческих обществ на низших и высших охотников и собирателей, ибо при таком делении игнорируется фундаментальное сходство их общинных организаций»¹. Коренная перестройка всей социально-экономической структуры началась только после перехода к производящему хозяйству². В. Р. Кабо, таким образом, жестко связывает определенные социально-экономические отношения с определенными формами хозяйства.

На самом деле, как свидетельствуют факты, такой жесткой зависимости не существует. Мне уже, правда по другому поводу, пришлось высказываться по данному вопросу. «Переходя к социально-экономическим отношениям, — писал я в одной из статей, — прежде всего поставим вопрос об их связи с формами хозяйства. Некоторые исследователи пытаются вывести производственные отношения из форм хозяйства, непосредственно связать определенные производственные отношения с определенными формами хозяйства. На наш взгляд, такого рода попытки обречены на неудачу. Характер производственных отношений определяется вовсе не спецификой формы хозяйства, а уровнем развития производительных сил... При разных формах хозяйства, но при одном и том же уровне производительных сил в обществе возникают одни и те же производственные отношения»³.

Фундаментом любой общественно-экономической формации является определенная система социально-экономических отношений. Поэтому в основу выделения стадий развития каждой общественно-экономической формации должны быть положены изменения в системе социально-экономических отношений.

Исходя из этого мною была предложена периодизация истории сложившегося первобытного общества. В качестве первого этапа в ней выступала эпоха ранней первобытной общины, для которой характерно было безраздельное господство коммуналистического (уравнительного) способа распределения или распределения по потребностям. С возникновением распределения по труду на смену раннепервобытной общине пришла поздняя первобытная община. На этой стадии возникла и получила развитие так называемая престижная экономика. За стадией позднепервобытной общины последовала эпоха перехода от первобытного общества к классовому, эпоха предклассового общества⁴.

Отсутствие жесткой связи между формами хозяйства и производственными отношениями убедительно продемонстрировано в рецензируемой работе. Как показывает В. А. Шнирельман, некоторые человеческие группы, перешедшие к земледелию на стадии раннепервобытной общины долгое время после этого продолжали на ней оставаться. Так обстояло дело в горах Мезоамерики и Перу (с. 265 сл., 320 сл., 368). Добавим к этому, что имеются и этнографические материалы, свидетельствующие о существовании обществ, где уже было земледелие, но которые тем не менее находились на стадии раннепервобытной общины. Примером могут послужить вайвай Гайяны. Причем, некоторые исследователи утверждают, что земледелие у этой группы было главным занятием⁵. Если они правы, то можно говорить не только о праземледельческих, но и о подлинных земледельческих обществах, относящихся к стадии раннепервобытной общины.

Это с одной стороны. А с другой — известны общества охотников, рыболовов, собирателей, которые давно уже ушли от стадии раннепервобытной общины. Приведа примеры обществ с высокoeffективным присваивающим хозяйством, существовавших в недавнем прошлом (северо-западное побережье Северной Америки, Калифорния, низовья Амура, островная часть Юго-Восточной Азии, Новая Гвинея, Нигер), В. А. Шнирельман пишет: «Принято считать, что такие хозяйственные системы складывались лишь в виде исключения в районах с особенно благоприятными природными условиями. Однако, судя по археологическим данным, такая ситуация в неолите встречалась не так уж редко, причем местами ее можно наблюдать даже в конце позднего палеолита и в мезолите (с. 401). Чтобы показать, насколько широко было распространено это явление, автор перечисляет те районы, где оно наблюдалось в неолите. Список получился поистине впечатляющим (с. 401).

Возможно, что большая часть этих обществ, уже миновавших стадию раннепервобытной общины, находилась на стадии позднепервобытной общины. Однако не все. Часть из них поднялась на более высокую ступень. Как подчеркивает В. А. Шнирельман, «в некоторых районах на основе высокoeffективного присваивающего хозяйства возникли социально дифференцированные предклассовые структуры» (с. 402). В качестве примера он приводит культуры поверти поит адена и хоупвелл в восточных районах США (с. 303—304, 402). Правда, в этих областях в указанное время уже существовало земледелие, но оно имело второстепенное значение. Главную роль играл присваивающее хозяйство.

В этом отношении более «чистым» примером являются калуса Флориды. Их хозяйство было полностью присваивающим, но они тем не менее достигли стадии предклассового общества (с. 311 402). У них уже существовало довольно крупное вождество⁶. Другой «чистый» пример — многие из индейцев северо-западного побережья Северной Америки (с. 402). У них, как известно, существовало рабство.

«...Для общественной эволюции, — совершенно правильно пишет В. А. Шнирельман, — особую важность имела не столько сама форма хозяйства, сколько его эффективность, способность поддерживать и стимулировать развитие сложной социальной структуры. В этом смысле потенциал развитого присваивающего хозяйства в ряде случаев был ничуть не меньше, чем у ранних форм производящего хозяйства. Вот почему общественные отношения и социальная структура высших охотников, рыболовов и собирателей нередко напоминали соответствующие параметры в обществах ранних земледельцев и скотоводов» (с. 400).

Исходя из всего сказанного выше, автор выделяет два пути становления предклассовых и классовых обществ. «У бродячих охотников и собирателей, переходивших к производящему хозяйству, — пишет он, — появление и развитие социальной дифференциации было связано с этапом В» (с. 403). Но подчеркивает В. А. Шнирельман: «Гораздо чаще встречалась другая картина, когда земледелие и скотоводство возникали в рамках высокoeffективного присваивающего хозяйства. В этом случае процесс социальной дифференциации в той или иной мере прослеживался еще в условиях господства охоты, рыболовства и собирательства (этапы А и Б), а переход к производящему хозяйству приводил лишь к усилению уже наметившихся тенденций» (с. 403).

Если первый путь связан с появлением производящего хозяйства на стадии раннепервобытной общины, второй — с его возникновением на стадии позднепервобытной общины, то можно, вероятно, допустить существование и еще одного варианта, который характеризуется генезисом производящего хозяйства на стадии предклассового общества, что делает возможным переход от предклассового общества к классовому.

Таким образом, производящее хозяйство может сформироваться не только в разных природных условиях, но и на разных этапах развития первобытного общества. Отсюда В. А. Шнирельман делает вывод о том, что «встречающаяся порой в науке сама постановка вопроса о каких-либо универсальных причинах и характере становления земледелия представляется в корне неверной» (с. 363; см. также с. 368).

Вопрос этот сложен. Уже тот факт, что земледелие совершенно независимо появилось по меньшей мере в семи регионах земного шара, несомненно говорит, что мы имеем здесь дело далеко не со случайностью, а с необходимостью. Вполне понятно, что эта необходимость проявлялась в случайностях, что и создает впечатление случайности данного процесса. Но в действительности возникновение земледелия было процессом закономерным. И это В. А. Шнирельман вполне признает. Ведь сама глава, откуда взято приведенное выше высказывание носит название «Переход к производящему хозяйству: общие закономерности и локальная специфика».

И хотя он говорит об отсутствии универсального характера становления земледелия, он же сам, как мы уже видели, дает периодизацию становления производящего хозяйства, которую рассматривает как пригодную для всех случаев, т. е. как универсальную. Занимается он и поиском общих причин, вызвавших к жизни производящее хозяйство. «Повсюду, — пишет он, — процесс становления производящего хозяйства происходил в обстановке кризиса, который вызывал необходимость изыскания новых способов добычи пищи» (с. 369—370). Одним из способов разрешения хозяйственного кризиса и был переход к производящему хозяйству (с. 370).

Чтобы решить вопрос об основных причинах возникновения производящего хозяйства, нужно прежде всего выяснить можно ли считать три рассмотренных выше варианта его становления равноправными. На мой взгляд, нет. Один из них — нормальный, а два других представляют собой отклонение от нормы. Нормальным является, по моему мнению, переход к производящему хозяйству на стадии позднепервобытной общины. Этот вариант и встречается наиболее часто (с. 403). Именно на этой стадии возникают все предпосылки для перехода к производящему хозяйству (с. 161). Поэтому, начавшись, становление производящего хозяйства сравнительно быстро завершается. Так, например, в Передней Азии переход к производящему хозяйству произошел на протяжении IX—VII тысячелетий до н. э. При этом варианте развития, указывает В. А. Шнирельман: «Одним из стимулов перехода к земледельческо-скотоводческому образу жизни могло быть развитие престижно-социальных отношений, как предполагает Б. Бендер» (с. 403).

Что же касается перехода к производящему хозяйству на стадии раннепервобытной общины, то он был преждевременным, вызван к жизни такими чрезвычайными обстоятельствами, как хозяйственный кризис. Такой вариант развития встречается очень редко. В рецензируемой книге приводятся два случая — горы Мезоамерики и Анды. Ввиду преждевременности перехода к производящему хозяйству его становление затягивалось на долгое время. Так в горах Мезоамерики переход к земледелию происходит с IX—VII до III—II тысячелетий до н. э. (с. 380). В Андах переход к земледелию начался в VIII—VI тысячелетиях до н. э. и завершился в конце IV — начале II или III—II тысячелетий до н. э. (с. 321—323, 380).

Во всяком случае вопрос о причинах перехода к производящему хозяйству нуждается в глубоком обсуждении. Заслуга В. А. Шнирельмана в том, что он привлек внимание к устарелости многих прежних представлений о причинах перехода от присваивающего к производящему хозяйству. Устарело представление о том, что охотники, рыболовы, собиратели владели жалкое, полуголодное существование, единственным выходом из которого был переход к земледелию (с. 368). Стало также ясным, что земледелие далеко не сразу обнаруживало свое превосходство над присваивающим хозяйством (с. 368—369; 400—401).

Можно было бы еще многое сказать о рецензируемой книге. Но уже и сказанного вполне достаточно, чтобы дать ей общую оценку. Перед нами фундаментальная работа, представляющая большую научную ценность. Не только в нашей отечественной, но и в мировой научной литературе, посвященной возникновению производящего хозяйства, я не знаю труда, равного ей по богатству материала, широте охвата и глубине исследования. Книга В. А. Шнирельмана бесспорно является существенным вкладом не только в советскую, но и мировую историческую, этнографическую и археологическую науки.

Ю. И. Семенов

Примечания

¹ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 4.

² Там же. С. 3.

³ Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества. // Сов. этнография, 1982, № 2. С. 52.

⁴ См.: Семенов Ю. И. Первобытнообщинный строй // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М., 1979. Т. 3; *его же*. Основные этапы эволюции первобытной экономики // Народы Азии и Африки, 1984, № 1.

А. А. Сусоколов. Межнациональные браки в СССР. М., 1987. 143 с.

Заключение межнациональных браков и образование национально-смешанных семей — наиболее яркое проявление процесса межэтнического сближения народов СССР. Численность межэтнических браков и семей начала существенно расти с середины 60-х годов, достигла пика в первой половине 70-х годов и в настоящее время характеризуется устойчивой тенденцией к росту. В нашей стране 15% семей (фактически каждая шестая-седьмая) включает людей разных национальностей. Закономерно, что столь массовое явление вызвало пристальный интерес, в первую очередь со стороны этнографов и социологов. Так, уже в конце 70-х годов было проведено обобщение результатов исследований межнациональных браков и национально-смешанных семей в различных регионах СССР¹. Однако историографический анализ и обращение к современному состоянию объекта показывает, что изучение этнически смешанных браков и семей не только не потеряло своей значимости, но, напротив, в настоящее время актуализируется целым рядом обстоятельств.

Теоретическое значение таких исследований определяется необходимостью разрешения многих вопросов, на которые не было дано ответа на предшествующем этапе изучения межнациональных браков и национально-смешанных семей. Так, не ясны механизмы и степень влияния межэтнических семей на разные типы этнических процессов (консолидационные, ассимиляционные, интеграционные); не определены основные тенденции этнокультурных процессов в национально-смешанных семьях (в континуумах национальное — интернациональное, традиционное — современное) и т. д. Помимо этого проблема имеет нравственный, а также идеологический аспекты. До настоящего времени оценка межэтнических семей на уровне не только обыденного сознания, но и научной, общественно-научной мысли остается крайне противоречивой. Наряду с утверждением прогрессивной значимости этого явления в жизни советского общества ему нередко дается крайне негативная характеристика: высказывается мнение, что межнациональные браки разрушают этносы, что в национально-смешанных семьях люди переходят исключительно на русский язык и забывают родной, что национальные культуры, «столкнувшись» в одной семье, исчезают и появляются «внэтничные» дети и т. д. Поэтому ясно, насколько важно проведение конкретно-социологических исследований, рассматривающих этнодемографические, этносоциальные, этнокультурные, этнопсихологические и другие процессы в межэтнических семьях в контексте общих процессов, протекающих у народов Советского Союза.

Два важных направления в изучении национально-смешанных браков и семей — социологическое и демографическое — реализуются в рецензируемой книге А. А. Сусоколова, вышедшей в серии «Популярная демография». Основная задача работы — рассмотрение межэтнических семей как социального института, их места в сложном взаимодействии с социальными процессами (взаимосвязь с основными тенденциями развития семьи, сближением социальной структуры наций и др.). Источниковую базу работы составили данные государственной статистики (переписи населения, сведения архивов ЗАГС), а также материалы обследования, проведенного в 70—80-х годах Институтом этнографии АН СССР в пяти союзных республиках (РСФСР, Узбекская, Грузинская, Молдавская, Эстонская ССР).

Для изложения материала применена весьма удачная форма — диалог автора с оппонентом. С одной стороны, это послужило поводом для постановки вопросов, поиска наиболее перспективных путей дальнейшего изучения межэтнических семей, с другой — изложенный материал оказался легкочитаемым, увлекательным, что, несомненно, делает его доступным и познавательным для широкого круга читателей, тем более, что для многих советских людей интерес к межнациональным бракам не является праздным.

Книга помимо введения и заключения содержит три раздела. Первый — «Зачем и как изучаются межнациональные браки» — вводит читателя в курс основных проблем и понятий, касающихся современных этнических процессов, показывает место и роль в них национальных браков, подробно описывает источники для изучения межэтнических браков и семей, способы их сопоставления. Несмотря на небольшой объем и специфику научно-популярного изложения, рассмотренные в разделе теоретические и методические вопросы представляют значительный практический интерес для исследователей, занимающихся данной проблемой.

Второй раздел — «Как в капле воды» — посвящен динамике процессов межнациональной брачности и факторам, их обуславливающим. Показано, что доля и количество национально-смешанных семей в нашей стране постоянно растут, но темпы прироста неодинаковы в различных регионах (в Средней Азии ниже, чем в Закавказье; в Закавказье ниже, чем в РСФСР; в РСФСР ниже, чем в остальных республиках европейской части СССР). Различна и степень участия в межнациональных браках отдельных народов СССР. Приведенные статистические материалы убеждают, что основной этнический компонент при заключении межнациональных браков — русские, а наиболее распространенные варианты таких браков — браки русских с представителями коренного (основного) населения союзных республик. Следующие две разновидности наиболее широко распространенных межнациональных браков — русско-белорусские, русско-украинские и браки «людей коренных национальностей союзных и автономных республик с представителями других народов, близких к ним по обычаям, обрядам, материальной и духовной культуре» (с. 46—47). Высказано соображение, что в интонациональной среде близкие по культуре народы (к примеру, восточнославянские) выступают как единая этническая общность (с. 63). Следует отметить, что выделенные закономер-

ости не являются, очевидно, общими для всех межнациональных браков в СССР. Так, например, аши материалы по сельским районам автономных республик Среднего Поволжья демонстрируют несколько иную картину в распределении межнациональных браков по их разновидностям. Там преобладают браки русских с основным населением автономий (татарами в Татарской АССР, чувашами в Чувашской ССР, марийцами в Марийской АССР), причем доля таких браков в 2—3 раза выше, чем доля браков русских с лицами коренных национальностей в союзных республиках. Следом по численности выступают браки русских с другими поволжскими народами (например, в Татарии чувашами, марийцами, мордвой, удмуртами, башкирами). Третья основная разновидность — браки представителей основной для автономной республики национальности с представителями других поволжских народов (татарско-башкирские, чувашско-мордовские, марийско-татарские и др.). Что касается украинцев и белорусов, то из всех, вступивших в межнациональные браки, не более 60% состоят в браках с русскими, а 40% — в браках с другими народами (преимущественно с другими поволжскими).

Такая неоднородность в вариантно распределении межнациональных браков свидетельствует о влиянии различных факторов на процесс межнациональной брачности в отдельных регионах страны. Факторам, определяющим смешанную брачность, в рецензируемой работе уделено особое место. Среди таковых выделены: доля русских в населении республик; направленность миграций социально-демографические характеристики мигрантов; социальные факторы (распределение контактирующих народов по социально-профессиональным группам, степень занятости женщин различных национальностей в общественном производстве и др.); наконец, этнокультурные и этнолингвистические факторы (распространение национально-русского двуязычия, различия в образе жизни взаимодействующих народов). Сам по себе каждый фактор (или даже группа однородных факторов) не может объяснить уровень межнациональных брачных контактов, но анализ последних по комплексу перечисленных факторов, как убедительно показано в работе, дает очень хорошие результаты. Хотелось бы только пожелать более четкого разделения городских и сельских массивов, поскольку очевидно, что один из важнейших факторов межнациональной брачности — совместное расселение контактирующих групп — неодинаково действует в разных массивах. Так, для сельской местности с относительно компактным характером расселения этносов совместное их расселение является необходимым условием для заключения межнациональных браков, в то время как в современных городах фактор территориального размещения этнических групп практически утратил свое значение.

Факторы межнациональной брачности объясняют не только долю межнациональных браков, но и их демографические особенности, о которых идет речь в третьем разделе — «Демография и брачность».

Автор рассматривает очень интересный, специфичный для межнациональных браков вопрос о составе вступающих в них мужчин и женщин разных национальностей. Диспропорция по этому показателю ещё существует, причем у коренных народов Средней Азии и Кавказа межнациональные браки чаще заключают мужчины, у народов же, населяющих европейскую часть страны, женщины реже, а иногда и значительно чаще мужчин вступают в межнациональные браки. Однако разница эта неуклонно сокращается, что свидетельствует о важных процессах — преодолении наиболее существенных различий в уровне социально-культурного развития народов, отходе от традиционных жестких межличностных отношений (с. 98).

В этом разделе анализируется один из основных демографических показателей — возраст вступающих. В нем явно выделены две особенности межнациональных браков: в них вступают люди более взрослые, и здесь чаще, чем в одноподанных браках наблюдается значительная разница в возрасте брачных партнеров. С этими же обстоятельствами связывается тот факт, что, по материалам автора, доля мужчин и женщин, вступающих в повторный межнациональный брак, выше по сравнению с долей тех, кто вступает в повторный одноподанный брак. Выдвигается предположение, что причина этих явлений — «во влиянии родственных и других неформальных кругов общения на подбор брачного партнера, которое сильнее сказывается на молодежи, чем на людях более взрослых, причем на женщинах сильнее, чем на мужчинах» (с. 102). Есть, видимо, смысл и в данном случае вести речь о региональных особенностях межнациональных браков, так как в средневожском районе, например, прослеживаются иные закономерности. Так, средний брачный возраст невест и женихов, вступивших в межнациональные браки, здесь в целом не выше, а ниже, чем у женихов и невест, заключивших одноподанные браки; по соотношению возрастов женихов и невест и по доле повторных браков межнациональные браки занимают промежуточное положение между браками коренных поволжских народов и браками русских.

Особое внимание в разделе уделено проблеме стабильности межэтнических семей — пока литературе малоразработанной. Приводя материалы, из которых следует, что в целом национально-смешанные семьи менее устойчивы, чем одноподанные, автор вместе с тем считает, что устойчивость брака определяется в первую очередь не тем, одноподанный он или смешанный, а тем, к каким национальностям относятся супруги (с. 109). При таком подходе выясняется, что более устойчивы браки между представителями коренной национальности; инонациональные же, прежде всего у русских, распадаются быстрее. Устойчивость национально-смешанных браков зависит от вариантов национальной принадлежности брачующихся также различна. Кроме того, межэтнические семьи «не отличаются заметно худшими внутрисемейными отношениями» (с. 111). Здесь выше, чем в одноподанных семьях, доля тех, кто считает свои отношения «очень плохими» (с. 112). «Группу риска» чаще составляют те брачные пары, где супруги представляют народы, сильно различающиеся по культуре. В известной мере, по мнению автора, в русских и межнациональных семьях ослаблены внешние «страхующие» связи (со стороны родственных, сосед-

ских и других «неформальных» кругов общения), что поддерживает стабильность однациональных семей коренной национальности (с. 114). Думается, вместе с тем, что при анализе разводимости в национально-смешанных семьях, особенно при сравнении с однациональными, необходим также учет социально-демографических факторов. Одинакова ли устойчивость семей, отличающихся только по этническому, но и возрастным, социально-профессиональным, образовательным и другим характеристикам? Кроме того, как подсказывает наш опыт, вывод о большей или меньшей стабильности межэтнических семей не может быть сделан лишь на основе статистики. Наши материалы показывают, что негативные социальные явления нередко переносятся в сферу межнациональных отношений и оцениваются как этнический фактор дестабилизации семейной жизни. Видимо, более корректный ответ на вопрос о стабильности межэтнических семей может дать сопоставление статистических материалов с данными конкретно-социологических исследований, включающее анализ факторов (в том числе и мотивов) разводимости.

Наконец, заключительный сюжет третьего раздела посвящен рассмотрению национальности детей в национально-смешанных семьях. Вопрос этот важен, ибо через уровень детности и национальное самоопределение подростков межнациональные семьи могут оказывать влияние на численность контактирующих групп. В связи с этим нередко приходится слышать (и в книге об этом упомянуто), что межнациональные браки нежелательны, так как угрожают существованию малых наций, разрушая их культуру, и в итоге ведут к ассимиляции их большими нациями. Однако приведенный автором материал весьма убедительно свидетельствует, что существующее соотношение между эндогамией и степенью межэтнических брачных контактов у народов нашей страны, а также особенности этнического самоопределения подростков в национально-смешанных семьях практически могут оказать влияние лишь на численность этнодисперсных групп, но никак не на этнос в целом. Есть и другая сторона проблемы, лишь затронутая в рецензируемом издании: насколько подростки из национально-смешанных семей по этнокультурным характеристикам являются представителями того этноса, к которому себя причисляют? Автор считает, что такие подростки аккумулируют культурные черты обоих «родительских» этносов (с. 125, 128). Видимо, все же этот тезис нуждается в значительном подкреплении фактическим материалом, ибо процессы в национально-смешанных семьях достаточно сложны и неоднонаправленны.

Очень важным, на наш взгляд, является приведенный в заключении прогноз развития процесса межнациональной брачности, основным направлением которого будет расширяющаяся тенденция к интеграции советского общества, включая все большее круг людей различных национальностей в сферу межнациональных взаимоотношений. Все это объективные процессы, в деле изучения которых много могут сделать, как правильно отмечает А. А. Сусоколов, такие науки, как этнография, социология, демография, психология. Они помогут не только осветить основные тенденции развития межнациональной брачности, но и выявить негативные явления, с которыми сталкиваются национально-смешанные семьи. Рецензируемая книга — одна из немногих и весьма удачных попыток объективного освещения этого процесса. Думается, что постановка основных проблем послужит стимулом для расширения подобных исследований.

Г. Р. Столярова

Примечания

¹ См.: Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н. Межнациональные браки и их роль в этнических процессах // Современные этнические процессы в СССР. М., 1977; Терентьева Л. Н., Устинова М. Я. Межнациональные браки и их роль в этнических процессах в СССР. Историко-географический очерк // Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979.

Л. Н. Ч и ж и к о в а. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. (XIX — XX века). М., 1988. 254 с.

Русская классическая этнография обогатилась новым серьезным исследованием. Объектом его явился сложнейший для этнографического изучения регион тесного контакта двух восточно-славянских народов, охватывающий огромную территорию — бывшие Курскую, Воронежскую и Харьковскую губернии.

Этническая близость двух народов, усиливающаяся в контактной зоне, создает дополнительные трудности при анализе культурно-бытовых процессов. Только специалист, в равной мере свободный владеющий знанием традиционной культуры и русских, и украинцев, может решать задачи выявления своеобразия этнической ситуации такого района. Этим свойством и обладает в самой высокой степени автор рецензируемой книги.

Сложность этнической структуры края усиливалась постоянным притоком русских и украинских переселенцев, принадлежавших уже в местах выхода к разным социальным и локальным группам. Поэтому исследователю приходилось выявлять исторические наслоения одновременно осуществлением типологизации по собственно этнографическим основаниям. Такой подход последовательно проводится по всем трем крупным проблемам, выделенным автором: формированию населения региона и его этническая динамика; особенности развития жилища; этническая специфика традиционной одежды.

Огромна историко-языковая база работы. Это прежде всего полевые материалы автора, собранные в ходе экспедиций 1966—1980 гг., охвативших 60 сел на территории шести современных областей. В ходе экспедиций сбор сведений методами наблюдения, выборочного опроса-беседы, фиксации вещественных материалов сочетался с использованием на местах письменных источников — полейных книг и документации загсов. Но основная масса письменных материалов разного типа была извлечена из 11 фондов архивов Ленинграда, Москвы, Украины и Курска. Результативным оказалось использование описаний, составленных по программам научных обществ — Географического, Любителей естествознания, антропологии и этнографии, Этнографического бюро Тенишева, особенно Историко-филологического общества при Харьковском университете.

Исследование одежды опирается на многочисленные коллекции центральных и местных музеев, в которых Л. Н. Чижиковой изучены сотни предметов русского и украинского традиционного костюма. Помимо собственных полевых, архивных сборов и материалов коллекций автор умело использует результаты смежных наук: диалектологии, антропологии и демографии.

Впервые в историко-этнографической литературе выделены основные этапы формирования населения в русско-украинском контактном регионе и определены особенности заселения отдельных территорий. В результате комплексного использования данных разных дисциплин удалось установить места выхода переселенцев. Сложность анализа этнических процессов усугублялась тем, что древнее славянское население приокских районов, впитавшее угро-финский субстрат и поздние влияния с севера, приняло некогда и поток двигавшихся с юга донских славянских племен.

Представляется убедительным вывод о том, что «по водной системе верховий Дона и его притоков осуществлялись продолжительные этнические связи населения среднего течения Оки (Воронежского Подонья)». Особенно ценно, что Л. Н. Чижикова в главах, посвященных материальной культуре, прослеживает отражение связей населения этих районов в поздних этнографических материалах. По-видимому, «степняки» с Дона, пришедшие некогда в приокский район, слившиеся там с местным населением, в период массового заселения Воронежского Подонья, XVI—XVIII вв., «возвращаются» в донские степи.

В книге показана консолидация русского населения в изучаемом регионе на основе преобладающего южнорусского, а также среднерусского и западнорусского этнических компонентов. Одновременно локальные особенности отдельных компонентов культуры (особенно в говорах) приводили к появлению таких этнонимов, как *чуканы*, *язуны*, *горюны*, *сайны* и пр. В исследовании дается характеристика многочисленных локальных групп русских.

Определенные различия в культурно-бытовой сфере русского населения были вызваны также основными особенностями однодворцев — потомков служилых людей, которые несли сторожевую службу на южных окраинах Русского государства и занимали промежуточное положение между крестьянами и мелкопоместным дворянством. Приравненные юридически в XVIII в. к государственным крестьянам, однодворцы стремились тем не менее подчеркнуть свое отличие от основной массы крестьянства. Отсюда и сохранение специфики в материальной культуре. Потребность в ее развитии увеличивалась по мере заселения территории помещичьими крестьянами. В рассмотрении однодворцев, как и в решении ряда других вопросов, автор учитывает соотношение социальных и этнических факторов.

Южнее Белгородской оборонительной линии преобладала украинская колонизация. Поселения украинцев (выходцев с Правобережной и Левобережной Украины) располагались либо компактно — так было в южной части Воронежской губернии, либо чересполосно с русскими. Система заселения оказывала, как раскрыто в работе, существенное влияние на развитие национального самосознания.

Установление закономерностей развития национального самосознания в контактном районе двух близких по этнической характеристике крупных народов — один из самых существенных методических результатов исследования Л. Н. Чижиковой. Опираясь на представительные материалы опроса населения, автор вскрывает частоту неуверенного, неустойчивого определения национальной принадлежности на смежных территориях обеих республик. Это явление особенно заметно в местах с национально-смешанным характером расселения. Не менее важным, чем этническая среда, фактором, влияющим на национальное самосознание, является употребление языка в системе школьного обучения и местном делопроизводстве.

Исследовательница устанавливает тесную взаимосвязь национального самосознания и языка по всему региону русско-украинского пограничья. Отмечено два пути развития здесь двуязычия: так называемое бытовое двуязычие на основе местных говоров (преимущественно на территории РСФСР) и двуязычие в сфере литературных языков (в основном в УССР). В любой языковой ситуации присутствует этнокультурное взаимовлияние. Это четко прослеживается в книге Л. Н. Чижиковой на основе двух важнейших компонентов культуры — жилища и одежды.

Если первый из этих компонентов особенно подвержен воздействию естественно-географической среды и социально-экономических условий и потому, как правило, бывает сходен у этносов, проживающих на одной территории, то второй, наиболее консервативный, заметно сохраняет этническую специфику. Детальнейший анализ этих двух показателей и позволил автору обоснованно выявить этнокультурное взаимовлияние.

Традиционное жилище рассматривается в книге в историческом развитии. На основании письменных источников в воронежских постройках XVII в. прослеживаются признаки, характерные для жилища лесного нечерноземного Центра России: дом на подклете, двухскатная тесовая крыша, двор, огороженный дубовым тыном. Дальнейшее развитие района приводит к возникновению специфического южного комплекса жилища, сходного у русских и украинцев.

Исследователь выделяет элементы, в которых прослеживается сходство. Это — техника сооружения срубных стен, пола и потолка, двухкамерный и трехкамерный планы дома, наличие и строго

традиционное расположение помещений духовой русской печи. К сходным чертам справедливо отнес также «общий архитектурный облик сравнительно низкой жилой постройки, покрытой соломенной, четырехскатной крышей» (с. 126), обмазка глиной и побелка стен, расположение переднего стола, неподвижных лавок и открытый тип двора, отгороженного плетневыми хозяйственными строениями.

Не менее четко выявлены Л. Н. Чижиковой на фоне этого сходства локальные особенности. Более всего они обнаруживались в способах постановки дома по отношению к улице, в деталях внутренней планировки жилого помещения, в типах дворовой застройки. На основе этих различий в рассматриваемом регионе выделены южнорусский и восточноукраинский комплексы жилищ. В первом из них определены два варианта — западный и восточный. В монографии обстоятельно освещено территориальное размещение каждого из комплексов с вариантами.

Особенный интерес представляет, на наш взгляд, устанавливаемая автором связь между формированием особых комплексов жилища и движением миграционных потоков. Южнорусский комплекс в его восточном варианте распространился здесь в результате переселения из рязанско-тульской, тамбовской и восточноорловской земель. Западный вариант принесли мигранты с верховий Оки и бассейна Десны: Восточноукраинский («харьковский») комплекс жилища (распространенный как в украинских, так и в русских селениях южных районов Курской и Воронежской губерний) связан был с массовым движением украинцев в пределы русских земель.

Самостоятельное значение имеет представленная в книге характеристика хозяйственных построек. Она основана на большом полевом и архивном материале и проливает свет на многие стороны хозяйства, образа жизни русских и украинских крестьян XIX в. Практически каждый хозяин имел амбар, а также сарай и навесы для сельскохозяйственных орудий, транспорта и топлива, служившие обычно и мастерскими; в глубине двора строили сарай для коров, конюшню, кошару для овец и навесы для скота; за двором, в конце огорода, устраивалось гумно с высоким сараем для хранения хлеба в снопах, обмолота и просушки. При строительстве хозяйственных помещений не редко сохранялись, как показано в работе, архаичные приемы и элементы, уже не применявшиеся при возведении жилых построек. Выявление их дает дополнительные сведения по этнической истории региона.

Наибольшие трудности в решении типологических задач ожидали исследовательницу при изучении традиционной одежды региона, так как именно в ней максимально отразились сложные миграционные наслоения. Более обнаружены многие типы компонентов одежды, бытовавшие в центральных, западных и южных губерниях страны на фоне определенной специфики изучаемой зоны. Только детальный и виртуозный анализ позволил Л. Н. Чижиковой провести последовательную систематизацию, которая превращает весь материал в важнейший источник по этнической истории не только данного региона, но и прилегающих территорий.

В основу типологии положен покрой одежды «как наиболее устойчивый и существенный критерий» (с. 136), применявшийся уже рядом исследователей восточноевропейской одежды. Вместе с тем автор учитывает, что материал, украшения и колорит также могли быть устойчивыми и ареальными признаками, хотя значимость их при типологии отдельных компонентов одежды может быть различной (служат то основными, то дополнительными критериями).

Типологическое разнообразие одежды в изучаемом районе как следствие этнической и социальной неоднородности было особенно выражено в женской русской одежде. Л. Н. Чижиковой установлено, что здесь бытовали все комплексы, выявленные исследователями при изучении основных территорий этнического формирования русских. Все многообразие форм женской поясной одежды автор сводит (по особенностям кроя) в две группы, в которых выделены типы, подтипы, варианты и виды. Для каждой из этих категорий выяснена территория распространения в пределах региона и прослежены истоки появления их на данной территории.

Особенности ткани, из которой шили поневу или юбку, определялись сырьем, приемами ткачества, узором, цветовой гаммой. Нередко даже в отдельных селах поневы имели свою характерную гамму цветных ниток. Автор выделяет четыре вида так называемой глухой поневы. Строгая четкость типологии сочетается здесь с яркой и выразительной искусствоведческой характеристикой приемов ковровой вышивки и аппликации. Это сочетание присуще и описанию украшений сарафанов, нарудной одежды, головных уборов.

По-видимому, жесткое подчинение всего изложения задачам типологии одежды, рассматриваемой в связи с этнической историей края, помешало Л. Н. Чижиковой специально отметить многообразные проявления художественного вкуса и мастерства как свидетельства высокого уровня народного эстетического воспитания. Между тем именно за счет художественного видения своего автора рецензируемого труда читатель приобщается к духовному богатству, создаваемому и потребляемому русскими и украинскими крестьянами в повседневности.

Функция традиционной одежды как знака социального положения особенно интересно выявлена в книге в связи с костюмом однодворцев. Женщины однодворцев сохраняли сарафан там, где бывшие монастырские и помещичьи крестьянки носили поневы, и, наоборот, у потомков однодворцев бытовала понева в районах, в которых сарафан служил признаком помещичьих или монастырских крестьян. Генетически это явление было связано с местами выхода тех и других, но четко сохранилось в силу сословных различий.

Л. Н. Чижикова выделила 10 локальных производных комплексов женской одежды, каждый из которых имел выраженные особенности в пределах его ареала. В описании их использована система тип — подтип — вариант — вид — разновидность для основных элементов костюма и прослежены аналогии их в других районах страны. В украинских селах изученной автором зоны преобладал украинский национальный костюм, элементы которого также определены в исследовании. Для

раньше, чем в русских селениях, началось разрушение традиционных форм одежды и появление в конце XIX — начале XX в. черт, свойственных костюму городского населения.

Для общих выводов об этнических процессах в выделенном регионе в книге привлечены характеристики и других компонентов культуры, основанные на опубликованных исследованиях самого автора, не вошедших в данную работу, и на результатах трудов русских и украинских этнографов. Л. Н. Чижилова вскрывает два разных основания культурно-бытовой общности в русско-украинском пограничье. Многие черты сходны у всех восточных славян и являются результатом их общего происхождения. К ним относятся, например, приемы сооружения срубного жилища, способы тканья, вышивки, крашения, многие обряды свадьбы и пр. Другие же общие традиции возникли сравнительно поздно и отражают процессы межэтнической интеграции, основанные на непосредственных контактах.

Книга «Русско-украинское пограничье» — результат многолетних исследований подлинного знатока конкретных компонентов культуры, включившего их в строгую систему классификации. Предлагаемая автором типология — новая ступень развития точной этнографии. Она применима не только к русским и восточным славянам в целом, но в ряде аспектов может быть использована при анализе этнических процессов у других народов Европы. В самом исследовании подход автора уже дал результаты, выходящие за пределы изученного региона: обоснованно определены направления миграционных потоков на разных этапах исторического развития.

Остается лишь пожалеть, что издательство выпустило работу столь малым тиражом — 300 экземпляров. Эта книга нужна не только достаточно широкому кругу специалистов (в том числе и по смежным дисциплинам), но и многим практическим работникам, вплоть до энтузиастов народных музеев, для которых послужит определителем при сборе материала. Огорчает и качество бумаги издания: великолепная коллекция иллюстративных материалов Л. Н. Чижиловой не только представлена в книге лишь малой толикой, но и отпечатана на плохой бумаге, с грубым искажением цвета.

М. М. Громыко

Н. И. Миронец. Революционная поэзия Октября и гражданской войны как исторический источник. Киев, 1988. 176 с.

Новая книга Н. И. Миронец — это фактически первое исследование стихов и песен (литературного и фольклорного происхождения) периода Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в качестве исторического источника. Автор показывает, что рассматриваемый материал является первоклассным источником для изучения общественной психологии классов и социальных групп этого времени. Основанная на глубоком изучении собранных буквально по крупицам данных (автор изучил важнейшие издания поэтических текстов рассматриваемой эпохи — периодическую печать, коллекция листовок, рукописные материалы Института русской литературы АН СССР, Центрального государственного архива литературы и искусства, Государственного литературного музея, Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Рылского), рецензируемая книга раскрывает перед читателем широкую картину участия народных масс в революции. Перед нами как бы заново оживает тревожная и бурная эпоха становления Советского государства, время пробуждения масс к активной творческой жизни, формирования новых политических и эстетических идеалов.

Монография Н. И. Миронец создана в области пересечения интересов фольклористики, филологии, истории и источниковедения. Автор одинаково легко ориентируется в литературе названных наук, комплексно исследует сохранившиеся источники, умело применяет самые разнообразные приемы и методики различных дисциплин. Поэтому рецензируемая книга представит интерес для исследователей самого разного профиля. К ней будут обращаться источниковеды при изучении такого специфического источника, как произведения словесного искусства. Она будет полезна для историков при раскрытии социальной психологии народных масс на переломных этапах истории. В ней найдет много нового филолог при изучении становления советской поэзии: именно на это время падает первоначальный этап творчества многих советских поэтов, начинавших свой творческий путь в армейской печати. Наконец, эта книга незаменима для фольклористов, исследующих такие проблемы, как взаимодействие фольклора и литературы, соотношение массового и индивидуального творчества, роль печатного слова в распространении фольклора и т. д.

Следует отметить высокий профессионализм исследовательницы: в книге исправлены или уточнены многие вопросы, касающиеся авторства песен, ставших потом народными, времени их создания, первой публикации, форм распространения и пр. Перед нами серьезный научный труд, с основными выводами которого читатель может отнестись с доверием: все сообщаемые автором факты подтверждены документально.

Особо следует отметить, что Н. И. Миронец с равной степенью полноты владеет как русским, так и украинским материалом. Это дало ей возможность создать исследование, показывающее общность процессов, происходивших в исследуемое время и в России, и на Украине, подчеркнуть единство литературно-фольклорных явлений в них, единую линию партийного руководства, общность в выражении в массовой поэзии советского патриотизма и пролетарского интернационализма, агитационно-пропагандистскую роль революционной поэзии и русского, и украинского народов. И в этом плане рецензируемая книга получает особое звучание в наши дни, когда проблема изучения национальных отношений и исторических корней дружбы советских народов становится одной из самых перспективных и актуальных.

Структура книги строга и логична. В введении даются постановка проблемы. В первой главе излагается общая характеристика поэзии Великого Октября и гражданской войны, раскрываются история ее возникновения и ее социальные функции. Вторая глава посвящена анализу революционной поэзии как выразительницы общественного сознания народных масс. И наконец, в третьей главе, имеющей теоретико-методологический характер, дается источниковедческая характеристика произведений революционной поэзии: указывается их место среди других исторических источников, ставятся вопросы отбора и источниковедческого анализа поэтических (в том числе и фольклорных) произведений, подробно говорится о публикации авторских стихов и песен на страницах периодической печати, в листовках и сборниках (это дает возможность автору охарактеризовать источниковую базу своего исследования), особо выделяется вопрос о записи и публикации фольклорных произведений. В небольшом заключении подводятся итоги исследования, отмечаются нерешенные вопросы и указываются дальнейшие перспективы изучения этой темы. Среди них следует отметить весьма актуальную для современной фольклористики задачу издания особого тома, готовящегося к публикации в «Своде» советского фольклора, посвященного народному поэтическому творчеству Великого Октября и гражданской войны. Заканчивается рецензируемая монография очень важным «Приложением», содержащим перечень 175 сборников революционных песен, изданных на русском языке в 1917—1922 гг., с указанием мест хранения или источников упоминания. Вышедший ранее указатель подобного рода В. М. Сидельникова упоминал лишь 50 изданий — «Перечень» Н. И. Миронец в 3 с лишним раза богаче! Правда, этот нужный каждому фольклористу справочный материал был бы еще более ценным, если бы автор указал не только наименования хранилищ (ГБЛ, ГПБ и т. д.), но и шифры книг — это значительно упростило бы в дальнейшем работу ученых.

Выше уже было сказано, что рецензируемая книга — первое в нашей науке исследование революционной поэзии 1917—1922 гг. как исторического источника. В то же время вопрос о художественной литературе и фольклоре как историческом источнике давно уже находится в поле зрения советских фольклористов, историков и источниковедов: достаточно указать на работы В. К. Соколовой, К. В. Чистова, В. Е. Гусева, М. М. Громыко, Н. С. Полищук и др. Все они учтены в рецензируемой книге. Жаль, что автор обошел очень яркую и образную характеристику народной песни как исторического источника, данную ей Н. В. Гоголем: «Историк не должен искать в них (в народных песнях. — Л. П.) показания дня и числа битвы или точного объяснения места верной религии: в этом отношении немногие песни помогут ему; но когда он захочет узнать верный быт, стихи характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и поронок каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне: история народа разоблачится перед ним в ясном величии»¹. Я упоминаю о ней потому, что Н. И. Миронец неоднократно подчеркивает значение народных песен как исторического источника в том плане, что в них встречаются такие подробности и детали, которые отсутствуют в исторических документах (см. с. 96—100 рецензируемой книги). Такие факты в песнях, действительно, встречаются, но не в них подлинное источниковедческое значение фольклора, а — как правильно пишет и сам автор — в оценочном моменте, в описании отношения народа к увиденному и пережитому.

Рецензируемая книга — не первый труд автора на эту тему. В 1985 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышла небольшая работа Н. И. Миронец «Песня в комсомольском строю». В последние годы Н. И. Миронец опубликовала несколько научно-исследовательских статей — все они перечислены в примечаниях к рецензируемой книге. В своей совокупности они раскрывают перед исследователями (а именно на них в первую очередь и рассчитаны эти работы) все богатство информации об общественной психологии непосредственных участников Октябрьской революции и гражданской войны. Не случайно революционную поэзию этих лет совершенно справедливо именуют поэтическими памятниками, поэтическими документами славной эпохи.

Л. Н. Пушкарев

Примечания

¹ Гоголь Н. В. О малороссийских песнях // Журн. Министерства народного просвещения. 1834. № 4. С. 17.

М. А. Меретуков. Семья и брак у адыгских народов (XIX—70-е годы XX в.). Майкоп, 1987. 368 с.

Изучение проблемы семьи и семейно-брачных отношений — одно из главных направлений современных этнографических исследований. Ведь разнообразные функции семьи связывают ее со всеми сферами жизнедеятельности общества — производственной, бытовой, общественной, духовной.

Исследование семьи и брака берет свое начало чуть ли не с первых дней формирования этнографии как самостоятельной научной дисциплины, однако до сих пор в науке нет однозначных выводов по данному комплексу проблем. Тем более важны региональные исследования, в которых проблемы семьи и брака изучаются в тесной связи с этнической историей отдельных народов.

Монаграфия Мухтара Аслановича Меретукова «Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е годы XX в.)» служит наглядным примером этнографического изучения данных традиционных проблем в конкретных национально-региональных условиях. Автор исследует более чем полуторастолетнюю историю и этнографию адыгской семьи и брака, рассматривая многие вопросы, связанные с данными социальными институтами, на широком историческом фоне.

Восстанавливая общую историческую картину развития и становления адыгской семьи, М. А. Меретуков, исходя из хозяйственной специфики, выделяет различные виды семейной общины (с земледельческим хозяйством, скотоводческим хозяйством и со смешанной формой хозяйства). Все они хорошо сочетались с феодальным укладом жизни, с его экстенсивным производством. Автор подразделяет семьи на крестьянские и феодальные (как малые, так и большие), подробно характеризуя их основные занятия, функции, имущественно-правовые и морально-этические нормы жизни.

В работе особое внимание уделено процессам разложения семейной общины в условиях развивающихся капиталистических отношений, ослаблению родственных связей, нуклеаризации семьи. Представляется, что разновидность малой семьи у адыгских народов, появившиеся в период капитализма, выделены в основном правильно. В пореформенный период у адыгов начинают формироваться сельская кулацкая и бедняцкая, городская рабочая и интеллигентская семьи. Все эти изменения рассмотрены на фоне общего социально-экономического сдвига в жизни адыгов в пореформенное время, в частности в связи с проведением земельной и крестьянской реформ, оказавших огромное влияние на развитие хозяйства и культуры адыгов.

Установление советской власти, индустриализация и коллективизация страны, ряд правительственных культурно-просветительных мероприятий способствовали ломке старых внутрисемейных отношений адыгской семьи. Однако и в условиях социалистического общества сохраняются вредные пережитки в семейных отношениях. К ним автор относит такие архаические обычаи адыгов, как похищение невесты, покупиный брак, браки с несовершеннолетними, устаревшие взгляды на положение женщины, воспитание детей, авторитарность глав семей, трансформированный калым, обычай избегания и т. д. Этим давно изжившим себя обычаям и пережиткам М. А. Меретуков противопоставляет новые традиции празднования различных советских праздников: Нового года, Дня рождения, торжественной регистрации браков и рождений и т. д.

Приведенные в рецензируемой работе материалы доказывают, что в адыгской свадьбе, свадебном обряде и церемонии исчезли многие архаические черты. К ним автор относит обряды ухода невесты и жениха в «чужие дома», уход бабки жениха из дома, верчение столика с едой и др. По мнению автора, некоторые из этих обрядов восходят как к общинно-родовой, так и к раннеклассовой эпохе. М. А. Меретуков, например, считает, что вышеупомянутый обряд ухода невесты и жениха в «чужие дома» и др. связан с родовым строем, в частности с периодом перехода от материнско-родовой организации к отцовско-родовой, от матриликального поселения к патрилокальному. Примечательно, что к этой весьма сложной теоретической проблеме общей этнографии автор подходит творчески, обогащая ее новыми конкретными материалами из быта горцев Кавказа.

По справедливому замечанию М. А. Меретукова, изменения семейных отношений в пореформенный период в свадебном обряде адыгских народов не были существенными. Автор приводит достаточно убедительный материал о том, что коренной перелом в семейно-брачных отношениях адыгов произошел лишь в советское время. Правда, борьба против негативных явлений часто проводилась административно-законодательным путем, но решающую роль все же сыграло социалистическое переустройство быта и культуры адыгских народов. Утверждение новых черт в семейно-брачных отношениях автор связывает с такими факторами, как создание социалистического уклада жизни, сближение материального и культурного уровней городского и сельского населения, вовлечение женщин в общественное производство, расширение сети культурно-просветительных и здравоохранительных учреждений и т. д. Важнейшее место в этих процессах отводится исчезновению обособленности и замкнутости отдельных этнографических групп и слиянию их с социалистическими нациями, сближению и интеграции народов нашей страны.

Нам хотелось бы подчеркнуть еще одну особенность рассматриваемой монографии. Исследуя исторические и современные формы семьи и брака, автор все время сталкивается с явлениями религиозного синкретизма, веками коренившимися именно в семейно-брачных отношениях адыгов. М. А. Меретуков научно обоснованно классифицирует и анализирует элементы язычества, христианской и мусульманской религии, напластованные в разные эпохи в обрядах и представлениях вышеуказанных социальных институтов. Как известно, научная интерпретация и критический анализ этих религиозных представлений, особенно ортодоксальных догм ислама, проповедуемых шариадом, имеет огромное практическое значение и сегодня.

Исследование и анализ указанных выше проблем, связанных с важнейшими социальными институтами семьи и брака адыгов, показывают, что монография М. А. Меретукова характеризуется структурным единством, последовательностью научно осмысленных положений, оригинальностью и взаимосвязанностью отдельных аспектов изучаемых проблем и значимостью полученных теоретических результатов.

Хочется, однако, сделать замечания и высказать некоторые соображения, касающиеся важнейших проблем традиционной семьи и семейно-брачных отношений адыгских народов.

По данным М. А. Меретукова, в XIX в. семейная община состояла из трех-четырех (вертикальный тип семьи, во главе с отцом или дедом) или же двух-трех (горизонтальный тип семьи, или же братская семья) поколений. При этом за основу классификации берутся структурные критерии. Однако типологическая классификация семьи требует более глубокого подхода. В данном случае остается неясным, отличается ли семья во главе с отцом или дедом от братской семьи качественными признаками или же только структурными атрибутами. Нам кажется, что стадияль-

ная форма семьи с отцом и дедом в главе обладала и некоторыми особенностями братской семьи, если учесть ее демократическую природу в сфере имущественно-правовых взаимоотношений. Представляется необходимым уточнить критерии для выделения различных исторических форм семьи.

Процесс полной демократизации адыгской семьи в рассматриваемой работе справедливо увязан с установлением советской власти и общими социально-культурными переменами в стране. Уделяя большое внимание проблеме эмансипации женщин, автор отнюдь не вступает в противоречие с утвердившейся в советской науке упрощенной схемой вопроса о главенстве в семье. Реально оценивая огромное значение освобождения женщин от векового приниженного положения в семье, многие, в том числе и ведущие советские исследователи, придерживаются определенного стереотипа, согласно которому высшая степень демократизации в современной семье, особенно у отсталых в прошлом в социально-экономическом отношении народов, будто бы проявляется в возведении женщин в ранг главы семьи. Нам кажется, что решающим фактором в данном случае является не столько обязательное главенство женщины в семье, сколько те имущественно-правовые и морально-этические нормы жизни, которые утвердились именно в процессе социалистического преобразования в быту и культуре. Излишне пропагандистский подход к данной проблеме в конце концов породил неоправданную тенденцию. Как известно, в настоящее время ученые — социологи, юристы, медики, психологи часто приходят к заключению о необходимости укрепления авторитета отца и главы семьи, поскольку это имеет большое значение в воспитании подрастающего поколения. Быть может, искусственное повышение прав и функций женщины в семье сыграло отрицательную роль не только в семейном, но и школьном воспитании. И действительно, ученые — педагоги и психологи все чаще увязывают причину трудностей учебно-воспитательного процесса с резким сокращением мужчин среди школьных педагогов. В таких условиях, нам думается, что и этнографам следует глубже обосновывать исторический процесс развития и становления равноправных начал у мужчин и женщин в семье, а также дальнейшие тенденции эволюции этого социального феномена.

Таковы основные замечания, которые возникли при ознакомлении с рецензируемой работой. Думаем, они не умаляют ее научной ценности. Обзор представленных вопросов показал, что автор успешно решил научную проблему генезиса и развития семьи и брака у адыгских народов, имеющую большое значение не только с точки зрения региональных исследований, но и для общетеоретических исследований и понимания социальной организации народов Кавказа и других горных областей мира.

В. М. Шамиладзе, Н. В. Мгеладзе

А. С. Фядосік. *Беларуская савецкая фалькларыстыка.* Мінск, 1987. 350 с.

Исследование истории фольклористики каждой советской социалистической республики не только представляет большой общественный интерес, но и является непременным и важным условием успешного развития этой научной дисциплины. Оно дает возможность правильно оценить достигнутое, выявить пробелы и ошибки в изучении отдельных проблем в прошлом, определить наиболее актуальные задачи научной работы на ближайший период и более отдаленную перспективу. Историю белорусской советской фольклористики раньше изучали мало. Она освещалась фрагментарно, рассматривалась преимущественно только в очерках по истории исследования отдельных фольклорных жанров или наряду с другими вопросами кратко излагалась в главах учебных пособий и обобщающих трудов о белорусском фольклоре. Воссоздание цельной картины изучения в советский период всех жанров белорусского фольклора в качестве самостоятельной научной проблемы предпринято лишь автором рецензируемой книги.

Следует сразу же отметить, что эта книга — своеобразное явление в историографической литературе о белорусском фольклоре. Автор придерживается концепции, согласно которой в понятие фольклора включается не только словесное, но и музыкальное, и хореографическое народное творчество, а также народный театр. Такое понимание предмета исследования заслуживает одобрения. Оно удовлетворяет более высоким требованиям современной науки о всестороннем изучении явлений: многие произведения словесного народного творчества тесно связаны с музыкальным фольклором, народной хореографией, народным театром. Оно также соответствует тенденции сближения смежных наук, установлению более тесных связей между ними.

Своеобразна и структура рецензируемой книги. Если первая, вторая и четвертая главы выделены по хронологическому принципу, в них рассматривается развитие фольклористики в довоенный (главы 1, 2) и послевоенный периоды (глава 4), то третья — по тематическому. В ней анализируются исследования военного и послевоенного периода о партизанском фольклоре. Последнее вполне оправдано. Партизанский фольклор — явление необычайно важное в духовной культуре белорусского народа, требующее самого тщательного и глубокого изучения. Но в таком случае название четвертой главы «Послевоенная и современная фольклористика» не точно. Партизанский фольклор изучался в основном в послевоенный период, а современная фольклористика в широком смысле слова также относится к послевоенному периоду. Очевидно, проблема периодизации истории белорусской советской фольклористики, особенно послевоенного периода, заслуживает более детальной разработки.

Одно из достоинств рецензируемой книги состоит в том, что в ней тщательно прослежен процесс становления белорусской советской фольклористики, утверждение в этой отрасли науки

марксистского метода. Этим вопросам посвящены первая и вторая главы монографии (с. 10—121). В первой главе (с. 10—83) рассматриваются исследования белорусских фольклористов в 1920-е годы, а во второй (с. 84—147) — публикации 1930-х годов. Автору удалось хорошо показать преимущественность развития белорусской фольклористики в 1920—1930-е годы. Известно, что лучшие представители национальной демократической интеллигенции (Е. Ф. Карский, А. К. Сержпутовский, И. А. Сербов и др.) продолжали в этот период интенсивно изучать белорусский фольклор. Наиболее крупные фольклористы, в частности выдающиеся деятели белорусской культуры Я. Кузала и Я. Колас, в первые десятилетия советской власти постепенно перешли на пролетарские позиции, восприняли марксистское мировоззрение, усвоили диалектико-материалистический метод. Убедительно продемонстрирован автором марксистский характер фольклористических работ 1930-х годов.

Достоинством монографии следует считать также то, что А. С. Федосик не упрощает процесс становления белорусской марксистской фольклористики. Он обращает внимание не только на успехи белорусской фольклористики 1920—1930-х годов. Автор рассматривает также ошибки, допущенные исследователями белорусского фольклора в этот период. Некоторые фольклористы (Е. Ф. Карский, З. Бядуля, А. Шлюбский) в ряде своих работ, написанных в 1920-е годы, в частности посвященных праздникам и обрядам, не смогли полностью освободиться от идеалистической методологии. С другой стороны, в отдельных фольклорных работах ученых, утверждавших марксистский метод (С. И. Василенок, Н. М. Никольский), особенно в начале 1930-х годов, наряду с наличием верных установок, положений, выводов А. С. Федосик отмечает и встречающиеся элементы «социологизаторства, схематизма».

Как уже говорилось, автор стремится охарактеризовать не только литературу о словесном народном творчестве, но и работы о тесно связанных с ним — народной музыке, народной хореографии, народном театре. Это, бесспорно, ново и интересно. Правда, в этом обзоре не указана ценная работа Н. Привалова¹, положившая начало изучению белорусских народных музыкальных инструментов, а также известная статья З. Эвальд «Социальное переосмысление живных песен Белорусского Полесья», первоначально опубликованная в журнале «Советская этнография» (1934, № 5), и статья К. Квитки «Об областях распространения некоторых типов белорусских календарных и свадебных песен», напечатанная в подготовленном З. Эвальд сборнике «Белорусские народные песни»². Эти статьи представляют большой интерес с методологической и методической точек зрения. Не указана в обзоре также вышедшая в начале 40-х годов работа В. Белева «Белорусская народная музыка»³.

Стремление автора всесторонне осветить становление белорусской советской фольклористики выразилось также в том, что он внимательно рассмотрел условия ее формирования, сложившиеся в это время благоприятные социально-экономические, политические и организационные факторы развития этой науки, создание в республике научных учреждений, способствовавших прогрессу белорусской фольклористики. В первых двух главах А. С. Федосик отмечает такие особенности развития белорусской советской фольклористики в 1920—1930-е годы, как тесная связь фольклористики и этнографии. Ряд фольклористов этого периода, например Н. М. Никольский, М. Я. Гринблат, И. А. Сербов, были в равной мере и этнографами. Фольклористы и этнографы были объединены и организационно, работали в АН БССР в одном секторе (этнографии и фольклора). Нельзя не видеть, что эта связь была плодотворной. Проводились комплексные экспедиции, издавались совместные труды. Усилиями фольклористов и этнографов был создан богатый архив, который, к сожалению, был уничтожен фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны.

В главе 3 монографии (с. 122—147) хорошо показаны достижения белорусских фольклористов в изучении партизанского фольклора, выяснено значение работ многих ученых (И. В. Гуртова, В. Я. Гусева, М. Я. Гринבלата, Л. С. Мухаринской), занимавшихся исследованием фольклора периода Великой Отечественной войны. Написанное в этой главе справедливо было бы дополнить упоминанием о том, что устному народному творчеству периода Великой Отечественной войны посвятил специальное исследование и сам автор⁴. В нем наряду с традиционными проблемами (анализ тематики произведений, выявление их социального содержания и др.) показано важное значение народной сатиры в партизанском фольклоре, ее роль в идейной борьбе того времени. Возможно, было бы полезно написать в этой главе и об участии белорусских фольклористов в современных научных конференциях, посвященных победе советского народа в Великой Отечественной войне, о фольклористической тематике этих конференций⁵.

Богата содержанием, оценками и выводами глава 4, в которой рассмотрены все основные вопросы развития белорусской советской фольклористики в послевоенный период, за исключением партизанского фольклора (ему посвящена, как уже отмечено, глава 3). 4-я глава и самая большая по объему. Она составляет большую часть монографии (с. 149—339), что вполне оправданно. Именно в это время белорусская советская фольклористика наиболее интенсивно развивалась и достигла самых значительных результатов. Содержательно освещена в главе 4 деятельность крупнейших белорусских фольклористов послевоенного периода П. Ф. Глебки, Н. С. Гилевича, К. П. Кабашникова, своей творческой работой внесших весомый вклад в науку и духовную культуру белорусского народа. Научная деятельность других исследователей словесного народного творчества — Г. А. Барташевич, А. И. Гурского, А. С. Лиса, Л. А. Малаш, Л. М. Соловей, И. К. Тищенко, да и самого автора, освещена не так полно. Вероятно, это обусловлено ограниченным объемом книги. Создание творческих портретов этих ученых, удостоенных, как и сам автор, а также К. П. Кабашников, Государственной премии БССР за успехи в изучении белорусского фольклора, надо полагать, — одна из тем будущих историографических исследований. Этот не-

достаток в известной степени восполняется основательной характеристикой их коллективного труда (в создании которого активно участвовал К. П. Кабашников, а также автор) — 30-томного издания белорусского фольклора (с. 209—233), главного достижения белорусской советской фольклористики 1970—1980-х годов. А. С. Федосик доверительно знакомит читателя с трудностями, которые стояли перед авторским коллективом в период подготовки этого большого издания, показывает плодотворность научных творческих связей белорусских фольклористов с фольклористами других союзных республик, особенно РСФСР и УССР, подчеркивает значение теоретических работ видных русских советских фольклористов В. Я. Проппа, П. Г. Богатырева, К. В. Чистова, В. И. Чичерова, М. И. Азадовского, Б. М. и Ю. М. Соколовых и др., которые помогли белорусским фольклористам преодолеть эти трудности, систематизировать громадный фактический материал. А. С. Федосик отмечает творческий характер работы белорусских фольклористов, в частности успешное решение ими такого важного вопроса, как классификация фольклорных произведений, включенных в 30-томное издание. В разработанной белорусскими учеными классификации учтена специфика белорусского фольклора, в частности широкое распространение богатых содержанием волочечных и родинных песен. Хорошо показано автором значение 30-томного издания, которое стало знаменательным явлением национальной культуры и, несомненно, окажет положительное влияние на дальнейшее развитие всех наук о белорусском народном творчестве.

В главе 4 более полно, чем в предыдущих главах, охарактеризована деятельность фольклористов, изучавших музыкальное народное творчество. Несомненной удачей автора следует считать созданные им творческие портреты Н. А. Чуркина, Г. Р. Ширмы, Г. И. Цитовича (с. 153—181). По достоинству оценил А. С. Федосик участие ряда исследователей белорусской народной музыки (В. И. Елатова, З. Я. Можейко, Г. В. Тавлай и др.) в подготовке 30-томного издания белорусского фольклора. Он обращает также внимание и на специальные монографические исследования о белорусском музыкальном и хореографическом народном творчестве, народном театре. Обстоятельно проанализированы им книги З. Я. Можейко и Л. С. Мухаринской о народной музыке. К сожалению, обзор монографических работ некоторых ученых (В. И. Елатов, И. Д. Назина, Ю. И. Чурко) весьма краток. В этом обзоре почему-то не указана интересная книга В. И. Елатова «Песни восточнославянской общности» (1977 г.), а также ценное исследование русского советского фольклориста И. И. Земцовского «Мелодика календарных песен» (1975 г.), в котором, в частности, анализируется мелодика волочечных песен.

Характерная черта рецензируемой книги — ее многоплановость. В ней проанализированы различные, но взаимосвязанные стороны фольклористики. Автор рассмотрел в своем труде также изучение фольклористами и литературоведами чрезвычайно важной проблемы взаимосвязи фольклора и профессиональной литературы (с. 328—339). Следует сказать, что правильное теоретическое решение этой проблемы важно не только для фольклористики и литературоведения, но и для многих других наук, изучающих культуру, в том числе, конечно, и для этнографии. Ведь речь идет по существу о взаимосвязи профессиональной и непрофессиональной (народной) культуры, определяющей основное направление их развития. Исследование учеными взаимосвязи фольклора и профессиональной литературы изложено автором весьма интересно, и в известной мере дискуссионно. Отметим достижения в исследовании этой проблемы в трудах Н. М. Гриничика, А. Макаревича, И. М. Шот, автор правомерно подверг критике ошибочные утверждения, встречающиеся в работах П. Охрименко и В. Коваленко. А. С. Федосик обоснованно выступил против упрощенного толкования взаимосвязи фольклора и профессиональной литературы как только заимствования последней фольклорных выражений, цитат и т. п. Он совершенно правильно указывает, что для профессиональной литературы важны не столько фольклорные выражения, сколько, и главным образом, способы художественного мышления, используемые в фольклоре поэтические средства. Думается, прав автор и в споре с В. Коваленко, который отрицает развитие фольклора, представляя его почти неизменным со времени общинно-родового строя. А. С. Федосик убедительно доказал несостоятельность этого тезиса. Он подчеркнул также актуальность изучения многообразного воздействия профессиональной литературы на фольклор.

А. С. Федосик ясно видит связь советской фольклористики с демократическим наследием дореволюционного периода и достижения белорусской советской фольклористики. Начав книгу с краткой характеристики демократического наследия дореволюционного периода и проанализировав затем развитие науки в различные периоды советской эпохи, автор заканчивает монографию обсуждением вопроса о современных задачах белорусской фольклористики. Можно вполне согласиться с выводом автора, что накопленный белорусскими фольклористами в советскую эпоху научный опыт, достигнутый ими теоретический уровень делает возможным постановку и решение более трудных научных задач, в частности изучение генезиса основных жанров, всесторонних связей белорусского фольклора с фольклором других славянских народов, углубленный анализ современных фольклорных процессов.

Выход рецензируемой книги весьма своевременен. Она тесно связана с нынешним этапом развития советского общества, удовлетворяет насущную потребность подведения итогов, критической оценки пути, пройденного белорусской советской фольклористикой, определения задач на ближайшее будущее и более отдаленную перспективу.

М. Ф. Пилипенко

¹ Прывалаў Н. Народныя музычныя інструменты Беларусі. Мінск, 1928.

² Песни народов СССР: Белорусские народные песни. М.; Л., 1941.

³ Беляев В. Белорусская народная музыка. Л., 1941.

⁴ А. С. Фядосік. Народная паэзія барацьбы. Мінск, 1981.

⁵ См., например, «Вялікая Айчынная вайна ў фальклоры і мастацтве Беларусі». Тэзісы дакладаў канферэнцыі, прысвечанай 40-годдзю Перамогі, красавік 1985 г. Мінск, 1985.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

В. П. Смирнов. Франция: страна, люди, традиции. М.: Мысль, 1988, 286 с.

Изучению богатейшей истории и культуры Франции во всем мире посвятило себя не одно поколение историков. В СССР об этой стране ежегодно выходит по крайней мере несколько книг. Среди изданий 1988 г. особое место занимает работа профессора исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова В. П. Смирнова. Его книга — не изложение истории Франции, не исследование какой-либо важной исторической или политической проблемы страны, не очерк развития французской культуры. Она — о Франции в целом, о «французской цивилизации»: о славных страницах прошлого страны и ее современном положении; о знаменитой столице Франции и ее провинциях; о национальных и политических традициях; наконец, о самих французах, их образе мышления, жизни и проблемах. Рассмотренные в книге разнообразные сюжеты представляют большой интерес для всех исследователей, занимающихся Францией: историков, культурологов, этнографов.

Первая часть книги называется «Страна и люди». Она начинается с очерка истории французского народа. Автор показывает, какую большую роль на ранних этапах этнической истории страны сыграли галлы (кельты) и франки и как постепенно в процессе объединения Франция стала мощным консолидированным государством. Идея единства страны получила распространение еще в XV в.; тогда и вошли в употребление слова «нация» и «патриот» (с. 23).

В первой части работы В. П. Смирнов останавливается также на ключевых моментах истории французской культуры и указывает, что «специфика исторического развития Франции заключается в том, что на протяжении очень длительного времени она неизменно входила в группу наиболее цивилизованных и культурных стран, причем нередко играла ведущую роль в развитии европейской культуры» (с. 25). Некоторое внимание в книге уделяется региональным особенностям Франции. Отдельный раздел посвящен ее столице. Париж предстает перед нами во всем своем своеобразии, блеске и великолепии.

Завершается первая часть очень интересной главой, названной «Нация». Сначала автор дал небольшой очерк истории классов и сословий Франции, а затем попытался показать, что же собой представляет французская нация, французский национальный характер. «У каждой нации, — пишет В. П. Смирнов, — имеются представления о себе и о своих соседях. Как правило, они благоприятны для своей нации и критичны по отношению к другим, часто произвольны и противоречивы. Оставаясь глубоко субъективными и нередко не соответствуя действительности, такие оценки и самооценки все же представляют немалый интерес как факт общественной психологии и свидетельство исторически сложившихся взглядов» (с. 95). Автор подчеркивает, что чувство национальной гордости и любовь к своей родине сильны и благородны и служат психологической основой всех общенациональных действий. Но, к сожалению, на практике эти чувства нередко сочетаются с чувством превосходства над другими нациями, перерождаясь в национализм и даже шовинизм (с. 95). По существу, отмечает он, французам, как и многим другим народам, свойствен этноцентризм. «Суть его заключается в представлении о собственном этносе как о „центральной“, „высшей“ по сравнению со всеми остальными...» *. «Французы, — читаем у В. П. Смирнова, — долгое время считали себя „избранной нацией“, были уверены, что их воинские подвиги не имеют себе равных, что их образ жизни лучше, чем у других народов, что в области науки, культуры, искусства они опередили все остальное человечество и ведут его за собой» (с. 96). Такие франкоцентристские настроения пошли на убыль только после второй мировой войны.

Общезвестно, какие длительные научные дискуссии ведутся в целом ряде гуманитарных дисциплин по определению «национального характера». Автор данной книги не ставил перед собой задачи внести свой вклад в эту широко обсуждаемую проблему. Но он собрал воедино представления о французах и их характере, которые чаще всего упоминаются в литературе. Сами французы считают главной чертой своего национального характера острый ум и рационализм, тяготение к ясной, точной, логичной, изящно сформулированной мысли (с. 100). Они также не без удовольствия признают, что в отличие, например, от немцев они недисциплинированны, своевольны, любят спорить, склонны к фронде и противодействию властям (с. 101). А в повседневной

* Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 25—26.

жизни французы имеют репутацию веселого, жизнерадостного, быстрого и несколько легкомысленного народа. В работе показано, какое отражение французский национальный характер нашел в художественной литературе. В качестве иллюстрации приводится знаменитый роман А. Дюма «Три мушкетера». Известный писатель Андре Моруа написал о нем следующее: «Настоящий французский дух — вот в чем заключается секрет обаяния четырех героев Дюма: д'Артаньяна, Атоса, Портоса и Арамиса. Кипучая энергия, аристократическая меланхолия, сила, не лишенная тщеславия, галантная и изысканная элегантность делают их символами той прекрасной Франции, храброй и легкомысленной, какой мы и поныне любим ее представлять» (с. 106).

Вторая часть книги — «Прошлое в настоящем». Она о традициях французского общества, о том, как они возникали и какое место занимают в современной Франции. Автор выделяет политические, общественные и бытовые традиции. Он считает, что первые складывались в сочетании противоположностей: религии и свободомыслия, революции и контрреволюции, политического деления общества на правых и левых. К общественным традициям В. П. Смирнов относит память французов о войнах их страны и героях этих войн. Особенно отмечается распространенный и по сей день культ Наполеона. К этим же традициям причисляются французская «система ценностей», а также «французское красноречие». Среди бытовых традиций внимание читателя заостряется на знаменитой французской кухне. Она описана просто превосходно. Отдельная глава посвящена русско-французским и советско-французским отношениям, которые стали традиционными для наших двух стран еще с XVIII в.

И, наконец, последняя, третья часть книги, «Меняющаяся Франция», — о том, каков сегодняшний день этой европейской страны. В специальном разделе рассматривается послевоенная история — период Четвертой и Пятой республик. Затем автор обрисовывает современное французское общество. Мы видим, кто и каким образом управляет Францией, как французы живут, трудятся, отдыхают, развлекаются, каков их повседневный быт и какие у них проблемы.

В заключение хочется подчеркнуть, что книга написана очень живо и популярно, хорошим литературным языком. В ней, несомненно, найдет для себя много полезного и любой специалист-французовед, и просто читатель, интересующийся историей и культурой Франции.

М. Ц. Арзаканян

ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВНА СТУДЕНЕЦКАЯ

29 ноября 1988 года ушла из жизни Евгения Николаевна Студенецкая — выдающийся ученый-кавказовед, блестящий исследователь истории и культуры народов Северного Кавказа, ведущий специалист в области этнографического музееведения.

Е. Н. Студенецкая родилась 6 апреля 1908 г. в Вологде, в семье ссыльного революционера. В 1926 г. там же окончила педагогический техникум и поступила на отделение этнографии географического факультета Ленинградского университета. Окончив университет в 1930 г., Евгения Николаевна пришла в этнографический отдел Русского музея, на базе которого в 1934 г. был создан Государственный музей этнографии народов СССР, где она проработала всю жизнь до ухода на пенсию в 1982 году. Буквально до последних дней жизни Евгения Николаевна не прерывала тесных связей с музеем, щедро передавая свой богатейший жизненный и научный опыт.

Начав работу младшим научным сотрудником, Е. Н. Студенецкая уже в 1938 году возглавила отдел этнографии народов Кавказа, сформировавшись за столь короткий срок как опытный исследователь, собиратель и музейный работник. В эти годы она создала ряд научных трудов до сих пор не потерявших своей научной значимости как по избранной тематике, так и по глубине освещения поднятых в них проблем *.

В основу этих работ легли материалы ее многочисленных экспедиций в различные районы Центрального и Северного Кавказа (свою экспедиционную деятельность Евгения Николаевна начала в 1929 г., будучи студенткой географического факультета Ленинградского университета). С 1930 по 1940 г. Е. Н. Студенецкой было по сути дела сформировано основное ядро музейных коллекций по карачаевцам, балкарцам, кабардинцам, значительно пополнены коллекции по осетинам, чеченцам, адыгам-бесленевцам. Всего за первое десятилетие своей работы в музее Е. Н. Студенецкая осуществила ряд экспедиций, в которых собрала богатейший вещевой и фактический материал практически по всем народам Северного Кавказа. Немалое мужество было необходимо, чтобы в то сложное время одной работать в глухих, труднодоступных горных районах. Но в этом Евгении Николаевне всегда помогали любовь и подлинно научный интерес к изучаемым народам, их культуре, поражавшие нередко даже ее многочисленных информаторов старшего поколения.

Интенсивная научная, собирательская и экспозиционная деятельность Е. Н. Студенецкой была прервана Великой Отечественной войной. С первых дней войны она принимала самое активное участие в подготовке наиболее ценных экспонатов к эвакуации, а в апреле 1942 г., пережив тяжкую блокадную зиму, с небольшой группой сотрудников выехала в Новосибирск, где со временем, в 1944 г., возглавила Новосибирский филиал Государственного музея этнографии. И здесь, несмотря на тяжелые условия, Евгения Николаевна продолжала плодотворно работать. Она разработала научную тему «Формы эксплуатации в скотоводческом хозяйстве народов Северного Кавказа», вела активную пропагандистскую и методическую работу.

* Список основных трудов Е. Н. Студенецкой // Сов. этнография. 1988. № 4.

Научная деятельность Е. Н. Студенецкой была органично связана с теми событиями, которыми жила вся страна. К освобождению Северного Кавказа от фашистских захватчиков ею был подготовлен доклад «Народы Северного Кавказа и Отечественная война», открыта выставка «Быт и культура народов Северного Кавказа». Немалой смелостью нужно было обладать, чтобы в сложной политической ситуации, которая сложилась в конце войны с народами Северного Кавказа, обратиться к такой тематике. И как акт высокого гражданского мужества можно оценить ее обращение к местным органам власти о необходимости учитывать при расселении и трудоустройстве в Средней Азии и Казахстане изгнанных с родной земли народов Карачая и Балкарии их традиционные навыки и способы хозяйствования.

По возвращении из Новосибирска Евгения Николаевна активно включилась в работу по восстановлению нормальной деятельности музея. Одной из первых в музее открылась в послевоенные годы экспозиция по народам Северного Кавказа — «Осетины и кабардинцы». В последующие годы Е. Н. Студенецкая стала автором ряда экспозиций, организуя и возглавляя работу творческих коллективов. Из ныне существующих экспозиций это «Грузины», «Армяне», «Народы Северного Кавказа», «Новое и традиционное в современном национальном жилище и одежде». В разработке последней, по сути, заложены основные теоретические направления изучения этнографии современности. По подходу к демонстрации основных факторов современных этнических процессов эта экспозиция отличается глубиной и новаторством.

Наряду с разработкой экспозиций, Евгения Николаевна по-прежнему интенсивно собирала коллекции. В музее 56 ее вещевых коллекций. Они включают 1193 экспоната, 85 фотоколлекций. Свое знание музейного дела Е. Н. Студенецкая всегда передавала молодым специалистам. В 1939—1941 годах она читала курс лекций «Методика и техника музейной экспозиции» в Институте культуры, с 1934 по 1941 г. и затем с 1946 по 1972 г. вела занятия по музейному делу на историческом факультете Ленинградского университета.

Огромен вклад Евгении Николаевны в развитие советского этнографического кавказоведения. Высокую оценку ее научной деятельности давали такие выдающиеся ученые, как М. О. Косвен, Л. И. Лавров, Е. М. Шиллинг. Как признанный специалист по истории и этнографии народов Северного Кавказа, Евгения Николаевна всегда участвовала в создании больших коллективных трудов, таких как «Народы Кавказа» (т. 1. М., 1960), «История Кабарды» (М., 1957), «Очерк истории Карачаево-Черкесии» (Ставрополь, 1967), «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней» (М., 1967), «Культура и быт народов Северного Кавказа» (М., 1968).

Совершенно особый вклад Е. Н. Студенецкая внесла в изучение этнографии карачаевцев. Почти все наиболее значительные работы по истории и культуре этого народа написаны ею. Одной из первых Евгения Николаевна поставила в своих работах вопрос об отражении в материальной культуре сложного этногенеза карачаевцев. Итогом многолетнего труда явилось ее самое деятельное участие в монографии «Карачаевцы» (Черкесск, 1978).

Многолетняя скрупулезная исследовательская и собирательская работа нашла свое выражение в таком масштабном и многоплановом труде, как монография «Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX веков». Это исследование можно назвать образцом изучения объекта бытовой культуры, позволяющим выявить и этнографические компоненты, и исторические связи, и особенности хозяйственной и общественной деятельности народов данного региона.

Евгения Николаевна была человеком чрезвычайно разносторонне одаренным. Многим она известна не только как ученый, но и как автор стихов, новелл, рассказов, как художник-график. Написанная ею историко-этнографическая повесть «Братья Свенцильда» является интереснейшим источником по этнографии сванов и карачаевцев, а зарисовки, сделанные в 1929 г. в Сванетии и Раче, в настоящее время стали уникальным этнографическим материалом.

Е. Н. Студенецкая десятилетиями была признанным лидером в коллективе Государственного музея этнографии и одним из ведущих этнографов страны. Ее авторитет на Кавказе был очень высок. С ее научной деятельностью и дружеской помощью связано становление северокавказской национальной школы кавказоведения. Выступая на юбилее в честь 50-летия Государственного музея этнографической национальной школы кавказоведения. Выступая на юбилее в честь 50-летия Государственного музея этнографии народов СССР (1984 г.), зав. отделом этнографии Государственного музея Грузии АН ГССР Г. В. Джалабадзе выразил общее мнение, сказав: «Имя Е. Н. Студенецкой должно быть золотыми буквами вписано в историю советского кавказоведения». Е. Н. Студенецкая не оставила официальной научной школы, но многие этнографы страны могут гордиться тем, что они ее ученики.

В. А. Дмитриев, В. А. Иванов

Reading Lenin

(An Anthropologist Reflects on the Theory of Nation)

It is necessary to put an end to time-honoured identification of Stalin's «theory of nation» with Lenin's views about national question. For a long period of time Soviet scholars have ascribed to Lenin several tenets actually formulated by Stalin. These tenets, still lacking theoretical foundation, include such conceptions as four attributes of nation; tribe, nationality (narodnost') and nation as historical types of community; nation as a result of rising capitalism; capitalist and socialist nations etc. Now that national problems in this country are extremely urgent it is a task of utmost importance to get rid of fruitless Stalinist dogmas, for all their tenacity.

M. V. Kriukov

On the Correlation between the Concepts of Society and Ethnic Community

The author elucidates correlations between such concepts as society and ethnic community, conditions and attributes, phenomenon and process, making difference between historical and logical aspects of ethnic history. Identification of ethnic community with society and putting nationality (narodnost') among the types of ethnic community is a result of confusion of concepts. Ethnic community is but one of social systems, individual ethnic identity being one of human properties. Society and ethnic community as well as man and his ethnic identity should be considered as the whole and the parts. In the author's opinion, ethnic community is characterized only by common ethnic self-consciousness, language and culture, while territorial and economic links and unity are attributes of a society. The classification suggested by the author is the following. The general concept of ethnic community includes two types — tribe for tribal societies and ethnos for class societies. The formation of ethnic community (ethnogenesis) starts from common ethnonym and is characterized by multi-level ethnic self-consciousness, common language and cultural traits co-existing with several dialects (or languages) and cultures inherent to the ethnic components. The unification of ethnic self-consciousness, language and culture indicates the completion of ethnogenesis, when the ethnic community takes its final shape.

A. I. Kuznetsov

Republican Economic Sovereignty and Ways of National Evolution (Traditions of Centralism: Theoretical Argument about Practical Problems)

The article provides theoretical foundation for the conception of economic sovereignty of Soviet republics. In the authors' opinion, human evolution proceeds as self-development of ethnic groups (ethnoses), considered as structural units of mankind. These groups, adapting themselves to various ecological conditions, create the background for human progress: growing ethnic diversity, uneven development and the rise of advanced centres, the necessity of cultural exchange. The stability of an ethnos grows if it has its own socio-political structure, primarily, national statehood. The basis for ethno-cultural distinctions and exchange of cultural information in contemporary world is formed by intensified international division of labour. The authors stress integration as the most adequate form of international economic relations in modern times. Integration implies non-violation of independence and initiative of sovereign national states, voluntary and mutually advantageous character of economic links, common co-ordinating bodies acting according to treaties etc. Economic integration is opposed to unitarism, tending to concentrate all management of national economies in a single state centre.

L. S. Perep'olkin, O. I. Shkaratan

Tradition of Interfamily Links among the Uzbeks and Tadzhiks of Central Asia (About the Occurrence of Kalim (Bride-Money) and Other Patriarchal Customs)

The article is aimed at revealing the means of functioning and transmission of some patriarchal family traditions. The data are provided by the author's extensive fieldwork in Uzbek and Tadzhik areas of Central Asia. Despite the radical social change, some traits of mass psychology going back to

remote past still tend to reproduce the traditional system of social links, preserving ethnic peculiarities in the mode of life. Traditional social communities adapt themselves to social change, participating in the transformation of daily life. The most acute problem of family life in Central Asia is wide occurrence of kalim (bride-money) and dowry, which may be regarded as forms of traditional gift exchange. Some aspects of kalim are socially detrimental, resulting in the growth of false prestige reflected, by the way, in enormous wedding expenditures. Practical management of family problems requires that these (and other) traits of ethnopsychology and cultural traditions should be carefully taken into account.

F. D. L'ushkevich

Ancient Agriculture in the South-West of the USA

The author presents some new and revises some old data on the maize-growing in the South-West of the USA. Analyzing the distribution and the age of the few findings of maize in the Western «cultural-ecological corridor» in North-Western Mexico as well as external and internal pre-conditions of early agriculture in the American South-West, the author supposes that agriculture in the latter area came into being later, despite it was more primitive in character than that of North-Western Mexico. Some productive varieties of maize subsequently spread from the South-West northwards

Ya. N. Nersisov

Технический редактор *Гришина Е. И.*

Сдано в набор 10.05.89 Подписано к печати 04.08.89 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать Усл. печ. л. 14,3 Усл. кр.-отт. 43,0 тыс. Уч.-изд. л. 19,6 Бум. л. 5,5
Тираж 2954 экз. Зак. 2954. Цена 1 р. 90 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19; Тел. 126-94-91, 123-90-97
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»

имеются в продаже:

КОРЕЙСКИЕ И МОНГОЛЬСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В СОБРАНИЯХ МАЭ.
1987. 176 с. 2 р. 80 к.

Сборник содержит комплексное описание уникальных собраний корейских и монгольских фондов Музея антропологии и этнографии и полный каталог этих коллекций. Освещены вопросы традиционной материальной культуры корейцев и монголов, а также история комплектования фондов. Издание рассчитано на этнографов, востоковедов, историков.

Котовская М. Г. ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БРАЗИЛИИ.
1985. 134 с. 1 р. 40 к.

В книге рассматривается проблема формирования населения Бразилии, складывания и развития групп смешанного расового происхождения, их социально-экономическая, этническая и культурная специфика. В монографии впервые делается попытка классификации крупнейших смешанных групп, выявляется их тип и форма, а также место, которое они занимают в структуре современной бразильской нации.

Книга предназначена для историков, этнографов, философов, филологов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

252030 Киев, ул. Ленина, 42; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22.